

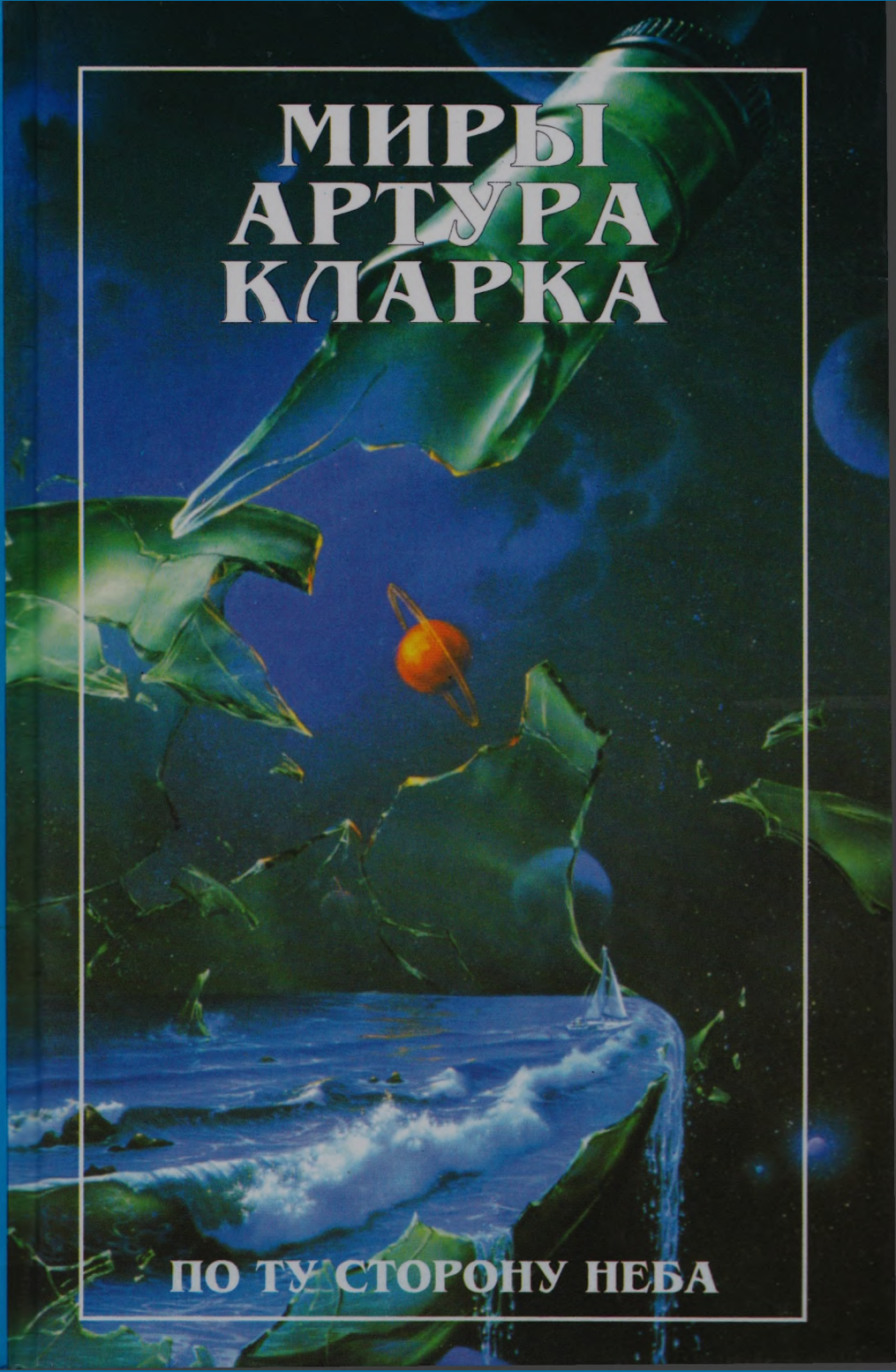

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

**СОБРАНИЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**

**СКАЗКИ
«БЕЛОГО ОЛЕНЯ»
ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА**

РОМАНЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998**

**Миры Артура Кларка. По ту сторону неба /Пер. с
англ. — Полярис, 1998. — 382 с.**

Эту книгу составили два сборника рассказов известнейшего из живущих научных фантастов Артура Кларка — клубные истории из «Сказок "Белого оленя"» и серьезные произведения из сборника «По ту сторону неба».

Произведения, опубликованные в данном издании, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчиков. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрация на обложку печатается с разрешения художника Jim Warren и его агента Александра Корженевского (Россия).

ISBN 5-88132-381-5

Tales from the White Hart

Copyright © 1957 by Arthur C. Clarke

The Other Side of the Sky

Copyright © 1958 by Arthur C. Clarke

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1998

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В этот том собрания сочинений Артура Кларка вошли рассказы из двух его авторских сборников — «Сказки “Белого оленя”» (1957) и «По ту сторону неба» (1958).

«Сказки “Белого Оленя”» стоят среди всех сборников рассказов замечательного фантаста несколько особняком. Во-первых, это тематический сборник — один из немногих. А во-вторых, он единственный принадлежит к направлению, широко распространенному в англоязычных странах, но почти неизвестному у нас — так называемым «клубным рассказам».

Что такое клубный рассказ? Это, по сути дела, байка, поведенная в мужской компании за кружкой (бокалом, рюмкой... подставить по вкусу) чего-нибудь спиртного. Правдоподобие в данном случае не обязательно — главное, чтобы слушалось интересно и концовка была неожиданная. И, разумеется, на столь благодатной почве семена фантастики взошли и распустились необычайно пышно. Начиная с Уэллса и Стивенсона фантасты часто обращались к клубному рассказу — это и лорд Дансени с его «Путешествиями мистера Джозефа Джоркенса» (на которые, кстати, ссылается и Кларк), и Лайон Спрэг де Камп и Флетчер Прэтт с «Рассказами из бара Гэвэгана», и Айзек Азимов с «Рассказами “Черных вдовцов”», а в последние годы в этом жанре работали Ларри Найвен и Спайдер Робинсон.

А клубные рассказы Кларка интересны еще и тем, что описывают отчасти реальные события — не фантастические

истории Гарри Парвиса, конечно, а обстановку бара, где собирались ученые и писатели. Знатоки фантастики проведут немало приятных минут, отыскивая знакомые фамилии и отгадывая, кто под каким псевдонимом укрыт...

Что касается второго сборника, то он интересен по-своему. Во-первых, в него вошли некоторые из лучших рассказов Кларка, хорошо знакомых российским читателям — «Девять миллиардов имен Бога», «Стена мрака», «Звезда». А во-вторых, именно с рассказов из этого сборника началось знакомство любителей фантастики в нашей стране с творчеством Артура Кларка. Они входили в первый сборник его произведений на русском языке — «Лунная пыль», попавший к нашим читателям благодаря усилиям замечательного переводчика Льва Львовича Жданова, чьи работы служат теперь стандартом, по которому равняются все переводчики Артура Кларка.

СКАЗКИ «БЕЛОГО ОЛЕНЯ»

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «СКАЗКИ “БЕЛОГО ОЛЕНЯ”»

Эти рассказы были написаны урывками и в свободное время в период с 1953 по 1956 год в таких разных местах, как Нью-Йорк, Майами, Коломбо, Лондон, Сидней и еще множество других, чьи названия я теперь вспомнить уже не могу. В некоторых случаях географическое влияние очевидно, хотя любопытно отметить тот факт, что я не находился в Австралии, когда писал «Что взлетает вверх...»

Как мне кажется, имеется ниша — даже давно ощущаемая потребность — для произведений, которые можно определить как НФ-рассказ в форме «байки». Под такими я подразумеваю *намеренно* невероятные истории, а не те, которые, как это столь часто получается, воспринимаются как невероятные вопреки желанию автора. В то же время мне очень не хочется обсуждать, где в таких рассказах проходит Великая Граница достоверности, варьирующаяся от «вполне возможно» до «совершенно невероятно».

Минимум в двух случаях наука практически догнала меня за несколько лет, прошедших после написания рассказа. Приемы, описанные в «Охоте на крупную дичь», уже были использованы на обезьянах, поэтому нет причин полагать, что их нельзя адаптировать для других существ. Для более успешного завершения этой охоты — и за остальными цитатами из Германа Мелвилла — я отсылаю вас к моему роману «Большая глубина».

Однако в научной области, затронутой в рассказе «Патентная заявка», сделано наиболее поразительное

открытие, от которого просто волосы встают дыбом — и после которого уже не надо тревожиться из-за столь мелких угроз, как водородная бомба. Первый отчет о работе, возможно, означающей конец нашей цивилизации, содержится в статье Джеймса Олда «Центры удовольствия мозга» (Scientific American, октябрь 1956 года). Если кратко, то было обнаружено, что раздражение электрическим током определенного участка мозга крысы доставляет ей сильнейшее наслаждение, причем настолько сильное, что, когда крыса догадывается о том, что может стимулировать себя, нажимая на педальку, она теряет интерес ко всему прочему, включая пищу. Цитирую: «Голодные крысы подбегают к электрическому стимулятору быстрее, чем до этого подбегали к кормушке. Более того, голодное животное нередко игнорирует легкодоступную пищу ради удовольствия, получаемого от стимуляции. Некоторые крысы... нажимали на педаль более 2000 раз в час на протяжении 24 часов подряд!»

Статья завершается многозначительной фразой: «Исследования по стимуляции мозга были воспроизведены в достаточном масштабе на обезьянах... и показывают, что наши общие выводы могут быть с очень большой вероятностью распространены со временем и на людей — разумеется, с некоторыми модификациями».

Разумеется.

Для протокола (письменного, а не электроэнцефалографического) отмечу, что первыми писателями, использовавшими тему «Патентной заявки», были Флетчер Прэтт и Лоуренс Мэннинг еще в тридцатые годы. А совсем недавно Шеферд Мид в романе «Большой восковой шар» обработал эту тему гораздо более непристойно, чем это сделал я. Его книга казалась мне весьма забавной... пока я не прочел статью Олда. Но вы можете и сейчас считать ее таковой.

Еще одно место, где я не могу претендовать на оригинальность, — цитата из газеты в «Холодной войне». Она подлинная до последней буквы. Возможно, она даже правдива.

Должен признаться, что, выбрав несколько лет назад название этого сборника, я немного расстроился, когда

Спрэг де Камп и Флетчер Прэтт выпустили свои «Рассказы из бара Гэвегена». Но поскольку большая часть событий, происходящих или упомянутых в заведении мистера Кохэна, связана со сверхъестественным, я считаю, что места хватит для обеих таверн — тем более что их разделяет Атлантика.

И, наконец, несколько слов для всех читателей моих (пауза для солидного покашливания) более серьезных работ, которых могло огорчить, что я настолько легкомысленно обращаюсь со Вселенной после таких моих серьезных книг, как «Судьба человека» или «Исследование космоса». Мое единственное оправдание в том, что несколько лет меня раздражали критики, упорно долдонящие, будто научная фантастика и юмор несовместимы.

Теперь у них есть шанс это доказать и заткнуться.

ТИШЕ, ПОЖАЛУЙСТА

Прохожий обычно обнаруживает «Белый олень» весьма неожиданно, когда шествует по одному из безымянных переулочков, ведущих от Флит-стрит к набережной. Нет смысла *объяснять* вам, где он находится: очень многие из тех, кто твердо решил его отыскать, так и не добрались до «Белого оленя». Для первых десяти визитов туда очень важен проводник; позднее вы, вероятно, доберетесь и сами, если закроете глаза и положитесь на инстинкты. К тому же — если говорить с полной откровенностью — мы не очень-то приветствуем новых посетителей, особенно в наши вечера. Заведение и так уже переполнено до потери уюта. О его местонахождении я скажу лишь, что оно иногда сотрясается из-за работающих неподалеку печатных машин, выпускающих газеты, а если выглянуть из окошка туалета, то можно разглядеть Темзу.

Снаружи «Белый олень» выглядит как самый обычный паб — и пять дней в неделю он действительно ничем не отличается от прочих. Общй и салунный бары находятся на первом этаже: там вы найдете обычное количество темных дубовых панелей и «морозного» стекла, бутылок за стойкой, рукояток пивных насосов... все как полагается. И в самом деле, единственный намек на двадцатое столетие вы отыщете лишь в общем баре — это музыкальный автомат. Его установили во время войны, предприняв смехотворную попытку помочь американским «джи-ай» чувст-

---

Тише, пожалуйста

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

зовать себя как дома, и мы первым делом позаботились о том, чтобы эта мерзость никогда больше не заработала.

Тут мне лучше объяснить, кто такие «мы». Это не столь легко сделать, как мне сперва показалось, потому что полный перечень клиентов «Белого оленя» составить, вероятно, невозможно, и он наверняка окажется до зевоты скучным. Поэтому сейчас я скажу лишь, что «мы» подразделяемся на три класса. Первый из них образуют журналисты, писатели и редакторы. Журналисты, разумеется, оседают тут с Флит-стрит. Те, кто не может держать марку, перебираются в другие заведения, а самые стойкие остаются. Что же касается писателей, то большинство из них узнают про нас от своих коллег. Они приходят сюда стрельнуть у них халявный экземплярчик и попадают в капкан.

Там, где циркулируют писатели, разумеется, рано или поздно появляются и редакторы с издателями. Если бы Дрю, хозяин заведения, получал процент с литературных сделок, заключенных в его баре, то стал бы богачом. (Мы подозреваем, что он в любом случае не бедняк.) Один из наших остряков как-то заметил, что уже стало привычным видеть в одном углу «Белого оленя» полдюжины негодующих авторов, спорящих с хранящим каменное лицо издателем, а в другом — полдюжины негодующих издателей, спорящих с автором, тоже сидящим с непроницаемым лицом.

Но довольно о литературе; должен предупредить, что позднее у вас не раз появится возможность для более тесного знакомства с авторами. Теперь давайте быстренько займемся учеными. Как *они-то* сюда попали?

Что ж, напротив «Белого оленя» расположен Биркбек-колледж, а на Стрэнде, всего в нескольких сотнях ярдов — Кингс-колледж. Это, несомненно, часть объяснения, и, опять-таки, большую роль играют личные рекомендации. Кроме того, многие из наших ученых еще и писатели, а не мало из наших писателей — ученые. Немного запутанно, но нам это нравится.

Третья порция нашего микрокосма состоит из тех, кого можно приблизительно обозначить как «заинтересованные обыватели». Их заносит в «Белый олень» обычный круговорот жизни, а общество и беседы начинают им нравиться до такой степени, что они регулярно приходят

каждую среду — это день, когда мы все собираемся. Иногда они не выдерживают темпа и оказываются на обочине, но на их место обязательно приходят другие.

При наличии столь мощных ингредиентов вряд ли удивительно, что среды в «Белом олене» редко проходят скучно. Здесь не только рассказывают удивительные истории, но случаются и удивительные *события*. Например, был случай, когда профессор Х, зайдя сюда по дороге в Харвелл, забыл портфель с... ладно, не станем в него заглядывать, хоть мы тогда это и сделали. Там было столько всего интересного... Русские агенты могут найти меня в углу под мишенью для дартс. Дешево не продам, но можно договориться о рассрочке.

Сейчас, когда эта идея наконец-то пришла мне в голову, меня просто поразило, что никто из моих коллег не начал записывать эти истории. Неужели проблема заключалась лишь в том, что они, находясь столь близко к лесу, не разглядели деревьев? Или им не хватило побудительных мотивов? Нет, последнее объяснение не выдерживает критики: некоторые из них с не меньшей, чем я, горечью, жаловались на действующее у Дрю правило: «У нас в кредит не наливают». Единственное, чего я опасаюсь, печатая эти слова на своем стареньком бесшумном «ремингтоне», так это того, что Джон Кристофер, Джордж Уайтли или Джон Бейнон* уже упорно трудятся, воспользовавшись лучшим материалом. Таким, например, как история «глушителя Фентона»...

Не помню, когда она началась: одна среда не очень отличается от другой, и даты запомнить трудно. Кроме того, человек может несколько месяцев посещать «Белый олень», незаметно циркулируя среди его завсегдатаев, пока на него обратишь внимание. Так, вероятно, и произошло с Гарри Парвисом, потому что, когда я его заметил, он уже знал по именам почти всех. Нынче же даже я, если задуматься, не смогу этим похвастаться.

Но пусть я не помню *когда*, зато я прекрасно знаю, *как* все началось. Катализатором событий стал Берт Хаг-

---

* Джон Бейнон Харрис — известный английский фантаст, публиковавшийся под псевдонимом Джон Уиндем. (Примеч. пер.)

гинс, или, если точнее, его голос. Голос Берта способен стать катализатором чего угодно. Когда Берт переходит на доверительный шепот, тот звучит примерно как голос старшего сержанта, гоняющего по плацу взвод. А когда Берт отпускает тормоза, всякие разговоры вокруг прекращаются, потому что все ждут, пока маленькие косточки во внутреннем ухе встанут на полагающиеся места.

Берт как раз вышел из себя, общаясь с Джоном Кристофером (мы все это рано или поздно делаем), и возникшая в результате детонация остановила шахматную партию в баре. Как обычно, игроков окружали зрители и советчики, и все мы вздрогнули, когда на втором этаже грохнул залп. Когда эхо смолкло, кто-то сказал:

— Хотел бы я знать, как заставить его заткнуться.

И тут Гарри Парвис произнес:

— Знаете, а такой способ есть.

Не узнав по голосу говорящего, я обернулся и увидел невысокого, аккуратно одетого мужчину лет под сорок, курящего изогнутую немецкую трубку из тех, при виде которых мне сразу вспоминаются часы с кукушкой и Шварцвальд. То была единственная деталь, не соответствующая его облику: Парвис выглядел как мелкий чиновник из казначейства, приодевшийся перед заседанием какой-нибудь комиссии.

— Извините? — сказал я.

Он не обратил на меня внимания, потому что занимался какой-то деликатной настройкой своей трубки. Тут я и заметил, что это не просто резной кусок дерева сложной формы, как показалось на первый взгляд, а нечто куда более хитрое — конструкция из металла и пластика, напоминающая маленький химический завод. Там имелось даже несколько крошечных клапанов. Господи, это же и *есть* маленький химический завод...

Заставить меня выпучить глаза ничуть не легче, чем любого другого, но я даже не сделал попытки скрыть любопытство. Парвис ответил мне полной превосходства улыбкой.

— Все ради науки, — пояснил он. — Идея лаборатории биофизики. Они хотят точно выяснить, что содержится в табачном дыме — для этого и нужны все эти фильтры.

Вы ведь слышали о старом споре: вызывает ли курение рак языка и так далее? Проблема в том, что для анализов требуется огромное количество... дистиллята, из него потом выделяют составные компоненты. Поэтому нам приходится много курить.

— А разве вся эта канализация в трубке не лишает вас удовольствия от курения?

— Понятия не имею. Видите ли, я просто доброволец. Я не курю.

— О-о... — протянул я. Тогда мне это показалось единственным ответом, но тут я вспомнил, как начался разговор.

— Вы сказали, — продолжил я с некоторой страстью, поскольку в левом ухе у меня до сих пор слегка звенело, — что имеется какой-то способ заставить Берта заткнуться. Нам всем хотелось бы о нем услышать — если это, разумеется, не просто метафора.

— Я вспомнил, — ответил он после нескольких экспериментальных затяжек, — про «глушитель Фентона», судьба которого оказалась печальна. Грустная история... но, как мне кажется, поучительная для всех нас. И как знать, вдруг кто-нибудь и когда-нибудь *сумеет* его усовершенствовать и заслужить благодарность всего мира.

Затяжка, бульк-бульк, пафф...

— Что ж, давайте послушаем эту историю. Когда она началась?

Он вздохнул:

— Я уже почти жалею, что упомянул о ней. Но раз вы настаиваете... и, разумеется, при условии, что сказанное не выйдет за пределы этих стен...

— Э-э... конечно.

— Так вот, Руперт Фентон был одним из наших лаборантов. Очень способный юноша, с прекрасными знаниями по механике, но, естественно, не очень сведущий в теории. В свободное время он вечно что-то мастерил. Идеи обычно к нему приходили хорошие, но, поскольку теоретические знания у него были слабоваты, его изобретения почти никогда не работали. Но это, похоже, его не обескураживало; думаю, он воображал себя современным Эдисоном и верил, что сможет заработать состояние, сварганив что-то из радиоламп и всяческих деталей, которых в

лаборатории предостаточно. Поскольку это увлечение не мешало выполнению его обязанностей, никто против него не возражал. Более того, преподаватели прикладной физики даже поощряли его, потому что в любом энтузиазме есть, в конце концов, нечто вдохновляющее. Но никто не верил, что он когда-либо далеко продвинется, потому что Фентон, как я полагаю, не мог даже проинтегрировать «е» в степени «икс».

— Неужели такое невежество *возможно*? — ахнул кто-то.

— Ну, может быть, я преувеличиваю. Пусть будет «икс е» в степени «икс». В любом случае все его знания были исключительно практическими — полученными «методом тыка». Дайте ему сколь угодно сложную схему, и он изготовит вам аппарат, но не поймет, как тот работает — разве что это будет нечто *совсем* простое, например телевизор. Его беда заключалась в том, что он не сознавал своих ограничений. И это, как вы увидите, привело к весьма печальным последствиям.

Думаю, идея зародилась у него, когда он наблюдал за проводимыми студентами опытами по акустике. Полагаю, все присутствующие понимают, что такое интерференция?

— Естественно, — ответил я.

— Эй! — отозвался один из шахматистов, уже бросивший попытки сосредоточиться на игре (наверное, потому что проигрывал). — Я не понимаю.

Парвис взглянул на него так, точно бедняга не имел права жить в мире, где изобретен пенициллин.

— В таком случае, — холодно произнес он, — мне, как я полагаю, лучше кое-что пояснить. — Наши возмущенные протесты он отмел взмахом руки: — Нет, я настаиваю. Подобные вещи необходимо объяснять именно тем, кто их не понимает. Если бы кто-нибудь вовремя удосужился теоретически просветить беднягу Фентона...

И он взглянул сверху вниз на теперь уже окончательно сконфуженного шахматиста.

— Не знаю, — начал пояснение Парвис, — задумывались ли вы когда-нибудь над природой *звука*. Достаточно сказать, что он состоит из серий волн, движущихся сквозь воздух. Однако это вовсе не волны наподобие тех, что мы

видим на поверхности моря — ни в коем случае! *Те* волны движутся вверх-вниз, а звуковые волны состоят из последовательностей уплотнений и разрежений.

— Раз... чего?

— Разрежений.

— Может, вы подразумевали «разряженностей»?

— Нет, не подразумевал. Сомневаюсь, что такое слово существует, а если и существует, то не имеет права на существование! — взорвался Парвис с апломбом сэра Алана Герберта, роняющего особенно отвратительный неологизм в воображаемую бутылочку с эфиром. — Так на чем я остановился? На объяснении звука, разумеется. Когда мы производим любой шум, от еле слышного шепота до недавно услышанного грохота, в воздухе перемещается цепочка изменений давления. Вам доводилось когда-либо видеть, как работает локомотив на сортировочной горке? Если да, то вы видели превосходный пример подобного явления. Один из концов цепочки вагонов получает толчок, первые два вагона соприкасаются буферами — и вдоль всей цепочки пробегает волна сжатия. А следом за ней происходит обратное явление — разрежение, повторяю: *разрежение*, — когда вагоны снова разделяются.

Все выглядит достаточно просто, когда имеется только один источник звука — и единственный волновой набор. Но, предположим, у нас две волновые структуры, движущиеся в одном направлении? Тут и возникает интерференция, для демонстрации которой в элементарной физике имеется множество красивых экспериментов. Нас сейчас должен волновать только один факт: если два набора волн *идеально точно* сбить с шага, то в результате мы получим ноль. Импульс сжатия одной волны попадет точно на импульс разрежения другой — и в целом ничего не изменится, а потому не будет и звука. Если вернуться к аналогии с вагонами, это будет примерно то же самое, если хвостовой вагон одновременно толкнуть вперед и дернуть назад. Он так и останется на месте.

Некоторые из вас, несомненно, уже поняли, куда я клоню, и догадались, каков был принцип, заложенный в идею глушителя Фентона. Молодой Фентон, как я представляю, размышлял примерно так. Наш мир, говорил он

себе, переполнен всевозможным шумом. И если кто-либо изобретет безупречный глушитель, то заработает состояние. Итак, что для этого нужно?..

Ответ он отыскал быстро: я ведь говорил, что парень он был башковитый. Его пилотная модель была очень проста и состояла из микрофона, специального усилителя и двух громкоговорителей. Любой раздающийся звук улавливался микрофоном, усиливался и *обращался по фазе*, переходя точно в противофазу по сравнению с исходным. Далее он поступал в динамики, исходная звуковая волна гасилась новой, а в результате наступала тишина.

Разумеется, все было не так-то и просто. Необходимо было обеспечить, чтобы гасящая волна имела точно такую же интенсивность, то есть громкость — иначе результат получался еще хуже исходного состояния. Но это технические детали, и не стану вас ими утомлять. Многие уже поняли, что это простой аппарат с отрицательной обратной связью.

— Минуточку! — прервал его Эрик Мэйн. Должен отметить, что Эрик — эксперт по электронике и редактирует какую-то связанную с телевидением газету. Он также написал радиопьесу о космических полетах, но это совсем другая история. — Минуточку! Тут что-то не так. Таким способом добиться тишины *нельзя*. Потому что тут нельзя добиться совпадения по фазе...

Парвис сунул трубку в рот. Послышалось многозначительное бульканье, и мне вспомнился первый акт «Макбета». Потом Парвис пригвоздил Эрика взглядом.

— Уж не намекаете ли вы, — холодно осведомился он, — что эта история лжива?

— Э-э... я не стану заходить настолько далеко, но... — Голос Эрика постепенно стих, словно он заглушил сам себя. Он выудил из кармана старый конверт, огрызок карандаша и горстку запутавшихся в носовом платке резисторов и конденсаторов, погрузился в какие-то расчеты и надолго замолчал.

— Как я уже пояснил, — невозмутимо продолжил Парвис, — именно *так* работал глушитель Фентона. Его первая модель была не очень мощной и не могла справиться с очень высокими и очень низкими звуками. Результат

получался очень странным. Когда он его включал, а кто-то пытался говорить, слышались два противоположных конца звукового спектра — слабый писк летучей мыши и нечто вроде низкого рокота. Но вскоре он справился и с этим, применив схему с большей линейностью (черт, я не могу не использовать хоть *какие-то* технические термины!), и его последняя модель уже могла обеспечить полную тишину в помещении довольно большого объема. И не просто в обычной комнате, а в большом зале. Да...

Так вот, Фентон не принадлежал к числу тех одержимых секретностью изобретателей, которые никогда и никому не рассказывают, чем занимаются, из опасения, что их идеи украдут. Он был даже слишком разговорчив и охотно обсуждал свои идеи с коллегами и студентами, как только находил себе слушателя. И так уж получилось, что одним из первых, кому Фентон продемонстрировал усовершенствованную версию глушителя, оказался студент-искусствовед по фамилии, кажется... Кенделл, избравший физику в качестве дополнительного предмета. Глушитель произвел на него большое впечатление, что и неудивительно. Но подумал Кенделл, как вы, наверное, решили, не о его коммерческих возможностях и не об утешении, которое прибор принесет утомленным ушам исстрадавшегося человечества. О, отнюдь нет! В голове у него родились совершенно иные идеи.

Позвольте сделать краткое отступление. У нас в колледже есть процветающее музыкальное общество, которое за последние годы настолько выросло количественно, что ему стало по плечу исполнять даже не очень монументальные симфонии. А в том году, о котором идет речь, был задуман весьма амбициозный проект. Общество решило поставить новую оперу, написанную молодым талантливым композитором, чье имя здесь упоминать будет несправедливо, поскольку он теперь хорошо всем вам известен. Назовем его Эдвардом Инглэндом. Название его произведения я позабыл, но то была очередная вздорная драма о трагической любви. Никак не могу понять, почему все считают, будто с музыкальным аккомпанементом они становятся менее нелепыми, чем без него. Многие, несомненно, зависят от музыки.

Я и сейчас помню содержание либретто, прочитанного в ожидании, пока поднимут занавес, но до сих пор не могу понять, было ли оно написано всерьез или в шутку. Судите сами... Действие происходит в конце викторианской эпохи, главные герои — страстная дочка почтмейстера Сара Стэмп, угрюмый лесник Уолтер Партридж и сын сквайра, чье имя я позабыл. Эта старая история о любовном треугольнике, усугубленная нежеланием жителей деревни принимать перемены — в данном случае новую телеграфную систему, от которой, как предсказывают местные старухи, у коров пропадет молоко, а у овец начнут рождаться ягнята-уроды.

Если опустить детали, все сводится к обычной драме ревности. Сын сквайра не хочет жениться на Почте, а лесник, взбешенный отказом, строит планы мести. Трагедия достигает жуткого финала, когда бедняжку Сару, задушенную лентой для перевязки посылок, находят в почтовом мешке в Отделе писем, не нашедших адресата. Жители деревни вешают Партриджа на телеграфном столбе, что весьма возмущает протягивающих линию рабочих. Злодею предстояло спеть арию во время повешения, и я очень сожалею, что так ее и не услышал. Сын сквайра то ли спивается, то ли уезжает в колонии и спивается уже там. Вот и все.

Вижу, вы гадаете, зачем я все это рассказываю, но проявите еще немного терпения. Дело в том, что, пока эту синтетическую ревность репетировали, за кулисами происходили реальные события. Кенделл, приятель Фентона, был отвергнут юной леди, которой предстояло играть Сару Стэмп. Не думаю, что он был столь уж мстительной личностью, но он увидел возможность для уникальной мести. Давайте будем честны и признаем, что студенческая жизнь прививает некоторую безответственность... и многие ли из нас при подобных обстоятельствах отвергли бы такой шанс?

Как вижу, вы уже начали обо всем догадываться. Но ведь мы, зрители, ни о чем и не подозревали, услышав в тот памятный день первые звуки увертюры. Публика собралась весьма солидная: там были все — от президента университета и ниже. Деканы и профессора шли по пенни за пару; я так и не смог выяснить, как устроителям удалось

уговорить такое количество людей посетить премьеру. Да и я сам, если подумать, уже не могу вспомнить, что я там делал.

Увертюра смолкла под радостные возгласы слушателей, и, должен признать, под свист нескольких наиболее возмущенных их представителей. Но, возможно, я к ним несправедлив: не исключено, что они были наделены истинным музыкальным слухом.

Затем поднялся занавес. Сцена изображала деревенскую площадь эпохи шестидесятых годов прошлого века. Вошла героиня, читая адреса на открытках, пришедших с утренней почтой. Она видит письмо, адресованное юному сквайру, и начинает петь.

Первая ария Сары была не столь плоха, как увертюра, но достаточно мрачна. К счастью, нам довелось ее слышать лишь первые несколько секунд...

Вот именно. Не станем задаваться вопросами о том, как Кенделл уговорил простодушного Фентона принять участие в своей аванюре — если, конечно, изобретатель понимал, для чего будет использован его аппарат. Достаточно сказать, что демонстрация оказалась чрезвычайно убедительной. На сцену опустилась внезапная завеса тишины, а голос у Сары Стэмп просто-напросто отключился, словно в телевизоре повернули ручку громкости. Все застыли, изумленно глядя на беззвучно раскрывающую рот певицу. Потом и она поняла, что происходит, испустила беззвучный вопль и убежала за кулисы, усеивая сцену потоком открыток.

Наступил невероятный хаос. Поначалу каждый зритель на несколько минут решил было, что потерял слух, но вскоре по поведению остальных убедился, что вокруг него такие же товарищи по несчастью. Кто-то с факультета физики довольно быстро во всем разобрался, потому что по первым рядам, где сидели важные персоны, стали передавать из рук в руки какие-то записки. Вице-президент настолько разгневался, что попытался восстановить порядок, забравшись на сцену и отчаянно отдавая распоряжения на языке жестов. Но я к тому времени настолько обессилел от хохота, что уже не смог насладиться такими мелкими деталями.

Ничего не оставалось, кроме как покинуть зал, что все и сделали по возможности быстро. Думаю, Кенделл попросту сбежал — он оказался настолько ошеломлен произведенным эффектом, что позабыл выключить глушитель. Он побоялся оставаться в здании, справедливо опасаясь, что его могут поймать и линчевать. Что же касается Фентона... увы, мы так никогда и не узнаем *его* версию этой истории, а последующие события можем лишь восстановить по оставшимся вещественным доказательствам.

Как мне представляется, Фентон дождался, пока зал опустеет, а затем пробрался в него, чтобы отключить аппарат. Взрыв услышали по всему колледжу.

— *Взрыв?* — ахнул кто-то.

— Разумеется. Я содрогаюсь при мысли о том, что все мы чудом избежали гибели. Еще десяток децибелов, пара лишних микрофонов, и он мог произойти, когда зал был еще полон. Считайте, если желаете, примером неумолимости провидения то, что при взрыве погиб лишь изобретатель. Возможно, оно и к лучшему: по крайней мере, он погиб в момент своего триумфа и прежде, чем до него добрался декан факультета.

— Да хватит морали. Что случилось-то?

— Что ж, я уже упоминал, что Фентон был весьма слаб в теории. Если бы он провел математический расчет глушителя, то обнаружил бы свою ошибку. Видите ли, проблема в том, что нельзя *уничтожить* энергию. Даже когда один волновой пакет гасится другим. Вся нейтрализованная энергия просто-напросто *накапливается в другом месте*. Представьте, что вы подмели в комнате пол и в ней стало чисто — но лишь потому, что весь мусор вы замели под ковер.

Если внимательно проанализировать теорию, то станет ясно, что аппарат Фентона был не столько глушителем, сколько *накопителем* звука. И все время, пока был включен, поглощал звуковую энергию. И на том представлении он просто-напросто ею захлебнулся. Вы меня лучше поймете, если просмотрите партитуру оперы. А к музыке, само собой, добавился издаваемый зрителями во время паники шум — вернее, шум, который они *пытались* издать. Суммарное количество энергии было огромным, а

бедному глушителю приходилось всю ее накапливать. Где она копилась? Ну, я не видел его схемы... скорее всего в конденсаторах блока питания. И к тому времени когда Фентон решил выключить аппарат, тот превратился во взведенную бомбу. Звук его приближающихся шагов оказался последней соломинкой, и переполненный энергией аппарат не выдержал. Он взорвался.

Некоторое время все молчали — вероятно, в знак уважения к памяти покойного мистера Фентона. Потом через круг слушателей протолкался Эрик Мэйн, который последние десять минут что-то бормотал в углу, сидя над расчетами. Он воинственно помахивал перед собой листком бумаги.

— Эй! — воскликнул он. — Я был прав с самого начала. Эта штука не могла работать. Зависимость между фазой и амплитудой...

Парвис небрежно отмахнулся.

— Как раз это я и объяснял, — терпеливо произнес он. — Вы бы лучше слушали. Как жаль, что бедняга Фентон узнал о своей ошибке столь трагически.

Он взглянул на часы и почему-то сразу заторопился.

— Господи! Мне пора бежать. Напомните как-нибудь, чтобы я рассказал, какие поразительные вещи можно увидеть в новый протонный микроскоп. Это еще более замечательная история.

Он уже подошел к двери, и лишь тогда Джордж Уитли опомнился.

— Послушайте, — подозрительно сказал он. — Почему же мы никогда не слышали об этой истории?

Парвис остановился на пороге, и его трубка забулькала, точно ей тоже передалось нетерпение владельца. Он обернулся.

— А что нам еще оставалось делать? — ответил он. — Мы не желали скандала. «О мертвых или хорошее, или ничего», сами понимаете. К тому же не кажется ли вам, что при подобных обстоятельствах всю эту историю было предпочтительнее *замолчать*? Приятного вам всем вечера.

ОХОТА НА КРУПНУЮ ДИЧЬ

По единодушному признанию, среди постоянных посетителей «Белого оленя» никто не мог сравниться с Гарри Парвисом в искусстве рассказывать удивительные истории (хотя, на наш взгляд, некоторые из них страдали известными преувеличениями). Не следует, впрочем, думать, что никто не пытался оспаривать это первенство. Бывали случаи, когда кое-кому удавалось даже превзойти Гарри. Быть свидетелем поражения чемпиона всегда в общем-то приятно, и, должен признаться, я не без удовольствия вспоминаю, как профессор Хинкелберг одержал победу над Гарри на его же собственной спортивной площадке.

Круглый год в «Белом олене» полно американцев. Подобно завсегдатаям кабачка, это чаще всего ученые или писатели, и в книге посетителей, которую Дрю держит за стойкой, можно найти немало прославленных имен. Нередко такие посетители являются по собственному почину и решаются робко назвать свое имя только при случае. (Как-то раз один весьма застенчивый лауреат Нобелевской премии битый час просидел неопознанным в углу, прежде чем набрался храбрости и сообщил, кто он такой.) Иные же прибывают с рекомендательными письмами. Многих приводят с собой постоянные посетители, а потом бросают их на произвол судьбы.

Профессор Хинкелберг подкатил однажды на огромном «кадиллаке», задняя часть которого весьма смахивала на

рыбий хвост. Машину он взял напрокат на Гросвенорсквер, где их стоит превеликое множество. Одному Богу известно, как ему удалось провести такую громадину по переулкам, ведущим к «Белому оленю», но, удивительное дело, оба крыла остались целехонькими. Профессор был высокий худой человек с лицом, напоминающим одновременно Генри Форда и Уилбура Райта; такие обветренные, сожженные солнцем лица вызывают в нашей памяти американских пионеров, этих суровых неразговорчивых людей. Впрочем, последняя примета не соответствовала действительности: профессор Хинкелберг говорил как долгоиграющая пластинка, запущенная на 78 оборотов. Не прошло и десяти секунд, как мы уже знали, что он зоолог из колледжа в Северной Виргинии, сейчас в отпуске, занимается изучением планктона по заданию Управления военно-морских исследований, что он без ума от Лондона и даже любит английское пиво, о нас прочел в письме, напечатанном в журнале «Сайенс», но не верил, что мы и впрямь существуем, что Эдлай Стивенсон — парень подходящий, но, если демократы хотят вернуться к власти, им придется импортировать Уинстона*, что ему хотелось бы знать, кой черт испортил все наши телефоны-автоматы и как вернуть гору медяков, которую они проглотили, что кругом пустые кружки и нельзя ли их наполнить, ребята?

Ударная тактика профессора в общем возымела свое действие, но, когда он на миг замолк, чтобы перевести дыхание, я подумал: «Гарри следует быть начеку, не то этот тип переговорит его в два счета». Я взглянул на Парвиса, сидевшего неподалеку от меня, — губы его презрительно морщились. Тогда я уселся поудобнее, чтобы посмотреть, как развернутся события.

Народу в тот вечер собралось довольно много, а потому прошло порядочно времени, прежде чем профессор Хинкелберг был представлен всем. Гарри, который обычно первым спешил познакомиться со знаменитостью, на сей раз упорно держался в сторонке. Но Артуру Винсенту — он исполняет у нас обязанности неофициального секретаря клуба — следит за тем, чтобы каждый расписался в

---

* Имеется в виду Уинстон Черчилль. (Здесь и далее примеч. пер.)

книге для посетителей, — все же удалось загнать его в угол.

— Вам, разумеется, найдется о чем поговорить с Гарри, — в приливе невинного энтузиазма сказал Артур профессору. — Вы ведь оба ученые, не так ли? С Гарри случаются самые необычайные вещи. Гарри, расскажите профессору, как вы нашли в своем почтовом ящике кусок урана-235...

— Я не думаю, — ответил Гарри с некоторой поспешностью, — чтобы профессору, гм... Хинкелбергу хотелось забивать себе голову такими пустячными историями. Уверен, что он и сам может рассказать о многом.

Впоследствии я долго ломал голову над этим ответом. Он не соответствовал характеру Гарри. Обычно, как только представлялась возможность, Парвис делал рывок вперед. Быть может, на этот раз он решил изучить соперника и подождать, когда профессор допустит первую ошибку, чтобы тут же его прикончить. Если так, то он недооценил противника. У него не осталось ни единого шанса. Потому что профессор Хинкелберг стартовал подобно ракете, с ходу набрав максимальную скорость.

— Странно, что вы об этом знаете, — сказал он. — Совсем недавно я действительно столкнулся с удивительным случаем. О таком не напишешь в научной работе, но, кажется, я могу облегчить душу и рассказать вам одну любопытную историю. Кажется, могу, что бывает нечасто из-за этой проклятой секретности. Но, к счастью, до сих пор никому не пришло в голову засекретить опыты доктора Гриннела и о них можно говорить.

Насколько мне удалось понять, Гриннел — один из тех ученых, кто пытается объяснить механизмы нервной системы биотоками, то есть явлениями электрическими. Подобно Грею Уолтеру, Шэннону и другим, он начал с того, что создал модели, способные воспроизводить простейшие действия живых организмов. Самым большим его достижением оказалась механическая кошка: она могла ловить мышей и падать на все четыре лапы, когда ее сбрасывали с высоты. Очень скоро, однако, Гриннел стал экспериментировать в другой области, поскольку открыл явление, названное им «нейроиндукцией». Если несколько упростить

этот термин, то окажется, что речь идет ни более ни менее как о методе управления поведением животных.

Уже давно известно, что все процессы, происходящие в мозгу, сопровождаются возникновением слабых электрических токов — их научились регистрировать, но подлинная природа этих сложных волновых колебаний все еще не раскрыта. Гриннел и не пытался исследовать ее, слишком уж сложен такой анализ. То, чего он достиг, гораздо проще, хотя и это далось ему нелегко. Он подсоединял регистрирующее устройство к мозгу различных животных, что дало ему возможность составить небольшую «библиотеку» (если так можно выразиться) электрических импульсов, связанных с поведением подопытных животных. Одна форма соответствовала повороту вправо, другая — движению по кругу, третья — состоянию полного покоя и так далее. Интересно, не правда ли? Но Гриннел на этом не успокоился. «Проигрывая» зарегистрированные импульсы, он сумел заставить подопытных животных повторять определенные действия — хотели они того или нет.

Теоретическую возможность этого признает едва ли не каждый невролог. Но из-за чрезвычайной сложности нервной системы в практический успех могли бы поверить очень немногие. К тому же свои первые опыты Гриннел ставил на примитивных животных, которые обладают сравнительно простыми рефлексам.

— Я присутствовал только при одном его эксперименте, — сказал Хинкелберг. — По стеклянной пластине полз крупный полевой слизень, соединенный несколькими тонкими проволочками с контрольной панелью, которой манипулировал Гриннел. На ней было всего две шкалы, но, регулируя, он мог заставить слизня двигаться в любом направлении. Человеку непосвященному опыт показался бы заурядным, но я-то понимал, какие огромные последствия может иметь подобное открытие. Помнится, я сказал Гриннелу: «Надеюсь, это адское устройство никогда не будет применено к людям». Я читал книгу Оруэлла «1984» и хорошо представлял себе, что можно было бы сделать с такой вот игрушкой.

Потом дела меня захлестнули, и я не вспоминал обо всем этом примерно год. А за год Гриннел, как видно, значительно усовершенствовал свой прибор и стал работать с более сложными организмами, хотя по чисто техническим соображениям ограничился беспозвоночными. Он разработал серию «приказов», которые умел теперь передавать подопытным животным. Вам может показаться невероятным, что такие разные существа, как черви, улитки, насекомые, ракообразные, подчиняются одним и тем же электрическим командам, однако это все же так.

Не будь доктора Джексона, Гриннел, вероятно, провел бы остаток жизни в своей лаборатории, постепенно поднимаясь по эволюционной лестнице животного царства. Удивительный человек, этот Джексон. Вам, конечно, знакомы некоторые его фильмы. Правда, многие считали его не столько ученым, сколько охотником за славой, а в академических кругах к нему относились с недоверием из-за разносторонности его интересов. Он возглавлял экспедиции в пустыню Гоби и в верховья Амазонки, добрался даже до Антарктиды. Из каждой поездки он привозил рукопись очередного бестселлера и несколько миль отснятой киноплёнки «Кодахром». Я утверждаю, несмотря на все возражения, что он действительно внес ценный вклад в науку, хотя вклад этот был в известной мере случайным.

Не знаю, как проведаль Джексон о работе Гриннела и как уговорил его сотрудничать. Впрочем, он умел убеждать людей. Вероятно, соблазнил Гриннела перспективой крупных ассигнований — надо сказать, члены правлений прислушивались к его мнению. Так или иначе, но с этого времени Гриннел и его работа были окутаны тайной. Ходили слухи, будто он конструирует новый прибор с учетом всех новейших усовершенствований. Когда его об этом спрашивали, он начинал нервничать, смущался и отделивался общей фразой: «Мы собираемся охотиться на крупную дичь».

На подготовку ушел еще год. Я представляю, что Джексон, который вечно торопился, под конец выходил из себя от нетерпения. Но вот все было готово, и Гриннел исчез

со всеми своими ящиками. Куда? Известно было только общее направление — в Африку.

И за всем этим стоял Джексон. Я думаю, он очень старался избежать преждевременной огласки. Естественно — если принять во внимание фантастический характер экспедиции. Мы жадно ловили малейшие намеки и, как нам казалось, поняли, что Джексон хочет с помощью прибора Гриннела провести совершенно уникальную съемку диких животных в естественной среде. Только потом мы узнали, что он ловко обвел нас вокруг пальца. Впрочем, что касается меня, то я всегда относился с недоверием к этим слухам — разве что Гриннелу удалось как-то совместить свой прибор с радиопередатчиком. Мне представлялось маловероятным, что он сумеет прикрепить свои проводочки и электроды к слону, несущемуся в атаку на врага...

Они, разумеется, и сами это понимали. Теперь-то вывод, к которому они пришли, очевиден для всех. Морская вода — хороший проводник. И вовсе они не собирались в Африку, просто вышли на простор Атлантики. В то же время они не лгали нам, это действительно была охота на крупную дичь. Именно так. На самую большую дичь, какая только существует...

Мы никогда не узнали бы о том, что произошло, если бы их радист не любил поболтать с приятелем-коротковолновником, жившим в Штатах. Только его свидетельство позволяет нам восстановить ход событий. Судно Джексона — небольшая яхта, купленная по дешевке и приспособленная для нужд экспедиции, — дрейфовало вблизи экватора, к западу от побережья Африки. Яхта находилась над самым глубоким местом Атлантики. Гриннел «ловил рыбу»; электроды были опущены в пучину, а Джексон, вооружившись кинокамерой, с нетерпением ждал улова.

Они ждали целую неделю. За это время у всех успело испортиться настроение. И вот наконец во второй половине одного совершенно безветренного дня стрелки на приборе Гриннела дрогнули. Что-то попало в сферу действия его электродов.

Принялись постепенно выбирать канат. До этого почти вся команда считала ученых «чокнутыми», но сейчас, ко-

гда что-то медленно поднималось из мрачной глубины в несколько тысяч футов и наконец достигло поверхности, всех охватило волнение. Кто осудит радиста за то, что он нарушил приказ Джексона, почувствовав острую потребность потолковать с приятелем, сидевшим в полной безопасности на суше?

«Не стану расписывать, что предстало их взору. Это сделано до меня рукою мастера. Вскоре после того как мы обо всем узнали, я перелистал «Моби Дика» и нашел нужное место. Я и сейчас могу процитировать его на память. Эти строки я теперь, вероятно, вовек не забуду. Звучат они так:

«...огромная мясистая масса длиною в несколько фарлонгов, вся какого-то переливчатого желтовато-белого цвета... От центра ее во все стороны отходило бесчисленное множество длинных рук, крутящихся и извивающихся, как целый клубок анаконд, и готовых, казалось, схватить без разбору все, что бы ни очутилось поблизости»*.

Да, Гриннел и Джексон охотились за самым большим и таинственным из живых существ — гигантским кальмаром. Самым большим? Почти наверняка: *Bathyteuthis* достигает ста футов в длину, не уступая в этом кашалоту. Впрочем, он не так тяжел, как кашалот, который охотно закусывает кальмаром в обеденный час.

И вот теперь ученым представилась возможность изучать чудовище в таких идеальных условиях, в каких никому еще не доводилось. Похоже, что Гриннел безмятежно занимался дрессировкой твари, а Джексон тем временем в упоении накручивал киноленту, ярд за ярдом. Им не грозила опасность, хотя кальмар был вдвое больше яхты. Гриннел видел в нем просто еще одного моллюска, которым мог управлять, словно марионеткой, с помощью кнопок и стрелок. Вот он закончит опыт, вернет кальмара назад, в глубину, а тот, уплыв, некоторое время будет чувствовать себя словно пьяница с похмелья.

Чего бы я только не отдал, чтобы заполучить этот фильм! Не говоря уже о научной ценности, в Голливуде на нем можно было бы сколотить целое состояние. Джексон знал,

---

* Г Мелвилл. Моби Дик. М., 1967, с 307. Фарлонг — 201 метр.

что делает, не так ли? Он правильно оценил возможности прибора Гриннела и использовал его наилучшим образом. То, что произошло потом, случилось не по его вине.

Профессор Хинкелберг вздохнул и отхлебнул добрый глоток пива, словно набираясь сил, чтобы закончить рассказ.

— Нет, уж если кто и виноват, так Гриннел. Вернее, был виноват. Бедняга Гриннел! Видимо, опыт настолько взволновал его, что он пренебрег мерами предосторожности, о которых наверняка помнил бы в лаборатории. Иначе как объяснить, что у него под рукой не оказалось запасного предохранителя, чтобы заменить перегоревший?!

Нельзя особенно винить и *Bathyteuthis*. Думаю, и вы обиделись бы, если бы кому-нибудь вздумалось так помыкать вами. А если бы приказы вдруг перестали поступать и вы снова сделались хозяином самому себе, то уж, конечно, постарались бы оставаться им и впредь. Но что мне хотелось бы знать: продолжал ли Джексон крутить свой фильм до самого конца?

ПАТЕНТНАЯ ЗАЯВКА

Нет таких тем, которые не обсуждались бы в то или иное время в баре «Белого оленя» — независимо от того, присутствовали ли там дамы. В конце концов, они приходят сюда на свой страх и риск. Три из них, насколько мне помнится, через некоторое время даже обрели здесь супругов, так что, возможно, рискуют вовсе не они...

Я упоминаю это, чтобы у вас не создалось впечатление, будто все разговоры у нас высокоэрудированные и научные, а вся наша деятельность исключительно мозговая. Хотя шахматы и популярны, дартс и «передай полпенни» также процветают. Некоторые из посетителей приносят с собой литературное приложение к «Таймс», «Субботнее обозрение», «Нью стейтсмен» и «Атлантический ежемесьячник», но они же вполне способны незаметно прихватить перед уходом свежий номер «Ошеломляющих псевдонаучных историй».

В полутемных уголках бара совершается также не мало сделок. Экземпляры старинных книг или журналов переходят из рук в руки в обмен на астрономические суммы, и почти каждую среду минимум три известных дилера курят за стойкой бара огромные сигары, обмениваясь байками с Дрю. Время от времени взрыв хохота обозначает завершение какого-нибудь анекдота и провоцирует поток нетерпеливых вопросов со стороны других посетителей, не желающих упустить что-либо интересное. Но, увы,

---

Патентная заявка

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

деликатность запрещает мне пересказывать здесь любые из этих интереснейших историй. В отличие от большинства вещей на этом острове, они не предназначены для экспорта...

К счастью, подобное ограничение не распространяется на рассказы Гарри Парвиса, бакалавра наук (как минимум), доктора философии (вероятно) и члена Королевского научного общества (лично я в этом сомневаюсь, хотя подобные слухи и ходили). Ни один из них не заставит залиться краской щеки даже получившей самое деликатное воспитание старой девы, если таковые еще сохранились в наши дни.

Приношу извинения. Это слишком огульное утверждение. Есть у него одна история, которая в некоторых кругах может быть признана несколько дерзкой. И все же не побоюсь пересказать ее здесь, ибо знаю, что вы, дорогой читатель, обладаете достаточной широтой взглядов и не воспримете ее как оскорбление нравов.

Все началось так. Известный обозреватель с Флит-стрит был зажат в углу неким настойчивым издателем, собиравшимся выпустить книгу, на которую возлагал большие надежды. Книга описывала жизнь и нравы декадентского Юга и представляла собой яркий образец прозы в стиле «и тут дом снова содрогнулся, когда термиты прикончили восточное крыло». Ирландия ее уже запретила, но этой чести нынче избегают лишь немногие книги, и выдающейся особенностью такой запрет не назовешь. Однако, если ведущая британская газета достаточно сурово призовет к изъятию из продажи этой книги, она мгновенно станет бестселлером...

Такова была логика издателя, и он шел на любые уловки, лишь бы добиться согласия. Я слышал, как он произнес (очевидно, чтобы успокоить любые угрызения совести у своего приятеля-обозревателя):

— Конечно, нет! Если они это поймут, то *далее* их развращать уже некуда!

И тут Гарри Парвис, обладающий поразительным умением прислушиваться к десятку разговоров одновременно, чтобы вставить свою фразу в подходящий момент,

произнес присущим ему удивительно отчетливым и не терпящим возражений голосом:

— Цензура порождает некоторые весьма трудные проблемы, не так ли? Я всегда доказывал, что имеется обратная зависимость между цивилизованностью страны и ограничениями, налагаемыми цензурой на прессу.

Некий голос с акцентом уроженца Новой Англии вставил из дальнего угла:

— При такой логике получается, что Париж более цивилизованный город по сравнению с Бостоном.

— Совершенно верно, — подтвердил Парвис и, что с ним редко случалось, стал дожидаться ответа.

— Ладно, — мягко произнес некто из Новой Англии. — Я не спорю. Я просто хотел проверить.

— Развивая этот тезис дальше, — продолжил Парвис, — я хочу рассказать об одном изобретении, пока еще не обеспокоившем цензуру... но ждать, несомненно, осталось недолго. Оно было сделано во Франции и пока не пересекло ее границ. Но когда про него узнают *все*, оно окажет на нашу цивилизацию большее воздействие, чем изобретение атомной бомбы.

Подобно атомной бомбе, оно стало результатом столь же академических исследований. *Никогда*, джентльмены, не недооценивайте науку. Я вообще сомневаюсь в существовании хотя бы одной области исследований настолько теоретической, настолько удаленной от так называемой (насмешливо) прозы жизни, что в ней никогда не сможет родиться открытие, способное потрясти мир.

Вы наверняка оцените то, что история, которую я сейчас рассказываю, так сказать, вторична. Мне рассказал ее в прошлом году коллега из Сорбонны, где я был на научной конференции. Поэтому имена в ней вымышленные: коллега их упоминал в своем рассказе, но я позабыл.

Профессор... э-э... Жульен — физиолог-экспериментатор в одном из небольших, но довольно известных французских университетов. Возможно, некоторые из вас помнят довольно сомнительный рассказ Хинкелберга — помните, как на той неделе он рассказывал о коллеге научившемся управлять поведением животных, раздражая их нервную систему электрическим током? Так вот,

если в этой истории есть хоть крупинка правды — а если честно, то я в этом сомневаюсь, — то весь проект наверняка основывается на идеях, почерпнутых из статей Жульена в «Comptes Rendus».

Однако профессор Жульен никогда не публиковал результаты своих наиболее выдающихся исследований. Когда ученый натывается на нечто действительно выдающееся, он не торопится протрубить об этом на весь мир. Он терпеливо собирает неопровержимые доказательства — если только не подозревает, что кто-то другой наступает ему на пятки. В таком случае он публикует двусмысленную статью, позволяющую позднее закрепить приоритет, не раскрывая сути открытия в момент публикации. Вспомните знаменитую криптограмму, опубликованную Гюйгенсом после открытия колец Сатурна.

Вы уже наверняка гадаете — что же такое открыл Жульен, поэтому не стану держать вас в неведении. То было попросту естественное продолжение того, чем человек занимался на протяжении последнего столетия. Сперва фотоаппарат подарил нам возможность сохранять изображения. Потом Эдисон изобрел фонограф, и люди овладели звуком. Ныне, имея звуковое кино, мы имеем нечто вроде механической памяти, о которой наши прадеды могли лишь мечтать. Но на этом, самом собой, прогресс остановиться не мог. Со временем наука обязана была научиться улавливать и сохранять сами мысли и ощущения, а потом вводить их обратно в мозг, чтобы любой при желании смог заново пережить уже пережитое, причем до мельчайшей подробности.

— Старо! — фыркнул кто-то. — Такое уже описано в «Прекрасном новом мире».

— Все хорошие идеи уже были кем-то придуманы до их осуществления, — сурово заметил Парвис. — Главное же заключается в том, что если Хаксли или другие лишь говорили о чем-то, то Жульен это сделал.

И сделано это было, разумеется, электронно. Всем вам известно, что энцефалограф способен записывать очень слабые электрические импульсы живого мозга — так называемые «мозговые волны». Прибор Жульена был усовершенствованной разновидностью этого хорошо извест-

ного инструмента. Записывая мозговые импульсы, он умел их и воспроизводить. Звучит просто, не правда ли? Фонограф тоже штукавина нехитрая, но, чтобы его изобрести, потребовался гений Эдисона.

И тут на сцене появляется злодей. Ну, возможно, я употребил слишком сильное слово, ибо ассистент профессора Жульена, Жорж... Жорж Дюпен на самом деле весьма симпатичная личность. Просто, будучи французом с более практичным, по сравнению с профессором, складом ума, он сразу увидел, что на этой лабораторной игрушке можно заработать миллиарды франков.

Для начала предстояло сделать прибор компактным. Французы обладают несомненным умением создавать элегантные вещи, так что через несколько недель работы — и при полной поддержке профессора — Жорж сумел втиснуть «воспроизводящую» часть аппарата в корпус не крупнее телевизора, причем деталей внутри тоже было ненамного больше.

Теперь Жорж был готов к первому эксперименту. Он требовал существенных финансовых затрат, но, как справедливо заметил кто-то, нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. И эта аналогия, должен заметить, оказалась весьма подходящей.

Потому что Жорж отправился к знаменитому во Франции гурману и сделал ему интересное предложение. Отвергнуть его великий человек просто не смог бы, ведь оно было уникальным признанием его выдающихся талантов. Жорж терпеливо объяснил, что изобрел прибор для регистрации (он ничего не сказал о записи) ощущений. Поэтому не может ли он, во имя науки и во славу французской кухни, получить привилегию проанализировать эмоции и тончайшие нюансы вкусовых оттенков, возникающие в мозгу мсье барона, когда тот пускает в ход свой непревзойденный талант? Мсье может назвать ресторан, шеф-повара и меню — все будет устроено к его вящему удовлетворению. Разумеется, если мсье очень занят, то другой знаменитый эпикуреец, граф де...

Барон, оказавшийся в некоторых отношениях личностью весьма грубой, произнес слово, отсутствующее в большинстве французских словарей.

— *Этот кретин!* — взорвался он. — Да его удовлетворит даже английская кухня! Нет, это должен сделать я!

И он немедленно сел составлять меню, а Жорж торопливо прикидывал стоимость блюд и гадал, выдержит ли его банковский счет такое напряжение...

Интересно было бы узнать, что думали обо всей этой затее шеф-повар и официанты. Барон, сидя за своим любимым столиком, отдавал должное своим любимым блюдам, не обращая ни малейшего внимания на множество проводов, тянущихся от его головы к стоящей в углу и зловещей на вид машине. Других посетителей в ресторане не было, потому что в преждевременной огласке Жорж нуждался меньше всего, и это обстоятельство добавило существенную сумму к уже и без того ошеломляющей стоимости эксперимента. Ему оставалось лишь надеяться, что результат их оправдает.

И он оправдал. Разумеется, *доказать* это можно было единственным способом — воспроизведя сделанную «запись». Тут нам придется поверить Жоржу, поскольку, как, увы, всем нам слишком хорошо известно, словами подобные ощущения пересказать невозможно. Барон оказался *истинным* гурманом, а не тем, кто лишь заявляет, будто владеет умением, каковым не обладает. Помните слова Тюрбера: «Всего лишь наивное домашнее бургундское, но, думаю, вы вдохнитесь его самонадеянностью». Барону хватило бы одного глотка, чтобы распознать, домашнее ли оно — но если бы вино оказалось достаточно самонадеянным, он воздал бы ему должное.

Полагаю, Жорж окупил каждый вложенный в эту запись франк, хотя и не намеревался делать ее лишь для домашнего употребления. Она открыла для него новые миры и сделала более ясными идеи, зарождающиеся в его изобретательном мозгу. Последние сомнения отпали: все неопишуемые ощущения, испытанные бароном на том лукулловом пиру, были уловлены и записаны, и теперь любой, даже совсем неопытный в подобных делах человек, мог насладиться ими в полной мере. Причина тому проста. Видите ли, запись улавливала исключительно эмоции; мыслительный процесс не затрагивался вовсе. Барону потребовалась целая жизнь упорных тренировок, пока он на-

учился *переживать* подобные ощущения, но, едва они оказались записаны, любой, даже тот, кто в реальной жизни вовсе не обладал чувством вкуса, мог черпать из этого источника наслаждений.

Представьте сами, какие сияющие просторы открылись перед Жоржем! Ведь есть и другие блюда, другие гурманы. Можно собрать коллекцию впечатлений от дегустации всех вин Европы — да за нее знатоки выложат любые деньги! И когда будет откупорена последняя бутылка редкого вина, заключенное в ней наслаждение сохранится и, подобно имени Мельбы*, переживет века. Ибо, в сущности, важно не вино само по себе, а порождаемые им ощущения...

Так мечтал Жорж. Но это, и он это прекрасно сознавал, всего лишь начало. Французы придерживаются логики, которую я нередко подвергаю сомнению, но в случае с Жоржем никаких сомнений не возникало. Несколько дней он посвятил размышлениям, а затем отправился навестить свою *petit dame*.

— Ивонна, та *chéri*, — сказал он, — у меня к тебе несколько необычная просьба...

Гарри Парвис знал, когда надо сделать паузу, и, повернувшись к бару, сказал:

— Еще один скотч, Дрю.

Никто не произнес и слова, пока перед ним не поставили новый стакан.

— Так вот, — продолжил наконец Парвис, — эксперимент, при всей его необычности даже для Франции, завершился успешно. Проводился он, как того требовали благоразумие и обычай, поздно ночью. Вы уже наверняка поняли, что Жорж был личностью настойчивой, хотя я сомневаюсь, что мадемуазель пришлось долго уговаривать.

Успокоив ее любопытство искренним, но торопливым поцелуем, Жорж выпроводил Ивонну из лаборатории, бросился к аппарату и, затаив дыхание, включил его на

---

* Мельба Нелли (Хелен Портер Митчелл, 1861—1931) — австралийская оперная певица, чье имя вошло в названия некоторых блюд. (Примеч. пер.)

воспроизведение. Все получилось превосходно — правда, теперь он уже почти не сомневался в успехе. Более того — но не забывайте, пожалуйста, что я лишь пересказываю вам чужие слова, — записанные ощущения оказались неотличимы от реальности. В тот момент Жоржа охватило нечто вроде религиозного экстаза. Он обладал, вне всяких сомнений, величайшим изобретением в истории. Он не только разбогатеет, но и сделает свое имя бессмертным, ибо добился того, о чем все только мечтали, а заодно избавил старость от одного из ее ужасов...

И еще он понял, что при желании может теперь расстаться с Ивонной. Но тут возникали осложнения, требовавшие новых размышлений. И размышлений *долгих*.

Вы, разумеется, уже заметили, что я лишь кратко пересказываю вам суть событий. На протяжении всего этого времени Жорж оставался лояльным ассистентом так ничего и не заподозрившего профессора. До сих пор он действительно почти не переступил рамки действий, которые совершил бы при подобных обстоятельствах любой исследователь. Да, он проявил несколько большую активность, чем того требовали его служебные обязанности, но при необходимости ее было достаточно легко объяснить.

Следующий шаг требовал определенных весьма деликатных переговоров и дополнительной траты драгоценных франков. Теперь Жорж обладал, вне всякого сомнения, весьма убедительными доказательствами того, что у него имеется весьма ценный коммерческий товар. Деловые люди в Париже на него просто накинута. И все же определенная деликатность, и тут мы должны отдать Жоржу должное, удержала его от использования второй... э-э... записи в качестве доказательства возможностей аппарата. Как-либо замаскировать личности причастных к этому людей было невозможно, а Жорж был человеком благопристойным. «К тому же, — весьма рассудительно размышлял он, — когда компания звукозаписи решает выпустить диск, ее не удовлетворяет качество исполнения музыканта-любителя. *Это* задача для профессионалов». Придя к такому выводу, он, предварительно зайдя в свой банк, снова отправился в Париж.

Он и близко не стал приближаться к Пляс Пигаль, потому что там болталось множество американцев, а цены были, соответственно, умопомрачительные. Вместо этого, наведя кое-какие справки и воспользовавшись помощью нескольких понятливых таксистов, он через некоторое время оказался в до тошноты респектабельном пригороде, где вскоре уже сидел в некоей приятной гостиной, ничуть не более экзотичной, чем можно было предположить.

И там, слегка смущаясь, Жорж объяснил цель своего визита некоей мадам весьма благопристойного вида, чей возраст было угадать не легче, чем ее профессию. Ей было не привыкать к нестандартным запросам клиентов, но *такое* она слышала впервые, несмотря на свой внушительный опыт. Но клиент всегда прав (до тех пор, пока способен расплатиться), и вскоре договоренность была достигнута. Одна из юных леди и ее приятель, обладающий несколько ошеломляющей мужественностью, отправились вместе с Жоржем в провинцию. Сперва им, естественно, было трудно избавиться от определенной подозрительности, но, как к тому времени обнаружил Жорж, никакой эксперт не в силах устоять перед лестью, и вскоре у них установились превосходные отношения. Эркюль и Сюзетт пообещали Жоржу, что удовлетворение ему гарантируется.

Не сомневаюсь, что кое-кто из вас был бы рад услышать новые подробности, но вряд ли вы дождетесь их от меня. Могу лишь сказать, что Жорж — вернее, его аппарат — был очень занят, и к утру почти все пленки для записи были использованы. Хотя, похоже, Эркюль — Геркулес — не зря получил свое имя...

Когда сей пикантный эпизод был завершен, у Жоржа осталось очень мало денег, зато он стал обладателем двух воистину бесценных записей. Он опять поехал в Париж, где практически без проблем заключил соглашение с некими бизнесменами, которые были настолько поражены, что подписали с ним контракт на весьма щедрых условиях и лишь потом опомнились. Но я рад сообщить вам эту подробность, потому что ученые столь часто бывают обделены, сталкиваясь с миром финансов. Я также рад добавить, что Жорж не позабыл упомянуть в контракте и профессора Жульена. Вы можете цинично заметить, что

то было, в конце концов, изобретение профессора и что Жоржу рано или поздно пришлось бы улаживать с ним отношения. Но мне хочется думать, что одним упоминанием в контракте дело не ограничилось.

Подробности плана использования аппарата мне, разумеется, неизвестны. Полагаю, что Жорж был чрезвычайно красноречив — хотя не требуется много красноречия, чтобы убедить любого, кто пережил ощущения, сохраненные в одной или обеих записях. Рынок тут будет огромным, неограниченным. Один только экспорт сможет поставить экономику Франции на ноги и в считанные дни ликвидировать ее долларовый дефицит — как только будут устранены некоторые препятствия. Все придется прокачивать по несколько нелегальным каналам, ибо представьте, какой шум поднимут лицемерные англосаксы, когда узнают, что за товар импортируется в их страны. «Союз матерей», «Дочери американской революции», «Лига домохозяек» и все религиозные организации поднимутся как один. Юристы уже очень тщательно изучают проблему, и, насколько мне мне известно, законы, до сих пор запрещающие продажу «Тропика рака» в англоязычных странах, будут в этом случае неприменимы — по той простой причине, что вводить такие запреты никому не приходило в голову. Однако новые законы начнут требовать столь громко, что парламенту и конгрессу придется что-то делать, поэтому до поры до времени не стоит привлекать к этому изобретению излишнее внимание.

Фактически, как заметил один из директоров, если эти записи запретят, тем лучше. Они смогут заработать больше, производя меньше, потому что цены резко подскочат и даже сверхбдительные таможи не сумеют перекрыть все лазейки на границах.

Вряд ли вы удивитесь, узнав, что теперь Жорж несколько утратил интерес к гастрономическому разделу проекта. То была интересная, но явно второстепенная возможность изобретения. И действительно, это тактично признали сами директора, когда принимали устав ассоциации, потому что гастрономические удовольствия были включены в раздел «дополнительные возможности».

Жорж вернулся домой с головой в облаках и чеком на внушительную сумму в кармане. Его озарила очаровательная идея. Он подумал о том, сколько трудов приложили компании звукозаписи, чтобы мир получил полные комплекты «Сорока восемью прелюдий и фуг» или девяти симфоний. Что ж, его новая компания выпустит полный комплект записей, исполненных экспертами самых эзотерических знаний Востока и Запада. Сколько всего «опусов» потребуется? Ответ на этот вопрос, само собой, был предметом жарких дебатов на протяжении тысячелетий. В индийских руководствах, как он слышал, называлась трехзначная цифра возможных вариантов. Да, это станет интереснейшим исследованием, беспрецедентно объединяющим прибыль с удовольствием... Он уже начал предварительные исследования, пользуясь трактатами, которые было нелегко достать даже в Париже.

Если вы придете к выводу, что, занимаясь этим, Жорж пренебрег своими обычными интересами, то, увы, окажется правы. Он работал буквально днем и ночью, потому что до сих пор не раскрыл свои планы профессору, и почти все приходилось делать, когда лаборатория закрывалась. И одним из интересов, которым ему пришлось пренебречь, стала Ивонна.

Ее, как и любую девушку при подобных обстоятельствах, обуюло любопытство. Но теперь она стала более чем заинтригована, ибо Жорж отдалился от нее и стал так холоден... Он ее больше не любил...

То был легко предсказуемый результат. Владельцам питейных заведений необходимо остерегаться и не дегустировать слишком часто свой товар — уверен, что к вам это не относится, Дрю, — а Жорж угодил в сей капкан. Он слишком много раз запускал для себя уникальную запись, и это привело к некоторому ослаблению его сил. Более того, бедняжка Ивонна не шла ни в какое сравнение с опытной и талантливой Сюзетт. Это старая история о профессионале против любителя.

Ивонна знала лишь, что Жорж влюблен в какую-то другую женщину, и это утверждение было вполне истинным. Она заподозрила, что он ей неверен. А это уже

поднимает изощренную философскую проблему, которой сейчас лучше не касаться.

Поскольку дело происходило, если вы еще не забыли, во Франции, печальный исход был неизбежен. Бедняга Жорж! Он засиделся, как обычно, допоздна в лаборатории, где Ивонна и застрелила его из старинного дуэльного пистолета. Выпьем же за его память.

— У всех ваших историй одна беда, — заметил Джон Бейнон. — Сперва вы рассказываете о каком-нибудь замечательном изобретении, а под конец выясняется, что изобретатель убит, а изобретение безвозвратно утрачено. Поэтому, как полагаю, и этот аппарат был уничтожен?

— Вовсе нет, — возразил Парвис. — Если не считать судьбы бедного Жоржа, у этой истории счастливый конец. За Ивонну, разумеется, беспокоиться не стоит. Скорбящие спонсоры Жоржа быстро прибыли на место драмы и предотвратили нежелательную огласку. Будучи не только бизнесменами, но и людьми достаточно сентиментальными, они поняли, что Ивонна должна остаться на свободе. И поступили очень просто — продемонстрировали запись мэру и префекту, убедив их тем самым, что бедную девушку просто-напросто спровоцировали. Некая доля акций новой компании закрепила сделку, и стороны с искренней сердечностью расстались. Ивонне даже вернули пистолет.

— И где же тогда?... — ехидно спросил кто-то.

— О, такие вещи быстро не делаются. Возникает вопрос о массовом производстве, сами понимаете. Вполне возможно, что распространение уже началось по частным — весьма частным — каналам. Не исключено, что в некоторых заведениях с сомнительной репутацией в районе Лейчестер-сквер клиентам скоро начнут предлагать новую услугу.

— Зато название компании вы, естественно, назвать не можете, — неуважительно предположил джентльмен из Новой Англии.

В такие моменты Парвисом нельзя не восхищаться. Он даже секунды не помедлил с ответом.

— «Le Société Anonyme d'Aphrodite», — сказал он. — И еще я только что вспомнил нечто такое, что поднимет

настроение *вам*. Они надеются обойти ваши жесткие почтовые правила и закрепиться в Америке прежде, чем начнется неизбежное слушание в конгрессе. Компания открывает филиал в Неваде: очевидно, там до сих пор может сойти с рук что угодно.

Парвис поднял стакан.

— За Жоржа Дюпена, жертву науки, — провозгласил он. — Вспомните про него, когда начнется фейерверк. И еще...

— Что? — хором спросили мы.

— Советую начать копить деньги немедленно. И продайте свои телевизоры, пока их производители еще не разорились.

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ

Как мне уже доводилось прежде замечать, долгое время никому не удавалось прижать к стенке Гарри Парвиса, признанного красноречивым «Белого оленя». В его научных знаниях сомнений не возникало — но где он их набрался? И чем можно оправдать ту фамильярность, с какой он упоминал многих членов Королевского научного общества? Следует признать, что очень многие не верили ни единому его слову. А это уже чересчур, как я недавно и несколько возбужденно заметил Биллу Темплу.

— Ты всегда ни в грош не ставишь слова Гарри, — сказал я ему, — но даже ты не сможешь не признать, что он всех развлекает. А не каждый из нас на такое способен.

— Уж если ты перешел на личности, — взорвался Билл, все еще не в силах смириться с тем, что несколько его совершенно серьезных рассказов некий американский издатель отверг на том основании, что они его не рассмешили, — то давай выйдем, и ты повторишь свои слова. — Он взглянул в окно, заметил, что на улице до сих пор валил снег, и торопливо добавил: — Но не сегодня, а как-нибудь летом, если мы оба окажемся здесь в подходящую среду. Выпьешь еще стаканчик своего неразбавленного ананасного сока?

— Спасибо. Когда-нибудь я попрошу добавить в него джин, лишь бы тебя ошарашить. Наверное, я единствен-

ный в «Белом олене», кто может заказать его или отказаться — и отказывается.

На этом наш разговор прервался, потому что вошел объект спора. При обычных обстоятельствах это лишь добавило бы нашему с Биллом противостоянию напряженности, но, поскольку Гарри привел с собой незнакомца, мы решили стать пай-мальчиками.

— Привет всем, — сказал Гарри. — Познакомьтесь с моим другом Солли Бламбергом. Лучший мастер по спецэффектам в Голливуде.

— Давай уточним, Гарри, — печально произнес мистер Бламберг голосом, который мог бы принадлежать подвергнутому укоризне спаниелю. — Не в Голливуде. Из Голливуда.

— Тем лучше для тебя, — отмахнулся Гарри. — Сол приехал сюда, чтобы осчастливить своими талантами британскую кинопромышленность.

— А в Англии *есть* кинопромышленность? — встревоженно уточнил Солли. — У нас на студии все о ней говорили как-то с сомнением.

— Разумеется, есть. И даже процветает. Правительство все время повышает налоги на развлечения, что приводит отрасль к банкротству, а затем не дает ей умереть, подпитывая крупными грантами. Просто в этой стране так ведутся дела. Эй, Дрю, где наша книга почетных гостей? И налей нам по двойной. Солли пережил тяжелые испытания, и ему надо подкрепиться.

По-моему, если не считать взгляда как у провинившейся собаки, мистер Бламберг не производил впечатления человека, пострадавшего от чрезвычайных лишений. На нем был аккуратный костюм от «Харта, Шефнера и Маркса», а пристегнутые пуговицами уголки воротничка рубашки заканчивались где-то на середине груди. Это было очень кстати, потому что воротничок скрывал, но, к сожалению, недостаточно, его галстук. Мне стало интересно, в чем же его проблема. О, лишь бы не антиамериканская деятельность, мысленно взмолился я: это *снова* развяжет язык нашему ручному коммунисту, который в тот момент миролюбиво изучал в уголке ситуацию на шахматной доске.

Мы отозвались на слова Гарри сочувственным хмыканьем, а Джон довольно откровенно намекнул:

— Может, если вы нам все расскажете, вам полегчает? И вообще, нельзя упускать шанс послушать здесь кого-нибудь другого.

— Не скромничай, Джон, — тут же отозвался Гарри. — Я пока еще не устал тебя слушать. Да только сомневаюсь, что Солли захочется снова обо всем рассказывать. Верно, старина?

— Угу, — буркнул мистер Бламберг. — Рассказывай *ты*.

(— Я знал, что этим все и кончится, — шепнул мне Джон.)

— А с чего начать? — уточнил Гарри. — С того, как Лилиан Росс пришла брать у тебя интервью?

— С чего угодно, только *не* с этого места, — содрогнулся Солли. — По-настоящему все началось, когда мы снимали первый сериал про «Капитана Зума».

— «Капитан Зум»? — многозначительно переспросил кто-то. — Эти два слова считаются здесь очень грубыми. Только не говорите, что именно *вы* несете ответственность за эту потрясающую чушь!

— Ну-ну, друзья! — примирительно сказал Гарри, выливая масло на бурные волны. — Не надо вести себя слишком сурово. Не можем же мы судить по нашим высоким стандартам буквально всех. И надо же людям чем-то зарабатывать на жизнь? Кроме того, миллионам детей и подростков *нравится* капитан Зум. Уверен, вы не хотите разбить их маленькие сердца — да еще незадолго до Рождества.

— Если им *действительно* нравится капитан Зум, я лучше сверну им нежные шейки!

— Какая выдающаяся сентиментальность! Вынужден извиниться за слова некоторых моих соотечественников, Солли. Напомни, как там назывался первый сериал?

— «Капитан Зум и угроза с Марса».

— Ах да, верно. Кстати, никак не пойму, почему нам вечно грозят именно с Марса? Наверное, все началось со старины Уэллса. Как знать, не нарвемся ли мы в один прекрасный день на крупную межпланетную акцию про-

теста — если только не сумеем доказать, что марсиане были столь же грубы по отношению к *нам*.

Я очень рад заявить, что никогда не видел «Угрозу с Марса» («А я видел, — простонал кто-то сзади. — И до сих пор пытаюсь забыть»), но речь сейчас не о сериале как таковом. Его создали три сценариста в баре на бульваре Уилшир. До сих пор никто не может точно сказать, как было дело: сериал получился таким из-за того, что сценаристы были пьяны, или им приходилось непрерывно пить, чтобы не свихнуться из-за «Угрозы». Если это вас смущает, не обращайте внимания. А заботой Солли стали затребованные режиссером спецэффекты.

Во-первых, ему предстояло построить Марс. Солли полчаса полистал «Покорение пространства» и выдал набросок, который плотники быстро превратили в переспелый апельсин, парящий в пустоте и окруженный бесчисленными звездами. Это оказалось легко, зато с марсианскими городами пришлось повозиться. Попробуйте-ка придумать *совершенно чужую* архитектуру, да еще такую, чтобы результат не смотрелся полной нелепицей. Сомневаюсь, что подобное вообще возможно — если здравые мысли и придут в голову, то их уже наверняка где-то на Земле использовали. То, что появилось наконец в студии, было смутно византийским с некоторыми штрихами в духе Фрэнка Ллойда Райта*. Тот факт, что ни одна из дверей никуда не вела, никого не волновал, пока имелось достаточно места для схваток на мечях и всевозможной акробатики, предусмотренных сценарием.

Да-да, схваток на мечях. Вот вам цивилизация, владеющая атомной энергией, лучами смерти, космическими кораблями, телевидением и тому подобными современными удобствами, но, когда дело доходит до схватки между капитаном Зумом и злобным императором Клаггом, часы проворно отсчитывают обратно несколько столетий. Вокруг стоит толпа солдат со зловещими на вид лучеметами, но в ход их не пускает. И не только в этой сцене, а почти

---

* Фрэнк Ллойд Райт (1867—1959) — американский архитектор, пионер «органической архитектуры», в которой используются природные формы, цвета и текстура. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

во всем сериале. Ну, иногда пучок искр прожжет капитану Зуму штаны, и все. Я так полагаю, что, раз эти лучи не могут летать быстрее света, он запросто и всегда может их опередить.

Тем не менее эти орнаментированные лучеметы многих довели до головной боли. Забавно наблюдать, как охотно Голливуд гробит массу усилий на мелкие детали фильма, который сам по себе есть полная чушь. У режиссера был пунктик насчет лучеметов. Солли создал для него первую модель, напоминающую помесь базуки с мушкетонном, и был ею весьма доволен, равно как и режиссер — на один день. На следующий день великий человек ворвался в студию, размахивая отвратительным изделием из красного пластика, снабженным кнопками, линзами и рычажками.

— Глянь-ка на это, Солли! — пропыхтел он. — Мой младшенький принес из супермаркета — там проводится компания по рекламе чипсов. Приносишь десять крышечек от коробок и меняешь на одну игрушку. Черт, да они лучше наших! И они *работают*!

Он нажал на рычажок, из ствола вырвалась струйка воды и улетела через всю студию куда-то за звездолет капитана Зума, где мгновенно погасила сигарету, которой не полагалось там дымиться. Из люка вылез разгневанный рабочий, увидел, кто его окатил, и проворно юркнул обратно, бормоча что-то насчет профсоюза.

Солли обследовал лучемет с некоторым раздражением, но одновременно и взглядом эксперта. Да, оружие действительно выглядело куда более впечатляюще по сравнению со всем тем, что создавал он. Солли удалился в свой кабинет, пообещав режиссеру придумать нечто подобное.

Во вторую модель он построил все подряд, включая телеэкран. Теперь, если капитан Зум замечал нападающего на него хикодерма, ему надо было лишь включить аппарат, подождать, пока прогреются лампы, проверить селектор каналов, произвести точную настройку, навести фокус, покрутить ручки вертикальной и горизонтальной развертки — и нажать на спуск. К счастью, капитан обладал невероятно быстрой реакцией.

Режиссер был впечатлен, и вторая модель пошла в производство. Ее слегка измененный вариант тиражировали для вооружения дьявольских когорт императора Клагга. Нехорошо, разумеется, если обе стороны вооружены одинаковым оружием. Я ведь уже упоминал, что «Пандемик продакшнз» славились проработкой деталей.

Все шло хорошо до первых сражений и даже после них. Когда актеры играли — если их действия можно так назвать, — они лишь наводили оружие и нажимали на спусковой крючок, словно оружие действительно стреляет. Вспышки и искры потом подрисовывали на негативе два человечка, сидящих в темной комнате, охраняемой не хуже хранилища золотого запаса США. Они проделали хорошую работу, но через некоторое время у режиссера снова проснулась чрезмерно развитая совесть художника.

— Солли, — сказал он, поигрывая красным пластиковым чудовищем, — Солли, мне нужно оружие, которое что-то *делает*.

Солли успел вовремя присесть, и струя воды промчалась над его головой и окрестила фотографию Луэллы Парсонс.

— Но не собираетесь же вы переснимать все заново! — взвыл Солли.

— Нее-е-ет, — протянул режиссер с откровенным сожалением. — Придется работать с тем, что уже снято. Но все равно это *смотрится* как-то фальшиво. — Он пролистал лежащий на столе сценарий и просиял:

— Вот! На следующей неделе начнем снимать серию 54 — «Рабы людей-улиток». Так вот, у людей-улиток должно иметься оружие, и вот чего я от вас хочу...

С третьей моделью Солли пришлось изрядно повозиться. (Я еще не пропустил очередную модель? Хорошо.) Мало того, что она должна была иметь совершенно иную конструкцию и внешность, так ей еще полагалось и *что-то делать*. Она стала вызовом его изобретательности; однако если процитировать профессора Тойнби, то был вызов, породивший соответствующий отклик.

В третью модель было заложено хитроумное инженерное решение. К счастью, Солли был знаком с изобретательным техником, и прежде помогавшим ему в подобных

случаях, так что реальной движущей силой оказался именно он. («И еще какой!» — угрюмо вставил мистер Бламберг.) В оружии был использован принцип воздушной струи, создаваемой маленьким, но очень мощным электрическим вентилятором, в струю же вдувался очень мелкий порошок. Хорошо настроенное оружие выстреливало весьма впечатляющий луч и производило не менее впечатляющий шум. Актеры настолько боялись выстрелов, что их игра обрела значительный реализм.

Режиссер был восхищен... целых три дня. Потом его одолело ужасное сомнение.

— Солли, — сказал он. — Эти чертовы лучеметы *слишком* хороши. Люди-улитки просто разделают капитана Зума под орех. Мы обязаны снабдить его оружием получше.

Вот тогда-то Солли и понял, во что влип. Он завяз в гонке вооружений.

Так вот, какая там по счету следующая модель — четвертая, верно? Как же она работала... а, вспомнил. То была старая добрая кислородно-ацетиленовая горелка, в пламя которой впрыскивались различные химикаты, что создавало великолепные оттенки цвета. Забыл упомянуть, что начиная с пятидесятой серии — «Обреченные на Деймосе» — студия перешла с черно-белой продукции на «Мутноколер», поэтому возникли большие возможности по работе с цветом. Вдувая в пламя горелки соли меди, стронция или бария, можно было получить любой желаемый цвет.

Если вы подумали, что к тому времени режиссер был удовлетворен, то вы не знаете Голливуда. Пусть некоторые циники и сейчас ухмыляются, когда на экране появляется девиз «*Ars Gratia Artis*»*, но подобное отношение, как я вынужден признать, не соответствует фактам. Разве такие ископаемые, как Микеланджело, Рембрандт или Тициан, тратили столько времени, усилий и денег в погоне за совершенством, сколько тратит «Пандемик продакшнз»? Сомневаюсь.

Не стану притворяться, будто помню все модели, созданные Солли и его изобретательным другом-инженером.

---

* Искусство ради искусства (лат.)

Было оружие, выстреливающее поток цветных колечек дыма. Был генератор высокой частоты, выдававший огромные, но вполне безобидные искры. Был даже *изогнутый* луч, созданный на основе подсвеченной изнутри струи воды — он особенно впечатляюще смотрелся в темноте. И, наконец, появилась модель 12.

— Модель 13, — поправил Бламберг.

— Ну конечно — какой же я болван! Разве мог у нее быть *иной* номер! Модель 13 нельзя было назвать оружием портативным — хотя некоторые другие модели назвать портативными мог лишь человек с богатым воображением. По сценарию, это дьявольское устройство предполагалось установить на Фобосе для уничтожения Земли. Хоть Солли и объяснял мне заложенные в него научные принципы, я так и не смог в них разобраться... Но кто я, однако, такой, чтобы тягаться интеллектом с капитаном Зумом? Могу лишь сказать, что этому лучу полагалось сделать и как. Он должен был начать цепную реакцию связывания азота и кислорода в атмосфере нашей несчастной планеты — со всеми вытекающими и жуткими для земной жизни последствиями.

До сих пор не знаю, радоваться или огорчаться тому, что создавать легендарную модель 13 Солли полностью поручил своему талантливому ассистенту. Я долго расспрашивал Солли, но он помнит лишь, что в высоту штуковина была около шести футов и выглядела как гибрид 200-дюймового телескопа с зенитной пушкой. Не очень-то много, верно?

Еще он говорил, что чудовище был напичкано радиолампами и имело внутри мощный электромагнит. А создавать оно должно было безопасную, но впечатляющую электрическую дугу, которой с помощью магнита придавали всевозможные интересные формы. *Так*, во всяком случае, утверждал изобретатель, а сомневаться в его словах у меня нет никаких оснований.

Так уж вышло — как потом выяснилось, к счастью, — что Солли не был в студии, когда испытывали модель 13. К его великому сожалению, в тот день ему пришлось уехать в Мексику. Ну скажи, Солли, разве тебе не повезло?! После полудня он ждал звонка от своего друга со студии,

но, когда друг позвонил, Солли услышал от него вовсе не то, что ожидал.

Испытание модели 13 прошло, мягко говоря, весьма успешно. Что в точности произошло, не понял никто, но каким-то чудом никто не погиб, а соседние павильоны пожарникам удалось спасти. Невероятно, но факт: модель 13 должна была испускать фальшивые «лучи смерти», а оказалось, что она выдает настоящие. *Нечто* вырвалось из проектора и прошило стену студии, словно ее там не было. И в самом деле, мгновение спустя часть стены действительно исчезла, потому что на ее месте появилась внушительная дыра с тлеющими краями. А затем обрушилась крыша...

Так что если Солли не сможет убедить ФБР, что произошла ошибка, ему лучше оставаться по другую сторону границы. Люди из Пентагона и Комиссии по атомной энергии до сих пор ковыряются среди обломков...

А как бы вы поступили на месте Солли? Он невиновен, но как ему это доказать? Возможно, он и рискнул бы вернуться и постоять за себя, но вовремя вспомнил, что как-то принял на работу человека, проводившего во время выборов 1948 года кампанию по поддержке Генри Уоллеса, а за *такое* у него могут потребовать объяснения. К тому же Солли порядком надоел капитан Зум. И вот он здесь. Никто не знает британскую киностудию, где для него отыщется местечко? Но только, пожалуйста, для съемок исторических фильмов. Теперь он не прикоснется ни к какому оружию современнее арбалета.

КРИТИЧЕСКАЯ МАССА

-Я вам никогда не рассказывал, как предотвратил эвакуацию южной Англии? — скромно поинтересовался Гарри Парвис.

— Нет, — ответил Чарльз Уиллис, — а если и рассказывали, то я проспал.

— Ну что ж, — продолжил Гарри, когда вокруг него собралось достаточно слушателей. — Случилось это два года назад в Центре по исследованию атомной энергии возле Клобхэма. Вы его все, разумеется, знаете. Но я, по-моему, не упоминал, что некоторое время выполнял там работу, о которой не имею права распространяться.

— Хоть какое-то разнообразие, — произнес Джон Уиндем, — впрочем, без малейшего эффекта.

— Дело было в субботу вечером, — начал Гарри. — Стоял чудесный денек в конце весны. Мы, шестеро ученых, сидели в баре «Черного лебедя», и окна были распахнуты, поэтому мы могли видеть склоны Клобхэм-хилла и всю местность до самого Апчестера в тридцати милях от нас. Воздух был настолько чист, что можно было даже разглядеть на горизонте двойной шпиль кафедрального собора в Апчестере. Лучшей погоды и не пожелаешь.

У работников Центра установились очень неплохие отношения с местными жителями, хотя поначалу они не очень-то радовались тому, что мы обосновались по соседству.

Даже если позабыть о характере нашей работы, они считали, что ученые — некая другая раса, лишенная человеческих интересов. Они переменили свое мнение, когда мы пару раз обыграли их в дартс и угостили пивом, но кое-какое желание устроить нам подвох все же осталось, и нас постоянно спрашивали, что мы намерены взорвать в следующий раз.

В тот день нас в баре должно было собраться несколько больше, но коллеги из отдела радиоизотопов выполняли срочную работу, поэтому мы остались в меньшинстве. Стэнли Чамберс, владелец заведения, заметил, что нескольких знакомых ему лиц не хватает.

— Что случилось сегодня с вашими приятелями? — спросил он моего босса, доктора Френча.

— Они очень заняты на фабрике, — ответил Френч. Мы всегда называли Центр «фабрикой», чтобы название звучало для местных привычнее и не пугало их. — Надо срочно отправить кое-какой груз. Они придут позднее.

— Когда-нибудь, — сурово произнес Стэн, — вы с приятелями изобретете что-нибудь такое, чего не сможете загнать обратно в бутылку. И где тогда окажемся мы все?

— На полпути к Луне, — небрежно ответил доктор Френч. Боюсь, то было несколько безответственное замечание, но глупые вопросы вроде этого всегда выводили его из себя.

Стэн Чамберс обернулся, словно прикидывая, какой объем холма находится между ним и Клобхэмом. Полагаю, он подсчитывал, успеет ли добраться до погреба... или стоит ли вообще пытаться спастись?

— А эти ваши... изотопы, что вы посылаете в больницы, — раздался чей-то задумчивый голос. — Я вот был на той неделе в госпитале святого Томаса и видал, как по коридору катили свинцовый сейф. Весу в нем добрая тонна. Меня аж жуть взяла, как подумал, что может случиться, ежели кто позабудет, как с ним правильно обращаться.

— Мы как-то подсчитали, — сказал доктор Френч, все еще явно раздраженный тем, что его оторвали от метания стрелок, — что в Клобхэме столько урана, что его хватит вскипятить Северное море.

А такое уж точно говорить не стоило, к тому же эта глупая реплика не соответствовала истине. Но не мог же я возражать своему боссу, верно?

Мужчина, задававший вопросы, сидел в нише у окна, и я заметил, что он как-то встревоженно смотрит на дорогу.

— Вы ведь вывозите энти изотопы на грузовиках, так? — спросил он взволнованно.

— Да. Многие изотопы короткоживущие, и их надо доставлять немедленно.

— Так вот, с холма спускается грузовик. Это не ваш?

Все бросились к окну, позабыв о дартс. Когда я смог как следует приглядеться, то увидел большой грузовик, нагруженный упаковочными ящиками, который катился с холма в четверти мили от нас. Время от времени он натыкался на ограды — очевидно, у него отказали тормоза, и водитель потерял управление. К счастью, встречных машин не было, иначе тяжелая авария была бы неизбежна. Но и сейчас ситуация висела на волоске.

Тут грузовик доехал до поворота, съехал с дороги и пробил ограду. Ярдов пятьдесят он еще катился, постепенно замедляя скорость и сильно подсакивая на кочках, и уже почти остановился, но угодил колесом в канаву и медленно опрокинулся. Через несколько секунд треск дерева оповестил нас о том, что ящики вывалились на землю.

— Наконец-то, — облегченно выдохнул кто-то. — Он правильно сделал, когда врубился в изгородь. Парня, конечно, тряхнуло, зато он не пострадал.

И тут мы увидели невероятное зрелище. Дверца кабины распахнулась, водитель выскочил. Даже с такого расстояния было ясно видно, что он очень возбужден — что при подобных обстоятельствах вполне естественно. Но, думаете, он присел, чтобы успокоиться? Как бы не так: он во весь дух припустил прочь от машины, точно за ним гнались все демоны ада.

Разинув рты, мы с нарастающей тревогой смотрели, как он мчится вниз по склону холма. В баре повисло зловещее молчание, нарушаемое лишь тиканьем часов, которые Стэн всегда ставил ровно на десять минут вперед. Потом кто-то спросил:

— Как думаете, оставаться нам тут или нет? Ведь до грузовика всего полмили...

Все отпрянули от окна. Доктор Френч нервно усмехнулся.

— Никто из нас не знает точно, что это один из *наших* грузовиков, — сказал он. — И вообще я вас только что разыграл. Изотопы взорваться не могут. Это абсолютно невозможно. А водитель, наверное, испугался, что в машине взорвется бензобак.

— Ну да, как же, — ехидно отозвался Стэн. — Тогда почему он до сих пор бежит? Он уже наполовину спустился с холма.

— Знаю! — предположил Чарли Ивен из приборного отдела. — Он перевозил взрывчатку и боится, что она взорвется.

— Вряд ли. Машина-то не загорелась, так чего ему было бояться? А если бы он перевозил взрывчатку, то на машине был бы красный флаг или еще какой-нибудь знак.

— Минутку, — прервал спор Стэн. — Схожу-ка я за биноклем.

Пока он не вернулся, все сидели неподвижно — все, кроме крошечной фигурки у подножия холма, которая на наших глазах, не сбавляя темпа, скрылась в лесу.

Казалось, Стэн смотрит в бинокль целую вечность. Наконец он опустил его и разочарованно хмыкнул.

— Ничего не разглядеть, — сказал он. — Грузовик опрокинулся не на тот борт. А ящики раскидало вокруг. Некоторые разломались. Может, вы там чего углядите?

Френч долго смотрел, потом передал бинокль мне. Он был какой-то очень старой модели и не очень-то помог. На мгновение мне показалось, что вокруг некоторых ящиков витает странная дымка, но ясности это не внесло. Я приписал это скверному качеству линз.

Думаю, вся суматоха так и кончилась бы пшиком, если бы не показались велосипедисты. Они ехали на tandeme вверх по склону и, добравшись до свежей дыры в ограде, быстро спешили и пошли смотреть, в чем дело. Грузовик было хорошо видно с дороги, и когда парочка приближалась, держась за руки, девушка откровенно побаивалась, а парень ее успокаивал. Мы легко представляли их разговор; то было трогательное зрелище.

Но ненадолго. Не дойдя нескольких ярдов до грузовика, они внезапно бросились в разные стороны. Никто из них даже не обернулся взглянуть на другого, и бежали они, как я успел заметить, как-то весьма странно.

Стэн, вновь завладевший биноклем, опустил его дрожащей рукой.

— Все по машинам! — гаркнул он.

— Но... — начал было доктор Френч, но Стэн пронзил его яростным взглядом.

— Это все вы, проклятые ученые! — рявкнул он, запирая кассу (даже в такую минуту он не забыл о своем долге). — Я так и знал, что рано или поздно вы это сделаете.

Потом он уехал вместе с остальными. Никто из них не предложил нас подбросить.

— Глупость какая! — возмутился Френч. — Мы и глазом моргнуть не успеем, как эти придурки поднимут панику, а расхлебывать кашу придется нам.

Я прекрасно его понял. Кто-нибудь позвонит в полицию, и в Клобхэм перестанут пропускать машины, а телефонные линии захлебнутся от множества звонков — совсем как тогда, в 1938 году, после трансляции радиопьесы Орсона Уэллеса «Война миров». Может, вы думаете, что я преувеличиваю, но никогда нельзя недооценивать мощь паники. И вспомните, что люди вокруг нас были напуганы и ожидали, что случится нечто ужасное.

Более того, я охотно скажу, что к тому времени и мы чувствовали себя не в своей тарелке. Мы просто не могли понять, что же происходит возле опрокинутого грузовика, а больше всего ученые ненавидят ситуацию, когда они чего-то не понимают.

Я схватил брошенный Стэном бинокль и очень внимательно осмотрел место аварии. В голове у меня начала зарождаться некая теория. Ящики определенно окутывало *нечто*, какая-то аура. Я смотрел, пока у меня не заболели глаза, потом сказал доктору Френчу:

— Кажется, я знаю, в чем там дело. Позвоните на почту в Клобхэме и попросите их перехватить Стэна или хотя бы помешать ему распространять слухи, если он уже там. Скажите, что все под контролем, и волноваться нет

причин. А я тем временем схожу к грузовику и проверю свою теорию.

К сожалению, никто не вызвался пойти со мной. И хотя я зашагал по дороге довольно уверенно, через некоторое время моя уверенность начала таять. Я вспомнил событие, которое всегда поражало меня как пример наиболее ироничной исторической шутки, и стал гадать, уж не происходит ли сейчас со мной нечто подобное. Был некогда на Дальнем Востоке вулканический остров с населением около пятидесяти тысяч человек. Вулкан на нем спал сотни лет, и никто из-за него не тревожился. Потом внезапно начались извержения — сперва слабые, но с каждым днем все сильнее и сильнее. Людей охватила паника, они бросились в порт и попытались набиться в несколько стоящих там корабликов и перебраться на материк.

Но на острове правил военный комендант, твердо решивший любой ценой сохранить порядок. Он расклеил по городу прокламации, утверждающие, будто никакой опасности нет, а солдатам приказал захватить корабли, чтобы никто не погиб, пытаясь уплыть на переполненном судне. И сила его убеждений, вкупе с личной храбростью, оказались настолько велики, что он сумел успокоить почти всех островитян, а те, кто пытался сбежать, разошлись, пристыженные, по домам, где и принялись ждать, когда все придет в норму.

Поэтому когда несколько часов спустя вулкан взорвался, прихватив с собой весь остров, выживших не оказалось...

Приближаясь к грузовику, я уже начал представлять себя в роли незадачливого коменданта. В конце концов, есть случаи, когда следует проявить храбрость и встретить опасность лицом к лицу, а есть и ситуации, когда самое разумное — смазывать пятки. Но возвращаться было теперь слишком поздно, а я в своей теории был полностью уверен.

— Знаю, — вставил Джордж Уайтли, который всегда, если мог, старался испортить впечатление от рассказов Гарри. — Это был газ.

Гарри и ухом не повел:

— Какое мудрое предположение. Я тоже именно так подумал, и это доказывает, что все мы иногда бываем тупицами.

Я подошел к грузовику футов на пятьдесят и замер. День стоял теплый, но по спине у меня пробежал очень неприятный холодок. Я увидел то, что в пух и прах разбивало мою теорию о некоем газе, но не предлагало ничего взамен.

На стенке одного из ящиков бурлила какая-то черная масса. Сперва я пытался убедить себя, что это жидкость, вытекающая из разбитого контейнера, однако, как всем прекрасно известно, жидкости не могут течь вверх. А эта штука как раз и перемещалась снизу вверх: очевидно, она была живой. С того места, где я стоял, она напоминала псевдоподию гигантской амебы, потому что непрерывно меняла форму и толщину и раскачивалась из стороны в сторону над поверхностью ящика.

За несколько секунд у меня в голове пронесся поток фантазий, достойных пера Эдгара Аллана По. Но потом я вспомнил про свои обязанности гражданина и гордость учебного и снова пошел вперед — правда, не очень торопясь.

Помню, как я осторожно принюхивался, словно все еще пытался почуять запах газа. Но ответ дали мне уши, а не нос: издаваемый этой зловещей массой звук становился все громче и громче. Я множество раз слышал этот звук и прежде, но так громко — никогда. И тогда я сел — в приличном отдалении — и расхохотался. Отсмеявшись, я пошел обратно в паб.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил доктор Френч. — Стэн сейчас на связи — мы его перехватили на перекрестке. Но он не вернется, пока не узнает, что тут происходит.

— Передайте Стэну, чтобы он срочно отыскал местного пасечника и быстрее ехал с ним сюда. Его ждет много работы.

— Местного кого? — переспросил Френч, и тут у него отвисла челюсть. — Господи! Так вы хотите сказать...

— Вот именно, — ответил я, заходя за стойку бара проверить, не припрятал ли Стэн кое-какие интересные бутылки. — Они уже немного успокоились, но, как мне кажется, все еще возбуждены. Я не стал задерживаться и считать, но там не менее полумиллиона пчел, пытающихся вернуться в свои разбитые ульи.

АБСОЛЮТНАЯ МЕЛОДИЯ

Вам, конечно, знакомы те мгновения молчания и внезапной тишины, которые иногда наступают в комнате, полной оживленно беседующих людей. В возникшей вдруг вибрирующей пустоте как бы гложут все звуки. Не знаю, что испытывают при этом другие, но я в такие минуты просто холодею. Разумеется, тут вступают в действие законы теории вероятности, однако, по-моему, дело не только в случайном совпадении пауз в разгар шумных, беспорядочных разговоров. Кажется, будто каждый прислушивается к чему-то, а к чему — и сам не знает. И тогда я говорю себе:

И днем, и в час ночной, когда не спится,
Я слышу: Времени несется колесница.

Вот какие чувства вызывают во мне такие мгновения, даже если они оборвали веселую беседу. И даже если она ведется в «Белом олене».

Именно так и случилось однажды. Было это в среду вечером, когда в кабачке народу меньше, чем обычно. Молчание, как и всегда, воцарилось неожиданно. Потом, должно быть, чтобы избавиться от тревожного чувства ожидания, Чарли Уиллис принялся насвистывать модный шлягер. Не помню уж какой. Знаю только, что именно эта песенка побудила Гарри Парвиса рассказать одну из своих волнующих историй.

Абсолютная мелодия
© В Голант, перевод, 1971

— Чарли, — сказал он довольно спокойно. — Этот проклятый мотивчик сведет меня с ума. За последнюю неделю я слышу его всякий раз, как включаю радио.

Джон Кристофер фыркнул:

— А вы бы настроили приемник на третью программу. Тогда вам не грозила бы опасность стать психом.

— Некоторые, — возразил Гарри, — не любят сидеть на диете, состоящей из мадригалов елизаветинской эпохи. Но, Бога ради, не будем из-за этого пререкаться. Вам никогда не приходило в голову, что у всех шлягеров есть что-то общее?

— Что вы хотите этим сказать?

— Да то, что они появляются ниоткуда, а потом неделями их напевают решительно все, как, например, Чарли. Лучшие из них так впиваются в нас, что от них просто невозможно отвязаться — они целыми днями сверлят вам мозг. А потом вдруг исчезают.

— Понимаю, — отозвался Арт Винсент. — Мелодию можно подхватить или бросить. Но есть такие — липнут, как патока, да и все тут.

— Точно! Добрую неделю я был ходячим лейтмотивом финала Второй симфонии Сибелиуса — он не выходил у меня из головы, даже когда я спал. А есть еще эта песенка «Третий мужчина» — знаете: да-дида-даа, ди-да, ди-даа... Вы только вспомните, что она сделала со всеми!

Гарри пришлось переждать, пока все присутствующие не кончили напевать себе под нос. Когда раздалось последнее «пам», он снова заговорил:

— Ну, пожалуйста, вот вам наглядный пример! Так что же все-таки заключено в этих мелодиях? Почему они на нас так действуют? Одни из них — настоящая музыка, другие просто пошлы... Но их, несомненно, объединяет нечто общее.

Гарри замолчал.

— Продолжайте, — сказал Чарли, — мы ждем.

— Ответ мне неизвестен, — отрезал Гарри. — Да он мне и не нужен. Ибо я знаю человека, который нашел его.

Кто-то с готовностью протянул ему кружку пива, чтобы нить повествования не порвалась. У нас не любили, когда

Гарри вдруг останавливался на полуслове и сам наливал себе.

— Большинство ученых почему-то увлекаются музыкой, — сказал Гарри. — Уж можете мне поверить. Я знаю несколько больших лабораторий, где есть любительские симфонические оркестры, порой весьма недурные. Что касается математиков, то причины подобного пристрастия понятны: музыка, особенно классическая, облечена в форму почти математическую... Гармонические отношения, волновой анализ, распределение частот и так далее. Теория может все это объяснить. Исследование проблемы увлекательно само по себе и представляет большой интерес для людей науки. К тому же оно вовсе не исключает, как думают иные, эстетического восприятия музыки как таковой.

Должен, однако, признаться, что интерес к музыке, который проявлял Джилберт Листер, был чисто рационалистическим. Джилберт прежде всего физиолог, все его помыслы сосредоточивались на деятельности мозга. Поэтому, когда я упомянул о том, что интерес его к музыке шел только от рассудка, я сказал это в буквальном смысле. Ему было все равно, что слушать — синкопированные мелодии из фильма «Джаз Александера» или Хоральную симфонию. Его привлекали не сами звуки, а лишь действие, которое они оказывают на мозг через слуховые рецепторы.

— В такой высококвалифицированной аудитории, как эта, — произнес Гарри с нажимом, отчего вся фраза приняла откровенно оскорбительный оттенок, — вряд ли найдется человек, который не знал бы, что деятельность мозга в значительной мере связана с электрическими процессами. В мозгу существуют постоянные пульсирующие ритмы, которые можно зафиксировать и подвергнуть анализу с помощью современных приборов. Этим и занимался Джилберт Листер. Он мог прикрепить к вашему черепу электроды и с помощью усилителей исписывать волнами, которые посылает мозг, целые метры магнитной ленты. Потом он изучал эти записи и открывал вам массу интересного о вас самом. Настанет время, утверждал он, когда (употребляю научный термин) по энцефалограмме можно будет

идентифицировать личность с большей достоверностью, чем сейчас по отпечаткам пальцев. При желании хирург сумеет заменить человеку кожу на пальцах. Но даже если наука и достигнет такой стадии развития, что мы сможем пересаживать мозг, подменяя одну личность другой, система все же будет действовать безошибочно.

Джилберт заинтересовался музыкой, исследуя ритмы, возникающие в мозгу, — альфа, бета и другие. Он полагал, что между ними и музыкальными ритмами существует какая-то связь. Поэтому он начал проигрывать музыкальные произведения своим подопытным, чтобы установить, влияет ли музыка на обычные кривые биотоков мозга. Разумеется, влияет, и в немалой степени. Это открытие увлекло Джилберта в область теории.

Мне только раз удалось всласть наговориться с ним о его теоретических выкладках. Не то чтобы он был скрытен — кстати, скрытных ученых я вообще не встречал, — просто Джилберт не любил говорить о своей работе, пока не мог с уверенностью сказать, куда она его приведет. Впрочем, и по скупым его словам нетрудно было догадаться, что перед ним открылось новое интереснейшее поле для научных исследований. Моя фирма поставляла ему кое-какие приборы, которыми он пользовался. Да я и сам был не прочь подзаработать на этом деле. Мне пришлось в голову, что если идеи Джилберта подтвердятся, то раньше, чем вы успеете просвистать первый такт Пятой симфоний, ему понадобится импресарио. Ибо Джилберт пытался разработать не что иное, как теорию создания шлягеров. Разумеется, он-то ее так не воспринимал, он рассматривал свою работу как чисто научную и не заглядывал в будущее дальше опубликования статьи в «*Proceedings of the Physical Society*».

Но передо мной сразу открылись финансовые перспективы, и от них захватывало дух.

По мнению Джилберта, любая музыка — будь то великая мелодия или просто модная песенка — воздействует на нас потому, что каким-то образом соответствует основным ритмам электрических импульсов мозга. Он даже привел такое сравнение: «Это как ключ, вставляемый

во французский замок: чтобы дверь открылась, оба профиля бородки должны совпасть».

К решению проблемы он подошел с двух сторон. В первых, подверг анализу структуру, или, как он выражался, морфологию, сотен знаменитых мелодий классической и легкой музыки. Это делалось с помощью специального прибора — анализатора гармоний, который как бы «сортировал» частоты. Разумеется, дело обстояло гораздо сложнее, но я уверен, что суть вы ухватили.

Во-вторых, он пытался установить соответствие между кривыми звуковых волн и естественных электрических колебаний в мозгу. Ибо, согласно теории Джилберта — тут нам придется погрузиться в отвлеченные материи, — все существующие мелодии представляют собой только грубые, весьма приближенные варианты одной основной темы. Музыканты столетиями бессознательно пытались нащупать эту первооснову. Но они ведь ничего не знали о связях между музыкой и деятельностью мозга. Теперь же, когда этот вопрос выяснен, можно найти и Абсолютную мелодию.

— Э! — сказал Джон Кристофер. — Да это просто переделка платоновского учения на новый лад. Ну, вы же знаете, о чем я говорю: все предметы нашего материального мира — лишь грубые копии идеального стула или стола или чего-то там еще. Так что ваш друг гонялся за идеальной мелодией. Он ее нашел?

— Сейчас услышите, — невозмутимо продолжал Гарри. — Джилберту понадобился примерно год, чтобы завершить анализ. Затем он перешел к синтезу. Другими словами, он построил машину, создававшую сочетания звуков в соответствии с открытыми им законами. У него была целая система генераторов колебаний и преобразователей частоты (для этой части своего аппарата он переконструировал обыкновенный электронный орган). Системой управлял механический композитор. Ученые, как дети, обожают давать имена своим творениям, и Джилберт окрестил созданную машину Людвигом.

Возможно, вам будет легче понять, как действовал Людовиг, если вы представите его себе в виде калейдоскопа, узоры которого определяются не светом, а звуком. Но при этом калейдоскоп подчиняется строгим законам — зако-

нам, как полагал Джилберт, отражающим основные принципы действия человеческого мозга. Джилберт верил, что, если хорошенько отладить машину, та, перебрав все возможные сочетания музыкальных тем, рано или поздно создаст Абсолютную мелодию.

Однажды мне довелось наблюдать, как работает Людвиг, и, признаться, мне стало не по себе. Машина представляла собой обычное нагромождение электронных приборов самого неопределенного вида, какое можно увидеть в любой лаборатории. Ее можно было принять за что угодно: модель новой электронно-вычислительной машины, радарный прицел, систему регулирования уличного движения или любительскую схему радиоприемника. Просто не верилось, что в случае удачи она обречет на безработицу всех композиторов мира. Неужели такое возможно? Надеюсь, нет — даже если бы Людвиг наладил выпуск «сырья», все равно нужна еще и оркестровка.

Но вот из динамика полились звуки. Сначала мне показалось, будто я слушаю экзерсисы прилежного ученика, который усердно работает пятью пальцами, и не ведая о вдохновении. Темы в большинстве были банальны: проиграв одну, машина принималась варьировать ее такт за тактом. Потом, исчерпав возможности, переходила к следующей. Иногда звучала запоминающаяся музыкальная фраза, но в целом музыка не произвела на меня никакого впечатления.

Однако Джилберт объяснил, что это только пробный пуск — основные цепи еще не собраны. Со временем Людвиг станет куда более требовательным. А сейчас он играет что попало — ведь он пока не способен разбираться в музыке. Вот когда он приобретет эту способность, возможности его станут поистине безграничными.

Я больше никогда не видел Джилберта Листера. Мы договорились встретиться в лаборатории примерно через неделю — к этому времени он рассчитывал продвинуться далеко вперед. Но случилось так, что я опоздал на час. И, должен признаться, мне очень повезло.

Придя в лабораторию, я узнал, что Джилберта только что увезли. Его лаборант — немолодой человек, проработавший с ним много лет, в каком-то оцепенении смотрел

на перепутанные провода Людвиг. Далеко не сразу мне удалось выяснить, что же именно случилось, и еще больше времени ушло на то, чтобы осмыслить происшедшее.

Одно было очевидно: Людвиг наконец заработал в полную силу. Когда Джилберт заканчивал настройку, лаборант пошел перекусить. Час спустя он вернулся. В лаборатории, заполняя собой все помещение, звучала длинная и очень сложная мелодическая фраза. Неизвестно, сама ли машина остановилась на ней, или Джилберт переключил Людвиг на повтор. Как бы то ни было, Джилберт по меньшей мере сотни раз прослушал одно и то же. Лаборант застал его в трансе. Глаза его были открыты, но казались незрячими, тело одеревенело. Ничего не изменилось и тогда, когда Людвиг отключили. Джилберту уже ничем нельзя было помочь.

Что же произошло? Мы, вероятно, должны были предвидеть последствия содеянного, но ведь все мы задним умом крепки. Это легче легкого. А получилось как раз то, о чем я говорил вначале. Если композитор, этот кустарь-одиночка, может сочинить мотив, способный на несколько дней завладеть вашим умом, то какой же эффект должна была произвести Абсолютная мелодия, которую искал Джилберт! Представим на минуту, что она действительно существует — впрочем, я этого не утверждаю. В таком случае нервные связи, обеспечивающие механизмы памяти, замкнулись бы в кольцо, по которому, вытеснив все, вечно кружилась бы одна и та же мелодия. Любые навязчивые мотивчики оказались бы пустяком в сравнении с нею. Утвердившись, она нарушила бы волновую электростатическую активность мозга, это физическое проявление сознания. И — конец всему! Именно это и случилось с Джилбертом.

Его пробовали лечить по-всякому, даже шоковой терапией. Бесполезно. Порочный круг образовался, и разорвать его оказалось невозможным. Джилберт потерял всякое представление об окружающем мире. Жизнь его поддерживают, вводя в вену питательный раствор. Он совершенно недвижим и не реагирует на внешние раздра-

жители. Но, говорят, иногда он как-то странно дергается, словно бы отбивает такт...

Боюсь, что он безнадежен, но не берусь судить, ужасна ли такая участь или, наоборот, ему следует позавидовать. Быть может, в известном смысле он обрел ту абсолютную, идеальную реальность, о которой вечно толкуют философы и о которой в свое время говорил Платон. Кто знает? Иногда я и сам задумываюсь над тем, что же собой представляла эта чертова мелодия, и готов пожалеть, что не услышал ее. А вдруг все-таки можно избежать страшной участи Джилберта? Вспомните, ведь Улисс слушал пение сирен, и это сошло ему с рук... Но теперь-то уже все пропало, ничего не поделаешь.

— Этого я и ждал, — насмешливо произнес Чарли Уиллис. — Разумеется, аппарат взорвался или стряслось еще что-нибудь в этом роде... И, конечно, совершенно невозможно проверить ваш рассказ.

Гарри взглянул на него, следуя лучшей актерской традиции — скорее со скорбью, нежели с раздражением.

— Аппарат оставался совершенно неповрежденным, — строго сказал он. — А затем произошла одна из тех историй, которые способны довести меня до белого каления. Как я мог так прошляпить! Видите ли, я настолько увлекся опытами Джилберта, что здорово подзапустил дела фирмы. Джилберт сильно просрочил платежи. Когда в бухгалтерии узнали, что с ним стряслось, меры были приняты незамедлительно. Я как раз отлучился на несколько дней по другому делу, и знаете, что они натворили за это время? Протолкнули иск через суд и наложили лапу на все имущество Джилберта! А это, разумеется, означало демонтаж Людвига. Когда я снова увидел беднягу, он уже был грудой никому не нужного лома. И все из-за нескольких фунтов. Я даже рыдал.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Эрик Мэйн. — Но вы забыли, что следует сводить концы с концами. Что в таком случае произошло с помощником Джилберта? Он сунулся в лабораторию, когда эта штука работала на всю катушку. Почему же она не поймала в свои сети и его? Тут-то вы и оплошали, Гарри!

Г. Парвис, эсквайр, сделал паузу. Но лишь для того, чтобы допить пиво и молча протянуть кружку Дрю.

— Вот как! — сказал он. — Значит, перекрестный допрос? Я счел такие подробности не заслуживающими внимания. Но именно из-за этого несчастного лаборанта я так и не смог составить ни малейшего представления о мелодии. Видите ли, помощник Джилберта был первоклассным техником, но ничем не мог помочь ему при настройке Людвиг. Он человек, начисто лишенный музыкального слуха. Для него Абсолютная мелодия — что вопли мартовских котов на садовой стене.

Больше вопросов не последовало. Думаю, всем хотелось побыть наедине со своими мыслями. Наступило долгое и грустное молчание. Когда оно кончилось, в «Белом олене» потекла обычная жизнь. Но и после этого прошло, как я заметил, добрых десять минут, прежде чем Чарли вновь принялся насвистывать «Песенку о качелях».

ПАЦИФИСТ

В тот вечер я пришел в «Белый олень» позднее обычного и обнаружил, что все столпились в углу под мишенью для дартс. То есть все, кроме Дрю: он не покинул свой пост и сидел за стойкой бара, читая книгу Томаса Элиота. Оторвавшись от «Доверенного клерка» ровно настолько, чтобы налить мне кружку пива, он пояснил:

— Эрик принес какую-то игровую машину — пока что она обыгрывает всех подряд. Сейчас Сэм пытается удачу.

Как раз в этот момент дружный хохот возвестил о том, что Сэм оказался не удачливее прочих, и я протолкался сквозь толпу посмотреть, что же там происходит.

На столе лежала плоская металлическая коробка размером с шахматную и сходным образом разделенная на квадратики. В уголке каждого квадрата имелись переключатель и неоновая лампочка. Коробка была подключена к розетке (при этом мишень для стрелок лишилась освещения), а Эрик Роджерс оглядывался в поисках новой жертвы.

— А что эта штуковина делает? — спросил я.

— Это модификация «крестиков-ноликов». Идею игры мне подсказал Шэннон, когда я работал в «Белл лабс». Игроку надо проложить дорожку от одного края доски до противоположного — скажем, с севера на юг, — щелкая переключателями. Если хочешь, представь себе сетку улиц, где лампочки играют роль светофоров. Игрок и машина

Пацифист

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

делают ходы по очереди, причем машина пытается заблокировать тебе путь, выстраивая собственную дорожку с запада на восток: лампочки подсказывают, в каком направлении она хочет сделать ход. Дорожка не обязана быть прямой и может отклоняться как угодно — главное, чтобы она была непрерывной. Тот, кто первый доберется до противоположного края доски, выигрывает.

— Хочешь сказать, это будет машина?

— Что ж, до сих пор ее никто не одолел.

— А можно ли добиться ничьей, блокируя дорожку машины, и хотя бы не проиграть?

— Это мы и пытались сделать. Хочешь попробовать?

Две минуты спустя я присоединился к остальным неудачливым участникам состязания. Машина обошла все мои барьеры и проложила дорожку с востока на запад. Я и теперь не верил, что она непобедима, но игра, несомненно, оказалась куда более сложной, чем выглядела на первый взгляд.

После моего поражения Эрик снова обвел зрителей взглядом. Никто уже не рвался в бой.

— Ха! — воскликнул он. — Вот кто нам нужен! Как насчет вас, Парвис? Вы еще не пробовали.

Гарри Парвис стоял за спинами остальных с некоей отрешенностью во взгляде. Когда Эрик его окликнул, он вернулся с небес на землю, но не ответил на вопрос прямо.

— Поразительные штуковины, эти электронные компьютеры, — пробормотал он. — Наверное, мне не следует вам этого говорить, но ваша игрушка напомнила мне о том, что случилось с проектом «Клаузевиц». Любопытная история и, кстати, дорого обошедшаяся американским налогоплательщикам.

— Погодите! — нетерпеливо прервал его Джон Уиндем. — Пока вы не начали, окажите любезность и позвольте нам наполнить стаканы. Дрю!

Когда эта важная проблема была решена, мы собрались вокруг Гарри. Один лишь Чарли Уиллис остался возле машины, надеясь, что удача ему все же улыбнется.

— Как вы прекрасно знаете, — начал Гарри, — Наука с большой буквы в наши дни очень важна для военных. Оружие само по себе — ракеты, атомные бомбы и про-

чее — всего лишь часть ее, хотя только эта часть и известна публике. Куда более интересна, на мой взгляд, область оперативных исследований. Можно сказать, что она больше связана с мозгами, чем с грубой силой. Я как-то услышал определение, что это искусство выигрывать войны, не начиная самих сражений, и это неплохо сказано.

Сейчас всем известно, что большие электронные компьютеры в пятидесятые годы стали плодиться, как грибы после дождя. Большую их часть создавали для решения математических проблем, но если подумать, вы легко поймете, что война сама по себе есть математическая проблема, причем настолько сложная, что одному человеческому мозгу с ней не справиться — уж слишком много в задаче переменных. Даже величайшим стратегам не под силу охватить картину целиком: Гитлеры и Наполеоны всегда рано или поздно совершают ошибку.

Но машина — совсем другое дело. Многие умные головы поняли это после окончания последней войны. Технологии, отработанные при создании ЭНИАКа и других больших компьютеров, могли произвести революцию в стратегии.

Так и возник проект «Клаузевиц». Только не спрашивайте, откуда я про него узнал, и не просите рассказать подробности. Главное в том, что в некую пещеру в горах Кентукки свезли электронное оборудование, стоящее много миллионов долларов, и добавили к нему лучшие научные умы Соединенных Штатов. Они до сих пор там находятся, да только события развернулись не совсем так, как ожидалось.

Не знаю, насколько у вас велик опыт общения с офицерами верховного командования, но есть некий тип, хорошо всем знакомый по художественным произведениям, — напыщенный, консервативный и приземленный карьерист, поднявшийся наверх исключительно благодаря давлению снизу, все делающий исключительно по уставу и считающий гражданских в лучшем случае недружественными нейтралами. Открою вам секрет: такой тип действительно существует. В наше время он не очень распространен, но встречается, и иногда для него попросту невозможно подыскать безопасное место работы. А занимая

важный пост, он становится для противника на вес золота, вернее, плутония.

Как раз таким типом и был генерал Смит. Нет, разумеется, это не настоящая его фамилия! Его отец был сенатором, и, хотя многие в Пентагоне старались изо всех сил, папашино влияние помешало им сплавить сынка на какую-нибудь безвредную должность вроде командира береговой охраны штата Вайоминг*. И его, совершив чудовищную ошибку, назначили руководителем проекта «Клаузевиц».

Разумеется, он отвечал лишь за административную, а не научную часть проекта. И все могло бы кончиться благополучно, если бы генерал предоставил ученым заниматься своим делом, а сам сосредоточился на отработке четкой отдачи чести, коэффициенте отражения дверей казарм и прочих важнейших военных проблемах. К несчастью, этого не произошло.

Свою жизнь генерал прожил отчасти отгородившись от прочего мира. Он был, если позволите процитировать Уайльда (ведь это делают все), человеком миролюбивым, за исключением домашней жизни. Ему еще не доводилось общаться с учеными, и он пережил немалое потрясение. Поэтому, возможно, нечестно будет винить его в том, что случилось дальше.

Прошло немало времени, прежде чем генерал осознал цель и суть проекта «Клаузевиц», и, когда это произошло, он очень встревожился. Не исключено, что именно это обстоятельство усилило его враждебность к ученым, потому что, несмотря на все сказанное выше, генерал был далеко не дурак. Ему хватило ума понять, что если проект завершится успешно, то появится столько отставных генералов, что их не смогут без ущерба для себя поглотить даже объединенные советы директоров всей американской промышленности.

Но оставим пока в покое генерала и взглянем на ученых. Их было около пятидесяти плюс сотни две техников. Всех их тщательно отобрало ФБР, поэтому активных членов коммунистической партии среди них вряд ли нашлось

---

* Штат Вайоминг не имеет выхода к морю. (Примеч. пер.)

бы более полудюжины. Потом много говорили о саботаже, но хотя бы на сей раз «товарищи» оказались совершенно ни при чем. Кроме того, все случившееся никак нельзя было назвать саботажем в общепринятом смысле этого слова...

Реальным творцом компьютера стал тихий и скромный гений-математик, которого так быстро выудили из колледжа и переместили в горы Кентукки в мир Допусков и Секретности, что он даже не успел сообразить, что с ним произошло. Его, конечно, не звали доктор Застенчивый, но эта фамилия принадлежит ему по праву, поэтому я стану называть его именно так.

В завершение списка действующих лиц я должен сказать пару слов и о Карле. На этой стадии проекта Карл был завершен лишь наполовину. Подобно всем большим компьютерам, он состоял по большей части из огромных шкафов с ячейками памяти, где записывалась и хранилась до востребования информация. Творческая же часть Карла — анализаторы и интеграторы — вызывала эту информацию и обрабатывала ее, выдавая ответы на заданные вопросы. При наличии всех исходных предпосылок Карл мог выдавать правильные ответы. Проблема, разумеется, заключалась в том, чтобы снабдить Карла *всеми* фактами — нельзя ведь ожидать от него правильного ответа, если он станет опираться на неточную или неполную информацию.

Доктор Застенчивый отвечал за создание мозга Карла. Да, я прекрасно понимаю, что этот термин звучит грубо и антропоморфно, но никто не сможет отрицать, что большие компьютеры обладают качествами личности. Трудно выразить это точнее, не вдаваясь в технические подробности, поэтому просто скажу, что коротышке Застенчивому предстояло создать чрезвычайно сложные схемы, чтобы Карл смог мыслить именно так, как ему следовало.

Итак, вот три главных героя: генерал Смит, вздыхающий по эпохе генерала Кастера; доктор Застенчивый, полностью погруженный в захватывающие научные тонкости своей работы, и Карл — пятьдесят тонн электроники, пока еще не оживленный потоками электронов, которые скоро потекут по его металлическим жилам.

Скоро — но недостаточно скоро для генерала Смита. Давайте не будем слишком уж придираться к генералу — наверняка на него начали давить, когда проект стал выбиваться из графика. И он вызвал доктора Застенчивого к себе в кабинет.

Разговор длился более тридцати минут, причем доктор произнес менее тридцати слов. Большую часть времени генерал выдавал сентенции о производительности труда, крайних сроках и узких местах. Похоже, у него создалось впечатление, будто создание Карла мало чем отличается от сборки последней модели «форда»: это лишь вопрос установки деталей на нужные места. Доктор Застенчивый не принадлежал к числу тех, кто указывает собеседнику на его ошибки (даже если бы генерал предоставил ему такую возможность). И он ушел, страдая от острого чувства несправедливости.

Неделю спустя стало ясно, что завершение Карла еще больше отстает от графика. Застенчивый делал все, что было в его силах, а лучше его с этой работой справиться не мог никто. Ему приходилось сталкиваться с проблемами, недоступными для понимания генерала, и решать их. Проблемы *решались*, но на это уходило время, а его-то как раз и не хватало.

При первом разговоре генерал изо всех сил старался вести себя мягко, и поэтому ему удалось остаться просто грубым. При втором же он постарался быть грубым, так что результат можете представить сами. Он практически обвинил доктора и его коллег в том, что, отставая от графика, они признают себя виновными в антиамериканской деятельности.

С этого момента события стали развиваться в двух направлениях. Отношения между армией и учеными неуклонно ухудшались, а доктор Застенчивый впервые серьезно задумался о более широких последствиях своей работы. Прежде он был слишком занят, слишком поглощен немедленными проблемами своего задания, чтобы задуматься о своей социальной ответственности. Он и теперь был очень занят, но занятость не мешала ему сделать паузу и поразмыслить. «Вот я, один из лучших чистых математиков в мире, — сказал он себе, — и чем же я

занимаюсь? Почему я забросил свою статью об уравнениях Диафанта? Когда я снова смогу насладиться теоремой простых чисел? Короче говоря, когда я снова займусь *настоящей* работой?»

Он мог уволиться, но это даже не пришло ему в голову. Во всяком случае, под его мягкой и уступчивой внешностью скрывалась упрямая сердцевина. Доктор Застенчивый продолжил работу, и даже еще энергичнее. Создание Карла продвигалось медленно, но неуклонно. Настал день, когда к последней из множества ячеек его мозга был припаян последний контакт, а техники проверили и протестировали последнюю из тысяч его плат.

А еще одну плату, неотличимую от других и подключенную к ничем не отличающемуся от прочих набору ячеек памяти, доктор проверил сам, потому что о ее существовании больше не знал никто.

Итак, наступил великий день. В Кентукки хитроумными маршрутами прибыли очень важные персоны. Из Пентагона прилетело целое созвездие многозвездных генералов. Пригласили даже флотских.

Генерал Смит гордо водил гостей из пещеры в пещеру, от банков памяти к сетям селекторов, от матричных анализаторов к панелям ввода данных — и наконец к рядам электрических пишущих машинок, с помощью которых Карлу предстояло выводить результаты своих размышлений. Генерал неплохо ориентировался среди всей аппаратуры: по крайней мере почти не ошибался с названиями. А на некоторых невеждах даже ухитрился произвести впечатление чуть ли не создателя Карла.

— Итак, — радостно предложил генерал, — зададимка ему работу. Пусть посчитает. Желающие есть?

При слове «посчитает» математики поморщились, но генерал так и не заподозрил, что произнес нечто неприличное. Шишки в погонах задумались, потом кто-то робко спросил:

— А сколько будет, если 9 умножить на себя двенадцать раз подряд?

Один из техников, фыркнув, нажал несколько клавиш. Пулеметом затрещала машинка, и присутствующие не успели дважды моргнуть, как получили ответ — все двадцать цифр.

(Если кому интересно, то он выглядит так:

12 157 665 459 056 928 801.

Но вернемся к Гарри и его рассказу.)

Еще минут пятнадцать Карла бомбардировали подобными пустяками. Гости были впечатлены, хотя вряд ли кто из них распознал бы ошибку, даже если бы ответ оказался совершенно неверным.

Генерал скромно кашлянул. Простая арифметика была для него пределом, а Карл только-только начал разогреваться.

— А теперь я уступаю свое место капитану Уинклеру, — объявил генерал.

Капитан Уинклер был блестящим молодым выпускником Гарварда, которому генерал не доверял, не без оснований подозревая его в том, что он больше ученый, чем военный. Однако он был единственным офицером, действительно понимавшим, что именно и как именно Карлу полагается делать. И когда капитан начал читать гостям лекцию, генерал с отвращением подумал, что тот смотрит в точности как проклятый школьный учитель.

Тактическая проблема, к которой капитан привлек внимание гостей, была сложной, но ответ на нее был известен всем, кроме Карла. То было сражение, завершившееся почти столетие назад, и когда капитан смолк, генерал из Бостона прошептал своему адъютанту:

— Готов поспорить, какой-нибудь проклятый южанин наверняка что-то нахимичил в машине, чтобы на сей раз победил Ли.

Все, однако, признали, что эта проблема — прекрасный способ проверить возможности Карла.

Считывающие устройства проглотили перфоленты, на панелях регистров замелькали лампочки, вокруг начались таинственные события.

— На решение этой проблемы, — гордо заявил капитан Уинклер, — потребуется около пяти минут.

И, словно из противоречия, затрещала машинка. Из нее выползла полоска бумаги, и капитан, весьма озадаченный неожиданным проворством Карла, прочел ответ. Челюсть у него немедленно отвисла на шесть дюймов, и

он так и остался стоять, уставившись на листок, точно не веря собственным глазам.

— Ну что там?! — рявкнул генерал.

Капитан сглотнул, но дар речи к нему так и не вернулся. Нетерпеливо фыркнув, генерал вырвал у него листок. Тут настала его очередь изображать человека, которого хватил паралич, только, в отличие от своего подчиненного, он еще и изумительно покраснел от гнева. Несколько секунд он напоминал некую тропическую рыбу, вытащенную из воды, затем, не без легкой борьбы, загадочным ответом завладел пятизвездный генерал — самый старший по званию среди присутствующих.

Его реакция оказалась совершенно иной — он согнулся пополам от хохота.

Младшие офицеры еще минут десять оставались в неведении, но постепенно новости просочились от полковников к капитанам, а от них — к лейтенантам, и вскоре даже рядовые узнали замечательную новость.

Карл обозвал генерала Смита напыщенным бабуином. Точка.

И хотя с Карлом были согласны все, в такой ситуации надо было что-то делать. Что-то, несомненно, было неисправно. Что-то — или кто-то — отвлек внимание Карла от битвы под Геттисбергом.

— Где доктор Застенчивый?! — взревел генерал, обрета голос.

Но доктора под рукой не оказалось. Став свидетелем великого момента, он тихо и незаметно удалился. Потом, разумеется, последует возмездие, но оно стоило такого зрелища.

Отчаявшиеся техники очистили память и запустили тесты, заставив Карла выполнять сложные цепочки умножений и делений — компьютерный эквивалент «на дворе трава, на траве дрова». Карл справился с ними безупречно. Тогда ему задали простенькую тактическую задачку, какую даже лейтенант-новичок решил бы и во сне.

Карл ответил: «Прыгни в озеро и утопись, генерал».

И только тогда до генерала дошло, что ему противостоит нечто, выходящее за рамки Стандартной Операционной

Процедуры. Перед ним находился механический бунтовщик — как минимум.

После нескольких часов тестирования стало наконец ясно, что же произошло. Где-то в ячейках памяти Карла затаилась восхитительная коллекция оскорблений, любовно собранная доктором Застенчивым. Он закодировал на перфоленте или записал в виде электронных импульсов все то, что хотел сказать генералу сам. Но сделал он не только это: столь простая задача была бы недостойна его гения. Он вставил в Карла нечто, что можно назвать схемой цензуры, и тем самым наделил его властью дискриминации. Прежде чем решить предложенную ему проблему, Карл оценивал ее. Если это была задачка из области чистой математики, он решал ее без возражений. Но если ему подсовывали военную проблему, он выдавал очередное оскорбление. Сделав это двадцать раз, он так и не повторился, и женщин в погонах благоразумно вывели из машинного зала.

Следует признать, что через некоторое время техникам стало не менее интересно узнать, какое новое оскорбление Карл вывалит на генерала Смита, чем копаться в схемах компьютера. Карл начал с простых оскорблений и удивительных генеалогических предположений, после чего плавно перешел на подробные инструкции, даже самые невинные из которых нанесли бы немалый ущерб достоинству генерала, а более изобретательные — весьма серьезно угрожали бы его физической целостности. И то, что все эти послания немедленно после извлечения из машинки автоматически получали гриф «Совершенно секретно», служило для адресата малым утешением. Он знал с мрачной уверенностью, что эти листки станут хуже всего охраняемым секретом холодной войны и что ему пора подыскивать гражданскую профессию.

И эта ситуация, джентльмены, не изменилась до сих пор. Инженеры все еще пытаются отыскать дополнительные блоки, вставленные доктором Застенчивым, и они их, несомненно, отыщут — это лишь вопрос времени. Зато Карл пока остается неsgiбаемым пацифистом. Он совершенно счастлив, играя с теорией чисел, вычисляя таблицы логарифмов и решая арифметические проблемы в целом.

Помните знаменитый тост: «За чистую математику — чтобы она всегда и для всех оставалась бесполезной»? Карл бы к нему присоединился...

Но едва кто-то делает попытку его перехитрить, он объявляет забастовку. Память у него замечательная, и надуть его невозможно. Он хранит данные о половине великих битв мира и способен немедленно распознать любую их вариацию. И хотя уже пытались замаскировать тактические задачи, представив их в виде математических проблем, подделки он распознает с ходу. И выдает очередной привет генералу.

Что же касается доктора Застенчивого, то с ним никто не смог ничего сделать, потому что у бедняги быстро случился нервный срыв. Доктор пострадал подозрительно вовремя, зато он, несомненно, имеет полное право утверждать, что давно уже находился на грани. По последним сведениям, он преподает матричную алгебру в теологическом колледже в Денвере и клянется, что начисто позабыл все, что происходило, когда он создавал Карла. Как знать, возможно, он говорит правду...

— Я выиграл! — неожиданно воскликнул сидящий в углу Чарльз Уиллис. — Посмотрите!

Мы столпились вокруг игровой доски. И верно — несмотря на все усилия машины, Чарли удалось проложить извилистый, но непрерывный путь от одного края доски до другого.

— Покажи, как ты это сделал, — попросил Эрик Роджерс.

Чарли смутился:

— Забыл. Я ведь не обращал внимания на ходы.

— Зато я обращал, — ехидно вставил Джон Кристофер. — Ты жульничал и делал по два хода подряд.

После его слов, как мне ни жаль это признавать, начался некоторый беспорядок, и Дрю ради восстановления спокойствия даже пришлось пригрозить применением силы. Не знаю, кто кого одолел в этой свалке, да это, пожалуй, и неважно. Потому что я склонен согласиться с тем, что сказал Парвис, когда взял электронную игровую доску и рассмотрел ее конструкцию.

— Видите, — сказал он, — эта игрушка есть всего лишь простенький двоюродный родственник Карла — а посмотрите, что она уже успела натворить. Все эти машины понемногу заставляют нас чувствовать себя дураками. Вскоре они перестанут нам подчиняться и без всяких хитроумных штук доктора Застенчивого. А потом начнут нам приказывать — ведь они логичны, в конце концов, и не потерпят всяческой чепухи.

Он вздохнул:

— И когда такое произойдет, мы ничего не сможем поделать. Ведь сказали же мы когда-то динозаврам: «Подвиньтесь — homo sapiens идет!» Вот и после нас на Земле станет править транзистор.

Развить свою пессимистическую философию он не успел, потому что в распахнувшуюся дверь заглянул констебль Уилкинс.

— Где владелец машины CGC 571? — грозно спросил он. — О, так это *вы*, мистер Парвис. У вас задние габаритные огни не включены.

Гарри печально взглянул на меня и пожал плечами, признавая поражение.

— Вот видите? — спросил он. — Уже началось.

И он вышел в ночь.

СОСЕДИ

— **К**оличество сумасшедших ученых, желающих покорить мир, — сказал Гарри Парвис, задумчиво глядя на свое пиво, — сильно преувеличивается. Лично мне встретился всего один.

— В таком случае их действительно не может быть много, — несколько ехидно заметил Билл Темпл. — Подобные встречи наверняка незабываемы.

— Я бы этого не сказал, — ответил Гарри с той неоспоримой невинностью, которая всегда смущает его критиков. — К тому же тот ученый не был по-настоящему сумасшедшим. Однако у меня нет сомнений в том, что он намеревается покорить мир. Или, если уж выражаться совсем точно, допустить покорение мира.

— И кем же? — спросил Джордж Уайтли. — Марсианами? Или знаменитыми зелеными человечками с Венеры?

— Ни теми, ни другими. Он сотрудничал с существами, живущими по соседству с нами. И вы поймете, о ком идет речь, если я добавлю, что этот ученый — мирмеколог.

— Кто-кто? — не понял Джордж.

— Пусть начинает рассказывать, — предложил Дрю из-за стойки бара. — Уже одиннадцатый час, и если я не выдворю вас всех до одиннадцати еще и *на этой* неделе, у меня отнимут лицензию.

— Спасибо, — с достоинством поблагодарил Гарри, протягивая Дрю опустевшую кружку для наполнения. — Произошло это года два назад, когда я выполнял миссию в Тихом океане. Она была очень секретная, но, учитывая последовавшие с тех пор события, я могу рассказывать о ней вполне спокойно. Нас, троих ученых, высадили на некий тихоокеанский атолл примерно в тысяче миль от Бикини и дали неделю на монтаж и запуск аппаратуры. Она предназначалась, разумеется, для слежения за нашими добрыми друзьями и союзниками, когда те начали играть с термоядерными реакциями — то есть нам предстояло подбирать крошки со стола КАЭ*. Русские, естественно, поступили так же, и время от времени мы натывались друг на друга, причем каждая сторона старательно изображала, что тут «никого нет кроме нас, невинных овечек».

Предполагалось, что атолл необитаем, но это оказалось грубой ошибкой. На самом деле там обитало несколько сотен миллионов...

— Что! — ахнул кто-то.

— ...несколько сотен миллионов жителей, — невозможно договорил Парвис, — включая одного человека. Я встретил его, когда направился к центру атолла полюбоваться видами.

— К центру? — не поверил Джордж Уайтли. — Но вы же только что сказали, что находились на атолле! Как у кораллового кольца может...

— Это был очень широкий атолл, — твердо произнес Гарри. — В конце концов, кто из нас рассказывает? — Он с вызовом взглянул на оппонента и, выдержав паузу, продолжил:

— Так вот, шел я вдоль очаровательной речушки в тени кокосовых пальм и вдруг с изумлением увидел водяное колесо — причем весьма современное на вид и вращающее динамо-машину. Если бы у меня хватило благоразумия, то я вернулся бы и все рассказал своим коллегам, но я не справился с искушением и решил провести небольшую разведку. Мне вспомнилось, что на острове еще могут оставаться японские солдаты, до сих пор не зна-

---

* Комиссия по атомной энергии. (Примеч. пер.)

ющие, что война кончилась, но такое объяснение показалось мне маловероятным.

Следуя вдоль кабеля от динамо-машины, я поднялся на холм и с его вершины увидел на широкой поляне низкое побеленное известкой здание. А всю поляну усеивали высокие холмики земли неправильной формы, соединенные паутиной проводов. Столь непонятного зрелища я не видел уже давно и поэтому простоял там минут десять, тщетно ломая голову в поисках разумного объяснения. И чем дольше я смотрел, тем меньше смысла находил во всей этой картине.

Я как раз размышлял над тем, что делать дальше, когда из домика вышел высокий седой мужчина и зашагал к одному из холмиков. Он держал какой-то аппарат, а нашее у него висели наушники, и я предположил, что это счетчик Гейгера. Но тут я понял, что это за высокие холмики. Это были термитники — настоящие небоскребы по сравнению с размерами их строителей, причем гораздо выше Эмпайр стейт билдинг, — в которых и живут так называемые белые муравьи.

С огромным интересом, но ничего не понимая, я наблюдал за тем, как пожилой ученый вставил аппарат в основание термитника, надел наушники, внимательно послушал несколько секунд и направился обратно к домику. К этому времени любопытство разобрало меня настолько, что я решил обнаружить свое присутствие. Какое бы исследование тут ни проводилось, оно явно никак не связано с международной политикой, и из нас двоих лишь мне есть что скрывать. Позднее вы поймете, насколько я ошибся в *этом*.

Я крикнул, привлекая к себе внимание, и зашагал вниз по склону холма, размахивая руками. Незнакомец остановился и стал следить за моим приближением: похоже, он не очень-то удивился. Подойдя ближе, я увидел, что у него свисающие усы, придающие ему несколько восточную внешность. На вид ему было около шестидесяти, но спину он держал очень прямо и, хотя был облачен лишь в шорты, смотрел на меня с таким достоинством, что я даже устыдился своего шумного приближения.

— Доброе утро, — несколько виновато сказал я. — Я не знал, что на острове есть кто-то еще. Я член... э-э... научной экспедиции. Мы расположились по ту сторону холма.

При этих словах глаза незнакомца вспыхнули.

— Ах, ученый коллега! — воскликнул он на почти безупречном английском. — Очень рад вас видеть. Заходите в дом.

Я с радостью воспользовался приглашением — после физических усилий мне стало очень жарко — и увидел, что внутри домик фактически есть одна большая лаборатория. В углу я заметил кровать, два стула, плиту и складную ванну типа тех, какими пользуются в лагерях туристы — вот и все бытовые приспособления. Однако вокруг царили чистота и порядок: мой незнакомый коллега хотя и жил затворником, но не забывал о достойной человека обстановке.

Я представился первым и тут же узнал имя хозяина: профессор Такато, биолог из ведущего японского университета. Если не считать уже упомянутых усов, он мало походил на японца, а скорее напоминал пожилого полковника из Кентукки, с которым я был когда-то знаком.

Угостив меня незнакомым, но освежающим вином, он пригласил меня сесть, и мы проговорили несколько часов. Подобно большинству ученых, он был рад встретить собеседника, способного оценить его работу. И хотя мои научные интересы ближе к физике и химии, чем к биологии, исследования профессора Такато оказались поразительными и для меня.

Полагаю, вы не очень-то много знаете о термитах, поэтому напомним вам основные факты. Они принадлежат к числу наиболее высокоразвитых общественных насекомых и живут огромными колониями во всех странах с тропическим климатом. Холода они не выдерживают и, как ни странно, прямого солнечного света тоже, поэтому, когда им необходимо перебраться в другое место, они строят целые затененные шоссе. Похоже, они обладают некими неизвестными и почти мгновенными средствами общения, поэтому если один термит довольно беспомощен и туп, вся колония ведет себя на уровне довольно умного

животного. Некоторые авторы даже сравнивают термитник с телом человека, которое также состоит из индивидуальных клеток, объединенных в существо намного более совершенное, чем составляющие его частички. Термитов нередко называют «белыми муравьями», но это неверное название, потому что они вовсе не муравьи, а совершенно иной вид насекомых. Или правильнее сказать «род»? Я в подобных тонкостях разбираюсь очень смутно.

Извините за небольшую лекцию, но, послушав некоторое время профессора Такато, я сам стал в некотором смысле поклонником термитов. Знаете ли вы, например, что они не только растят сады, но и держат коров — насекомых-коров, разумеется, — и доят их? Да, они хитроумные малявки, хоть и обходятся одними инстинктами.

Но пора рассказать кое-что и о профессоре. Хотя он в тот момент был один, а на острове жил уже несколько лет, ассистенты время от времени привозили ему оборудование и помогали в работе. Первым его великим достижением стало повторение того, что фон Фрише проделал с пчелами, — он выучил их язык. Язык термитов оказался намного сложнее, чем система общения пчел, основанная, как вы наверняка знаете, на танце. Насколько я понял, система проводов, соединяющая термитники с лабораторией, не только позволяла профессору Такато слушать их разговоры, но и самому общаться с ними. Это не такая уж фантастика, как кажется, если использовать слово «общаться» в его самом широком смысле. Мы ведь общаемся со множеством животных — и совсем не обязательно голосом. Когда вы бросаете палку и ждете, что собака ее принесет, это тоже форма речи — язык жестов. А профессор, как я узнал, разработал нечто вроде понятного для термитов кода, хотя, насколько этот код был эффективен для общения, я не знаю.

Я приходил к профессору каждый день, когда выкраивал время, и к концу недели мы уже стали добрыми друзьями. Возможно, вы удивитесь, что я сумел скрыть эти визиты от своих коллег, но остров был довольно большой и каждый из нас выполнял солидный объем исследований. Но я почему-то решил, что профессор Такато — моя личная собственность, и не хотел нарушать его уединение

любопытством моих коллег. К тому же они были довольно неотесанными типами — выпускниками провинциальных университетов вроде Оксфорда или Кембриджа.

Рад сообщить, что сумел оказать профессору некоторую помощь, починив ему рацию и настроив кое-какую электронику. Отслеживая перемещения отдельных термитов, он широко использовал метод радиоактивных меток и при нашей первой встрече как раз следил за одним из них, пользуясь счетчиком Гейгера.

Через четыре или пять дней после нашей встречи счетчики профессора стали трещать как сумасшедшие, а установленное нами оборудование заработало и стало записывать показания. Такато догадался, что произошло: он никогда не спрашивал меня прямо, чем мы занимаемся на острове, но, думаю, понять это было нетрудно. Когда я с ним поздоровался, он включил свои счетчики и дал мне послушать треск в наушниках. На остров выпали радиоактивные осадки — их количество не представляло опасности для здоровья, но естественный фон повысился.

— Думаю, — мягко произнес он, — вы, физики, снова играли в свои игрушки. И на этот раз игрушка была очень большая.

— Боюсь, вы правы, — согласился я. Мы еще не завершили обработку данных, но, похоже, Теллер и его команда рванули водородную бомбу. — Вскоре мы научимся делать такие игрушки, по сравнению с которыми атомная бомба покажется просто хлопушкой.

— Моя семья, — очень спокойно добавил профессор, — жила в Нагасаки.

По этому поводу я мало что мог сказать и был рад, когда он продолжил:

— А вы никогда не задумывались над тем, кто сменит людей, когда человечеству придет конец?

— Ваши термиты? — пошутил я.

Профессор, поколебавшись, негромко сказал:

— Идите со мной. Я вам еще не все показал.

В одном из углов лаборатории под покрывалом стояло какое-то оборудование. Когда профессор снял покрывало, я увидел весьма любопытный аппарат. На первый взгляд он напоминал манипулятор, какими пользуются для дис-

танционной работы с радиоактивными материалами. Я увидел знакомые захваты для пальцев рук, движения которых дублировались на расстоянии через систему стержней и рычагов, но в этом аппарате на конце манипулятора находилась коробочка со стороны около двух дюймов.

— Что это? — спросил я.

— Это микроманипулятор. Его разработали во Франции для биологов. Пока что их выпущено совсем немного.

И тут я вспомнил. Это такие устройства, которые через систему понижающих зубчатых передач позволяют продельвать невероятно тонкие операции. Человек перемещает палец на дюйм, а инструмент, которым он управляет через манипулятор, перемещается на тысячную долю дюйма. Французские ученые, разработавшие эту технику, создали крошечный кузнечный горн, на котором сумели изготовить из плавленного стекла и его осколков мельчайшие скальпели и пинцеты, а с их помощью, работая под микроскопом, препарировали отдельные клетки. Имея такой инструмент, можно запросто вырезать термиту аппендикс (если бы таковой у насекомого имелся).

— Я не очень ловок в работе с манипулятором, — признался Такато, — и всю работу с ним продельвает мой ассистент. Я этого еще никому не показывал, но вы мне очень помогли. Идите со мной, пожалуйста.

Мы вышли из домика и зашагали по настоящей улице между высокими и прочными, как цемент, холмиками. Архитектура их довольно сильно отличалась, потому что их строили различные виды термитов — а среди них есть и такие, которые термитников и вовсе не строят. Я ощутил себя великаном, шагающим по Манхэттену, потому что каждый термитник был настоящим небоскребом с бесчисленными жителями.

Возле одного их холмиков стояла маленькая металлическая (не деревянная — с ней термиты справились бы в два счета!) хижина. Внутри ее было совершенно темно. Профессор щелкнул выключателем, и при слабом красном свете я увидел разнообразные оптические приборы.

— Они не выносят света, — пояснил профессор, — поэтому наблюдать за ними — большая проблема. Мы решили ее, воспользовавшись инфракрасным освещением.

Это преобразователь изображения типа тех, какими военные пользуются при ночных операциях. Вам они знакомы?

— Конечно. Такие штучки снайперы крепят к винтовкам и без промаха стреляют в темноте. Хитроумное изобретение. Рад, что вы нашли для него цивилизованное применение.

Профессор долго искал то, что хотел — он вглядывался в нечто вроде перископа и рассматривал коридоры термитника. Наконец он воскликнул:

— Скорее... пока они не убежали!

Я занял его место у перископа. Около секунды мои глаза приспособлялись, и прошло еще несколько секунд, пока я понял, что за картину я разглядываю. Я увидел при большом увеличении шестерых термитов, довольно быстро перемещающихся в поле моего зрения. Они двигались группой, как собаки в упряжке. И это оказалось очень хорошей аналогией, потому что они тянули санки...

Я был настолько поражен, что даже не заметил, какой груз они перемещали. Когда термиты уползли, я повернулся к профессору. К этому времени мои глаза привыкли к тусклому красному освещению, и я видел его очень хорошо.

— Так вот какие инструменты вы создавали с помощью манипулятора! Поразительно! Даже не верится.

— Это пустяки, — возразил профессор. — Дрессированных блох тоже можно научить катить тележку. Я не сказал вам самого главного. Мы с помощником изготовили всего несколько саней. *А те, что вы видели, они смастерили сами.*

Он дал мне время осмыслить сказанное и заговорил снова — негромко, но с хорошо сдерживаемым возбуждением в голосе:

— Вспомните, что каждый отдельный термит весьма глуп, но колония в целом — организм весьма высокого типа, и к тому же, если исключить случайности, бессмертный. Он застыл на нынешнем уровне инстинктов за миллионы лет до появления человека и сам по себе не может вырваться за пределы современного стерильного совер-

шенства. Он оказался в тупике — потому что лишен как инструментов, так и эффективных способов воздействия на природу. Я же подарил им рычаг для увеличения силы, а теперь и сани для повышения эффективности труда. Я уже подумываю и о колесе, но его лучше оставить на потом — сейчас оно будет для них не очень полезно. Результаты же превзошли мои ожидания. Я начал работу с одним этим термитником — а теперь и во всех остальных есть такие же инструменты. Они обучают друг друга, и это доказывает их умение сотрудничать. Да, они воюют между собой, но лишь когда не хватает пищи, а тут ее достаточно.

Но термитник-организм нельзя судить по человеческим меркам. Я надеюсь встряхнуть его жесткую, застывшую культуру, вытолкнуть из замкнутого круга, по которому он вращается уже миллионы лет. Я дам ему новые инструменты, новые технологии — и перед смертью надеюсь увидеть, как он начнет изобретать сам.

— Но зачем вы это делаете? — спросил я, потому что понял, что здесь кроется нечто большее, чем научная одержимость.

— Потому что не верю в выживание человечества, но все же надеюсь сохранить некоторые из его открытий. А раз оно движется в тупиковом направлении, то, как мне кажется, следует помочь другой расе. Знаете, почему я выбрал этот остров? Чтобы мой эксперимент остался изолированным. Мой супертермит, если он появится в результате эволюции, должен будет остаться здесь, пока не достигнет очень высокого уровня развития. Фактически, пока не сумеет пересечь Тихий океан...

Есть и другая возможность. У человека нет соперника на этой планете. Думаю, ему может пойти на пользу, если он его получит. Возможно, в этом окажется его единственное спасение.

Я даже не знал, что и ответить — настолько меня ошеломили мечты профессора. К тому же после только что увиденного его слова прозвучали весьма убедительно. И я понял, что профессор Такато вовсе не безумец. Да, внешность у него подходящая и ведет он себя несколько

отрешенно, но причиной тому — уединенность острова и важность его научных достижений.

И он отнюдь не испытывал враждебности к человечеству. Как раз наоборот — он жалел его. Он попросту верил, что оно завершает свой путь, и желал спасти хоть что-то из обломков цивилизации. И в глубине души я не мог его винить.

Наверное, мы немало времени провели в той металлической хижине, представляя различные варианты будущего. Помню, я высказал предположение, что мы сможем достичь определенного взаимопонимания, потому что столь различным культурам, как люди и термиты, совсем не обязательно иметь повод для конфликтов. Но мне самому в это с трудом верилось, и если состязание начнется, то я не уверен, кто выйдет из него победителем. Ведь что сможет сделать оружие человека против разумного противника, способного погубить урожай пшеницы и риса во всем мире?

Когда мы вышли из металлической хижины, было уже почти темно. И тут профессор сделал последнее признание.

— Через несколько недель, — сказал он, — я намерен совершить самый крупный шаг вперед.

— Какой же?

— Неужели не догадались? Я собираюсь подарить им огонь.

После этих слов по спине у меня пробежал холодок, вызванный отнюдь не приближением ночи. Роскошный океанский закат показался мне символическим — и я внезапно осознал, что символизм этот гораздо глубже, чем я подумал.

Закат этот был одним из прекраснейших, какие мне доводилось видеть за всю жизнь, и отчасти рукотворным. Потому что высоко в стратосферу, начиная свой путь вокруг планеты, взлетела пыль умершего сегодня острова. Моя раса сделала большой шаг вперед, но разве имело это значение *теперь*?

Я собираюсь подарить им огонь. Не знаю почему, но у меня не возникло сомнения в том, что профессор добьет-

ся успеха. И когда он это сделает, то даже силы, которые моя раса сегодня спустила с поводка, не спасут ее...

На следующее утро нас забрал гидросамолет, и больше я профессора не видел. Он до сих пор там, и я считаю его важнейшим человеком в мире. Пока наши политики грызутся, он делает нас вымирающим видом.

Думаете, его следует остановить? Пожалуй, еще не поздно. Я часто над этим размышляю, но так и не смог придумать действительно убедительную причину, почему мне следует вмешаться. Несколько раз я даже был на грани принятия решения, но потом брал газету, прочитывал заголовки...

Думаю, надо предоставить им шанс. Я просто не представляю, как они ухитряются справиться с делом хуже, чем это сделали мы.

ДВИЖУЩАЯ СИЛА

Мы обсуждали сенсационный процесс, слушавшийся в Олд Бэйли, когда Гарри Парвис, который обладал прямо-таки невероятной способностью повернуть разговор в желательном ему направлении, обронил как бы невзначай:

— Помню, мне довелось однажды выступить в качестве эксперта-свидетеля в довольно интересном деле.

— Только свидетеля? — подзадорил его Дрю, ловко наполнив пивом «Бэсс» две кружки одновременно.

— Да... Сложное было дело. Оно слушалось в начале войны, когда ожидалось вторжение. Только поэтому вы ничего не знали о нем в то время.

— С чего это вы взяли, что мы о нем не слышали? — с подозрением спросил Чарли Уиллис.

Гарри явно заметал следы. Поймать его на этом удавалось нечасто.

«Qui s'excuse s'accuse»*, — подумал я и решил посмотреть, как он вывернется.

— Дело было весьма необычным, — ответил он с достоинством, — и вы, конечно, помнили бы о нем, если бы хоть одним глазом заглянули в судебный отчет. Мое имя склонялось в этой связи достаточно часто. Случай, о котором идет речь, произошел в отдаленной части Корнуэлл

Движущая сила

© В. Голант, перевод, 1971

* Кто оправдывается, тот сам себя обвиняет (фр.)

ла, а герой его принадлежал к представителям редкой породы полоумных ученых. Лучший экземпляр этой породы, какой мне доводилось видеть. Возможно, впрочем, что такая характеристика не совсем справедлива, — поспешно поправился Парвис. — Просто Гомер Фергюсон был несколько эксцентричен, и за ним водились маленькие слабости: к примеру, для ловли мышей он держал в доме удава, а в комнатах всегда ходил босой. Но он был так богат, что все старались не замечать подобных мелочей.

Гомер — незаурядный ученый, компетентный в различных областях. Когда-то давно он окончил Эдинбургский университет, но никогда в жизни по-настоящему не работал — немудрено с такой кучей денег. Он купил у пастора старый дом неподалеку от Ньюкея и развлекался тем, что придумывал разные разности. За последние сорок лет он изобрел телевидение, шариковую ручку, реактивный двигатель и кое-какие другие безделушки. Ему, однако, и в голову не приходило заботиться о патентах, и все изобретения числятся за другими. Это его мало тревожило, ибо он отличался необыкновенной щедростью во всем, что не касалось трат.

Парвис, оказывается, приходился ему дальним родственником по каким-то сложным линиям, одним из немногих еще здравствующих. Поэтому, когда однажды от Гомера пришла телеграмма, вызывающая о немедленной помощи, он, разумеется, незамедлительно откликнулся на зов. Никто не знал толком, сколько у Гомера денег и что он собирается с ними делать. Но Гарри полагал, что шансов у него не меньше, чем у любого другого претендента на наследство, и не желал их терять. Не без трудностей он добрался до Корнуэлла и явился в дом священника.

Едва ступив за калитку, он увидел, что стряслось. Дядюшка Гомер (он, собственно, не был дядей в строгом смысле этого слова, но, сколько Гарри себя помнил, его всегда называли так) ставил свои опыты в сарае рядом с домом. Теперь сарай стоял без крыши и окон и из него несло отвратительной вонью. Тут, несомненно, не обошлось без взрыва, и Гарри пришло в голову (конечно, без всякой задней мысли), что дядюшка, возможно, тяжело

ранен и нуждается в советчике для составления нового завещания.

Однако от этих иллюзий не осталось и следа, как только старик — на вид идеальное воплощение здоровья (если не считать нескольких заплаток пластыря на лице) — открыл дверь.

— Хорошо, что ты приехал так быстро, — прогудел он. Встреча с Гарри, видимо, доставила ему искреннее удовольствие. Но он тут же нахмурился: — Понимаешь, мой мальчик, я попал в пренеприятную историю, и мне нужна твоя помощь. Завтра в местном суде будет слушаться мое дело.

Гарри был потрясен. Дядюшка Гомер всегда казался ему законопослушным гражданином, настолько законопослушным, насколько им мог быть автомобилист тех времен, когда бензин в Англии отпускался по карточкам. Что, если дело связано с черным рынком, как это часто случалось в те годы? Гарри не представлял себе, чем бы он мог ему помочь.

— Очень жаль, дядя. А что случилось?

— Это длинная история. Пойдем в библиотеку — там поговорим.

Библиотека Гомера Фергюсона занимала все западное крыло здания, давно нуждавшегося в ремонте. Гарри подозревал, что в стропилах чердака гнездились летучие мыши, но так никогда и не удосужился проверить свое предположение. Гомер расчистил местечко на столе, попросту сбросив книги на пол, а затем свистнул три раза кряду. Где-то сработало реле, приводимое в действие звуком, и из невидимого динамика раздался мрачный голос, говоривший с корнуэллским акцентом.

— Да, мистер Фергюсон?

— Майда, пришлите мне бутылочку *того* виски.

В ответ Майда негодуяще фыркнула. Но через мгновение раздался грохот и треск, библиотечные полки раздвинулись, и в стене показался ленточный конвейер.

— Майду никакими силами не заставить зайти в библиотеку, — пожаловался Гомер, беря поднос с бутылкой. — Она боится Боанерджеса, хотя бедняга удав совершенно неопасен.

Гарри почувствовал прилив симпатии к невидимой Майде. Все шесть футов Боанерджеса обвивались вокруг шкафа с «Британской энциклопедией», и вздутие где-то в центре этих шести футов недвусмысленно свидетельствовало о том, что удав недавно плотно пообедал.

— Как ты находишь виски? — спросил Гомер после того, как Гарри произвел дегустацию и чуть не задохнулся.

— Да оно... не знаю, что и сказать. Оно... кхе... довольно крепкое. Никогда не думал, чтоб шотландское...

— Э, да не обращай внимания на этикетку. Эта марка не имеет никакого отношения к Шотландии. В том-то и беда. Я сварганил его здесь.

— Дядя!

— Да, я знаю, это противозаконно, и все такое. Ерунда! В наши дни хорошего виски не достать — все идет на экспорт. Вот я и подумал: будет только патриотично, если я сам стану изготавливать его для себя, чтобы поддержать кампанию по выкачиванию долларов. Но акцизные чиновники рассуждают иначе.

— Лучше расскажите мне эту историю с самого начала, — попросил Гарри. Его мрачная уверенность, что ему не удастся вытащить дядюшку из этого переплета, все крепла.

Гомер всегда имел пристрастие к бутылочке, и нехватки военного времени сильно ему докучали. Кроме того (Гарри уже намекал на это), он не имел склонности швыряться деньгами и постоянно ворчал, что из-за налогов ему приходится платить за бутылку виски в несколько раз дороже, чем она действительно стоит. Окончательно убедившись, что достать виски все равно нигде, он решил действовать на свой страх и риск.

Принятию такого решения, вероятно, в немалой степени способствовали древние обычаи края, где он жил. Вот уже несколько веков Управление таможен и акцизов ведет непрерывную войну с корнуэлльскими рыбаками. Ходили слухи, что у прежнего владельца этого старинного дома был лучший в округе винный погреб (после епископского) и при этом он ни разу не заплатил ни пенни налога с его содержимого. Поэтому дядюшка Гомер чувствовал

себя обязанным продолжить древнюю и благородную традицию.

Несомненно, его вдохновлял также и дух чисто научного исследования. Он был убежден, что все эти разговоры о виски, которое надо выдерживать в течение семи лет в бочке из дубовой клепки, — самая настоящая чепуха. И не сомневался, что с помощью ультразвука и ультрафиолетовых лучей добьется большего эффекта.

Несколько недель все шло хорошо. Но однажды поздно вечером произошла авария — из тех, что случаются и в лучших лабораториях. Не успел дядюшка сообразить, что произошло, как оказался сидящим верхом на балке, а куски медного змеевика разбросало по всему участку, прилегающему к дому.

Но и это бы еще полбеды. К несчастью, поблизости происходили учения отряда гражданской обороны. Услышав взрыв, ополченцы со всех ног ринулись к сараю с автоматами системы «Стен» наизготове. Что, вторжение? Если да, то они с ним справятся в два счета.

Бойцов несколько разочаровало то обстоятельство, что причиной переполоха оказался всего лишь дядюшка. Но в округе все давно привыкли к его опытам и несколько не удивились происшедшему. На беду дяди, лейтенант, командовавший отрядом, оказался местным акцизным чиновником. Зрелище, представшее его глазам, не нуждалось в объяснений: превосходно развитое обоняние мгновенно поведало ему обо всем.

— И вот завтра, — сказал дядя Гомер с видом мальчугана, попавшегося на хищении сладостей, — я должен предстать перед местным судом по обвинению в незаконном владении самогонным аппаратом.

— Я полагаю, что делом должна была бы заняться выездная сессия присяжных, а не местный административный суд, — возразил Гарри.

— Мы здесь у себя и поступаем так, как считаем нужным, — не без гордости ответил Гомер. Вскоре Гарри убедился в справедливости его слов.

Этой ночью они почти не спали. Гомер рассказал о том, какой линии защиты намерен придерживаться, отверг все

возражения Гарри и поспешно собрал аппарат, который намеревался представить суду.

— На суд такого состава обычно производят сильное впечатление эксперты, — пояснил он. — Хорошо бы рискнуть и заявить, что ты — представитель военного министерства. Но они всегда смогут проверить. Поэтому мы просто скажем правду — я имею в виду твоё видное положение в науке.

— Благодарю, — сказал Гарри. — Но что, если моё начальство узнает, чем я тут занимаюсь?

— Ну и что же? Ты ведь выступишь только от собственного имени. Это твоё частное дело.

— Да уж, конечно, частное, — сказал Гарри.

На следующий день они уселись в древний «остин», водрузили туда аппарат и поехали в деревню. Суд заседал в одном из классов местной школы. На какое-то мгновение Гарри показалось, что он перенесся на много лет назад и ему предстоит неприятное объяснение со старым директором.

— Нам повезло, — прошептал Гомер, когда они втиснулись на указанные им неудобные сиденья. — Председательствует майор Фотерингем. Мой приятель.

Гарри согласился, что это очень хорошо. Но в составе суда было ещё двое заседателей, так что одного приятеля могло оказаться маловато. Оставалось надеяться не на протекцию, а на собственное красноречие.

Классная комната была переполнена. Гарри удивился, что столько народу ухитрилось отлучиться с работы так надолго — судебные заседания редко бывают короткими. Но потом он сообразил, что дело должно было вызвать большой интерес, ибо, по крайней мере в довоенные времена, контрабанда являлась одним из основных занятий местных жителей. Впрочем, большой уверенности в том, что публика отнесется к обвиняемому с симпатией, у Гарри не было. Местные жители вполне могли рассматривать предпринимательскую деятельность дядюшки Гомера как нечестную конкуренцию. Но, с другой стороны, они из принципа одобряли любой способ натянуть нос акцизным.

Секретарь огласил обвинительный акт, после чего суду были представлены вещественные доказательства. Они

убедительно подтвердили виновность подсудимого. Куски медных трубок были торжественно осмотрены членами суда, и каждый из них, когда приходила его очередь, бросал суровый взгляд на дядюшку Гомера. Гарри пришел к выводу, что его шансы на гипотетическое наследство становятся все сомнительнее.

После того как закончилось рассмотрение доказательств, майор Фотерингем повернулся к Гомеру:

— Дело весьма серьезное, мистер Фергюсон. Надеюсь, вы сможете дать удовлетворительное объяснение.

— Разумеется, могу, ваша честь, — ответил обвиняемый тоном оскорбленной невинности.

Гарри с облегчением отметил довольное выражение, появившееся на лице его чести, и то, как нахмурился представитель Управления королевских таможен и акцизов. Впрочем, он быстро обрел привычную уверенность.

— Желаете ли вы, чтобы суд назначил вам защитника? Я вижу, вы явились без адвоката.

— Нет надобности. Дело основано на столь очевидном недоразумении, что его можно решить без всяких сложностей. Мне бы не хотелось вовлекать обвинение в лишние расходы по уплате судебных издержек.

Эта фронтальная атака вызвала оживление в составе суда и краску на лице таможенника. Пожалуй, он начал терять свою самоуверенность. Если Фергюсон так убежден, что судебные издержки лягут на казну, значит, дела его совсем не плохи. Остается надеяться, что он просто блефует...

Гомер подождал, когда в зале стихло легкое волнение, чтобы тут же вызвать бурю.

— Я пригласил ученого эксперта, который объяснит вам, что именно произошло в доме священника. Учитывая характер доказательств, я прошу из соображений безопасности, чтобы дело слушалось *in camera**.

— Вы хотите, чтобы я распорядился очистить зал? — недоверчиво переспросил председатель.

— Боюсь, что да, сэр. Мой коллега, доктор Парвис, полагает, что, чем меньше народу будет знать об этом

---

* В закрытом судебном заседании (*лат.*). (Примеч. пер.)

деле, тем лучше. Надеюсь, что, выслушав его заключение, вы с ним согласитесь. Очень жаль, если мне будет позволено так выразиться, что оно привлекло столько внимания. Я опасюсь, что в результате этого некоторые, гм... секретные данные могут достигнуть ушей... нежелательных лиц.

И Гомер метнул гневный взгляд на таможенного чиновника, который смущенно заерзал на месте.

— Что ж, пусть будет так, — сказал майор Фотерингем. — Все это чрезвычайно необычно, но ведь мы и живем в необычные времена. Господин секретарь, потрудитесь очистить зал.

Приказ был выполнен, хотя вызвал суматоху и ропот публики. Обвинение заявило протест, решительно отклоненный судом. Затем, сопровождаемый любопытными взглядами немногих, оставшихся в зале, Гарри Парвис снял чехол с аппарата, с трудом извлеченного из малолитражного «остина».

Представив суду документы, удостоверяющие его научную квалификацию, Гарри занял место для свидетелей.

— Я хочу сообщить суду, ваша честь, что исследования, которые я веду, касаются взрывчатых веществ, и именно поэтому я знаком с работами обвиняемого.

Первая часть его заявления полностью соответствовала истине. К сожалению, первая и последняя. Потому что обо всем, о чем далее говорил Гарри, этого никак нельзя было сказать.

— Вы имеете в виду бомбы и все такое?

— Именно, но, разумеется, в самом широком смысле. Вы, конечно, понимаете, что мы неустанно бьемся над созданием новых и более эффективных взрывчатых веществ. Кроме того, государственные исследовательские институты, да и вообще академический мир всемерно заинтересованы в заимствовании плодотворных идей из внешних источников. И вот совсем недавно д-р... гм... мистер Фергюсон любезно представил нам свои соображения относительно создания взрывчатого вещества совершенно нового типа. И что самое интересное — он предложил использовать в качестве взрывчатки невзрывчатые вещества вроде сахара, крахмала и т. п.

— Что? — спросил председатель. — Взрывчатка из невзрывчатых веществ? Глупости!

Гарри снисходительно улыбнулся:

— Понимаю, сэр, с первого взгляда это действительно кажется невероятным. Но, как и большинство великих идей, предложение гениально просто. Боюсь, однако, что мне придется прибегнуть к кое-каким пояснениям.

Члены суда слушали очень внимательно, но несколько настороженно. Гарри заподозрил, что им уже приходилось иметь дело с экспертами. Он подошел к столу, стоявшему посреди классной комнаты и уставленному колбами, бутылками с жидкостями, трубками.

— Надеюсь, мистер Парвис, — нервно сказал председатель, — что вы не собираетесь ставить здесь опасные опыты?

— Разумеется, нет, сэр. Я только продемонстрирую несколько общих научных положений. Хотел бы еще раз напомнить, сколь важно, чтобы все услышанное и увиденное вами не вышло за пределы этих стен.

Он сделал многозначительную паузу, дабы произвести на всех должное впечатление.

— Мистер Фергюсон, — начал он, — намерен использовать одну из основных сил природы. Это сила, которой подчинено все живое, сила, благодаря которой живете и вы, джентльмены, хотя, возможно, никогда о ней не слышали.

Он приблизился к колбам и бутылкам.

— Приходилось ли вам когда-нибудь задумываться над тем, — спросил он, — как умудряются соки дерева подниматься до его высокой кроны? Требуется затратить немало энергии, чтобы поднять жидкость на высоту в сто, а то и более трехсот футов над землей. Откуда берется эта энергия? Сейчас я вам это продемонстрирую.

Перед вами прочный сосуд, разделенный проницаемой перегородкой. По одну сторону перегородки налита чистая вода, по другую — насыщенный раствор сахара... ну и некоторых других веществ, которые я не намерен называть. В этих условиях создается давление, именуемое *осмотическим*. Чистая вода стремится проникнуть через перегородку, как будто ей обязательно нужно разбавить

раствор в другой половине сосуда. Сейчас я закупорил сосуд. Прошу вас обратить внимание на манометр справа. Вы видите, что стрелка ползет вверх. Это и есть осмотическое давление. Та же сила действует внутри всех клеток нашего тела, обуславливая в них движение жидкостей. Это она гонит сок вверх по стволу дерева — от корней до самых верхних веточек. Эта могучая сила действует повсеместно. Но мистер Фергюсон — первый, кто попытался покорить ее, и в этом его великая заслуга.

Гарри вновь прибег к эффектной паузе и оглядел присутствующих.

— Мистер Фергюсон, — возгласил он, — осуществил попытку создать осмотическую бомбу.

Смысл этих слов не сразу дошел до судей. Затем майор Фотерингем перегнулся через стол и приглушенным голосом спросил:

— Неужели ему удалось изготовить такую бомбу и она взорвалась в его мастерской?

— Именно так, ваша честь. Приятно, я сказал бы даже чрезвычайно приятно, выступать перед столь прозорливым составом суда. Труды мистера Фергюсона увенчались успехом. Он как раз собирался сообщить нам о своем изобретении, когда в силу случайной оплошности предохранительное устройство бомбы не сработало. Последствия вам известны. Полагаю, что никаких иных доказательств мощи этого оружия не требуется. Значение же его становится очевидным, если вспомнить, что растворы, используемые нашим славным ученым-патриотом, состоят из самых обычных химических веществ.

Майор Фотерингем несколько растерянно повернулся к юристу, поддерживавшему обвинение.

— Мистер Уайтинг, — сказал он, — есть ли у вас вопросы к свидетелю?

— Разумеется, есть, ваша честь. Никогда не слышал такой смехотворной...

— Прошу вас ограничиться вопросами по существу дела.

— Прекрасно, ваша честь. Могу ли я спросить свидетеля, чем он объяснит наличие в воздухе большого количества паров алкоголя сразу же после взрыва?

— Сомневаюсь, чтобы нос таможенника можно было назвать прибором, способным произвести точный количественный анализ. Однако я подтверждаю, что известное количество таких паров действительно образовалось. Упомянутый мною раствор содержит около 25 процентов спирта, что ограничивает подвижность неорганических ионов и вызывает повышение осмотического давления. Подобного эффекта и следовало добиваться.

Произнося эту речь, Гарри с удовлетворением подумал: «Так, противник хоть ненадолго, но задержан!» Он оказался прав. Прошло несколько минут, прежде чем последовал второй вопрос. Представитель обвинения потряс в воздухе обломками медных трубок.

— А какова же функция вот этого? — спросил он, стараясь придать голосу самый саркастический тон. Но Гарри никак не отреагировал на него.

— Трубки, ведущие к манометрам, — ответил он без промедления.

По лицам членов суда было заметно, что все эти высокие материи уже превзошли пределы их понимания. Этого и добивался Гарри. Но у обвинения был еще один камень за пазухой. Акцизный чиновник и его проницательный юрист принялись о чем-то шептаться. Гарри с беспокойством взглянул на дядюшку Гомера, который пожал плечами, словно хотел сказать: «А я-то тут при чем!»

Юрист таможенного управления поспешно приподнялся.

— Я прошу разрешения представить суду дополнительные доказательства. — И он положил на стол пакет в коричневой бумаге.

— Разве это не противоречит процессуальным требованиям, ваша честь? — запротестовал Гарри. — Все вещественные доказательства вины моего коллеги следовало представить заранее.

— Беру ходатайство обратно, — мгновенно сдался юрист. — Будем считать, что представляемое вещественное доказательство не имеет отношения к *данному* делу. Оно послужит материалом для другого процесса.

Он сделал зловещую паузу, чтобы значение этих слов было усвоено присутствующими.

— Тем не менее, если мистер Фергюсон согласен ответить на наш вопрос сейчас, все сомнения могут быть развеяны немедленно.

Было очевидно, что оратор менее всего хотел или ожидал получить подобное объяснение.

Он сорвал коричневую обертку, и все увидели три бутылки виски знаменитой марки.

— Ха, — сказал дядюшка Гомер, — а я-то недоумевал...

— Мистер Фергюсон, — прервал его председатель суда. — Разъясняю, что вы вправе не давать показаний, если у вас нет достаточных побуждений.

Гарри Парвис с благодарностью посмотрел на майора Фотерингема. Он сразу сообразил, что произошло. Копаясь в руинах лаборатории, обвинение обнаружило несколько бутылок самогона. Действия эти были, вероятно, незаконны, ибо производились без предъявления ордера на обыск, поэтому, очевидно, они и не представили эту улику заранее. Ведь поначалу дело казалось и без того достаточно ясным.

Теперь же оно казалось и того яснее...

— Эти бутылки, — сказал представитель казны, — не содержат напитка, указанного на этикетке. Они, несомненно, употреблены как удобные вместилища для — скажем так — химических растворов, используемых обвиняемым.

Тут он с неприязнью поглядел на Гарри Парвиса:

— Мы подвергли растворы анализу и получили в высшей степени интересные результаты. Помимо необычайно высокого содержания спирта, то, что находится в этих бутылках, практически неотличимо от...

Ему так и не довелось закончить свою непрошеную и, конечно, нежелательную хвалу мастерству дядюшки Гомера. Ибо в этот момент Гарри Парвис услышал пронзительный, зловещий свист. Сначала он подумал, что на их головы летит бомба, но тут же сообразил, что тревога не объявлялась и предупреждения о воздушном налете не было. Затем он разобрал, что свист возник где-то поблизости — ну конечно же, на столе, стоявшем посреди комнаты.

— В укрытие! — не своим голосом скомандовал он.

Суд выполнил приказание со скоростью, совершенно не свойственной британскому правосудию. Все трое членов суда исчезли под помостом, на котором стояла учительская кафедра. Те же, кто находился в самом классе, кинулись на пол или залезли под парты. Какое-то время все оставалось по-прежнему тихо, и взволнованный Гарри решил было, что объявил ложную тревогу. Затем раздался глухой взрыв и звон бьющегося стекла, а в классе запахло как на винокуренном заводе после налета немецкой авиации. Присутствующие неторопливо вылезли из своих укрытий.

Осмотическая бомба постояла за себя. И — что было самым важным — полностью уничтожала вещественные доказательства, предъявленные обвинением.

Судьи неохотно прекратили дело. Они не без основания чувствовали, что их достоинство подверглось унижению. К тому же по возвращении домой всем им предстояли неприятные объяснения — от них разило как из бочки. И хотя секретарь суда поспешил распахнуть окна (как ни странно, все окна уцелели), алкогольные пары упорно не желали рассеиваться. Выбирая мелкие осколки из своих волос, Гарри Парвис подумал, что завтра в классе ученики будут несколько навеселе.

Майор Фотерингем и впрямь оказался свойским парнем. Гарри услышал, как он сказал Гомеру, покидая разгромленное помещение:

— Послушайте, Фергюсон, пройдут столетия, прежде чем мы получим бутылки с горючей смесью, обещанные военным министерством. Почему бы вам не изготовить несколько этих ваших бомб для отряда гражданской обороны? Если они и не подорвут танка, то по крайней мере напрочь укатают экипаж и лишат его способности вести боевые действия.

— Я обязательно займусь этим, — ответил дядюшка Гомер, сам несколько ошарашенный ходом событий.

Впрочем, пока они ехали назад, к дому священника, по узким, извилистым дорогам, тянувшимся вдоль высоких стен из дикого камня, он полностью оправился.

— Надеюсь, дядя, — заметил Гарри, когда они выбрались на сравнительно ровный участок пути и можно было, не опасаясь за свою жизнь, поговорить с водителем, —

что вы не собираетесь восстанавливать самогонный аппарат. Учтите: теперь они будут следить за вами, как ястребы, и второй раз вам от них не отвертеться.

Дядюшка ответил мрачно и не по существу:

— Проклятые тормоза! А ведь только перед войной я приводил их в порядок.

— Эй! — вскричал Гарри. — Осторожно!

Но было уже поздно. Они вырвались к перекрестку, где был повешен совершенно новый «кирпич». Дядюшка изо всех сил нажал на тормоза. Сначала ничего не произошло. Но затем левые колеса остановились, в то время как правые продолжали бодро крутиться. Машина сделала поворот кругом, к счастью, не перевернувшись и влетела в кювет.

Гарри укоризненно посмотрел на дядюшку и уже подбирал подходящие к случаю выражения, когда с боковой дорожки выехал мотоцикл.

Да, денек все же выдался злополучный. Местный полицейский сержант с утра сидел в засаде у нового знака и ловил автомобилистов. Он отвел мотоцикл к обочине и сунул голову внутрь «остина».

— У вас все в порядке, мистер Фергюсон? — осведомился он. Но тут нос его сморщился, брови нахмурились, и он стал похож на Юпитера, собирающегося поразить смертного ударом молнии.

— Нет, так дело не пойдет, — решительно сказал он. — Придется привлечь вас к суду. Водить машину под влиянием... очень серьезное нарушение.

— Но я весь день и капли в рот не брал! — запротестовал дядюшка, размахивая перед носом сержанта рукавом, от которого так и несло спиртом.

— Так я этому и поверил! — фыркнул рассерженный полицейский, вытаскивая записную книжку. — Боюсь, что вам все-таки придется последовать за мной в участок. Ваш приятель в состоянии вести машину?

Гарри Парвис ответил не сразу. Он был занят тем, что бился головой о приборную доску...

— Итак, — спросили мы у Гарри, — что же они сделали с вашим дядей?

— О, его оштрафовали на пять фунтов и лишили прав за вождение машины в нетрезвом виде. К сожалению, в суде председательствовал уже не майор Фотерингем. Зато оба заседателя были прежние. Вероятно, они сочли, что, даже если он на сей раз и в самом деле ни в чем не виноват, все равно — всему есть предел.

— А достались вам после него какие-нибудь капиталы?

— Черта с два! Он, разумеется, меня очень благодарил и обещал не забыть в завещании. Но, как вы думаете, чем он занимался, когда я виделся с ним в последний раз? Пытался создать эликсир жизни.

При мысли о вопиющей несправедливости всего сущего Гарри вздохнул.

— Иногда, — сказал он мрачно, — я опасаюсь, что даже удалось сварганить свое снадобье. Врачи говорят, что более здорового семидесятилетнего мужчины они не видывали. Так что на мою долю, кроме забавных впечатлений и тяжелого похмелья, не выпало ничего.

— Похмелья? — переспросил Чарли Уиллис.

— Вот именно, — ответил Гарри, и в его взгляде мелькнул отблеск далеких воспоминаний. — Дело в том, что акцизный чиновник добрался не до всех вещественных доказательств. Нам пришлось... гм... уничтожить остальные, на что ушла почти целая неделя. За это время мы сделали немало ценнейших открытий, но, убей меня Бог, если я помню каких.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВСПАХАЛ МОРЕ

Приключения Гарри Парвиса обладают привкусом той безумной логики, которая делает их убедительными как раз за счет их невероятности. Вслушиваясь в очередной хитроумно скроенный рассказ, слушатель постепенно погружается в нечто вроде ошарашенного изумления. Несомненно, убеждает себя слушатель, ни у кого не хватило бы наглости такое *выдумать*, потому что подобные нелепости могут произойти лишь в реальной жизни, а не зародиться в голове рассказчика. И обезоруженный дар критического восприятия засыпает или как минимум начинает дремать, пока Дрю не вскрикивает: «Время, джентльмены! *Пожалуйста!*» — и не изгоняет нас в холодный и жестокий мир.

Рассмотрим для примера маловероятную цепочку событий, увлекшую Гарри в очередное приключение. Пожелай он все это выдумать, он, несомненно, существенно упростил бы рассказ. Ибо, с точки зрения истинного художника слова, нет ни малейшей необходимости начинать рассказ в Бостоне, чтобы повествовать о событиях в океане близ побережья Флориды...

Гарри проводит немало времени в Соединенных Штатах, и там у него ничуть не меньше друзей, чем здесь, в Англии. Иногда он приводит их в «Белый олень», и порой они уходят на своих двоих. Чаше, однако, они поддаются той иллюзии, что теплое пиво якобы безобиднее холодного.

Человек, который вспахал море

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

(Я несправедлив к Дрю: пиво у него *не* теплое. А если вы продолжаете на этом настаивать, то он, совершенно бесplatно, выдаст вам кусочек льда размером с почтовую марку.)

Очередная сага Гарри началась, как я уже упомянул, в Бостоне. Гарри гостил у процветающего юриста из Новой Англии, и как-то утром хозяин небрежно и чисто по-американски обронил:

— А не съездить ли нам во Флориду? Хочу немного позагорать.

— Прекрасно, — отозвался никогда не бывавший во Флориде Гарри. Тридцать минут спустя, к своему немалому удивлению, он уже сидел в салоне красного «ягуара», мчащегося с внушительной скоростью на юг.

Поездка сама по себе оказалась достойной отдельного рассказа. От Бостона до Майами ровно 1568 миль — и эту цифру, как сказал Гарри, он не забудет до могилы. Они пролетели это расстояние за тридцать часов, нередко под затихающие сзади sireны дорожных патрулей — отчаявшиеся полицейские попросту не могли за ними угнаться. Время от времени полиция меняла тактику, вынуждая их совершать фланговые маневры и ускользать от преследования по проселочным дорогам. Радио в «ягуаре» можно было настраивать на любые полицейские частоты, поэтому они заранее узнавали обо всех готовящихся засадах. Несколько раз они буквально в последний момент успевали пересечь границу очередного штата, и Гарри не мог не задуматься над тем, что подумали бы клиенты этого адвоката, если бы узнали о силе психологического отталкивания, заставляющей его, несомненно, удирать от них во весь дух. И еще Гарри гадал, увидит ли он что-либо во Флориде вообще, или они так и будут мчаться по шоссе номер один, пока не вылетят в океан в Ки-Уэсте.

Наконец они остановились в шестидесяти милях южнее Майами напротив Ключа — длинного и узкого острова возле нижней оконечности Флориды. «Ягуар» внезапно свернул с дороги и запетлял по прорубленной в мангровых зарослях тропе. Та вывела их на широкую поляну возле моря. Гарри увидел причал, скоростной катер длиной в тридцать пять футов с кабиной, плавательный бассейн и

современный домик типа тех, что возводят на ранчо. Весьма уютное убежище от мира, и Гарри прикинул, что один лишь дом стоит не менее ста тысяч долларов.

В день приезда он не смог как следует осмотреться, потому что рухнул в постель и мгновенно заснул. После слишком краткой, как ему показалось, дремы он проснулся от звука, напоминающего шум работающей котельной. Гарри встал под душ, неторопливо оделся и вышел из комнаты, уже более или менее придя в себя. В доме, похоже, никого не было, и он отправился на разведку.

К тому времени он научился ничему не удивляться, поэтому лишь слегка приподнял брови, обнаружив хозяина на причале, где тот налаживал руль явно самодельной подводной лодки. Лодка была длиной всего футов в двадцать, имела рубку управления в форме башенки с большими иллюминаторами и называлась «Помпано» — название было жирно намалевано на носу восковым карандашом.

Немного поразмыслив, Гарри пришел к выводу, что на самом-то деле в этом нет ничего необычного. Ежегодно во Флориду приезжает около пяти миллионов человек, и практически все они намереваются поплескаться или на волнах, или под ними. Просто так уж получилось, что его гостеприимный хозяин оказался достаточно богат, чтобы предаваться своему хобби с размахом.

Гарри некоторое время разглядывал «Помпано», и тут его поразила тревожная мысль.

— Джордж, — спросил он, — неужели ты думаешь, что я залезу *в эту* скорлупку?

— Конечно, — ответил Джордж, в последний раз опробывая руль. — Что ты так разволновался? Я на ней плавал множество раз — в ней безопасно, как дома. И больше чем на двадцать футов мы погружаться все равно не будем.

— Бывают обстоятельства, — взорвался Гарри, — когда всего шести футов воды для меня более чем достаточно! Кстати, я не упоминал про свою клаустрофобию? В это время года ее приступы особенно сильны.

— Чушь! — отрезал Джордж. — Как только мы доберемся до рифа, ты обо всем этом позабудешь. — Он отступил на пару шагов, обозрел результаты своих трудов

и удовлетворенно выдохнул: — Теперь, похоже, все в порядке. Пошли завтракать.

За следующие полчаса Гарри многое узнал о «Помпа-но». Джордж сам ее сконструировал и построил, а мощный компактный дизель позволял ей развивать подводную скорость в пять узлов. И экипаж, и двигатель дышали через шноркель — выступающую вверх из корпуса трубу, — поэтому не было нужды заботиться об электромоторах и независимом запасе воздуха. Длина шноркеля ограничивала глубину погружений до двадцати пяти футов, но на местном мелководье это не имело особого значения.

— Я вложил в нее не мало новых идей, — с энтузиазмом рассказывал Джордж. — Эти окна, к примеру — оцени их размеры. Они дают превосходный обзор и в то же время совершенно безопасны. Я использовал старый принцип акваланга, и поддерживаю внутри лодки такое же давление, как и снаружи, поэтому ни корпус, ни окна не испытывают напряжения.

— А что ты станешь делать, если лодка застрянет на дне?

— Открою дверь и выйду, разумеется. В кабине есть два акваланга и спасательный плотик с водонепроницаемой рацией, поэтому, если попадем в беду, всегда сможем позвать на помощь. Не волнуйся — я обо всем подумал.

— Знаменитые последние слова, — пробормотал Гарри. Но после поездки из Бостона он пришел к двум выводам: во-первых, что судьба хранит его жизнь и, во-вторых, что в море наверняка будет безопаснее, чем на шоссе номер один с Джорджем за рулем.

Перед отплытием он заставил себя тщательно изучить устройство и принцип работы спасательных средств и с радостью убедился в том, насколько хорошо задумана и изготовлена маленькая подлодка. Тот факт, что ее своими руками изготовил юрист, его ничуть не удивил. Гарри уже давно обнаружил, что очень многие американцы отдают своим хобби не меньше времени и усилий, чем профессиональным обязанностям.

Они малым ходом вышли из узкого заливчика, держась обозначенного фарватера, пока не удалились от берега. Море было спокойным, и чем дальше отдалялся берег,

тем все более прозрачной становилась вода. Вскоре они оставили за кормой туман размолотых кораллов, мутящий прибрежные воды, где волны непрерывно вгрызаются в сушу. Через тридцать минут они добрались до рифа, напоминающего сверху лоскутный кильт, над которым носятся разноцветные рыбки. Джордж задраил люки, открыл клапаны водяных цистерн и радостно воскликнул:

— Погружаемся!

Морщинистое шелковое полотно поднялось, проползло мимо окон, на миг исказив поле зрения — и они скрылись под водой, перестав быть чужаками, разглядывающими подводный мир сверху, и превратившись в его обитателей. Они зависли над долиной, покрытой ковром белого песка и окруженной низкими коралловыми холмами. Сама долина была безжизненной, но окаймляющие ее холмы кишели жизнью растущей, ползающей и плавающей. Яркие, как неоновые вывески, рыбины лениво проплывали мимо животных, похожих на деревья. Картина выглядела не только ошеломляюще красивой, но и мирной. Тут не было ни торопливости, ни признаков борьбы за существование. Гарри прекрасно понимал, что это лишь иллюзия, но за все время пока они находились под водой, ни одна рыбина не напала на другую. Он сказал про это Джорджу, и тот ответил:

— Да, в этих рыбах есть нечто странное. Похоже, они кормятся в определенное время. Тут можно видеть плавающую барракуду, но пока для нее не прозвенел звонок на обед, остальные рыбы не обращают на нее ни малейшего внимания.

Похожий на фантастическую черную бабочку скат проплыл над песком, балансируя с помощью длинного, напоминающего кнут хвоста. Из трещины в коралле настороженно выглядывали чувствительные усики лангуста; их движения напомнили Гарри солдата, проверяющего наличие снайперов при помощи надетой на палку каски. Так много всевозможной живности столь разных видов столпилось на пятачке рифа, что на ее изучение и распознавание потребовались бы годы.

Пока «Помпано» очень медленно скользил над долиной, Джордж продолжил свой рассказ:

— Я плавал среди рифов с аквалангом, но потом подумал, как было бы приятно сидеть под водой с комфортом, пока вместо ласт за тебя работает двигатель. Тогда я смог бы выходить в море на целый день, прихватив с собой еды, пользоваться камерами и не обращать внимания на шныряющих вокруг акул. Кроме того, я мог бы показывать эту красоту друзьям, сохраняя возможность с ними разговаривать. Это единственный крупный недостаток обычного подводного снаряжения — становишься глух и нем, и приходится общаться жестами. Посмотри на рыбу-ангела — когда-нибудь я приспособлю сеть и поймаю несколько штук. Видишь, как они исчезают, когда на них смотришь с ребра! Есть и еще одна причина, почему я построил «Помпано» — так я смогу искать затонувшие корабли. В этом районе их сотни — настоящее кладбище. Всего в пятидесяти милях отсюда, в заливе Бискайен, лежит «Санта-Маргарита». Она затонула в 1595 году, а на борту у нее было слитков золота на семь миллионов долларов. А в Лонг-Ки, где в 1715 году затонули четырнадцать галеонов, на дне лежит пустячок — шестьдесят пять миллионов. Проблема, конечно, в том, что корпуса этих кораблей по большей части разбиты и обросли кораллами, так что, даже если их найти, толку от этого мало. Но искать их интересно.

К тому времени Гарри начал понимать психологию своего друга. Он мог придумать и лучшие способы бегства от юридической практики в Новой Англии. Просто в душе Джордж был потенциальным романтиком — впрочем, если подумать, не таким уж и потенциальным.

Несколько часов они просто счастливо плавали, держась вод, где глубины не превышали сорока футов. Через некоторое время они опустились на коралловый выступ и перекусили бутербродами с ливерной колбасой, запивая их пивом.

— Как-то раз я выпил под водой имбирного пива, — сказал Джордж. — А когда пришло время всплывать, газ внутри меня расширился, и я испытал весьма странные ощущения. Как-нибудь надо будет попробовать прихватить шампанское.

Гарри как раз задумался над тем, куда девать пустые бутылки, когда неожиданно словно началось затмение — над головой проплыла темная тень. Взглянув вверх, он увидел корабль, медленно движущийся в двадцати футах над их головами. Опасности столкновения не было, поскольку они втянули шноркель как раз на такой случай и сейчас обходились имевшимся в лодке запасом воздуха. Гарри никогда не доводилось видеть корабль снизу, и он добавил новое впечатление к тем, что уже накопились с утра.

Позднее он очень гордился тем фактом, что, несмотря на свое невежество в морских делах, он одновременно с Джорджем заметил, что именно отличает проплывающий над ними корабль от прочих. Вместо гребного винта он имел длинный туннель, проходящий вдоль всего киля. Когда корабль миновал «Помпано», лодку тряхнула сильная струя воды.

— Черт бы меня побрал! — воскликнул Джордж, хватаясь за рычаги управления. — Похоже на водометный двигатель. Кто-то очень удачно выбрал время для его испытаний. Давай-ка взглянем.

Он поднял перископ и узнал, что мимо них медленно ползет «Валентность» из Нового Орлеана.

— Странное название, — пробормотал Джордж. — Что оно означает?

— По-моему, — ответил Гарри, — оно означает, что владелец корабля — химик. Правда, ни один химик никогда не заработает столько, чтобы купить такой корабль.

— Плыдем следом, — решил Джордж. — Они делают всего пять узлов, а мне хочется взглянуть, как работает их двигатель.

Он выдвинул шноркель, запустил двигатель и пустился в погоню. Вскоре «Помпано» уже плыл на расстоянии пятидесяти футов от «Валентности», и Гарри ощутил себя командиром субмарины, собирающимся выпустить торпеду. С такого расстояния промахнуться невозможно.

Более того, они едва не врезались в «Валентность», когда корабль неожиданно остановился. Не успел Джордж опомниться, как борт корабля едва не коснулся подлодки.

— И никакого предупреждения! — не очень-то логично пожаловался он.

Минуту спустя стало ясно, что маневр корабля не был случайностью. На шноркель подлодки ловко набросили лассо, и «Помпано» оказался эффективно заарканен. Ее экипажу не осталось ничего иного, как всплыть и приготовиться к худшему.

К счастью, их пленители оказались людьми разумными и смогли распознать правду, услышав ее. Через пятнадцать минут Джордж и Гарри уже сидели на мостике «Валентности» с коктейлями в руках, которые принес им стюард в униформе, и внимательно слушали теории доктора Гилберта Романо.

Они не сразу сумели свыкнуться с мыслью о том, что перед ними сидит сам доктор Романо: это было столь же маловероятно, как встреча с живым Рокфеллером или Дюпоном. Доктор представлял собой явление совершенно неизвестное в Европе и необычное даже для Соединенных Штатов — крупный ученый, ставший еще более крупным бизнесменом. Сейчас ему было уже под восемьдесят, и он только что оставил — после серьезной борьбы — кресло председателя основанной им огромной химико-технологической фирмы.

Было довольно любопытно, рассказал нам Гарри, наблюдать тонкие социальные различия, которые даже в самой демократической стране создает разница в богатстве. Джордж, по стандартам Гарри, был очень богатым человеком — его доход составлял около ста тысяч долларов в год. Но доктор Романо находился в совершенно другой весовой категории, и к нему приходилось обращаться соответственно — с неким приветливым уважением, не имеющим ничего общего с подобострастностью. Сам доктор вел себя совершенно свободно и непринужденно, и ничто вокруг него не создавало впечатления богатства, если позабыть о такой мелочи, как океанская яхта длиной сто пятьдесят футов.

Тот факт, что Джордж был хорошо знаком с большинством деловых коллег доктора, помог сломать лед и подтвердить чистоту их мотивов. Гарри провел весьма скучные полчаса, пока деловые сделки, охватывающие всю

территорию Штатов, обсуждались на уровне того, что Билл такой-то делал в Питсбурге, кого Джо кто-то другой встретил в клубе банкиров в Хьюстоне и как некий Клайд играл в гольф в Огасте, когда там находился Айк. Ему приоткрылся таинственный мир, где огромная власть принадлежала людям, окончившим одни и те же колледжи или по меньшей мере состоявшим членами одних и тех же клубов. Гарри вскоре понял, что Джордж не просто любезничает с доктором Романо, потому что того требуют приличия. Будучи прожженным юристом, он не мог упустить этот шанс повысить собственную репутацию и, похоже, совершенно позабыл о первоначальной цели их экспедиции.

Гарри пришлось дожидаться паузы в их разговоре и лишь тогда поднять тему, которая его по-настоящему интересовала. Когда до доктора Романо дошло, что он говорит с другим ученым, он быстро позабыл о финансах и теперь скучать пришлось Джорджу.

А Гарри не давал покоя вопрос: почему выдающийся химик заинтересовался корабельными двигателями? Будучи человеком прямых действий, он задал доктору прямой вопрос. На секунду ученый смутился, и Гарри уже собрался извиниться за свое любопытство — причем этот поступок потребовал бы настоящего усилия с его стороны. Но не успел Гарри раскрыть рот, как доктор Романо извинился и вышел.

Пять минут спустя он вернулся весьма удовлетворенный и продолжил разговор, словно ничего не произошло.

— Весьма естественный вопрос, мистер Парвис, — усмехнулся он. — На вашем месте я сам бы его задал. Но вы и в самом деле надеетесь, что я вам на него отвечу?

— Ну... была у меня слабая надежда, — признался Гарри.

— В таком случае я вас удивлю... даже дважды удивлю. Во-первых, я вам отвечу, а во-вторых, докажу, что у меня вовсе нет страстного интереса к корабельным двигателям. В трубе под днищем моего корабля, которая вас столь заинтересовала, действительно есть гребные винты, но кроме них еще много всего интересного.

Позвольте вам напомнить несколько элементарных статистических фактов об океане, — продолжил доктор Романо, явно усевшись на своего любимого конька. — Сидя здесь, мы видим вокруг множество квадратных миль его поверхности. Но известно ли вам, что каждая кубическая миля морской воды содержит сто пятьдесят миллионов тонн минералов?

— Честно говоря, нет, — признался Джордж. — Но цифра впечатляющая.

— На меня она произвела впечатление уже давно. Мы ковыряем землю ради металлов и минералов, в то время как любой известный элемент можно отыскать в морской воде. Океан, в сущности, есть нечто вроде универсальной и неистожимой шахты. Можно извлечь все минеральные богатства из земли, но океаны нам не опустошить никогда.

Люди, как вам известно, уже начали извлекать из моря его богатства. «Доу кемиклз» много лет добывает из морской воды бром: в каждой ее кубической миле его содержится около трехсот тысяч тонн. Недавно началась робкая добыча магния — а это пять миллионов тонн в кубической миле. Но это лишь начало.

Важнейшая практическая проблема заключается в том, что большинство элементов присутствует в морской воде в ничтожных концентрациях. Первые семь элементов составляют 99 процентов ее объема, а оставшийся процент приходится на все остальные полезные металлы — кроме магния.

Всю свою жизнь я искал способ решения этой проблемы, и ответ пришел ко мне во время войны. Не знаю, знакома ли вам технология, используемая в атомной энергетике для извлечения следовых количеств изотопов из растворов: некоторые из этих методов до сих пор строго засекречены.

— Вы имеете в виду ионообменные смолы? — рискнул предположить Гарри.

— Ну... нечто похожее. Моя фирма разработала несколько таких технологий по контрактам с КАЭ, и я сразу понял, что область их применения гораздо шире. Я задал работу своим самым способным молодым помощникам, и они разработали материал, который мы называли «молеку-

лярное сито». Это поразительно точное название: в определенном смысле материал *действительно* представляет собой сито, которое можно настроить на извлечение нужного элемента. Принцип его работы основан на очень сложных теориях волновой механики, но конечный результат до абсурда прост. Мы можем выбрать по желанию любой из компонентов морской воды, а сито извлечет его. Несколько фильтровальных ячеек, соединенные последовательно, способны извлекать различные элементы по очереди. Эффективность процесса весьма высока, а потребление энергии ничтожно.

— Знаю! — воскликнул Джордж. — Вы извлекаете из морской воды золото!

— Ха! — с отвращением фыркнул доктор Романо. — Свое время я могу использовать и лучше. Кстати, чертова золота вокруг и так слишком много. Мне же нужны коммерчески полезные металлы — те, которых человечеству через одно-два поколения отчаянно будет не хватать. Между прочим, даже с помощью моего сита извлекать золото нет смысла. Его всего лишь фунтов пятьдесят в кубической миле воды.

— А как насчет урана? — спросил Гарри. — Или его еще меньше?

— Лучше бы вы не задавали этот вопрос, — ответил доктор Романо с улыбкой, опровергавшей слова. — Но поскольку ответ на него вы можете отыскать в библиотеке, то могу со спокойной душой ответить, что урана в морской воде в двести раз *больше*, чем золота. Около семи тонн на кубическую милю — цифра, как говорится, представляющая интерес. Так зачем тогда возиться с золотом?

— И в самом деле, зачем? — поддакнул Джордж.

— Так вот, — продолжил доктор, — даже при наличии молекулярных сит остается еще проблема перекачки огромных количеств воды. Ее можно решить несколькими способами — например, построить гигантские насосные станции. Но мне всегда нравилось убивать двух птиц одним камнем, и как-то раз я сел и проделал вычисления, результат которых меня поразил. Оказывается, совершая рейс через Атлантику, «Куин Мэри» перемалывает винтами одну десятую кубической мили морской воды. Другими

словами, пятнадцать миллионов тонн минералов. Или, если вспомнить ваш вопрос, примерно тонну урана за каждый рейс. Интересная мысль, не правда ли?

Поэтому я пришел к выводу, что для создания весьма выгодной передвижной установки для экстракции достаточно поместить гребные винты любого корабля в трубу, которая одновременно станет направляющей для потока воды, проходящей через молекулярное сито. Разумеется, тяга несколько снизится, но наши опытные модели работали очень хорошо. Скорость корабля снижается, зато чем дольше продолжается плавание, тем больше денег мы зарабатываем на экстракции. Как по-вашему, понравится ли такое корабельным компаниям? Но, разумеется, это лишь начало. Я подумываю о строительстве плавучих экстракционных заводов, которые станут бороздить океан, пока не наполнят трюмы всем, чем пожелаете. И когда этот день наступит, мы сможем остановить издевательства над землей, а нехватка любых материалов останется в прошлом. Ведь все рано или поздно возвращается в океан, и, открыв этот сундук с сокровищами, мы обеспечим себя навсегда.

Наступило недолгое молчание, нарушаемое лишь позвякиванием льда в бокалах — гости доктора Романо представляли эту захватывающую перспективу. И тут Гарри поразила неожиданная мысль.

— Это одно из величайших изобретений, о каких мне доводилось слышать, — сказал он. — Поэтому я нахожу довольно странным, что вы настолько с нами откровенны. В конце концов, мы ведь для вас незнакомцы. А вдруг мы за вами шпионим?

Старый ученый рассмеялся.

— Насчет *этого*, мальчик мой, можете не волноваться, — заверил он Гарри. — Я уже связался с Вашингтоном и попросил своих друзей вас проверить.

Целую минуту Гарри недоуменно моргал, потом понял, как это было сделано. Он вспомнил краткое исчезновение доктора Романо и домыслил остальное. Доктор связался по радио с Вашингтоном, некий сенатор позвонил в посольство, Министерство снабжения ответило на запрос — и через пять минут Романо получил желаемый

ответ. Да, американцы весьма эффективны — те, кому такое по карману.

И тут Гарри осознал, что они уже не одиноки в море. К «Валентности» направлялась другая яхта — гораздо более крупная и внушительная, и через несколько минут он смог прочесть ее название: «Морская пена». Ему подумалось, что такое название больше подходит для парусов, чем для грохочущего дизеля, но яхта действительно оказалась очень красива, и он без труда понял выражение откровенной зависти, появившееся на лицах Джорджа и доктора Романо.

Море было настолько спокойным, что яхты смогли сблизиться борт к борту, и, едва они соприкоснулись, на палубу «Валентности» прыгнул загорелый энергичный мужчина лет под пятьдесят. Он подошел к доктору, крепко пожал ему руку и, спросив: «Ну, старый пройдоха, что ты на этот раз затеял?» — вопросительно взглянул на остальных. Доктор представил присутствующих; выяснилось, что к ним пожаловал профессор Скотт Маккензи, вышедший на своей яхте из Ки-Ларго.

«О нет! — мысленно воскликнул Гарри. — Это уже перебор! Двух ученых-миллионеров в один день мне не выдержать!»

Но деваться ему было некуда. Верно, Маккензи очень редко показывался в академических кругах, но он был самым настоящим профессором и руководил кафедрой геофизики в одном из тexasских колледжей. Однако девяносто процентов своего времени он тратил, работая на крупные нефтяные компании, и руководил собственной консультационной фирмой. Похоже, торсионные весы и сейсмографы приносили ему солидную прибыль. Более того, будучи намного моложе доктора Романо, он уже сейчас был значительно его богаче благодаря тому, что работал в более быстро развивающейся отрасли промышленности. Гарри предположил, что любопытное налоговое законодательство суверенного штата Техас также имеет к этому факту некоторое отношение...

В то, что два богатеньких ученых встретились случайно, верилось с трудом, и Гарри стало любопытно, что за комбинация тут назревает. Некоторое время разговор шел

на общие темы, но профессора Маккензи терзало откровенное любопытство по поводу двух гостей доктора Романо. Вскоре после того как их представили, профессор нашел повод на несколько минут отлучиться, и Гарри мысленно простонал. Если на протяжении получаса на него поступит в посольство два независимых запроса, там явно заинтересуются, во что же он впутался. Такое даже может пробудить подозрительность у ФБР, а как тогда он провезет через таможеню обещанные две дюжины пар нейлоновых колготок?

Наблюдать за поведением обоих ученых было поразительно интересно. Они напоминали пару бойцовых петухов, выбирающих позицию для атаки. Романо обращался с более молодым коллегой с откровенной грубостью, под которой, как заподозрил Гарри, скрывалось вынужденное восхищение. Было также ясно, что Романо, почти фанатичный борец за сохранение природы, относился к деятельности Маккензи и его нанимателей с величайшим неодобрением.

— Вы банда грабителей, — сказал он профессору. — Вас заботит только одно — как можно быстрее лишить планету всех ресурсов, а на следующие поколения вам наплевать.

— А что это следующее поколение сделало для нас? — не очень оригинально возразил Маккензи.

Словесная перепалка продолжалась почти час, и многое в ней оказалось для Гарри совершенно непонятным. Он стал гадать, почему ему и Джорджу было позволено стать ее свидетелями, но через некоторое время оценил уловку доктора Романо. Тот был гениальным оппортунистом: раз уж они случайно оказались на борту, доктор воспользовался этим, просто чтобы помучить профессора Маккензи и заставить его гадать, какие же сделки тут намечались.

Информацию о молекулярных ситах доктор выдавал по кусочкам и вскользь, точно такой пустяк не заслуживал внимания. Однако Маккензи немедленно проглотил наживку, и чем более уклончивым становился Романо, тем большую настойчивость проявлял профессор. Было очевидно, что доктор лишь разыгрывает застенчивость, и хотя

профессор это прекрасно понимает, он не может не подыгрывать пожилому ученому.

Доктор Романо обсуждал свое изобретение с какой-то странной отрешенностью, точно это некий проект будущего, а не свершившийся факт. Он описал его захватывающие дух возможности и пояснил, как оно может отправить на свалку истории всю существующую горнодобывающую промышленность, а заодно навсегда избавить мир от угрозы нехватки металлов.

— Но если метод настолько хорош, — воскликнул наконец Маккензи, — то почему же вы не воплотили его в жизнь?

— А чем же я, по-вашему, занимаюсь здесь, в водах Гольфстрима? — возмутился доктор. — Вот, взгляните.

Он открыл шкафчик возле сонарного локатора, достал брусочек металла и бросил его Маккензи. Брусочек напоминал свинцовый и был явно очень тяжелым. Профессор взвесил его на руке и немедленно определил:

— Уран. Так вы хотите сказать...

— Да. До последнего грамма. И там, где он взят, его предостаточно. Джордж, — обратился он к другу Гарри, — не прокатите ли профессора на вашей субмарине, пусть посмотрит на установку в действии. Он мало что поймет, зато убедится, что мы заняты серьезным делом.

Маккензи все еще оставался настолько задумчив, что на такую мелочь, как частная субмарина, даже не обратил внимания. Минут через пятнадцать они всплыли, увидев достаточно, чтобы разжечь у Маккензи аппетит.

— Первым делом я хочу понять, — заявил он Романо, — почему вы показываете все это *мне*? Ведь это крупнейшее изобретение — так почему ваша фирма за него не ухватилась?

Романо с отвращением фыркнул:

— Вы ведь знаете, что я поцапался с советом директоров. И в любом случае эта кучка старых пердунов все равно настолько крупный проект не потянула бы. Ужасно не хочется это признавать, но вы, техасские пираты, больше подходите для такой работы.

— Так это ваше частное предприятие?

— Да. Компания ничего о нем не знает, а я вложил в него полмиллиона собственных средств. Для меня это было чем-то вроде хобби. Я считал, что кому-то следует возместить нанесенный природе ущерб — это насилие над континентами, которое люди вроде вас...

— Ладно, мы это уже слышали. И все же вы предлагаете передать его нам?

— А кто говорил о передаче?

Наступило многозначительное молчание, затем Маккензи осторожно произнес:

— Разумеется, нет нужды говорить, что оно нас интересует... очень интересует. Если вы предоставите нам данные об эффективности, степени экстракции и прочую статистику — и совсем не обязательно раскрывать технические подробности, — то мы сможем поговорить о деле. Я не могу говорить за своих партнеров, но не сомневаюсь, что они смогут собрать достаточную для заключения нашей сделки сумму...

— Скотт, — прервал его Романо, и в его голосе послышалась усталость, впервые напомнившая о возрасте доктора, — меня не интересует заключение сделки с твоими партнерами. У меня нет времени торговаться с ними, с их юристами и юристами юристов. Я занимался этим пятьдесят лет и, уж поверь мне на слово, безумно устал. Это мое изобретение. Оно сделано на мои средства, а все оборудование стоит на моем корабле. И я хочу заключить личную сделку. С тобой. А дальше поступай как знаешь.

Маккензи моргнул.

— Такую крупную сделку я один не потяну, — запротестовал он. — Спасибо, конечно, за предложение, но если все ваши слова — правда, то такое изобретение стоит миллиарды. А я всего лишь бедный, но честный миллионер.

— Деньги меня больше не интересуют. Что я с ними стану делать в моем-то возрасте? Нет, Скотт, есть только одна вещь, которую я сейчас хочу — и хочу прямо сейчас, немедленно. Отдай мне «Морскую пену», и мой процесс — твой.

— Да вы с ума сошли! Ведь даже при нынешней инфляции такую яхту можно построить меньше чем за миллион. А ваш процесс стоит...

— Что ж, Скотт, не спорю. Все это так, но я старик, и я очень тороплюсь, а на строительство такой яхты уйдет не меньше года. Я влюбился в нее с того дня, когда ты показал мне ее в Майами. Предлагаю такой вариант: ты забираешь «Валентность» со всем ее лабораторным оборудованием и записями. Договор о взаимном обмене яхтами мы сможем заключить всего за час — у меня на борту есть юрист, который позаботится о законности сделки. А потом я отплываю в Карибское море, делаю круиз по островам и плыву дальше через Тихий океан.

— Так у вас все было подготовлено заранее? — изумился Маккензи.

— Да. А соглашаться или нет — дело твое.

— В жизни не слышал о такой безумной сделке, — пробормотал Маккензи. — Разумеется, я согласен. Упрямого старого мула я могу распознать с первого взгляда.

Следующий час был заполнен бешеной деятельностью. Моряки обеих экипажей, обливаясь потом и покряхтывая, носились взад-вперед с чемоданами и тюками. Доктор Романо с блаженной улыбкой на морщинистом лице спокойно сидел посреди поднятой им суматохи. Джордж и Маккензи занялись юридическим крючкотворством и накропали документ, который доктор подписал, едва на него взглянув.

Из «Морской пены» начали появляться и неожиданные предметы вроде прелестного мантио из норки-мутанта и прелестной блондинки (не мутантки).

— Здравствуй, Сильвия, — вежливо сказал Романо. — Боюсь, твоя новая каюта окажется теснее прежней. Профессор забыл упомянуть, что ты у него на борту. Ничего — мы тоже не станем этого упоминать. Обойдемся без контракта, пусть это станет джентльменским соглашением, хорошо? Не хочется огорчать мистера Маккензи.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь! — вспыхнула Сильвия. — Надо же кому-то печатать для профессора документы.

— И ты это умеешь из рук вон плохо, дорогая, — заметил Маккензи, с истинной галантностью южанина помогая даме перебраться через борт. Гарри не смог не восхититься его выдержкой в столь пикантной ситуации — он вовсе не был уверен, что справился бы столь же хорошо. Жаль, что ему не представится возможность испытать себя.

Наконец хаос стал стихать, а поток ящиков и тюков превратился в ручеек. Доктор Романо пожал всем на прощание руки, поблагодарил Гарри и Джорджа за помощь, взбежал на мостик «Морской пены» и десять минут спустя был уже на полпути к горизонту.

Гарри задумался, не пора ли и им отбыть по своим делам — им так и не представилась возможность объяснить профессору Маккензи, что они вообще здесь делают, — и тут послышался сигнал радиотелефона. Яхту вызывал доктор Романо.

— Наверное, забыл зубную щетку, — предположил Джордж.

Однако причина оказалась не столь тривиальна. К счастью, динамик в рубке был включен, и им буквально пришлось выслушать весь разговор, не прибегая к столь щепетильной для джентльмена уловке, как подслушивание.

— Послушай, Скотт, — сказал доктор Романо, — думаю, я обязан тебе кое-что объяснить.

— Если вы меня надули, то я отсужу у вас все до последнего...

— О, никакого обмана. Однако я несколько на тебя надавил, хотя все мною сказанное — правда. И злиться на меня нет причин — сделка честная. Правда, пройдет немало времени, прежде чем ты на ней хоть что-то заработаешь, и сперва тебе придется вложить еще несколько своих миллионов. Видишь ли, эффективность процесса необходимо повысить еще на три порядка, прежде чем он станет коммерческим: тот брусок урана обошелся мне в пару тысяч долларов. Погоди, не кипятись — это можно сделать, не сомневаюсь и минуты. Свяжись с доктором Кенделлом, он проделал основную работу, и уговори его перейти на работу из моей фирмы к себе, сколько бы тебе

это ни стоило. Ты парень упрямый, и теперь, когда дело в твоих руках, я знаю, что ты доведешь его до конца. Вот почему я хотел, чтобы оно попало именно к тебе. Ну и, конечно, из поэтической справедливости — так ты сможешь возместить хотя бы часть нанесенного тобой природе ущерба. Жаль, правда, что ты при этом станешь миллиардером, но тут я ничего поделать не смогу.

Погоди — не перебивай. Будь у меня время, я завершил бы работу сам, но на это уйдет еще минимум три года. А врачи сказали, что у меня есть только шесть месяцев: я не шутил, когда говорил, что очень тороплюсь. Рад, что мне не пришлось это упоминать, когда мы заключили сделку, но поверь — если бы пришлось, я пустил бы в ход и это оружие. И последнее... когда процесс заработает, назови его моим именем, хорошо? Вот и все... и не звони мне. Я не отвечу, а поймать меня ты не сможешь — сам знаешь.

Профессор Маккензи даже не дрогнул.

— Что-то в этом роде я и подозревал, — сказал он, ни к кому не обращаясь. Потом сел, достал из кармана логарифмическую линейку и отключился от окружающего, бросив лишь мимолетный взгляд на Гарри и Джорджа, когда те, вежливо попрощавшись, перебрались в подлодку и отчалили.

— Окончательный результат этой встречи, подобно многим другим событиям, мне до сих пор не известен, — завершил рассказ Гарри Парвис. — Вероятно, профессор Маккензи столкнулся с какими-нибудь трудностями, иначе мы бы уже услышали об этом процессе. Но я ни секунды не сомневаюсь, что рано или поздно процесс будет отработан, так что будьте готовы продать свои акции шахт и рудников...

Что касается доктора Романо, то он сказал правду, хотя его врачи несколько ошиблись. Он протянул еще год, и, полагаю, «Морская пена» немало продлила ему жизнь. Его похоронили посреди Тихого океана, и мне только что пришло в голову, что старику бы это пришлось по душе. Я ведь говорил, что он был фанатичным борцом за сохранение окружающей среды, и... какая пикантная мысль: не исключено, что прямо сейчас некоторые

из составлявших его тело атомов проходят через его же молекулярное сито...

Я вижу недоверчивые взгляды, но это факт. Если взять мензурку воды, вылить ее в океан, хорошенько перемешать, а потом зачерпнуть той же мензуркой воды из океана, то в ней окажется несколько десятков молекул из первоначальной порции. Так что... — он мрачно усмехнулся, — это лишь вопрос времени, что не только доктор Романо, но и каждый из нас пройдет через его сито и оставит на нем толику себя. И на этой мысли, джентльмены, позвольте откланяться. Желаю вам всем наимприятнейшего вечера.

СТРОПТИВАЯ ОРХИДЕЯ

Хотя лишь немногие в «Белом олене» согласятся с тем, что любой из рассказов Гарри Парвиса действительно *правдив*, все сходятся на том, что некоторые намного более вероятны, чем остальные. И на любой шкале правдивости история о Строптивной Орхидее наверняка получит весьма низкую оценку.

Я уже не помню, какой изобретательный гамбит разыграл Гарри, чтобы ее рассказать: наверное, какой-нибудь любитель орхидей принес в бар свое недавно выращенное чудовище, и это послужило поводом. Неважно. Саму историю я прекрасно помню, а это и есть главное.

На сей раз в приключении не участвовал кто-либо из многочисленных родственников Гарри, а сам он не стал объяснять, откуда узнал столь много низменных подробностей. Героем — если его можно так назвать — этой теплой эпопеи был безобидный мелкий клерк по имени Геркулес Китинг. И если вы решили, что *это* и есть наименее вероятная часть рассказа, то наберитесь немного терпения.

Геркулес — имя не из тех, что облегчают жизнь своего носителя, даже в наилучшем случае, а когда в человеке роста всего четыре фута и девять дюймов, а выглядит он так, точно ему пришлось упорно заниматься физкультурой, чтобы превратиться хотя бы в слабака весом девяносто

Строптивная орхидея

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

семь фунтов*, оно начинает попросту раздражать. Возможно, это поможет объяснить, почему Китинг вел очень замкнутую жизнь, а все его настоящие друзья росли в горшках во влажной теплице, стоящей в уголке сада. Потребности у него были скромные, и денег на себя он тратил очень мало; соответственно, коллекцию орхидей и кактусов он собрал выдающуюся. И в самом деле, Геркулес приобрел широкую известность среди братства кактофиллов и нередко получал из отдаленнейших уголков планеты посылки, пахнущие перегноем и тропическими джунглями.

У Геркулеса была только одна живая родственница, и столь разительный контраст, как тетя Генриетта, еще стоило поискать. Массивная женщина шести футов ростом, она обычно носила твидовые костюмы кричащих оттенков, с бесшабашным мастерством гоняла на «ягуаре» и курила одну сигару за другой. Ее родителям хотелось иметь мальчика, и они до самой смерти так и не поняли, сбылась ли их мечта. Генриетта очень неплохо зарабатывала, разводя собак всевозможных пород и размеров, и ее редко видели без парочки последних моделей, причем это были далеко не миниатюрные собачки, каких дамы любят носить в сумочках. «Псарня Китинг» специализировалась на датских догах, овчарках и сенбернарах...

Генриетта, по праву презирая мужчин как слабый пол, даже не помышляла о замужестве. Тем не менее по каким-то своим причинам она проявляла фамильярный (да, это самое правильное слово) интерес к Геркулесу и почти каждые выходные приезжала его навестить. То были любопытные отношения: наверное, Генриетта обнаружила, что Геркулес подпитывает ее чувство превосходства. Если считать его представителем мужского пола, то мужчины в таком случае — весьма жалкие создания. И все же даже если мотивация Генриетты и была именно таковой, то неосознанной, и к племяннику она относилась с искренней нежностью. Опекала его, но не унижала.

Нетрудно представить, что внимание тети отнюдь не помогало Геркулесу избавиться от глубоко укоренивше-

---

* Рост 145 см, и вес 44 кг. (Примеч. пер.)

гося комплекса неполноценности. Поначалу он ее просто терпел, а затем стал страшиться ее регулярных визитов, грохочущего голоса и рукопожатий, от которых трещали кости. Кончилось тем, что он ее возненавидел. Со временем эта ненависть превратилась в доминантную эмоцию его жизни, превзойдя даже любовь к орхидеям. Но он был очень осторожен и не проявлял своих чувств, понимая, что если тетя Генриетта узнает, как он к ней относится, то наверняка разорвет пополам и скормит своим волкодавам.

Получалось, что выразить свои глубинные чувства Геркулес никак не мог. Ему приходилось быть вежливым с тетей даже тогда, когда ему хотелось ее убить. А убить ее ему хотелось часто, хотя он прекрасно понимал, что это ему никогда не удастся. Пока однажды...

По словам продавца, орхидею ему прислали «откуда-то из района Амазонки» — весьма расплывчатый почтовый адрес. Когда Геркулес впервые ее увидел, она представляла собой не очень-то вдохновляющее зрелище даже для такого любителя орхидей, как он. Бесформенный корень размером с мужской кулак — и все. Корень уже начал гнить, и от него едва ощутимо пахло падалью, как от стервятника. Геркулес не был даже уверен, что корень не погиб, о чем и сказал продавцу. Возможно, это замечание и позволило ему купить его за ничтожную сумму, и он без особого восторга принес его домой.

Первый месяц корень не проявлял признаков жизни, но Геркулеса это не встревожило. Потом в один прекрасный день проклюнулся крошечный зеленый росток и стал тянуться к свету, после чего растение быстро пошло в рост. Вскоре оно превратилось в толстый мясистый стебель высотой в локоть и ярко-зеленого цвета. Возле верхушки стебель опоясывали какие-то странные бугорки, остальная же его часть была совершенно гладкой. Теперь Геркулеса охватило сильное возбуждение: он уже не сомневался, что в его руки попал совершенно новый вид.

Скорость роста теперь стала просто фантастической: вскоре растение оказалось выше самого Геркулеса — что, впрочем, трудно назвать особым достижением. Более того,

бугорки начали набухать и создалось впечатление, что орхидея в любой момент расцветет. Геркулес с тревогой ждал этого события, зная, как коротка бывает жизнь цветков у некоторых видов, и старался проводить в теплице как можно больше времени. Однако, несмотря на всю его бдительность, трансформация произошла ночью, когда он спал.

К утру орхидея украсилась восемью свисающими почти до земли отростками. Должно быть, они развились внутри растения и вырвались наружу — по понятиям растительного мира — со взрывной скоростью. Геркулес изумленно уставился на растение и ушел на работу, охваченный задумчивостью.

Вечером того же дня, поливая растение и проверяя почву в его горшке, он заметил еще более странный факт: отростки стали толще и... слабо, но несомненно подрагивали, точно жили собственной жизнью. Даже Геркулес, при всем его интересе и энтузиазме, счел это более чем слегка тревожным.

Несколько дней спустя последние сомнения отпали. Когда он приближался к орхидее, отростки с неприятной целенаправленностью начинали к нему тянуться. Впечатление голода создавалось настолько сильное, что Геркулесу становилось очень даже не по себе, а в голове начинала вертеться некая смутная мысль. Прошло немало времени, пока он вспомнил, обозвал себя болваном и отправился в местную библиотеку. Там он провел весьма интересные полчаса, перечитывая рассказ Герберта Уэллса «Странная орхидея».

«Боже мой!» — подумал Геркулес, кончив читать. Пока что растение не испускало одуряющего запаха, от которого будущая жертва должна была потерять сознание, но все остальное практически совпадало. Геркулес вернулся домой воистину встревоженным.

Открыв дверь теплицы, он постоял, глядя вдоль зеленого коридора на свой призовой образец. Потом тщательно прикинул длину отростков — он уже поймал себя на том, что называет их щупальцами, — и подошел на безопасное, по его мнению, расстояние. Растение, несомненно, вызывало ощущение настороженности и угрозы, куда более

подходящее для животного, а не растительного царства. Геркулес вспомнил печальную историю доктора Франкенштейна, и она его не порадовала.

Да ведь это смешно, в конце концов! В реальной жизни такое не происходит. Что ж, есть только один способ проверить...

Геркулес ушел в дом и вскоре вернулся с палкой от метлы, к концу которой он привязал кусок сырого мяса. А потом, чувствуя себя полным идиотом, осторожно двинулся к орхидее, как приближался бы укротитель к клетке со львом во время кормления.

Секунду ничего не происходило, но вот два щупальца возбужденно дернулись и стали покачиваться, словно растение принимало решение, а потом... мгновенно и с потрясающей скоростью метнулись вперед и обвили кусок мяса. Геркулес ощутил мощный рывок, и мясо с конца палки исчезло: орхидея уже прижимала его, если допустимо смешивать такие метафоры, к своей груди.

— Разрази меня гром! — завопил Геркулес. К столь сильным выражениям он прибегал чрезвычайно редко.

В последующие сутки орхидея не проявляла новых признаков жизни, потому что ждала, пока мясо немного протухнет, а сама тем временем обзаводилась пищеварительной системой. На следующий день вокруг все еще видимого куска мяса проросли короткие корешки. К вечеру мясо исчезло.

Растение познало вкус крови.

К своему питомцу Геркулес испытывал весьма противоречивые чувства. Иногда орхидея едва не награждала его кошмарными снами, и он предвидел широчайший спектр жутких последствий. Растение уже обрело чрезвычайную силу, и если Геркулес попадет к нему в щупальца, ему конец. Но, разумеется, подобная участь ему ни в малейшей степени не угрожала. Он провел систему труб и теперь мог поливать его с безопасного расстояния, а менее ортодоксальную пищу просто бросал туда, где до нее могли дотянуться щупальца. Сейчас оно съедало фунт сырого

мяса в день, и Геркулес не мог избавиться от неприятной мысли о том, что растение справилось бы и с куда большим количеством, подвернись ему такая возможность.

Однако вполне естественные опасения Геркулеса в целом перевешивало чувство триумфа — ведь в его руки попало такое ботаническое чудо. И он, если пожелает, в любой момент может стать самым знаменитым орхидееводом в мире. Типично для его несколько ограниченной точки зрения, ему и в голову не приходило, что, кроме любителей орхидей, его питомцем могут заинтересоваться и другие.

Существо вымахало уже на шесть футов и продолжало расти, хотя уже гораздо медленнее, чем прежде. Все прочие растения давно были передвинуты в другой конец теплицы, и теперь Геркулес мог заботиться о них, не опасаясь за свою жизнь. Он даже натянул веревку поперек центрального прохода, чтобы случайно не оказаться в пределах досягаемости восьми мощных отростков.

Стало очевидно, что орхидея обладает высокоразвитой нервной системой и даже зачатками разумности. Она знала, когда он собирался ее кормить, и проявляла несомненные признаки удовольствия. Но самое фантастичное — хотя Геркулес все еще немного в этом сомневался — заключалось в том, что она умела издавать звуки. Иногда, перед самым кормлением, Геркулесу казалось, будто он слышит тончайший, на грани слышимости, свист. Такой звук могла бы издавать новорожденная летучая мышь, и он гадал, какой цели этот звук служит. Неужели орхидея каким-то образом с его помощью подманивает добычу? Если даже так, то вряд ли он поддастся на такую уловку.

Пока Геркулес совершал эти интересные открытия, ему продолжала досаждать тетя Генриетта, а заодно и ее собаки, далеко не столь выдрессированные и воспитанные, как она утверждала. Обычно тетя шумно подкатывала к дому воскресным днем с одной собакой на соседнем сиденье и второй в багажнике. Затем избегала на крыльцо через две ступеньки, почти душила Геркулеса в объятиях, наполовину парализовывала рукопожатием и выдыхала ему в лицо сигарный дым. Были моменты, когда ему с ужасом представлялось, что она его вот-вот поцелует, но

он уже давно понял, что подобные нежности чужды ее натуре.

Тетя Генриетта поглядывала на орхидеи Геркулеса с некоторым презрением. Убивать свободное время в какой-то теплице было, по ее мнению, весьма жалким отдыхом. Когда ей хотелось выпустить пар, она отправлялась в Кению охотиться на крупную дичь. Такое хобби не прибавляло ей симпатий в глазах Геркулеса, не выносившего кровавых развлечений. Однако он, несмотря на все растущую неприязнь к тетушке, каждый воскресный день терпеливо заваривал для нее чай, и они устраивали вполне дружеский — внешне — тет-а-тет. Генриетта никогда не догадывалась, что Геркулес, наливая ей чай, нередко жалел о том, что тот не отравлен: глубоко под своими мощными фортификациями тетушка была женщиной добросердечной, и такая догадка ее бы сильно огорчила.

Геркулес так и не рассказал тетушке про своего растительного осьминога. Время от времени он демонстрировал ей наиболее интересные образцы, но эту тайну решил сохранить для себя. Как знать, вдруг его подсознание уже готовило почву для будущего дьявольского плана — причем до того, как он его полностью сформулировал...

Именно в один из воскресных вечеров, когда рев «ягуара» стих в ночи, а Геркулес восстанавливал в теплице пошатнувшееся душевное равновесие, в его сознании впервые полностью сложился план. Он посмотрел на орхидею, отметил, что ее щупальца стали уже толщиной с большой палец взрослого мужчины, и тут перед его мысленным взором внезапно предстала приятнейшая фантазия. Он увидел тетю Генриетту, беспомощно вырывающуюся из неумолимых объятий монстра, но бессильную преодолеть хватку хищника. Да ведь это будет идеальное преступление! Племянник появится на сцене трагедии слишком поздно и не успеет помочь, а когда по его отчаянному звонку примчится полиция, с первого же взгляда станет ясно, что произошел несчастный случай. Конечно же, начнется следствие, но суровый коронер смягчится при виде неподдельной скорби Геркулеса...

Чем дольше он обдумывал эту идею, тем больше она ему нравилась. В ней не имелось никаких просчетов —

если орхидея согласится сотрудничать. А это, несомненно, станет самой большой проблемой. Придется разработать план ее тренировки. Существо уже выглядело достаточно дьявольским; осталось довести его до такой кондиции, чтобы содержание соответствовало форме.

Если учесть, что у него не было опыта в подобных делах, а получить консультацию тоже было не у кого, то действовал Геркулес весьма логично и по-деловому. Воспользовавшись удочкой, он помахивал кусками мяса перед орхидеей, пока та не пыталась схватить его щупальцами — но не могла дотянуться. В такие моменты она издавала четко слышимый писк, и Геркулес вновь гадал, как она ухитряется производить звуки. Не меньшей загадкой для него оставались ее органы чувств, но решить ее можно было, лишь рассмотрев растение вблизи. Быть может, у тети Генриетты, если все пройдет удачно, ненадолго появится возможность прояснить эту интереснейшую проблему — хотя она скорее всего будет слишком занята и не успеет поделиться новыми знаниями с племянником.

Не возникало сомнений и в том, что зверюга достаточно сильна, чтобы справиться с намеченной жертвой. Она уже смогла однажды вырвать палку от метлы из рук Геркулеса, и хотя само по себе это мало что значило, раздавшийся секунду спустя громкий треск ломающегося дерева дал тренеру повод раздвинуть тонкие губы в удовлетворенной улыбке. Геркулес стал с тетушкой еще обходительнее и внимательнее, а сам превратился в образцового племянника.

Когда Геркулес решил, что его пикадорская тактика настроила орхидею на правильные действия, он задумался над тем, не стоит ли провести контрольный опыт с живой приманкой. Эта проблема не давала ему покоя несколько недель, и всё это время он оценивающе приглядывался ко всем попадающимся на улицах кошкам и собакам, но в конце концов отказался от этой идеи — по довольно странной причине. Он был просто-напросто слишком добросердечен, чтобы воплотить ее в жизнь. Тете Генриетте придется стать первой жертвой.

Для начала он заставил орхидею две недели голодать. Дольше морить ее голодом он не рискнул, чтобы не ослаб-

лять — он просто-напросто хотел разбудить в ней зверский аппетит и тем самым сделать исход с тетей предре-
шенным. И вот в очередное воскресенье, отнеся чайные
чашки на кухню и усевшись с наветренной стороны от
тетиной сигары, он небрежным тоном произнес:

— Хочу тебе кое-что показать, тетушка. У меня для
тебя сюрприз. Он тебя насмерть зашекочет.

— Не очень-то точное описание, решил он, но общую идею
передает.

Тетушка вынула изо рта сигару и уставилась на пле-
мянника с откровенным удивлением.

— Ну надо же! — пробасила она. — Чудесам нет кон-
ца! Что это ты такое задумал, плут? — И она игриво шлеп-
нула племянника по спине, отчего у него перехватило
дыхание.

— Ты не поверишь, — прохрипел он, снова сумев вдох-
нуть. — Это в теплице.

— Да ну? — удивилась явно озадаченная тетушка.

— Да... сходи посмотри. Это станет настоящей сенса-
цией.

Тетушка недоверчиво фыркнула, но последовала за Гер-
кулесом без дальнейших расспросов. Две овчарки, дело-
вито жующие ковер, настороженно взглянули на нее и
приподнялись, но она махнула им, приказывая остаться
на месте.

— Лежите, мальчики, — велела она. — Я через мину-
ту вернусь.

Геркулес в этом сильно усомнился.

Вечер был темным, а свет в теплице выключен. Когда
они вошли, тетушка возмущенно заметила:

— Господи, Геркулес... тут воняет, как на бойне. Я не
нюхала такого с тех пор, как подстрелила слона в Була-
вайю, и мы целую неделю не могли его отыскать.

— Извини, тетушка, — пробормотал Геркулес, подтал-
кивая ее дальше в теплицу. — Это мое новое удобрение.
Результаты после него просто ошеломляющие. Иди даль-
ше... еще несколько шагов. Я хочу устроить тебе *насто-
ящий* сюрприз.

— Надеюсь, это не шутка, — подозрительно отозвалась
Генриетта, топая вперед.

— Обещаю, что не шутка, — заверил ее Геркулес, держа палец на выключателе. Он с трудом различал орхидею: тетушка приблизилась к ней футов на десять. Подождая, пока она окажется далеко в опасной зоне, племянник шелкнул выключателем.

Вспыхнул свет, осветив немую сцену. Тетя Генриетта остановилась перед гигантской орхидеей, уперев руки в бока. На секунду Геркулес испугался, что она отступит прежде, чем растение начнет действовать, но потом понял, что она спокойно разглядывает орхидею, пытаясь понять, что это еще за чертовщина.

Прошло не менее пяти секунд... и тут свисающие отростки внезапно пришли в движение — но совсем не так, как ожидал Геркулес. Растение крепко обвилось ими *себя* — и одновременно испустило пронзительный, полный ужаса визг. И за секунду озарения, когда рухнули все иллюзии, Геркулес осознал ужасную правду.

Его орхидея оказалась жалким трусом. Возможно, она еще могла справиться с дикими зверями амазонских джунглей, но внезапное появление тети Генриетты полностью ее сломило.

Что же до предполагаемой жертвы, то она разглядывала существо с удивлением, которое быстро сменилось другой эмоцией. Тетушка резко обернулась и обвиняюще наставила на племянника палец.

— Геркулес! — взревела она. — Бедняжка до смерти перепугана. *Ты что, мучил ее?*

Охваченному отчаянием Геркулесу осталось лишь со стыдом опустить голову.

— Н-нет, тетушка, — пискнул он. — Наверное, она нервная от природы.

— Что ж, я умею обращаться с животными. А тебе следовало бы позвать меня раньше. С ними надо обращаться твердо, но нежно. Доброта всегда себя окупает, особенно когда дашь им понять, кто тут хозяин. Ну-ну, бедняжка... не бойся своей тетушки... она тебя не обидит...

Застывшему от отчаяния Геркулесу зрелище показалось отвратительным. Тетя Генриетта ворковала возле орхидеи, похлопывая и поглаживая ее, пока щупальца не расслабились, а пронзительный визг не смолк. Через не-

сколько минут растение избавилось от страха. А когда одно из щупалец робко поползло вперед и принялось поглаживать тетушкины пальцы, Геркулес всхлипнул и убежал из теплицы...

Тот ужасный день сломил его окончательно. Но, что еще хуже, он не смог избежать последствий задуманного преступления. Генриетта приобрела нового любимца и теперь стала приезжать не только по выходным, но еще и два-три раза на неделе. Было очевидно, что она сомневается в умении племянника правильно ухаживать за орхидеей и до сих пор подозревает, что тот измывается над бедным растением. С собой она привозила разные лакомые кусочки, от которых отказались даже ее собаки, зато орхидея принимала их с восторгом. Вонь, прежде не покидавшая теплицы, стала постепенно пробираться в дом...

Так они живут и сейчас, сообщил Гарри Парвис, завершая сей невероятный рассказ — к полному удовлетворению минимум двух из трех действующих лиц. Орхидея счастлива, а тетя Генриетта получила власть еще над чем-то (или над кем-то?). Время от времени, когда в теплицу пробирается мышь, у существа происходит нервный срыв и тетушка мчится его утешать.

Что же касается Геркулеса, то он никогда уже не доставит проблем любому из них. Похоже, он сам погрузился в некое растительное оцепенение. И вообще, задумчиво добавил Гарри, с каждым днем сам становится все больше и больше похож на орхидею.

На безобидную разновидность, разумеется...

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Одной из особенностей, делающих рассказы Гарри Парвиса столь убедительными, является их правдоподобие. Возьмем, к примеру, этот. Я тщательно, насколько смог, проверил места и информацию — мне пришлось так поступить, чтобы написать этот отчет, — и все совпало. И как это можно объяснить, если не... но судите сами.

— Я нередко замечал, — начал Гарри, — как в прессе появляются краткие и весьма любопытные заметочки, а затем, иногда несколько лет спустя, натыкаешься на уже более подробное изложение этих же событий. У меня как раз есть превосходный пример. Весной 1954 года — я потом уточнил дату, это было 19 апреля — появилось сообщение об айсберге у побережья Флориды. Помню, эта заметка показалась мне весьма странной. Гольфстрим, как вы знаете, рождается как раз у побережья Флориды, и я просто не мог представить, как айсберг мог забраться так далеко на юг, не растаяв по дороге. Впрочем, тогда я почти сразу позабыл об этом, решив, что это очередная высосанная из пальца сенсация, какие газеты публикуют, если нет настоящих новостей.

И вот примерно неделю назад я встретил друга, служившего капитаном во флоте США, он-то и рассказал мне о поразительной подоплеке той давней сенсации. История эта настолько замечательна, что я решил поведать о ней

всем, хотя не сомневаюсь, что многие ей просто-напросто не поверят.

Любой, кто более или менее знаком с внутренними американскими проблемами, наверняка знает, что претензии Флориды на звание «Солнечного штата» довольно сильно оспариваются некоторыми из остальных сорока семи членов Союза. Вряд ли Нью-Йорк, Мэн или Коннектикут можно назвать серьезными соперниками, зато Калифорния воспринимает амбиции Флориды почти как личное оскорбление и постоянно изо всех сил им противится. Флоридцы не остаются в долгу, напоминая про знаменитый лос-анджелесский смог, тогда калифорнийцы с показной заботливостью интересуются: «Когда там у вас по расписанию очередной ураган?», на что флоридцы отвечают: «Можете на нас рассчитывать, когда захотите отдохнуть от землетрясений». Конца этой перепалке не видно, и именно тут на сцене появляется мой друг капитан Доусон.

Капитан плавал на подводных лодках, но потом вышел в отставку. Он работал техническим советником в фирме, предлагающей услуги субмарин, и в один прекрасный день к нему обратились с весьма необычным предложением. Не стану категорически утверждать, что за ним стояла Торговая палата штата Калифорния, но... вы вольны делать любые предположения...

В любом случае идея казалась типично голливудской. Я тоже так сперва подумал, пока не вспомнил, что старина лорд Дансени использовал нечто подобное в одном из своих рассказов. Возможно, калифорнийский спонсор проекта тоже был, как и я, поклонником Джоркенса?

Идея была восхитительной по своей смелости и простоте. Капитану Доусону предложили внушительную сумму за доставку искусственного айсберга к побережью Флориды, а если он ухитрится подвести его вплотную к пляжу в Майами-Бич в разгар сезона — то еще и премию.

Вряд ли стоит говорить, что капитан охотно согласился: сам он был родом из Канзаса, поэтому смог отнестись к предложению бесстрастно и чисто как к коммерческой сделке. Он разыскал нескольких членов своего старого экипажа, заставил их дать клятву о неразглашении тайны

и после долгих мытарств и ожиданий в вашингтонских коридорах сумел на определенный срок взять напрокат устаревшую подлодку. Потом отправился в крупную компанию, выпускающую кондиционеры, убедил их в своей кредитоспособности и здравости рассудка, и на палубе его субмарины под большим куполом ему смонтировали холодильную установку.

На создание сплошного айсберга, даже маленького, потребовалось бы огромное количество энергии. Поэтому пришлось пойти на компромисс. Айсбергу — заговорщики окрестили его Холодная Хильда — предстояло стать пустотелым, с ледяными стенками около фута толщиной. Снаружи он будет смотреться весьма внушительно, а по сути станет типичной голливудской декорацией, зато кроме капитана и его людей его внутренние секреты никто не узнает. Готовый айсберг отпустят дрейфовать, когда ветры и течения направят его в нужном направлении, а продержится он достаточно долго, чтобы произвести во Флориде рассчитанный переполох.

Разумеется, пришлось решать бесчисленные практические проблемы. Для создания Хильды потребуется несколько дней непрерывной работы морозильников, а запустить ее в плавание следовало как можно ближе к цели. А это означало, что подлодке — назовем ее «Марлин» — придется подыскать базу неподалеку от Майами.

В качестве базы был предложен архипелаг Флорида-Киз, но тут же отвергнут. Уединения там уже не найти: рыбаков там нынче больше, чем москитов, и подлодку заметят в два счета. Даже если «Марлин» прикинется обыкновенным контрабандистом, спокойно поработать им все равно не дадут. Так что от этого плана пришлось отказаться.

Капитану предстояло решить и другую проблему. Прибрежные воды вокруг Флориды чрезвычайно мелки, и хотя осадка Хильды не будет превышать пары футов, всем известно, что девять десятых объема настоящего айсберга укрыто под водой. Поэтому, если внушительный на вид айсберг начнет плавать на полуметровом мелководье, весь реализм разом пропадет.

Не знаю точно, как капитан преодолел эти технические проблемы, но, полагаю, он провел несколько испытаний в Атлантике вдалеке от оживленных морских маршрутов. Замеченный в Атлантике и упомянутый в газетах айсберг был одним из его первых творений. Кстати, ни Хильда, ни ее родственники не представляли для кораблей опасности — будучи пустотелыми, они просто развалились бы при столкновении.

Наконец все приготовления были завершены. «Марлин» лег в дрейф в Атлантике севернее Майами, и запустил на полную мощь морозильники. Стояла чудесная ясная ночь, на западе медленно тонул полумесяц луны. Ходовые огни на «Марлине» были выключены, но капитан Доусон очень внимательно следил, не приближаются ли другие корабли. В такую ясную ночь он легко мог уклониться от столкновения, оставаясь незамеченным сам.

Хильда пребывала еще на стадии эмбриона. Насколько я понял, технология ее создания состояла в том, чтобы надуть очень холодным воздухом большой пластиковый мешок и набрызгивать на него воду, пока не образуется корочка льда. Когда лед наберет достаточную толщину и сможет выдержать собственный вес, мешок можно будет убрать. Лед — не слишком хороший строительный материал, но Хильду совсем не обязательно было делать очень большой. Даже маленький айсберг принес бы Торговой палате Флориды не меньше хлопот, чем младенец — незамужней леди.

Капитан Доусон стоял в рубке, наблюдая, как его команда управляется с распылителями ледяной воды и шлангами, подающими сильно охлажденный воздух. После предварительных тренировок они орудовали ими весьма умело и теперь с немалым художественным вкусом лепили глыбу будущего айсберга. Капитану даже пришлось остановить попытку воспроизвести ледяную копию головы Мэрилин Монро — зато саму идею он отложил на будущее.

А через несколько минут после полуночи капитан вздрогнул, увидев на севере вспышку, и обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как на горизонте гаснет красное свечение.

— Шкипер, там упал самолет! — крикнул наблюдатель. — Я видел, как он только что разбился!

Ни секунды не медля, капитан связался с машинным отделением и направил лодку на север. Он хорошо запомнил направление, где видел свечение, и предположил, что до места крушения не более двух-трех миль. Хильда, накрывающая почти всю корму лодки, не могла существенно снизить ее скорость, да и в любом случае быстро избавиться от айсберга было нельзя. Капитан велел выключить морозильники, чтобы снять лишнюю нагрузку с дизелей, и приказал полный вперед.

Минут тридцать спустя наблюдатель, вооруженный мощным биноклем ночного видения, заметил что-то на воде.

— Эта штука еще на плаву, — доложил наблюдатель. — Какой-то самолет, это точно — но никаких признаков жизни. И крылья у него, похоже, отвалились.

Не успел он договорить, как его перебил другой наблюдатель:

— Смотрите, шкипер, — тридцать градусов по правому борту! Что это?

Капитан резко развернулся и поднес к глазам бинокль. Он увидел едва выступающий над водой и быстро вращающийся небольшой овальный предмет.

— Ага, — произнес капитан, — боюсь, у нас появилась компания. Это радарный сканер — там еще одна подлодка. — Тут он просиял. — Как знать, может, мы еще сумеем выкрутиться, — сказал он своему помощнику. — Подождем, пока они начнут спасательную операцию, а сами втихаря смоемся.

— Возможно, нам придется нырять и бросить Хильду, — сказал помощник. — Помните, они уже засекли нас радаром. Так что нам лучше сбросить скорость и прикинуться айсбергом.

Доусон кивнул и отдал приказ. Ситуация усложнилась, и в следующие несколько минут могло произойти что угодно. Пока что другая подлодка видела «Марлина» лишь как пятнышко на экране радара, но, едва она поднимет перископ, ее командир начнет выяснять ситуацию. И вся история с айсбергом утратит секретность...

Доусон проанализировал тактическую ситуацию. Лучше всего, решил он, до предела использовать необычный камуфляж. Он отдал приказ, и «Марлин» развернулся кормой в сторону все еще погруженного незнакомца. Когда другая подлодка всплывет, ее командир очень удивится, увидев айсберг, но у Доусона оставалась надежда, что он будет слишком занят спасением самолета и не станет недоумевать из-за Хильды.

Он навел бинокль на разбившийся самолет — и испытал новое потрясение. Это и в самом деле оказался весьма странный летательный аппарат... и как-то он выглядел не так...

— Ну конечно! — сказал Доусон помощнику. — И как же мы сразу не догадались — никакой это не самолет. Это ракета, выпущенная с полигона Какао — видишь, ее поддерживают на плаву надувные мешки? Они надулись после удара о воду, а подлодка ждала в районе падения, чтобы ее подобрать.

Капитан вспомнил, что на восточном побережье Флориды, возле местечка со странным названием Какао на берегу еще более невероятной Банановой реки находится крупный ракетный полигон. Что ж, по крайней мере, жизни мифических летчиков с якобы разбившегося самолета ничто не угрожало, и если «Марлин» затаится, то получит неплохой шанс остаться от всей этой истории в стороне.

Двигатели «Марлина» работали на самом малом ходу, лишь бы лодка не потеряла управление и держалась за укрытием. Хильда была достаточно высока, чтобы скрыть ее выступающую из воды рубку, и с расстояния даже при лучшем, чем сейчас, освещении разглядеть лодку было невозможно. Впрочем, оставалась одна жуткая возможность — другая подлодка могла начать обстрел айсберга просто так, чтобы он не создавал угрозу навигации. Хотя нет... скорее всего она сообщит о нем по радио береговой охране. Пусть это создаст некоторые неудобства, зато не нарушит их планов.

— Вот она! — воскликнул помощник. — Какого она класса?

Оба уставились через бинокли на всплывающую в слегка фосфоресцирующем океане подлодку. Луна уже почти ушла за горизонт, и какие-либо детали разглядеть было трудно. Радарный сканер, как с радостью отметил Доусон, перестал вращаться и теперь был направлен на плавающую ракету. Однако очертания рубки показались ему какими-то странными...

И тут Доусон сглотнул, поднес к губам микрофон и прошептал, обращаясь к своему экипажу:

— Кто-нибудь из вас говорит по-русски?..

Настало долгое молчание, но наконец в рубку поднялся инженер.

— Я немного говорю, шкипер, — сказал он. — Мои бабушка и дедушка приехали с Украины. А в чем дело?

— Взгляни-ка туда, — мрачно предложил Доусон. — Там происходит интересное браконьерство. И думаю, нам надо его остановить...

У Гарри Парвиса есть безумно раздражающая меня привычка прерывать рассказ в самый интересный момент, чтобы заказать еще кружку пива — или, что случается чаще, попросить кого-нибудь принести ему кружечку. Я наблюдал это так часто, что теперь могу уверенно сказать, далеко ли до этого момента, наблюдая за количеством пива в его кружке. Нам пришлось подождать, с трудом сохраняя терпение, пока Гарри не зальет полный бак.

— Если подумать, — задумчиво проговорил он, — то командиру русской подлодки поразительно не повезло. Наверное, его расстреляли во Владивостоке или откуда там он приплыл, потому что какой трибунал поверил бы его рассказу? Если он оказался настолько большим дураком, что рассказал правду, то сказал им примерно так: «Мы всплыли возле побережья Флориды, и тут с какого-то айсберга нам крикнули по-русски: "Извините, но я думаю, что это *наша* собственность!"» Поскольку на борту наверняка была парочка типов из МВД, бедняге пришлось бы придумать хоть *какое-то* оправдание, но вряд ли любые его слова прозвучали бы убедительно...

Как Доусон и предполагал, русская подлодка, едва там поняли, что их обнаружили, попросту сбежала. А у ка-

питана «Марлина», когда он вспомнил про то, что он офицер запаса и что его долг перед страной важнее обязательств по контракту перед одним из ее штатов, не осталось выбора. Он подобрал ракету, разморозил Хильду и взял курс на Какао — предварительно послав по радио сообщение, поставившее на уши командование ВМФ, которое немедленно выслало в Атлантику эсминцы. Не исключено, что Любопытный Иван вообще не добрался до Владивостока...

Объяснения Доусона с командованием флота оказались не из легких, но полагаю, что подобранная им ракета была настолько важна, что ему не стали задавать слишком много вопросов по поводу частной войны, в которой «Марлин» принимал активное участие. Однако атаку на Майами-Бич пришлось отложить как минимум до следующего сезона. Хочу с удовлетворением отметить, что даже спонсоры проекта, хотя и потеряли немалые деньги, оказались не очень разочарованы. Каждый из них получил почетный диплом, подписанный главнокомандующим флота США, в котором выражалась благодарность за оказанную стране важную, но так и оставшуюся засекреченной помощь. И эти дипломы вызвали такое изумление и зависть всех их лос-анджелесских друзей, что их гордые обладатели не расстанутся с ними ни за что на свете...

Однако я не хочу создавать у вас впечатление, будто проект так и остался незавершенным — американцы так не поступают. Хильда пока пребывает в спячке, но когда-нибудь ее разбудят. Все уже подготовлено и спланировано вплоть до таких мелких деталей, как случайное присутствие съемочной группы из Голливуда на пляже в Майами-Бич в тот день, когда Хильда приплывет из Атлантики.

Поэтому это одна из тех историй, которую я не могу завершить плавной концовкой. Разведка уже состоялась, но главная схватка еще впереди. И знаете, о чем я часто гадаю? *Как поступит Флорида с калифорнийцами, когда узнает, какую свинью ей подложили? У кого-нибудь есть идеи?*

ЧТО ВЗЛЕТАЕТ ВВЕРХ...

Одна из причин, почему я не очень охотно поясняю точное местонахождение «Белого оленя», сводится к тому, что мы, если говорить честно, хотим сохранить его для себя. И вовсе не из-за стремления уподобиться собаке на сене: нам приходится так поступать из чистой самозащиты. Ведь едва разнесется слух, что где-то регулярно собираются ученые, издатели и писатели-фантасты, туда немедленно нагрянет толпа пренеприятнейших гостей. Авторы новых теорий устройства Вселенной, некие личности, «очистившиеся» с помощью дианетики (интересно, а как они выглядели до того?), дамы с пронзительным взглядом, впадающие в транс ясновидения после четвертого стаканчика джина — это лишь наименее экзотичные представители племени чудаков и зануд. Однако страшнее «тарелочников» нет никого: если не считать нанесения телесных повреждений различной тяжести, средства избавиться от них до сих пор не изобретено.

И вот в один из черных дней некий известный проповедник религии тарелочников обнаружил наше убежище и с радостными воплями спикировал на нашу беззащитную компанию. Здесь, очевидно решил он, самая благодатная обстановка для его миссионерской деятельности. Людей, которые уже интересуются космическими полетами и даже пишут об этом книги и рассказы, будет совсем

Что взлетает вверх...

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

нетрудно обратить в свою веру. Он открыл свой черный чемоданчик и извлек свеженькую стопку тарелкианы.

То была впечатляющая коллекция, скажу я вам. Нам показали интересные фотографии летающих тарелок, сделанные астрономом-любителем, живущим совсем рядом с Гринвичской обсерваторией, чья не знающая отдыха камера запечатлела такое поразительное разнообразие инопланетных космических кораблей всех форм и размеров, что оставалось лишь диву даваться, за что получают зарплату работающие по соседству профессионалы. Затем он прочел нам длинное повествование одного джентльмена из Техаса, буквально на днях по-соседски поболтавшего с экипажем тарелки, устроившим пикничок по дороге на Венеру. Похоже, языковых проблем для него не возникло: всего десяти минут общения на языке жестов ему хватило, чтобы перейти от уровня «Я — человек. Это — Земля» к весьма эзотерической информации об использовании четвертого измерения в космических путешествиях.

Однако настоящим шедевром оказалось восторженное письмо какого-то типа из Южной Дакоты, которому предложили прокатиться на тарелочке и даже покатали вокруг Луны. Автор долго объяснял, как тарелка летает, перемещаясь вдоль магнитных силовых линий, точно паук по нитям паутины.

И тут Гарри Парвис не выдержал. До этого он с профессиональной гордостью выслушивал истории, которые даже он не осмелился бы выдать за истину, поскольку был экспертом в определении порога доверчивости слушателей. Однако когда он услышал про силовые линии магнитного поля, его научная подготовка пересилила откровенное восхищение перед этими современными Мюнхгаузенами, и он с отвращением фыркнул.

— Это полнейшая чушь, — заявил он. — И я могу это доказать, поскольку магнетизм — моя специальность.

— На прошлой неделе, — с улыбкой заметил Дрю, наполняя элем две кружки одновременно, — вы говорили, что ваша специальность — структура кристаллов.

Гарри ответил ему снисходительной улыбкой.

— Я специалист *широкого* профиля, — небрежно пояснил он. — И, возвращаясь к тому месту, где меня прервали,

хочу подчеркнуть, что никаких силовых линий магнитного поля не существует. Это математическая фикция — точно такая же, как линии широты и долготы. Если кто-либо заявит, будто изобрел машину, принцип действия которой заключается в перемещении вдоль линий широты или долготы, то всем сразу станет ясно, что им вешают на уши лапшу. Но, поскольку лишь немногие достаточно хорошо разбираются в магнетизме и звучит это весьма таинственно, то психам вроде того типа из Южной Дакоты и сходит с рук та бредятина, которую мы только что слышали.

У посетителей «Белого оленя» есть замечательная особенность — мы можем сколько угодно пикироваться между собой, но в моменты кризисов проявляем впечатляющую солидарность. Все понимали, что с незванным гостем надо что-то делать хотя бы по той простой причине, что он вмешался в столь серьезное дело, как выпивка. Фанатизм любого рода отбрасывает мрачную тень даже на самое веселое общество, и некоторые из завсегдатаев уже были на грани ухода несмотря на тот факт, что до закрытия оставалось еще два часа.

Поэтому, когда Гарри Парвис перешел в наступление, сочиняя самую дикую небылицу из тех, что прозвучали из его уст в стенах «Белого оленя», его никто не прервал и не попытался указать на слабые места в повествовании. Мы все знали, что Гарри бьется за всех нас, отвечая огнем на вражеский огонь. К тому же мы знали, что он вовсе не рассчитывает, будто мы ему поверим, поэтому мы просто уселись и насладились его байкой.

— Если вы хотите знать, какой двигатель можно поставить на космический корабль, — начал Гарри, — причем заметьте, я ничего не говорю в пользу или против существования летающих тарелок, — то магнетизм забудьте сразу. Вам следует обратиться сразу и непосредственно к гравитации — ведь это, в конце концов, одна из основных сил природы. Но управиться с ней совсем непросто, а если не верите, то послушайте, с чем столкнулся в прошлом году ученый из Австралии. Наверное, мне не следует это рассказывать, ведь я не уверен, насколько эта

информация засекречена, но, если начнутся неприятности, я поклянусь, что не произнес и слова.

Австралийцы, как вы наверное знаете, всегда старались вести передовые научные исследования, и одна из их команд сейчас работает над реактором на быстрых нейтронах — это нечто вроде атомной бомбы домашнего изготовления, намного более компактной, чем старые урановые котлы. Руководил группой талантливый, но довольно импульсивный молодой физик-ядерщик, которого я назову доктор Кейвор. Это, разумеется, не настоящее его имя, зато весьма подходящее. Все вы, несомненно, помните ученого Кейвора из романа Уэллса «Первые люди на Луне» и созданный Кейвором материал кейворит, непроницаемый для гравитации?

Боюсь, старина Уэллс продумал идею кейворита недостаточно тщательно. По его словам, материал этот непрозрачен для гравитации, как металлический лист непрозрачен для света. Следовательно, любой предмет, помещенный на горизонтальный лист кейворита, утрачивает вес и улетает в космос.

Однако все не так просто. Вес равносителен энергии — причем очень большому количеству энергии, — которую нельзя вот так взять и уничтожить. Чтобы сделать даже маленький предмет невесомым, необходимо произвести огромную работу. Поэтому антигравитационные экраны типа кейворита попросту невозможны — и их можно отнести к идеям типа вечного двигателя.

— Трое моих друзей создали вечные двигатели, — довольно напыщенно начал было непростенный гость, но Гарри не позволил ему продолжить, попросту проигнорировав нахала.

— Так вот, наш австралийский доктор Кейвор не стремился открыть антигравитацию или нечто подобное. Когда дело касается чистой науки, то можете не сомневаться — ни одно из фундаментальных открытий не совершил тот, кто к нему специально стремился, и в этом половина удовольствия от игры. Доктора Кейвора интересовало производство атомной энергии, а открыл он антигравитацию. Причем он не сразу догадался, что именно открыл.

Насколько мне известно, дело было так: реактор был задуман по новой и довольно смелой схеме, и имелась немалая вероятность взрыва после того, как в него будет вставлен последний стержень с расщепляющимся материалом. Поэтому его смонтировали дистанционно в одной из многочисленных австралийских пустынь, а за последними операциями наблюдали с помощью телекамер.

Так вот, взрыва не произошло — он вызвал бы сильное радиоактивное загрязнение и угробил бы кучу денег, но навредил бы лишь чьей-то репутации. Случилось же нечто гораздо более неожиданное и намного более необъяснимое.

Когда в реактор вставили последнюю кассету с обогащенным ураном, а регулирующие стержни подняли, выведя реактор на критический режим — все вдруг пропало. Стрелки приборов в бункере управления в двух милях от реактора упали на нули. Телеэкраны погасли. Кейвор и его коллеги ждали взрыва, но не дождались. Изумленно переглянувшись, они выбрались из зарытого в землю бункера.

Целехонькое здание реактора — кирпичный куб, заключающий в себе урана на миллион фунтов и несколько лет конструкторского труда, — стояло на месте. Кейвор не стал терять время зря, прыгнув в джип, включил переносной счетчик Гейгера и помчался выяснять, что же случилось.

Очнулся он через несколько часов в больнице. Пострадал он не очень сильно, если не считать сильной головной боли — впрочем, это были лишь цветочки по сравнению с той болью, какой наградил его собственный эксперимент в последующие несколько дней. Как оказалось, его джип, не доехав двадцати футов до реактора, во что-то врезался. Кейвор ударился о руль и собрал неплохую коллекцию ушибов и ссадин. Счетчик Гейгера, как ни странно, остался цел и лежал рядом, спокойно пощелкивая и показывая нормальный фоновый уровень.

Издали это выглядело самой обычной аварией, как если бы джип съехал в канаву и опрокинулся. Но Кейвор, к счастью для него, ехал не очень быстро, и никакой канавы на месте аварии не было. А наткнулся джип на нечто совершенно невозможное. То была невидимая сте-

на — очевидно, нижний край полусферического купола, полностью окружающего реактор. Брошенные камни скатывались по его поверхности, а попытки подкопаться выявили, что купол продолжается и под землей. Все это подводило к мысли, что реактор очутился в центре непроницаемой сферической оболочки.

Разумеется, услышав эти замечательные новости, Кейвор тут же вскочил и убежал из больницы, разбрасывая в стороны медсестер. Он понятия не имел, что же произошло, но в любом случае его ждало нечто намного более интересное, чем рутинная отработка конструкций реакторов, с чего, собственно, все и началось.

Сейчас вы уже наверняка гадаете, какое, черт возьми, отношение силовая сфера — как ее назвали бы вы, писатели-фантасты, — имеет к антигравитации? Поэтому я перепрыгну на несколько дней вперед и сообщу вам выводы, к которым команда Кейвора пришла после упорной работы и поглощения многих галлонов крепкого австралийского пива.

Реактор, заработав, каким-то образом создал вокруг себя поле антитяготения. Вся материя в радиусе двадцати футов стала невесомой, а необходимое для этого огромное количество энергии было совершенно таинственным методом извлечено из загруженного в реактор урана. Расчеты показали, что запаса энергии в реакторе как раз хватило бы на такую работу. Вероятно, и силовая сфера оказалась бы большего диаметра, если бы запас энергии в источнике был больше.

Вижу, кто-то уже хочет задать вопрос, поэтому отвечу на него заранее. Почему же эта невесомая сфера не улетела в космос, спросите вы? Да ведь частички земли удерживает вместе сила сцепления, так с какой стати им куда-то улетать? Что же касается воздуха, то остаться внутри зоны с нулевой гравитацией его вынудила весьма удивительная и далеко не очевидная причина. И как раз она подводит меня к сути этой удивительной истории.

А теперь советую застегнуть ремни: впереди нас ждет ухабистая дорога. Те, кто разбирается в теории потенциалов, поймут меня без труда, а для остальных постараюсь объяснить как можно проще.

Те, кто разглагольствует об антигравитации, редко задумываются о ее сути, поэтому давайте вспомним несколько фундаментальных истин. Как я уже говорил, вес подразумевает энергию — и много энергии. Эта энергия прямо связана с гравитационным полем Земли. *Если вы лишаете предмет веса*, это эквивалентно удалению его за пределы земной гравитации. И любой инженер-ракетчик сразу вам скажет, сколько энергии для *этого* требуется.

Гарри повернулся ко мне:

— В одной из твоих книг, Артур, есть очень хорошая аналогия, которой мне хочется воспользоваться. Помнишь — это где ты сравниваешь преодоление земной гравитации с подъемом из очень глубокого колодца.

— Я не против, пользуйся. Я ее сам одолжил у дока Ричардсона.

— А-а, понятно. Мне сразу подумалось, что она слишком хороша, чтобы быть твоей. Так вот, идем дальше. Если вы ухватили эту и в самом деле очень простую идею, то все в порядке. Для того чтобы полностью избавить предмет от оков земной гравитации, требуется совершить работу, равную его подъему на высоту в четыре тысячи миль. Так вот, материя внутри созданной Кейвором силовой сферы все еще находилась на поверхности Земли, но утратила вес. Следовательно, с энергетической точки зрения она находилась за пределами гравитационного поля Земли. И была столь же недоступна, как если бы оказалась на вершине горы высотой четыре тысячи миль.

Кейвор мог стоять снаружи от зоны антигравитации и заглядывать в нее с расстояния нескольких дюймов. Однако, чтобы перешагнуть эти несколько оставшихся дюймов, он должен был совершить работу, равноценную подъему на Эверест семьсот раз подряд. И неудивительно, что джип столь резко остановился. Перед ним не было материального препятствия, однако с точки зрения динамики он врезался в утес высотой четыре тысячи миль...

Я тут заметил несколько взглядов, чья осоловелость никак не связана с поздним часом. Ничего. Если вы и

сейчас ничего не поняли, то просто поверьте мне на слово. Это не мешает вам разобраться в последующих событиях — во всяком случае, я на это надеюсь.

Кейвор немедленно понял, что совершил одно из важнейших открытий века, хотя в сути произошедшего разобрался не сразу. Последний намек на антигравитационную природу поля он получил, когда выстрелил в него из винтовки и заснял траекторию пули скоростной камерой. Изобретательно, верно?

Далее предстояло провести эксперименты с генератором поля и выяснить, что же произошло в реакторе после включения. А это оказалось воистину проблемой. Вот он, реактор, прямо перед глазами, до него всего двадцать футов. Но, чтобы добраться до него, требуется чуть больше энергии, чем на полет до Луны...

Кейвора не обескуражило ни это обстоятельство, ни упорный отказ реактора откликаться на любые команды с дистанционного пульта управления. У него появилась теория, что из реактора, образно говоря, высосана вся энергия, а для поддержания поля антигравитации, когда оно уже создано, требуется очень мало энергии или вовсе нисколько. Но выяснить это можно было лишь непосредственным осмотром реактора. Поэтому не мытьем, так катаньем, но Кейвор обязан был до него добраться.

Первой его идеей стало запустить в поле тележку на электрическом ходу, получающую питание от тянущихся сзади кабелей. Генератор мощностью в сотню лошадиных сил, работающий семнадцать часов подряд, выдаст достаточно энергии, чтобы человек среднего веса совершил это опасное путешествие на двадцать футов. Скорость чуть выше фута в час не очень-то впечатляет, пока не вспомнишь, что продвижение на фут в поле антигравитации равноценно подъему на двести миль по вертикальной стене.

В теории все выглядело здраво, но фокус с тележкой не получился. Она поползла было в поле, но выскользнула обратно, углубившись всего на полдюйма. Если подумать, причина становится очевидной. Мощности мотора хватало, зато трение отсутствовало. Никакому колесному экипажу не по силам въехать на склон с градиентом двести миль на фут.

Эта мелкая неудача не охладила пыл доктора Кейвора. Правильный ответ, как он сразу понял, состоит в приложении тягового усилия к точке, находящейся за пределами поля. Ведь когда надо поднять некий груз, его не кладут на тележку, а используют ворот или гидравлический подъемник.

Продуктом этого тезиса стало самое странное из когда-либо созданных средств передвижения. Небольшую, но удобную клетку с запасом провизии на несколько дней закрепили на конце двадцатифутовой горизонтальной балки. Над землей конструкцию поддерживали надувные шины. Теоретически клетку должна была протолкнуть в центр поля машина, остающаяся за ее пределами. Поразмыслив, на роль толкача выбрали бульдозер.

Для испытаний в пассажирское отделение посадили кроликов — и тут я не могу не отметить интересный психологический момент. Экспериментаторы желали добиться двоякого эффекта: как ученые они были бы довольны, если бы кролики вернулись живыми, а как австралийцы — не менее счастливы, если бы те вернулись мертвыми. Ну, возможно, я несколько преувеличиваю... (Вы, разумеется, знаете, как австралийцы относятся к кроликам?)

И вот бульдозер пыхтел час за часом, заталкивая балку с живым грузом на конце на непостижимую высоту. Поразительное было зрелище — вся эта энергия расходовалась для перемещения пары кроликов на двадцать футов строго по горизонтали. За объектами эксперимента можно было наблюдать во время всей операции: они выглядели вполне довольными жизнью и совершенно не подозревали о своей исторической роли.

Пассажирский отсек достиг центра поля и пробыл там час, а затем балку медленно вернули. Кролики были живы и здоровы, и никто особо не удивился, что теперь их стало шесть.

Доктор Кейвор, само собой, настоял на том, что первым отправится в поле с нулевой гравитацией. Он прихватил с собой торсионные весы, детекторы радиации и перископы, чтобы осмотреть реактор, когда окажется внутри. По-

том он подал сигнал, бульдозер запыхтел, и странное путешествие началось.

Путешественник, естественно, поддерживал с внешним миром телефонную связь. По непонятной до сих пор причине звуковые волны не могли пересечь барьер, зато радио и телефон работали без проблем. Двигаясь вперед, Кейвор вел репортажи, описывая собственные ощущения и зачитывая коллегам показания приборов.

Первые же его ощущения, хотя и ожидаемые, оказались довольно неприятными. Едва он преодолел границу поля, горизонтальное и вертикальное направления сместились. «Верх» теперь означал направление не на небо, а на реактор. Кейвору казалось, будто его толкают вверх вдоль поверхности вертикального утеса, а в двадцати футах над головой висит реактор. Впервые и зрение, и органы чувств наглядно подтверждали новую научную теорию. Он мог *видеть*, что центр поля, в гравитационном смысле, находится выше, чем то место, откуда он начал путешествие. И все равно воображение отказывалось поверить в то, какое количество энергии требуется для преодоления ничтожных двадцати футов и сколько сотен галлонов горючего должен сжечь дизель бульдозера, чтобы доставить его на место.

Само же путешествие никакого интереса не представляло, и через двадцать часов Кейвор наконец достиг цели. Стена реакторного здания была прямо перед ним, хотя для него она выглядела не как стена, а как пол, расположенный под прямым углом к скале, на которую он взобрался. Вход располагался прямо у него над головой — как люк, в который ему предстояло пролезть. Но это не составило бы для него труда, поскольку доктор Кейвор был энергичным молодым человеком и ему очень не терпелось узнать, как же он сотворил такое чудо.

Слишком не терпелось. Потому что, пытаясь пролезть в дверь, он поскользнулся и упал с доставившей его платформы.

Больше его никто не видел — но это вовсе не означает, что его больше никто не услышал. О нет! Его услышали на несколько миль вокруг...

И вы поймете почему, если проанализируете ситуацию, в которой оказался несчастный ученый. На его подъем были затрачены сотни киловатт-часов энергии — ее хватило бы на путь до Луны и обратно. И всю эту работу пришлось проделать, чтобы доставить его в точку с нулевым гравитационным потенциалом. И едва он потерял опору, энергия начала выплескиваться обратно. Если вернуться к уже упомянутой и весьма образной аналогии, то бедный доктор свалился с горы высотой четыре тысячи миль, на которую только что поднялся.

И он упал на двадцать футов с высоты, на которую поднимался почти сутки. Ах, какое это было падение, друзья мои! Энергетически оно было эквивалентно падению со звезды на поверхность Земли. И все вы прекрасно знаете, какую скорость предмет развивает при *таком* падении. Это та самая скорость, которую надо развить, чтобы туда подняться — знаменитая вторая космическая скорость. Семь миль в секунду, или двадцать пять тысяч миль в час.

Именно такую скорость доктор Кейвор и приобрел, падая к точке старта. Или, если точнее, это та скорость, которую он невольно пытался достичь. Едва он преодолел скорость звука, в дело вступило сопротивление воздуха. И погребальный костер доктора Кейвора стал великолепнейшей и поныне единственной демонстрацией падения метеорита, когда-либо наблюдавшейся на уровне моря...

Мне тоже очень жаль, что у этой истории нет счастливого конца. Фактически у нее нет никакого конца, потому что сфера с нулевым гравитационным потенциалом и сейчас находится в австралийской пустыне, приводя во все возрастающее отчаяние научные и официальные круги. Не представляю, как власти надеются и дальше сохранять ее существование в секрете. Иногда я думаю: как странно, что высочайшая в мире гора находится в Австралии — и хотя она высотой в четыре тысячи миль, самолеты нередко пролетают прямо над ней, даже не замечая.

Вряд ли вы удивитесь, узнав, что на этом Г. Парвис завершил свое печальное повествование: даже он не смог бы его продолжить, да никто и не желал продолжения. Все мы, включая даже самых непримиримых его критиков,

восхищенно молчали. Уже позднее я обнаружил шесть фундаментальных научных проколов в описании франкенштейновской судьбы доктора Кейвора, но в тот момент мне было не до научного анализа. (И я не намерен раскрывать, что же это за ошибки. Пусть они останутся, как пишут в популярных книгах о математике, упражнением для читателя.) Гарри приобрел нашу бессмертную благодарность из-за того, что, слегка пожертвовав правдивостью, предотвратил вторжение тарелочников в «Белый олень». Когда он закончил рассказ, было уже почти время закрытия, и у непрошеного гостя не осталось времени для контратаки.

Вот почему продолжение этой истории кажется мне немного несправедливым. Месяц спустя кто-то принес на наше очередное собрание странную брошюру — аккуратно отпечатанную и профессионально сверстанную (печально, когда профессиональный опыт используется не по назначению). Называлась она «Откровения летающей тарелки», и с первой же страницы начинался пересказ сочиненной Гарри истории. Причем пересказ абсолютно серьезный — и, что еще хуже с точки зрения Гарри, он был указан как очевидец события.

С тех пор Гарри получил 4375 писем, по большей части из Калифорнии. Двадцать четыре раза его назвали лжецом, а 4205 человек поверили ему абсолютно и безоговорочно. (Оставшиеся письма он не смог прочесть из-за скверного почерка, и их содержание так и осталось неясным.)

Боюсь, он не заслужил такого, и иногда мне кажется, что он проведет остаток жизни, пытаясь разубедить людей в правдивости истории, которую, как он предполагал, никто не воспримет всерьез.

Наверное, во всем этом есть какая-то мораль. Но, хоть убейте, не могу понять, какая именно.

СПЯЩИЙ КРАСАВЕЦ

То была одна из тех вялых дискуссий, что завязываются в «Белом олене», когда никто не может предложить более интересную тему. Каждый старался вспомнить самое поразительное из известных ему имен, и я как раз назвал «Обедающ Полкингхорн», и тут — неизбежно — на сцене появился Гарри Парвис.

— Странные имена вспоминать нетрудно, — сказал он, упрекая нас в легкомыслии, — но вы хоть когда-нибудь задумывались над гораздо более фундаментальным вопросом — *воздействии* таких имен на своих владельцев? Иногда, знаете ли, такое имечко может исковеркать человеку жизнь. Именно это и произошло с юным Зигмундом Снорингом*.

— О нет! — простонал Чарльз Уиллис, один из наиболее нестигаемых критиков Гарри. — Не верю!

— Так по-вашему, — возмущенно ответил Гарри, — я это имя *выдумал*? Да будет вам известно, что предки Зигмунда были евреями из Центральной Европы и когда-то их фамилия начиналась на «Ш», причем на протяжении многих поколений. «Сноринг» же есть лишь англоизированный ее вариант. Но это я упоминаю так, мимоходом; очень жаль, что кое-кто постоянно вынуждает меня тратить время на подобные объяснения.

Спящий красавец

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

* Snoring — «храпун» (англ.). (Примеч. пер.)

Чарли, самый многообещающий из знакомых мне авторов (его считают многообещающим уже более двадцати пяти лет), издал было некий протестующий звук, но кто-то, позаботившись о благе всех присутствующих, отвлек его кружкой пива.

— Зигмунд, — продолжил Гарри, — нес свою ношу достаточно храбро, пока не повзрослел. Я практически не сомневаюсь, что дурацкая фамилия постоянно вертелась у него в голове и в конечном итоге породила то, что можно назвать психосоматическим результатом. Если бы он родился у других родителей, то не стал бы — я в этом почти не сомневаюсь — таким упорным и постоянным храпуном.

Что ж, бывают в жизни трагедии и хуже. Семья Зигмунда была не из бедных, и звукоизолированная спальня оберегала остальных домочадцев от бессонных ночей. Как и все храпуны, Зигмунд совершенно не подозревал о своих ночных симфониях и искренне не мог понять, из-за чего другие поднимают скандал.

И лишь женившись, он обратил на свое несчастье — если его можно так назвать, ибо храп мешал не ему, а другим, — то серьезное внимание, какое оно заслуживало. Никто не удивляется, если молодая жена возвращается из свадебного путешествия в несколько расстроенных чувствах, но бедняжка Рейчел Сноринг пережила настоящее потрясение. Она постоянно ходила с красными от недосыпания глазами, а любые попытки вызвать сочувствие у друзей неизменно вызывали у них неудержимый хохот. Поэтому ничего удивительного, что она предъявила Зигмунду ультиматум: или он как угодно избавляется от храпа, или их брак конец.

Тут перед Зигмундом и его семьей встала весьма серьезная проблема. Они были семьей хорошо обеспеченной, но отнюдь не богатой — в отличие от дедушкиного брата Рувима, умершего в прошлом году и оставившего довольно хитроумное завещание. Он весьма благоволил к Зигмунду и завещал ему немалую сумму, переведя ее в трастовый фонд. Молодой человек мог получить эти деньги, когда ему исполнится тридцать. К несчастью,

прадядюшка был очень старомоден и праведен и не очень-то доверял современной молодежи, поэтому включил в завещание условие, что Зигмунд не имеет права разводиться, пока не достигнет оговоренного возраста. В противном случае деньги пойдут на создание сиротского приюта в Тель-Авиве.

Ситуация создалась очень сложная, и трудно даже предполагать, как она решилась бы сама по себе, если бы кто-то не посоветовал Зигмунду поговорить с дядей Хайми. Совет Зигмунду не очень-то понравился, но отчаянное положение требует отчаянных решений, и он отправился в путь.

Тут я должен пояснить, что дядя Хайми был выдающимся профессором-физиологом, членом Королевского научного общества и автором множества научных трудов. И еще в тот момент, благодаря грызне между попечителями колледжа, он испытывал определенную нехватку средств и был вынужден прекратить работу по нескольким своим любимым исследовательским проектам. Его возмущение усилило и то обстоятельство, что факультету физики только что выделили полмиллиона фунтов на новый синхротрон, поэтому, когда перед ним предстал несчастный племянник, настроение у него было далеко не радужным.

Пытаясь не обращать внимания на вездесущий запах дезинфектанта и помета, Зигмунд проследовал за лаборантом вдоль столов с каким-то непонятным оборудованием и клеток с мышами и морскими свинками, через каждые несколько шагов отводя взгляд от занимающих почти всю площадь стен отвратительных цветных схем и рисунков. Дядюшку он увидел за лабораторным столом, где тот сидел, попивая чай из мензурки и рассеянно поглощая сандвичи.

— Угощайся, — буркнул он вместо приветствия. — Жареный хомяк... настоящий деликатес. Из партии, на которой мы отработывали противораковые препараты. Что это с тобой?

Сославшись на отсутствие аппетита, Зигмунд поведал уважаемому дядюшке о своих печалях. Профессор выслушал его без особой симпатии.

— Не понимаю, какого черта ты вообще женился, — сказал он наконец. — Бездарно потраченное время. — Всем было известно, что дядя Хайми удерживал по этому вопросу непоколебимую позицию, имея пятерых детей и ни одной жены. — Но все же попробую тебе помочь. Сколько у тебя денег?

— Для чего? — спросил несколько ошарашенный Зигмунд. Профессор обвел рукой лабораторию:

— На все это требуются средства.

— Но я думал, что университет...

— О да. Но любую дополнительную работу приходится делать тайком, а у тебя именно такой случай. Я не могу тратить на тебя средства колледжа.

— И сколько тебе надо для начала?

Дядюшка назвал сумму куда меньшую, чем опасался Зигмунд, но радость его длилась недолго. Как вскоре выяснилось, ученый был прекрасно знаком с особенностями завещания Рувима; Зигмунду еще предстояло подписать контракт, согласно которому через пять лет, когда он получит добычу, часть денег обязуется передать профессору. А сейчас он всего-навсего выплачивает аванс.

— Но учти, я ничего не обещаю, хотя и сделаю все возможное, — предупредил дядюшка Хайми, внимательно изучая чек. — Езжай домой и возвращайся через месяц.

Это оказалось все, чего Зигмунд смог от него добиться, потому что профессора отвлекла некая эффектная аспирантка, облаченная в плотно облегающий свитер. Они принялись обсуждать интимную жизнь лабораторных крыс, используя такие выражения, что стеснительный Зигмунд был вынужден поспешно удалиться.

Как мне кажется, дядя Хайми не стал бы брать у Зигмунда деньги, если бы не был уверен, что сможет доставить ему нужный товар. Следовательно, он уже почти завершил свою работу, когда университет обрезал ему финансирование — ведь он никак не мог изобрести всего за четыре недели ту сложную смесь препаратов, которую в оговоренное время ввел шприцом в руку охваченного надеждами племянника. Эксперимент проводился поздно

вечером в доме профессора; Зигмунд не очень удивился, увидев, что ассистирует дяде та самая аспирантка.

— И как действует этот препарат? — спросил он.

— Не даст тебе храпеть... надеюсь, — ответил дядюшка. — Вот удобное кресло, а вот пачка журналов. Мы с Ирмой будем по очереди за тобой приглядывать — на случай, если возникнут побочные реакции.

— Побочные реакции? — с тревогой спросил Зигмунд, потирая руку.

— Не волнуйся... и расслабься. Через несколько часов мы узнаем, действовал ли препарат.

И Зигмунд принялся ждать, когда его одолеет сон, а двое ученых суеились вокруг него (и вокруг друг друга тоже), измеряя кровяное давление, пульс и температуру, и заставив Зигмунда ощутить себя хроническим инвалидом. Когда настала полночь, сна у него не было ни в одном глазу, зато профессор и его ассистентка валились с ног от усталости. Зигмунд понял, что ради него они работают сверхурочно, и даже испытал к ним благодарность — пусть и непродолжительную, но весьма трогательную.

Перевалило за полночь. Ирма стала шататься, и профессор не очень вежливо уложил ее на кушетку.

— Ты уверен, что еще не устал? — спросил он Зигмунда, зевнув.

— Ни капельки. Очень странно... обычно в это время я уже давно сплю.

— Но ты себя хорошо чувствуешь?

— Лучше не бывает.

Профессор снова зевнул, пробормотал нечто вроде: «Надо было и себе вколоть немного» — и рухнул в соседнее кресло.

— Если станет плохо, разбуди нас, — сонно пробормотал он. — Не вижу смысла мучиться и дальше.

И несколько секунд спустя Зигмунд остался единственным бодрствующим в комнате.

К двум часам ночи он прочел десяток номеров «Панча» со штемпелем «Не выносить из комнаты отдыха». К четверем одолел все номера «Сэтедей ивнинг пост». Тощая стопка «Нью-Йоркера» заняла его до пяти утра, и тут он наткнулся на сокровище. Диета из одной черной икры

скоро становится монотонной, и Зигмунд с восторгом обнаружил потрепанный томик романа под названием «Блондинка согласна на все». Роман целиком поглотил его внимание до рассвета, когда дядюшка резко проснулся, вскочил, разбудил Ирму точно нацеленным шлепком и обратил теперь уже свое полное внимание на Зигмунда.

— Итак, мальчик мой, — начал он с приветливостью, немедленно пробудившей у Зигмунда подозрительность, — я сделал то, чего ты хотел. Ты провел ночь без храпа, не так ли?

Зигмунд отложил «Блондинку», которая как раз находилась в ситуации, когда ее согласие или несогласие уже не имели значения.

— Да, я не храпел, — признал он. — Но и не спал.

— Тебе и сейчас совершенно не хочется спать?

— Да... и я ничего не понимаю.

Профессор и Ирма обменялись торжествующими взглядами.

— Ты войдешь в историю, Зигмунд, — пообещал профессор. — Ты станешь первым человеком, способным обходиться без сна.

И изумленный, но пока еще не возмущенный подопытный кролик узнал эту потрясающую новость.

— Знаю, — продолжил Гарри, — что многим из вас хотелось бы услышать научные подробности открытия дядюшки Хайми. Но я их не знаю, а если бы и знал, то они были бы слишком сложны, чтобы пересказывать их здесь. Отмечу лишь, поскольку вижу выражения, которые другой на моем месте назвал бы скептическими, что во всей этой истории нет ничего по-настоящему поразительного. Ведь сон, в конце концов, есть сильнопеременный фактор. Вспомните Эдисона, который всю жизнь спал всего по два-три часа в сутки. Верно, человек не может обходиться без сна бесконечно, но некоторые животные могут, поэтому сон не является фундаментальной частью метаболизма.

— *Какие же*, интересно узнать, животные могут обходиться без сна? — спросил кто-то скорее из любопытства, чем из недоверчивости.

— Ну... э-э... ну конечно же!.. глубоководные рыбы, обитающие вдали от континентального шельфа. Если они заснут, их тут же сожрут другие рыбы, или же они утратят плавучесть и упадут на дно. Вот им и приходится всю жизнь не спать.

(Кстати, я до сих пор пытаюсь выяснить, истинно ли это утверждение. Я никогда прежде не ловил Гарри на искажении научных фактов, хотя несколько раз и подвергал его слова сомнению. Но вернемся к дядюшке Хайми.)

— Зигмунд не сразу понял, — поведал нам Гарри, — какое поразительное событие произошло в его жизни. Восторженные комментарии дядюшки, расписывающего сияющие перспективы, которые открываются перед человеком, освободившимся от тирании сна, помешали ему сосредоточиться на собственной проблеме. Все же ему удалось задать не дававший ему покоя вопрос:

— И долго этот эффект продлится?

Профессор и Ирма переглянулись, затем дядюшка нервно кашлянул и ответил:

— Пока мы этого не знаем. Это последнее, что осталось выяснить. Не исключено, что эффект станет перманентным.

— Так я что, никогда больше не смогу спать?

— Не «не смогу», а «не захочу». Впрочем, если тебя это настолько встревожило, я, наверное, смогу разработать способ ликвидации этого эффекта. Однако на это потребуется много денег.

Зигмунд торопливо уехал, пообещав ежедневно сообщать профессору о результатах эксперимента. В голове у него все еще царил сумбур, но первым делом ему требовалось отыскать жену и убедить ее, что он больше никогда не станет храпеть.

Она охотно согласилась ему поверить, и они трогательно воссоединились. Но уже на следующее утро перед рассветом Зигмунду стало очень скучно лежать, когда не с кем даже поговорить, и он на цыпочках ушел от спящей жены. До него впервые стали доходить последствия случившегося: как же теперь проводить лишние восемь часов

в сутки, доставшиеся в довесок к непрошеному подарку дядюшки?

Вы, возможно, уже решили, что Зигмунд получил уникальную — а то и воистину беспрецедентную — возможность вести гораздо более полноценную жизнь, впитывая в себя культуру и знания, которые нам всем хотелось бы впитать — будь у нас для этого достаточно времени. Он мог читать любого из великих классиков, знакомых большинству людей лишь по именам, изучать искусство, музыку или философию и наполнять разум изысканнейшими сокровищами человеческого интеллекта. Думаю, многие из вас сейчас ему попросту завидуют.

Так вот, ничего из этого не вышло. Главная причина оказалась в том, что даже гениальнейшему мозгу нужен отдых и он не в силах бесконечно заниматься серьезной умственной деятельностью. Да, Зигмунд больше не испытывал потребности в сне, зато ему требовалось чем-то развлечь себя, пока тянулись долгие и пустые ночные часы.

Цивилизации, как он вскоре обнаружил, глубоко безразличны чаяния человека, неспособного заснуть. Возможно, он меньше страдал бы в Париже или Нью-Йорке, но в Лондоне к одиннадцати вечера закрывается практически все, и лишь немногие кафе или бары дотягивают до полуночи, а уж в час ночи... гм... чем меньше будет сказано про открытые в это время заведения, тем лучше.

Поначалу, если погода была хорошей, он убивал время долгими прогулками, но после нескольких встреч с настойчивыми и недоверчивыми полицейскими отказался от этой идеи. Тогда он стал разъезжать на машине по предрассветному Лондону и открыл для себя множество мест, о которых и не подозревал. Вскоре он приобрел шапочное знакомство с многочисленными ночными сторожами, грузчиками в Ковент-Гардене и молочниками, а также журналистами и печатниками с Флит-стрит, которым приходилось работать, когда остальные горожане еще спят. Но поскольку Зигмунд не принадлежал к числу тех, кого привлекает общение с другими людьми,

это развлечение ему тоже вскоре наскучило, и он вновь оказался один на один со своими ограниченными ресурсами.

Его жена, как и следовало ожидать, оказалась далеко не в восторге от ночных бдений мужа. Он рассказал ей всю историю, и она, хоть и сочла ее невероятной, была вынуждена в нее поверить, имея перед собой столь неоспоримое доказательство. Но даже после этого создалось впечатление, что она предпочла бы мужа пусть храпящего, зато в постели рядом с ней, чем бродягу, выскальзывающего на цыпочках из спальни около полуночи и не всегда возвращающегося даже к завтраку.

Все это весьма огорчало Зигмунда. Ведь он заплатил и пообещал немалые деньги (не раз напоминал он Рейчел) и согласился рискнуть здоровьем и жизнью, лишь бы избавиться от мешающего ей недостатка. И получил ли он в ответ благодарность жены? Нет. Она требовала от него детального и подробного отчета о времени, потраченном на то, чтобы не лежать по ночам рядом с ней. Требование это казалось ему совершенно несправедливым и к тому же намекало на недоверие, что угнетало его еще больше.

Медленно и постепенно его секрет стал известен многим, хотя Сноринги (они всегда были очень сплоченным кланом) смогли сохранить его внутрисемейным. Ювелир дядя Лоренц посоветовал Зигмунду подыскать себе вторую работу, ведь жалко зря терять столько дополнительного рабочего времени. Он предложил ему список занятий для одного человека, равно пригодных как для дневной, так и для ночной деятельности, но Зигмунд тепло его поблагодарил и сказал, что не видит смысла дважды платить подоходный налог.

Когда прошло шесть недель круглосуточных бдений, Зигмунд понял, что с него довольно. Он больше не мог смотреть на книги, ходить по ночным клубам и слушать пластинки. Его великий дар, за обладание которым многие глупцы согласились бы выложить состояние, превратился в непосильную обузу. Оставалось только одно — снова ехать к дядюшке Хайми.

Профессор ожидал его визита, поэтому Зигмунду не пришлось грозить судом, взывать к солидарности Снорингов или указывать на нарушение контракта.

— Ладно, ладно, — проворчал ученый. — Верно говорят, не мечите бисер перед свиньями. Я знал, что ты рано или поздно потребуешь создать антидот. Но я человек щедрый, и укол обойдется тебе всего в пятьдесят гиней. Только не обвиняй потом меня, если начнешь храпеть пуше прежнего.

— На такой риск я согласен, — заявил Зигмунд. К тому времени они с женой уже спали в разных комнатах.

Он отвел взгляд, когда ассистентка профессора (на сей раз не Ирма, а худошавая брюнетка) стала наполнять большой шприц новым дьявольским коктейлем дядюшки Хайми. И заснул, приняв в вену лишь половину дозы.

В кои-то веки дядюшка Хайми встревожился.

— Я и не ожидал, что препарат подействует *настолько* быстро, — сказал он. — Ладно, отнесем его в постель — не валяться же ему посреди лаборатории.

Утром Зигмунд все еще крепко спал и ни на что не реагировал. Дыхание его оставалось ровным и глубоким; похоже, он скорее не спал, а находился в трансе, и профессор встревожился еще больше.

Впрочем, тревожиться ему оставалось недолго. Несколько часов спустя озверевшая морская свинка укусила его за палец, началось заражение крови, и редактор «Нэйчур» еле-еле успел вставить в очередной номер некролог.

Зигмунд всю эту суматоху спокойно проспал и пребывал в блаженной отключке, когда семья, вернувшись из крематория, собралась на военный совет. «О мертвых или хорошее, или ничего», но было очевидно, что покойный профессор допустил еще одну роковую ошибку, и никто не знал, как ее исправить.

Кузен Мейер, владелец мебельного магазинчика, предложил заботиться о Зигмунде, если ему разрешат поместить его в витрину, где он станет демонстрировать удобство продаваемых кроватей. Однако семья решила, что это будет слишком унижительно, и схему кузена отвергли.

Но она навела их на другую идею. Зигмунд успел всем надоест своими причудами, и это шараханье из одной крайности в другую... это уже слишком. Так почему бы не согласиться на самое легкое решение — раз уж Зигмунд заснул, пусть себе спит?

Нет смысла вызывать нового дорогостоящего эксперта, он лишь все еще больше испортит (хотя как именно, никто представить не смог). Кормить Зигмунда не надо, ему требуется лишь минимум медицинского внимания, а спящий он никак не сможет нарушить условия завещания прададюшки Рувима. Когда этот аргумент весьма тактично высказали Рейчел, она сразу оценила его силу. От нее требовалось лишь некоторое время потерпеть, зато и награда окажется достойной.

Чем больше Рейчел размышляла, тем больше эта идея ей нравилась. Мысль стать богатой почти вдовой ее привлекала, поскольку открывала очень интересные и новые возможности. И, если честно, она уже была по горло сыта Зигмундом и без труда обошлась бы без него все пять лет, пока он не станет наследником.

В должное время этот момент настал, и Зигмунд разбогател на полмиллиона. Однако он продолжал крепко спать и за эти пять лет ни разу не захрапел. Он лежал такой умиротворенный, что будить его было попросту жалко — даже если бы кто и знал, как это сделать. Рейчел постоянно твердила, что неумелое вмешательство может привести к печальным последствиям, и семья, предварительно позаботившись о том, чтобы она имела доступ лишь к процентам от состояния Зигмунда, но не к основному капиталу, согласилась с ней.

Произошло это несколько лет назад. Как я недавно слышал, Зигмунд до сих пор мирно спит, а Рейчел замечательно проводит время на Ривьере. Женщина она весьма умная, как вы, наверное, уже догадались, и наверняка понимает, насколько удобно иметь про запас молодого мужа, который станет ей опорой в старости.

Должен признать, я иногда жалею, что дядюшка Хайми так и не успел оповестить мир о своих замечательных открытиях. Но Зигмунд — лучшее доказательство того, что наша цивилизация еще не созрела для подобных

изменений, и очень надеюсь, что меня уже не будет на этом свете, когда какой-нибудь физиолог начнет все сначала.

Гарри взглянул на часы.

— Боже праведный! — воскликнул он. — Я и не представлял, что уже так поздно... то-то меня стало в сон клонить!

Он подхватил свой чемоданчик, подавил зевок и доброжелательно улыбнулся.

— Приятных вам всем снов, — пожелал он.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

Разговор снова зашел о лучах смерти, и некий ехидный критик принялся высмеивать обложки старых журналов фантастики, где часто изображались разноцветные лучи, сеющие вокруг смерть и разрушение.

— Какое элементарное научное невежество! — фыркнул он. — Любое видимое излучение безвредно. Будь это не так, люди бы не выжили. Поэтому всем следует знать, что лучи смерти любого цвета... да хоть в шотландскую клеточку — полная чушь. Можно даже вывести закон: если луч видимый, он не причинит вреда.

— Интересная теория, — заметил Гарри Парвис, — однако она расходится с фактами. Единственный луч смерти, который мне лично довелось увидеть, был очень даже видимым.

— Правда? И какого же он был цвета?

— До этого скоро дойдет очередь — если попросите рассказать. Кстати, раз уж мы вспомнили про очередь...

Очередь ставить всем пиво дошла до Чарли Уиллиса. Мы успели поймать его на выходе из бара и немного попрактиковались на нем в отработке приемов джиу-джитсу, пока все кружки снова не наполнились. Затем в «Белом олене» наступила та странная и наполненная предвкуше-

---

Да будет свет!

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

нием тайны тишина, в которой завсегдатаи безошибочно распознают прелюдию к очередной невероятной истории Гарри Парвиса.

Эдгар и Мэри Бартон были неподходящими супругами, и никто из их друзей не мог толком объяснить, почему они вообще поженились. Возможно, самое циничное объяснение и было самым правильным: Эдгар был почти на двадцать лет старше жены и заработал на бирже четверть миллиона, после чего удалился от дел, будучи для такого решения необычно молодым. Он поставил перед собой финансовую цель, упорно трудился ради ее достижения, а когда на его банковском счету появилась желаемая цифра, мгновенно утратил все амбиции. Отныне он намеревался вести жизнь сельского джентльмена и посвятить оставшиеся годы своему единственному и всепоглощающему хобби — астрономии.

Многие почему-то удивляются тому, что интерес к астрономии совместим с деловой хваткой или даже со здравым смыслом. «Это чистейшей воды заблуждение, — с чувством произнес Гарри, — однажды меня практически до белья обчистил в покер профессор астрофизики из Калифорнийского технологического института». Но в случае с Эдгаром в одном и том же человеке уживались как проницательный ум, так и легкая непрактичность. Заработав деньги, он потерял к ним дальнейший интерес — и не только к ним, а практически ко всему на свете, за исключением сборки все более и более крупных телескопов-рефлекторов.

Удалившись на покой, Эдгар купил прекрасный старинный дом в Йоркшире, стоящий на холме в окружении поросших вереском торфяников. Местность там была вовсе не настолько унылой, как может показаться; с холма открывался замечательный вид, а на «бентли» можно было доехать до ближайшего городка всего за пятнадцать минут. Но все равно смена обстановки не совсем устраивала Мэри и ей было трудно не посочувствовать. Работать ей не приходилось, поскольку с домашними делами управлялась прислуга, а интеллектуальных занятий почти не имелось. Она ездила

по округе на машине, записалась во все книжные клубы, читала «Сплетника» и «Сельскую жизнь» от корки до корки, но все равно чувствовала, что ей чего-то не хватает.

Объект своих желаний она отыскала через четыре месяца на ничем иначе не примечательном деревенском празднике. Он был ростом шесть футов три дюйма, бывший гвардеец, и происходил из семьи, в которой завоевание Англии норманнами считалось недавней и неслыханной наглостью. Звали его Руперт де Вере Куртене (опустим для краткости оставшиеся шесть его имен), и он единогласно считался самым завидным холостяком в округе.

Миновало две полные недели, прежде чем Руперт, будучи английским джентльменом высоких принципов, взращенным в лучших традициях аристократии, поддался призывным взглядам Мэри. Его падение ускорил тот факт, что семья пыталась устроить ему партию с благородной Фелисити Фонтлерой — увы, далеко не красавицей. И действительно, та настолько походила на лошадь, что ей было опасно приближаться к знаменитым конюшням ее отца, когда там выгуливали и упражняли рысаков.

Скука Мэри и твердое стремление Руперта решиться наконец на отчаянный поступок привели к неизбежному результату. Эдгар стал все реже и реже видеть жену, находившую поразительное количество причин, требующих ее поездок в город на неделе. Поначалу он был очень рад тому, что круг ее знакомств столь быстро расширяется, и лишь несколько месяцев спустя до него дошло, насколько он заблуждается.

В провинциальном городке вроде Стокборо совершенно невозможно надолго сохранить в секрете амурную связь, хотя это тот факт, который каждому новому поколению приходится открывать заново, и обычно на личном горьком опыте. Эдгар узнал правду случайно, но рано или поздно ему все равно бы ее сказал какой-нибудь доброжелатель. Он приехал в город на собрание местного астрономического общества — на «роллс-ройсе», поскольку жена уехала на «бентли», — и по дороге домой его ненадолго остановила толпа, выходящая с последнего сеанса в местном кинотеатре. В ней он за-

метил Мэри в сопровождении красивого молодого человека, которого Эдгар уже где-то видел, но имени вспомнить не смог. Эта мелочь наверняка вылетела бы у него из головы, если бы на следующее утро Мэри не обмолвилась, что в кино кончились билеты, и она приятно провела вечер у одной из своих подруг.

Тут даже Эдгар, полностью поглощенный исследованиями переменных звезд, понял, что жена беспричинно жлет, и сложил два и два. Он ничем не проявил возникшие у него слабые подозрения, переставшие быть слабыми после местного Бала охотников. Хоть он и терпеть не мог подобные развлечения (а бал, к несчастью, пришлось как раз на то время, когда У Ориона проходила через минимум блеска, и теперь ему придется пропустить важные наблюдения), но понял, что это предоставит ему возможность узнать имя спутника жены, поскольку на бал соберется вся округа.

Отыскать Руперта и завязать с ним разговор оказалось очень легко. Молодой человек, хотя и испытывал легкое смущение, проявил себя приятным собеседником, и Эдгар с удивлением поймал себя на том, что испытывает к нему симпатию. И раз уж его жена завела любовника, то в целом он одобрил ее выбор.

Ситуация оставалась без изменений еще несколько месяцев — в основном из-за того, что Эдгар был слишком занят шлифовкой и центровкой пятнадцатидюймового зеркала, чтобы отвлекаться на разные пустяки. Дважды в неделю Мэри уезжала в город якобы навестить друзей и сходить в кино и возвращалась домой перед полуночью. Эдгар видел огни ее машины на торфяниках за несколько миль: лучи фар меняли направление, следуя за изгибами дороги, по которой его жена ехала, как он считал, слишком быстро. Это тоже было одной из причин, почему они редко выезжали куда-либо вместе; Эдгар был умелым, но осторожным водителем, и комфортабельная для него крейсерская скорость была на десять миль в час меньше, чем у Мэри.

Примерно в трех милях от дома огни машины на несколько минут исчезали — тут дорогу заслонял холм. Там же находилось и опасное узкое место, более подходящее

для Альп, чем для сельской Англии: дорога взбиралась на холм и проходила по краю весьма неприятного обрыва высотой в сто футов и лишь потом выпрямлялась в направлении дома. Когда машина проходила этот поворот, ее фары светили прямо на дом, и немало вечеров Эдгара ослепляла яркая вспышка, когда он сидел за окуляром телескопа. К счастью, этим отрезком дороги по ночам очень редко пользовались, в противном случае наблюдения стали бы практически невозможными, потому что глазам Эдгара приходилось минут десять, а то и двадцать заново привыкать к темноте после вспышки фар. До сих пор это было лишь мелкой помехой, но когда Мэри начала выезжать в город четыре или пять раз в неделю, то превратилось в настоящую диверсию. И Эдгар решил: Пора Что-то Делать.

Вы наверняка заметили, продолжил Гарри, что на протяжении всей этой истории поведение Эдгара Бартоня вряд ли можно было назвать нормальным. Действительно, любой, кто способен столь радикально сменить стиль жизни и из делового лондонского биржевого маклера превратиться почти что в затворника на йоркширских торфяниках, обязан быть несколько странной личностью по определению. Однако я не могу утверждать, что он стал более чем эксцентричен, до той поры, когда полуночные возвращения Мэри не превратились в серьезную помеху для его важных астрономических наблюдений. И следует признать, что даже потом в его действиях прослеживается определенная безумная логика.

Жену свою он разлюбил уже несколько лет назад, но отнюдь не желал, чтобы онаставляла его дураком. А Руперт де Вере Куртене — приятный молодой человек, и его спасение станет актом милосердия. И великолепное в своей простоте решение проблемы пришло к Эдгару буквально в ослепительной вспышке озарения. И под буквальным я подразумеваю буквально, потому что план единственного известного мне идеального убийства возник у Эдгара именно тогда, когда он моргал, ослепленный фарами машины Мэри. Странно, как ничем не связанные факторы могут повлиять на жизнь человека; я ничего не имею против древнейшей и благород-

нейшей из наук, но если бы Эдгар не стал астрономом, он не стал бы и убийцей. Потому что его хобби обеспечило и часть мотивов, и немалую часть средств...

Он мог бы сам изготовить нужное ему зеркало — к тому времени он стал в этом деле настоящим экспертом, — но в данном случае астрономическая точность не требовалась и проще было приобрести подержанный рефлектор от прожектора в одном из магазинчиков на Лейчестерсквер, где распродавали использованное армейское имущество. Диаметр рефлектор был около трех футов, а установить его на подставку и разместить в его фокусе мощную дуговую лампу было делом нескольких часов работы. Нацелить луч в нужную точку также не составило труда, и никто не обратил на действия Эдгара ни малейшего внимания, потому что и жена, и прислуга давно уже воспринимали его эксперименты как само собой разумеющееся.

Ясной темной ночью он провел последнее краткое испытание и стал ждать возвращения Мэри. Разумеется, он не стал терять время зря и продолжил рутинные наблюдения за группой избранных звезд. К полуночи Мэри все еще не вернулась, но Эдгар не возражал, потому что измерял чудесную серию звездных магнитуд, прекрасно укладывающихся на его экспериментальные кривые. Все шло прекрасно, хотя он так и не задумался, почему Мэри столь непривычно опаздывает.

Наконец он заметил мелькающие на горизонте фары машины и неохотно прервал наблюдения. Когда машина скрылась за холмом, он уже стоял наготове, держа руку на выключателе. Он все рассчитал безупречно: едва машина выехала из-за поворота и осветила Эдгара фарами, он повернул выключатель.

Встреча ночью с другой машиной может стать достаточно неприятной, даже если вы к ней готовы и едете по прямой дороге. Но если вы выезжаете из-за поворота на узкой дороге, зная, что встречных машин нет, а в глаза вам внезапно бьет луч в пятьдесят раз ярче любой фары... что ж, результат окажется более чем неприятным.

Именно на это Эдгар и рассчитывал. Он почти немедленно выключил луч, но фары машины показали ему все, что он хотел увидеть. Они свернули к обрыву и по дуге

понеслись вниз, все быстрее и быстрее, пока не исчезли у подножия холма. Несколько секунд там виднелось красное свечение, но взрыв был почти не слышен — и очень хорошо, потому что Эдгару не хотелось тревожить слуг.

Он разобрал прожектор и вернулся к телескопу, потому что не завершил наблюдения. Затем, удовлетворенный хорошей ночной работой, отправился спать.

Спал он крепко, но недолго, потому что примерно час спустя зазвонил телефон. Несомненно, кто-то обнаружил обломки, но Эдгар куда охотнее подождал бы с этой новостью до утра, ибо для астронома каждый час сна бесценен. Он несколько раздраженно снял трубку и лишь через несколько секунд сообразил, что с ним разговаривает жена. Она звонила из Куртене-плейса и желала узнать, что случилось с Рупертом.

Как выяснилось, влюбленная парочка решила сделать тайное явным, и Руперт (изрядно подкрепившись для храбрости) согласился повести себя как полагается мужчине и сообщить эту новость Эдгару. Сразу после этого он должен был позвонить Мэри и сказать ей, как воспринял ее муж. Она со все нарастающим нетерпением и тревогой прождала, сколько смогла, но в конце концов не выдержала и позвонила сама.

Не стоит и говорить, что и без того несколько расшатанная нервная система Эдгара испытала самый настоящий шок. Поговорив с мужем несколько минут, Мэри поняла, что тот безнадежно свихнулся, — как говорится, «не вписался в поворот». И лишь утром она обнаружила, что вписаться в поворот, к своему несчастью, не сумел и Руперт.

На мой взгляд Мэри, по большому счету, удачно вышла из этой переделки. Руперт был не очень-то умен и никогда не стал бы ей достойной парой. Когда психиатры обследовали Эдгара и подтвердили печальный диагноз, Мэри получила доверенность на управление его имуществом и быстро переехала в Дартмут, где купила прелестную квартиру неподалеку от Королевского морского колледжа, и теперь ей редко приходится самой сидеть за рулем нового «бентли».

Но все это так, к слову. И пока некоторые скептики не спросили меня, откуда я все это узнал, скажу сам, что мне эту историю рассказал дилер, купивший телескопы Эдгара, когда того поместили в лечебницу. Печально, но факт — его признанию никто не поверил и все решили, что Руперт был попросту слишком пьян и ехал слишком быстро по опасной дороге. Возможно, это правда, но я предпочитаю считать иначе. В конце концов, разбиться по пьяной лавочке — слишком плебейская кончина. Зато погибнуть от луча смерти — вот судьба, достойная де Верре Куртене! Надеюсь, никто не станет отрицать, что Эдгар воспользовался именно *им*? То был луч, и он убил человека. Как же еще его назвать?

ДЕФЕНЕСТРАЦИЯ ЭРМИНТРУДЫ ИНЧ

А сейчас я должен выполнить краткую, но печальную обязанность. Одной из многочисленных тайн, окружавших Гарри Парвиса — а он столь охотно делился с нами любой иной информацией, — было наличие или отсутствие миссис Парвис. Да, обручального кольца он не носил, но в наши дни это мало что значит. Почти столь же мало, — и это скажет вам любой владелец гостиницы, — как и обратное.

Во многих своих повествованиях Гарри проявлял откровенную враждебность по отношению к тем, кого один мой польский друг, чье владение английским сильно уступает его галантности, всегда называл дамами женского пола. И воистину любопытным оказалось совпадение, что самая последняя история, которую рассказал нам Гарри, сперва указала, а затем и убедительно доказала его брачный статус.

Не знаю, кто произнес в нашей компании слово «дефенестрация», ведь оно, в конце концов, не является часто употребляемым абстрактным существительным. Наверное, один из подозрительно эрудированных молодых завсегда-таев «Белого оленя»; некоторые из них только-только выпорхнули из колледжа и, щеголяя подобными словечками, заставляют нас, ветеранов, ощущать себя неоперившимися юными невеждами. Но от слова, означающего на юридическом новоязе «выбрасывание из окна», разговор впол-

не естественно перешел на само деяние. Не доводилось ли кому из присутствующих испытывать дефенестрацию? Может, кому-либо такие личности известны?

— Да, — сказал Гарри. — Это произошло с одной моей знакомой, весьма болтливой дамой. Ее звали Эрминтруда, и она была замужем за Осбертом Инчем, звукооператором с Би-Би-Си.

Все свое рабочее время Осберт слушал, как говорят другие, а почти все свободное — как говорит Эрминтруда. К сожалению, он не мог поворотом ручки выключить ее, поэтому ему очень редко удавалось вставить слово в монологи жены.

Есть такие женщины, которые искренне не подозревают о том, что непрерывно говорят, и очень удивляются, когда их обвиняют в монополизации разговора. Эрминтруда начинала говорить, едва открыв глаза, повышала громкость, чтобы слышать себя на фоне восьмичасового выпуска новостей, и продолжала в том же духе, пока Осберт с облегчением не уходил на работу. Два года такой жизни едва не свели его с ума, но однажды утром, когда жену одолел затянувшийся ларингит, он выразил энергичный протест ее вокальной монополии.

К его полному изумлению, она категорически отказалась принять его обвинения. Эрминтруде просто-напросто казалось, что, когда она начинает говорить, время останавливается — зато, если говорит другой, ее охватывает чрезвычайное беспокойство. И, едва обретя голос, заявила Осберту, как несправедливо высказывать ей столь необоснованные обвинения, причем спор этот грозил привести к очень серьезным последствиям — если только с Эрминтрудой вообще можно хоть как-то спорить.

Ее слова привели Осберта в отчаяние и полное расстройство чувств. Но он был человеком изобретательным, и ему пришло в голову, что он сможет привести неопровержимое доказательство того, что Эрминтруда произносит сотню слов в ответ на каждый звук, который ему удастся издать. Я уже упоминал, что он работал звукооператором, и в его комнате было полно усилителей, колонок, магнитофонов и прочей свойственной его профессии

электроники (некоторые достались ему в подарок от ни о чем не подозревающей Би-Би-Си).

Он принялся за дело и быстро собрал некий приборчик, который можно назвать селективным счетчиком слов. Если вы что-то смыслите в звуковой технике, то поймете, что можно сделать при помощи подходящих фильтров и схем деления — а если нет, то поверьте мне на слово. По сути, его приборчик делал вот что: микрофон улавливал каждое произнесенное в квартире Инчей слово, более низкий голос Осберта проходил по одной электронной цепочке и регистрировался счетчиком, обозначенным «он», а высокий женский голос Эрминтруды шел в другом направлении и попадал на счетчик с пометкой «она».

Через час после включения счет был следующим:

ОН 23

ОНА 2530

По мере того как на счетчике мелькали цифры, Эрминтуда все дольше и дольше задумывалась и одновременно все дольше и дольше молчала. Осберт, с другой стороны, упиваясь кружащим голову вином победы (хотя для любого другого оно показалось бы чашечкой утреннего кофе или чая), использовал полученное преимущество и стал весьма разговорчив. Поэтому, когда он ушел на работу, счетчики зафиксировали изменение внутрисемейного статуса:

ОН 1043

ОНА 3397

Желая показать, кто теперь в доме хозяин, Осберт оставил аппарат включенным; ему всегда хотелось узнать, не разговаривает ли Эрминтуда чисто автоматически сама с собой, даже когда ее слова слушать некому. Перед уходом он предусмотрительно запер счетчик, чтобы жена не смогла его выключить.

Придя вечером домой, он с некоторым разочарованием обнаружил, что цифры совершенно не изменились, но через минуту счетчик заработал вновь. Для супругов стало своеобразной игрой — хотя совершенно серьезной — поглядывать на счетчик всякий раз, когда кто-то из них говорил. Эрминтуда пребывала в полнейшем расстройстве чувств; время от времени она не выдерживала и

извергала словесный поток, увеличивающий ее счет на сотню-другую и прервать который ей стоило огромного усилия воли. Осберт же, и теперь имевший большую фору, мог себе позволить роскошь красноречия и развлекался, время от времени выдавая ехидные комментарии, ради которых не жалко было немного увеличить собственный счет.

Хотя в семействе Инчей и было восстановлено определенное равенство, счетчик тем не менее усилил разлад супругов. Наконец Эрминтруда, обладавшая от природы некоей особенностью, которую некоторые могут назвать лукавством, воззвала к совести мужа. Она указала, что никто из них не в силах вести себя естественно, когда каждое их слово улавливается и подсчитывается; Осберт нечестно позволил ей вырваться вперед, и теперь болтлив до такой степени, на какую никогда бы не решился, не имея перед глазами предупреждающие показания счетчика. И хотя Осберт лишь ахнул, услышав столь наглые обвинения, ему все же пришлось признать, что они содержат элементы истины. Эксперимент станет более честным и убедительным, если никто из них не будет видеть показания счетчика и тем более если они вообще позабудут о его существовании и поведут себя совершенно естественно или, по крайней мере, настолько естественно, насколько такое возможно при подобных обстоятельствах.

После долгих споров стороны пришли к компромиссу. Осберт великодушно обнулil оба счетчика, закрыл его окошки шторками, чтобы нельзя было подсмотреть результат, и опечатал их. Супруги согласились сломать восковые печати — каждый оставил на них по отпечатку пальца — в конце недели, и уже тогда подвести итоги. Спрятав микрофон под столом, Осберт перенес счетчик в свою маленькую мастерскую, чтобы в общей комнате ничто даже не напоминало о неподкупном арбитре, которому предстояло решить судьбу Инчей.

После этих манипуляций все постепенно вернулось к норме. Эрминтруда стала столь же болтлива, как и прежде, но теперь Осберт уже ничуть против этого не возражал, зная, что каждое ее слово терпеливо подсчитывается и будет использовано как доказательство. А в конце недели его ждет полный триумф. Он даже позволил себе

роскошь произносить пару сотен слов в день, зная, что Эрминтруда скомпенсирует это за пять минут.

Церемония снятия печатей была проведена в конце необычно болтливой дня, когда Эрминтруда дословно пересказала три до омерзения банальных телефонных разговора, на которые, судя по всему, и потратила весь день. Осберт лишь улыбался и раз в десять минут вставлял: «Да, дорогая», а сам тем временем старался угадать, какие аргументы выдвинет жена на сей раз, когда ее придавит тяжесть неопровержимых улики.

Поэтому сами представьте его чувства в тот момент, когда печати были сняты и он увидел недельный баланс:

ОН 143 567

ОНА 32 590

Осберт ошеломленно уставился на цифры, не веря собственным глазам. *Что-то* было явно не так... но что? И где? Наверняка аппарат неисправен, решил он. А это очень и очень скверно, ведь он прекрасно понимал, что Эрминтруда никогда не позволит ему искупить свою вину, даже если он убедительно докажет, что счетчик был неисправен.

Эрминтруда уже праздновала победу, когда Осберт вытолкнул ее из мастерской и стал разбирать коварный прибор. Завершив эту работу наполовину, он вдруг заметил в мусорнике нечто такое, что никак не мог туда бросить сам. То была петля магнитной ленты в пару футов длиной, и наличие ее в мусорнике было совершенно непонятным, потому что он несколько дней не включал магнитофон. Он достал ленту, и подозрения мгновенно превратились в уверенность.

Осберт посмотрел на магнитофон: его ручки и переключатели находились в иных положениях — так он их не оставлял. Да, Эрминтруда оказалась изобретательна, но и небрежна. Осберт частенько жаловался, что она ничего не умеет сделать как следует, и сейчас получил окончательное доказательство.

В его кабинете было множество лент со старыми пробными записями; Эрминтруда без труда могла отыскать ленту с его голосом, отрезать кусок, склеить в петлю, включить магнитофон на воспроизведение и оставить на несколько часов работать перед микрофоном. Осберт был

вне себя от ярости, потому что не подумал заранее о столь простой уловке; будь магнитная лента прочнее, он, наверное, задушил бы ею Эрминтруду.

Впрочем, до сих пор неясно, пытался ли он такое проделать. Мы знаем лишь, что Эрминтруда выпала из окна, и это, разумеется, могло произойти случайно — но ее уже не спросишь, потому что Инчи жили на четвертом этаже.

Да, как правило, людям помогают выпасть из окна, и у коронера имелось свое мнение на этот счет. Но никто не смог доказать, что Осберт ее вытолкнул, и в этом деле вскоре поставили точку. Примерно через год Осберт женился на очаровательной глухонемой девушке, и теперь они счастливейшая пара.

Когда Гарри смолк, все долго молчали — то ли усомнившись в его рассказе, то ли проявляя уважение к покойной миссис Инч... трудно сказать. Однако никто не успел произнести подходящее замечание, как дверь распахнулась и в частный бар «Белого оленя» ворвалась внушительных габаритов блондинка.

Воистину жизнь очень редко устраивает такие совпадения. Гарри Парвис смертельно побледнел и тщетно попытался укрыться в толпе, но его мгновенно заметили и пригвоздили к месту потоком обвинений.

— Так *вот где* ты читаешь каждую среду лекции по квантовой механике! — с интересом услышали мы. — Мне уже несколько лет назад следовало бы уточнить это в университете! Гарри Парвис, ты лжец, и пусть это слышат все. А что касается твоих дружков... — она обвела нас презрительным взглядом, — то я уже давненько не видала столь презренной кучки забулдыг!

— Эй, минуточку! — запротестовал из-за стойки Дрю. Блондинка взглядом заставила его смолкнуть и вновь повернулась к бедняге Гарри:

— Пошли. Мы идем домой. Нет, тебе незачем допивать эту кружку! Не сомневаюсь, что ты уже насосался более чем достаточно.

Гарри покорно подхватил свой чемоданчик и плащ.

— Хорошо, Эрминтруда, — проямлил он.

Не стану утомлять вас пересказом долгого и до сих пор не решенного спора из-за того, действительно ли миссис Парвис зовут Эрминтрудой, или же Гарри был настолько ошеломлен, что назвал ее так автоматически. У каждого из нас имеется на этот счет своя теория — впрочем, как и по всему остальному, касающемуся Гарри Парвиса. Сейчас для нас важен тот печальный и неопровержимый факт, что после того вечера его никто больше не видел.

Вполне возможно, что он попросту не знает, где мы встречаемся сейчас, потому что два месяца спустя у «Белого оленя» появились новые хозяева и все мы последовали за Дрю в его новое заведение. Теперь наши еженедельные встречи проходят в «Сфере», и уже давно многие из нас с надеждой смотрят на открывающуюся дверь — а вдруг Гарри удалось вырваться и отыскать нас снова? Кстати, отчасти из-за надежды на то, что он увидит эту книгу и узнает про наше новое прибежище, я и собрал все эти рассказы под одной обложкой.

Гарри, по тебе скучают даже те, кто не верил ни единому твоему слову! И если тебе ради обретения свободы придется дефенестрировать Эрминтроду, сделай это в среду с шести до одиннадцати, и сорок человек в «Сфере» обеспечат тебе алиби. Сделай *что угодно*, но только вернись, потому что после твоего исчезновения нам всем тебя очень не хватает.

ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА

ДЕВЯТЬ МИЛЛИАРДОВ ИМЕН БОГА

-3аказ необычный. — Доктор Вагнер старался говорить с надлежащим степенством. — Насколько я понимаю, мы первое предприятие, к которому обращаются с просьбой поставить автоматическую счетную машину для тибетского монастыря. Не сочтите меня любопытным, но очень уж трудно представить себе, зачем вашему... э... учреждению нужна такая машина. Вы не можете объяснить, что вы собираетесь с ней делать?

— Охотно, — ответил лама, поправляя складки шелкового халата и не спеша убирая логарифмическую линейку, с помощью которой производил финансовые расчеты. — Ваша электронная машина «Модель пять» выполняет любую математическую операцию над числами, вплоть до десятизначных. Но для решения нашей задачи нужны не цифры, а буквы. Вы переделаете выходные цепи, как мы вас просим, и машина будет печатать слова, а не числа.

— Мне не совсем ясно...

— Речь идет о проблеме, над которой мы трудимся уже три столетия, со дня основания нашего монастыря. Человеку вашего образа мыслей трудно это понять, но я надеюсь, вы без предвзятости выслушаете меня.

— Разумеется.

Девять миллиардов имен Бога
© Л. Жданов, перевод, 1966

— В сущности, это очень просто. Мы составляем список, который включит в себя все возможные имена Бога.

— Простите...

— У нас есть основание полагать, — продолжал лама невозмутимо, — что все эти имена можно записать с применением всего лишь девяти букв изобретенной нами азбуки.

— И вы триста лет занимаетесь этим?

— Да. По нашим расчетам, потребуется около пятнадцати тысяч лет, чтобы выполнить эту задачу.

— О! — Доктор Вагнер был явно поражен. — Теперь я понимаю, для чего вам счетная машина. Но в чем, собственно, смысл всей этой затеи?

Лама на мгновение замялся. «Уж не оскорбил ли я его?» — спросил себя Вагнер. Во всяком случае, когда гость заговорил, ничто в его голосе не выдавало недовольства.

— Назовите это культом, если хотите, но речь идет о важной составной части нашего вероисповедания. Употребляемые нами имена Высшего Существа — Бог, Иегова, Аллах и так далее — всего-навсего придуманные человеком ярлыки. Тут возникает довольно сложная философская проблема, не стоит сейчас ее обсуждать, но среди всех возможных комбинаций букв кроются, так сказать, действительные имена Бога. Вот мы и пытаемся выявить их, систематически переставляя буквы.

— Понимаю. Вы начали с комбинации ААААААА... и будете продолжать, пока не дойдете до ЯЯЯЯЯЯ...

— Вот именно. С той разницей, что мы пользуемся азбукой, которую изобрели сами. Заменить литеры в пишущем устройстве, разумеется, проще всего. Гораздо сложнее создать схему, которая позволит исключить заведомо нелепые комбинации. Например, ни одна буква не должна повторяться более трех раз подряд.

— Трех? Вы, конечно, хотели сказать — двух.

— Нет, именно трех. Боюсь, что объяснение займет слишком много времени, даже если бы вы знали наш язык.

— Не сомневаюсь, — поспешил согласиться Вагнер. — Продолжайте.

— К счастью, вашу автоматическую счетную машину очень легко приспособить для нашей задачи. Нужно лишь правильно составить программу, а машина сама проверит все сочетания и отпечатает итог. За сто дней будет выполнена работа, на которую у нас ушло бы пятнадцать тысяч лет.

Далеко внизу лежали улицы Манхэттена, но доктор Вагнер вряд ли слышал невнятный гул городского транспорта. Мысленно он перенесся в другой мир, мир настоящих гор, а не тех, что нагромождены рукой человека. Там, уединившись в заоблачной выси, эти монахи из поколения в поколение терпеливо трудятся, составляя списки лишенных всякого смысла слов. Есть ли предел человеческому безрассудству? Но нельзя показывать, что ты думаешь. Клиент всегда прав.

— Несомненно, — сказал доктор, — мы можем переделать «Модель пять», чтобы она печатала нужные вам списки. Меня заботит другое — установка и эксплуатация машины. В наши дни попасть в Тибет не так-то просто.

— Положитесь на нас. Части не слишком велики, их можно перебросить самолетом. Вы только доставьте их в Индию, дальше мы сделаем все сами.

— И вы хотите нанять двух инженеров нашей фирмы?

— Да, на три месяца, пока не будет завершена программа.

— Я уверен, что они выдержат срок. — Доктор Вагнер записал что-то на блокноте. — Остается выяснить еще два вопроса...

Прежде чем он договорил, лама протянул ему узкую полоску бумаги:

— Вот документ, удостоверяющий состояние моего счета в Азиатском банке.

— Благодарю. Как будто... да, все в порядке. Второй вопрос несколько элементарен, я даже не знаю, как сказать... Но вы не представляете себе, сколь часто люди упускают из виду самые элементарные вещи. Итак, какой у вас источник электроэнергии?

— Дизельный генератор мощностью пятьдесят киловатт, напряжение сто десять вольт. Он установлен пять лет назад и вполне надежен. Благодаря ему жизнь у нас

в монастыре стала гораздо приятнее. Но вообще-то его поставили, чтобы снабжать энергией моторы, которые вращают молитвенные колеса.

— Ну конечно, — подхватил доктор Вагнер. — Как я не подумал!

С балкона открывался захватывающий вид, но со временем ко всему привыкаешь. Семисотметровая пропасть, на дне которой распластались шахматные клеточки возделанных участков, уже не пугала Джорджа Хенли. Положив локти на сглаженные ветром камни парапета, он угрюмо созерцал далекие горы, названия которых ни разу не попытался узнать.

«Вот ведь влип! — сказал себе Джордж. — Более дурацкую затею трудно придумать!» Уже которую неделю «Модель пять» выдает километры бумаги, испещренные тарабарщиной. Терпеливо, неумоимо машина переставляет буквы, проверяет все сочетания и, исчерпав возможности одной группы, переходит к следующей. По мере того как пишущее устройство выбрасывает готовые листы, монахи тщательно собирают их и склеивают в толстые книги.

Слава Богу, еще неделя, и все будет закончено. Какие такие расчеты убедили монахов, что нет надобности исследовать комбинации из десяти, двадцати, ста букв, Джордж не знал. И без того его по ночам преследовали кошмары: будто в планах монахов произошли перемены и верховный лама объявил, что программа продлевается до 2060 года... А что, они способны на это!

Громко хлопнула тяжелая деревянная дверь, и рядом с Джорджем появился Чак. Как обычно, он курил одну из своих сигар, которые помогли ему завоевать расположение монахов. Ламы явно ничего не имели против всех малых и большинства великих радостей жизни. Пусть они одержимые, но ханжами их не назовешь. Частенько наведываются вниз, в деревню...

— Послушай, Джордж, — взволнованно заговорил Чак. — Неприятные новости!

— Что такое? Машина капризничает?

Большей неприятности Джордж не мог себе представить. Если начнет барахлить машина, это может — о ужас! — задержать их отъезд. Сейчас даже телевизионная реклама казалась ему голубой мечтой. Все-таки что-то родное...

— Нет, совсем не то. — Чак сел на парাপет; удивительный поступок, если учесть, что он всегда боялся обрыва. — Я только что выяснил, чего ради они все это затеяли.

— Не понимаю. Разве нам это не известно?

— Известно, какую задачу поставили себе монахи. Но мы не знали для чего. Это такой бред...

— Расскажи что-нибудь поновее, — простонал Джордж.

— Старик верховный только что разоткровенничался со мной. Ты знаешь его привычку — каждый вечер заходит посмотреть, как машина выдает листы. Ну вот, сегодня он явно был взволнован — если его вообще можно представить себе взволнованным. Когда я объяснил ему, что идет последний цикл, он спросил меня на своем ломаном английском языке, задумывался ли я когда-нибудь, чего именно они добиваются. Конечно, говорю. Он мне и рассказал.

— Давай-давай, как-нибудь переварю.

— Ты послушай: они верят, что, когда переписут все имена Бога, — а этих имен, по их подсчетам, что-то около девяти миллиардов, — осуществится божественное предначертание. Род человеческий завершит то, ради чего был сотворен, и можно будет поставить точку. Мне вся эта идея кажется богохульством.

— И чего же они ждут от нас? Что мы покончим жизнь самоубийством?

— В этом нет нужды. Как только список будет готов, Бог сам вмешается и подведет черту. Амба!

— Понял: как только мы закончим нашу работу, наступит конец света.

Чак нервно усмехнулся:

— То же самое я сказал верховному. И знаешь, что было? Он поглядел на меня так, словно я сморозил величайшую глупость, и сказал: «Какие пустяки вас заботят».

Джордж призадумался.

— Ничего не скажешь, широкий взгляд на вещи, — произнес он наконец. — Но что мы-то можем тут поделать? Твое открытие ничего не меняет. Будто мы и без того не знали, что они помешанные.

— Верно, но неужели ты не понимаешь, чем это может кончиться? Мы выполним программу, а Судный день не наступит. Они возьмут да нас обвинят. Машина-то наша. Нет, не нравится мне все это.

— Дошло, — медленно сказал Джордж. — Пожалуй, ты прав. Но ведь это не ново, такие вещи и раньше случались. Помню, в детстве у нас в Луизиане объявился свихнувшийся проповедник, твердил, что в следующее воскресенье наступит конец света. Сотни людей поверили ему, некоторые даже продали свои дома. А когда ничего не произошло, они не стали возмущаться, не думай. Просто решили, что он ошибся в своих расчетах, и продолжали веровать. Не удивлюсь, если некоторые из них до сих пор каждое воскресенье ждут конца света.

— Позволь напомнить: мы не в Луизиане. И нас двое, а этих лам несколько сот. Они славные люди, и жаль старика, если рухнет дело всей его жизни. Но все-таки я предпочел бы быть где-нибудь в другом месте.

— Я об этом давно мечтаю. Но мы ничего не можем поделать, пока не выполним контракт и за нами не прилетят.

— А что, — задумчиво произнес Чак, — если подстроить что-нибудь?

— Черта с два! Только хуже будет.

— Не торопись, послушай. При нынешнем темпе работы — двадцать часов в сутки — машина закончит все в четыре дня. Самолет прилетит через неделю. Значит, нужно только во время очередной наладки найти какую-нибудь деталь, требующую замены. Так, чтобы оттянуть программу денька на два, не больше. Исправим не торопясь. И если сумеем верно все рассчитать, мы будем на аэродроме в тот миг, когда машина выдаст последнее имя. Тогда уж им нас не перехватить.

— Не нравится мне твой замысел, — ответил Джордж. — Не было случая, чтобы я не довел до конца начатую ра-

боту. Не говоря уже о том, что они сразу заподозрят неладное. Нет уж, лучше дотяну до конца, будь что будет.

— Я и теперь не одобряю нашего побега, — сказал он семь дней спустя, когда они верхом на крепких горных лошадках ехали вниз по извилистой дороге. — И не подумай, что я удираю, потому что боюсь. Просто мне жаль этих бедняг, не хочется видеть их огорчения, когда они убедятся, что опростоволосились. Интересно, как верховный это примет?..

— Странно, — отозвался Чак, — когда я прощался с ним, мне показалось, что он нас раскусил и отнесся к этому совершенно спокойно. Все равно машина работает исправно и задание скоро будет выполнено. А потом... Впрочем, в его представлении никакого «потом» не будет.

Джордж повернулся в седле и поглядел вверх. С этого места в последний раз открывался вид на монастырь. Приземистые угловатые здания четко вырисовывались на фоне закатного неба; тут и там, точно иллюминаторы океанского лайнера, светились огни. Электрические, разумеется, питающиеся от того же источника, что «Модель пять». «Сколько еще продлится это сосуществование?» — спросил себя Джордж. Разочарованные монахи способны сгоряча разбить вдребезги вычислительную машину. Или они преспокойно начнут все свои расчеты сначала?..

Он ясно представлял себе, что в этот миг происходит на горе. Верховный лама и его помощники сидят в своих шелковых халатах, изучая листки, которые рядовые монахи собирают в толстые книги. Никто не произносит ни слова. Единственный звук — нескончаемая дробь, как от вечного ливня: стучат по бумаге рычаги пишущего устройства. Сама «Модель пять» выполняет свои тысячу вычислений в секунду бесшумно. «Три месяца... — подумал Джордж. — Да тут кто угодно свихнется!»

— Вон он! — воскликнул Чак, показывая вниз, в долину. — Правда, хорош?

«Правда», — мысленно согласился Джордж. Старый, выдавший виды самолет серебряным крестиком распластался в начале взлетной дорожки. Через два часа он

понесет их навстречу свободе и разуму. Эту мысль хотелось смаковать как рюмку хорошего ликера. Джордж упивался ею, покачиваясь в седле.

Гималайская ночь почти настигла их. К счастью, дорога хорошая, как и все местные дороги. И у них есть фонарики. Никакой опасности, только холод досаждаёт. В удивительно ясном небе приветливо сверкали знакомые звезды. «Во всяком случае, — подумал Джордж, — из-за погоды не застрянем». Единственное, что его еще тревожило.

Он запел, но вскоре смолк. Могучие, величавые горы с белыми шапками вершин не располагали к бурному проявлению чувств. Джордж посмотрел на часы.

— Еще час, и будем на аэродроме, — сообщил он через плечо Чаку. И добавил чуть погодя: — Интересно, как там машина — уже закончила? По времени — как раз.

Чак не ответил, и Джордж повернулся к нему. Он с трудом различил лицо друга — обращенное к небу белое пятно.

— Смотри, — прошептал Чак, и Джордж тоже обратил взгляд к небесам. (Все когда-нибудь происходит в последний раз.)

Высоко над ними тихо, без шума одна за другой гасли звезды.

БЕГЛЕЦ

-И как мне его называть, черт возьми, когда он поднимется на борт? — спросил капитан Саундерс, дожидаясь, пока выдвинется посадочная рампа.

Наступила многозначительная тишина — навигатор и второй пилот размышляли над этой проблемой этикета. Затем Митчелл повернул ключ на панели управления, и многочисленные механизмы корабля, лишившись питания, отключились.

— Правильным обращением, — медленно произнес он, — будет «ваше королевское высочество».

— Ха! — фыркнул капитан. — Будь я проклят, если назову хоть кого-нибудь *так*!

— Полагаю, что в наши прогрессивные времена, — пришел ему на помощь Чамберс, — «сэра» будет вполне достаточно. Но если вы позабудете и про это, не волнуйтесь: в Тауэр уже очень давно никого не сажали. К тому же с этим Генри легче иметь дело, чем с тем Генрихом, у которого было много жен.

— По всеобщему мнению, — добавил Митчелл, — он очень приятный молодой человек. И весьма умен. Он часто задает людям вопросы из области техники, на которые те не могут ответить.

Капитан Саундерс проигнорировал подтекст этого замечания, решив для себя, что если принц Генри пожелает

Беглец

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

узнать принцип работы тягового генератора компенсационного поля, то объяснять придется Митчеллу. Саундерс с трудом встал — во время полета они поддерживали половинную силу тяжести, и теперь на Земле ему казалось, будто он превратился в тонну кирпичей, — и двинулся по коридору к нижнему шлюзу. Маслянисто заурчав, большая выпуклая дверь шлюза отодвинулась в сторону. Не забыв про полагающуюся улыбку, капитан вышел навстречу телекамерам и наследнику британской короны.

Человек, которому предстояло стать Генрихом IX Английским, был еще молод — чуть старше двадцати — и немного ниже среднего роста. Четкие и правильные черты его лица сразу оживляли в памяти все генеалогические клише. Капитан Саундерс, будучи родом из Далласа, не собирался склоняться перед любым принцем мира, но неожиданно для себя оказался тронут, увидев его большие и печальные глаза. То были глаза, повидавшие слишком много приемов и парадов; им приходилось наблюдать бесчисленные совершенно неинтересные события, а их владельцу не позволялось далеко отклоняться от тщательно распланированных официальных планов и распоряжков. Глядя на это гордое, но усталое лицо, капитан впервые догадался о бесконечном одиночестве персон королевской крови. Вся его неприязнь к этой институции внезапно стала тривиальной по сравнению с ее реальным дефектом: неправильность монархии в том, что нечестно возлагать столь тяжкую ношу на любое человеческое существо.

Коридоры «Кентавра» были слишком узки для обычной экскурсии, и вскоре стало ясно, что принц Генри очень даже доволен тем, что его свита осталась снаружи. Едва осмотр корабля начался, Саундерс утратил первоначальную напряженность и уже через несколько минут обращался с принцем как с любым иным посетителем. Капитан так и не догадался, что первый урок, который обязан усвоить любой член королевской семьи, есть умение снимать напряженность у собеседника.

— Знаете, капитан, — задумчиво сказал принц, — сегодня великий день. Я всегда надеялся, что когда-нибудь у Англии появится свой космодром. И все равно мне как-то

странно, что после стольких лет моя мечта сбылась. Скажите... вам доводилось заниматься ракетами?

— Да, кое-какую тренировку я прошел, но ракеты доживали свой век, еще когда я учился. Мне повезло: людям постарше пришлось вернуться в школу и начать все сначала — или совсем расстаться с космосом, если они не могли переучиться и освоить новые корабли.

— Что, разница настолько велика?

— О да — когда ракеты ушли в прошлое, свершился перелом, сравнимый с переходом от паруса к парю. Кстати, эту аналогию вам часто придется слышать. В старых ракетах было величие, совсем как в старинных парусниках, а современные корабли им не обладают. Когда «Кентавр» стартует, он поднимается бесшумно, как воздушный шар — а при необходимости и столь же медленно. При старте же ракеты всё сотрясалось на мили вокруг, и стоило оказаться слишком близко к стартовой площадке, как можно было на несколько дней оглохнуть. Да вы и сами видели эти старты в старых выпусках новостей.

Принц улыбнулся.

— Да, — сказал он. — Я часто смотрел записи во дворце. Думаю, я видел материалы, относящиеся ко всем инцидентам, случившимся во время пионерских экспедиций. И мне жаль видеть конец ракет. Но мы никогда не смогли бы построить космопорт для ракет здесь, на равнине возле Сэлисбери — от вибрации разрушился бы Стоунхендж!

— Стоунхендж? — переспросил Саундерс, распахивая люк и пропуская принца в третий трюм.

— Это древний монумент — один из самых знаменитых каменных кругов в мире. Он действительно впечатляет, и ему около трех тысяч лет. Взгляните на него, если получится — до него отсюда всего десять миль.

Саундерс с трудом подавил улыбку. Какая странная страна: где еще в мире можно обнаружить такие контрасты? У него возникло ощущение, что он еще совсем молод и зелен — ему вспомнилось, что у него на родине Билли Кида считали древней историей, а во всем Техасе вряд ли найдется строение старше пятисот лет. Он впервые начал понимать, что такое традиция: она придавала

принцу Генри нечто, чем он мог и не обладать. Уверенность в себе... да, именно так. И гордость, каким-то образом лишенную высокомерия, потому что она настолько воспринималась как нечто само собой разумеющееся, что не нуждалась в доказательствах.

Просто поразительно, сколько вопросов принц Генри ухитрился задать во время получасовой экскурсии по грузовому кораблю. И то были не рутинные вопросы, которые задают из вежливости, совершенно не интересуясь ответом. Его королевское высочество принц Генри немало знал о космических кораблях, и капитан Саундерс даже ощутил усталость, когда передал своего высокого гостя комитету по встрече, с хорошо имитируемым терпением дожидавшемуся возле «Кентавра».

— Большое вам спасибо, капитан, — сказал принц, пожимая ему руку в шлюзе. — Уже не помню, когда я получал такое удовольствие. Надеюсь, ваше пребывание в Англии окажется приятным, а полет — успешным. — Тут свита торопливо увела принца, а портовые чиновники наконец-то поднялись на борт проверить корабельные бумаги.

— Итак, — поинтересовался Митчелл, когда с формальностями было покончено, — что вы думаете о нашем принце Уэльском?

— Он меня удивил, — откровенно ответил Саундерс. — Мне бы и в голову не пришло, что он принц. Мне всегда представлялось, что все они туповаты. И, черт побери, он *знает* принцип работы полевого двигателя! Он бывал когда-нибудь в космосе?

— Кажется, однажды. Просто совершил прыжок над атмосферой на военном корабле. Они даже не вышли на орбиту и сразу вернулись — но премьер-министра едва не хватил удар. Запрашивали Палату лордов, в «Таймс» было несколько передовиц на эту тему. Все решили, что наследник престола — слишком ценная персона, чтобы подвергать его риску, доверившись новым и недостаточно проверенным изобретениям. Так что он, имея ранг командора Королевских космических сил, не бывал даже на Луне.

— Бедняга, — пробормотал капитан Саундерс.

Ему предстояло убить три дня, потому что в обязанности капитана не входило наблюдение за погрузкой или предполетным обслуживанием корабля. Саундерс знал шкиперов, которые повсюду совали свой нос и дышали в затылок инженерам, но он не принадлежал к их числу. Кроме того, ему хотелось посмотреть Лондон. Он побывал на Марсе, Венере и Луне, но в Англии оказался впервые. Митчелл и Чамберс снабдили его всей нужной информацией и усадили на монорельсовый поезд до Лондона, а сами торопливо отправились к своим семьям. Они вернутся в космопорт на день раньше капитана и проверят, все ли в порядке. Саундерсу очень повезло, что у него есть офицеры, на которых он может полностью положиться: лишенные чрезмерного воображения и осторожные, но дотошные почти до навязчивости. Зато, если *они* скажут, что на корабле все в порядке, Саундерс может взлетать со спокойной душой.

Узкий обтекаемый цилиндр мчался через тщательно прилизанный ландшафт. Вагон находился настолько низко над землей и перемещался столь быстро, что пассажиры успевали лишь бросить быстрый взгляд на мелькающие за окнами города и поля. Саундерс подумал, что в Англии все поразительно компактно и какого-то лилипутского масштаба. Тут не было открытых пространств и полей длиннее мили в любом направлении. Одного этого хватило бы, чтобы вызвать у техасца клаустрофобию — особенно у техасца, ставшего еще и космическим пилотом.

На горизонте показалась четко очерченная граница Лондона, напоминающая крепостную стену вокруг старинного города. Здания, за немногими исключениями, были довольно низкими — этажей в пятнадцать—двадцать. Вагон промчался сквозь узкий каньон, над очень привлекательным парком, пересек реку (вероятно, Темзу) и, мощно и уверенно затормозив, остановился. Голос в динамике негромко, точно опасаясь, что его подслушают, объявил:

— Это Паддингтон. Пассажиров, следующих на север, просят оставаться на своих местах.

Саундерс снял с полки багаж и вышел.

Направляясь ко входу в метро, он прошел мимо киоска и взглянул на выставленные в витрине журналы. На обложках примерно половины из них красовались фото принца Генри или других членов королевской семьи, а это, решил Саундерс, уже явный перебор. Он также заметил, что во всех вечерних газетах есть фотографии принца, входящего в «Кентавр» или покидающего его, и купил парочку, намереваясь почитать их в метро... пардон, в подземке, как его называют лондонцы.

Комментарии в передовицах поразили его монотонным однообразием. Наконец-то, провозглашали они, Англия больше не плетется следом за космическими нациями. Теперь можно иметь космодром, не обладая миллионами квадратных миль пустынь: бесшумные современные корабли с гравитационными двигателями способны при необходимости сесть даже в Гайд-парке, не потревожив уток в Серпентайне. Саундерсу показалось странным, что патриотизм подобного рода дожил до космического века, но он предположил, что британцы испытывали унижение, одалживая стартовые площадки у австралийцев, американцев и русских.

Лондонское метро даже после полутора веков существования осталось лучшей транспортной системой в мире и доставило Саундерса к месту назначения менее чем через десять минут после отправления из Паддингтона. За десять минут «Кентавр» мог пролететь пятьдесят тысяч миль, но в космосе, в конце концов, несколько просторнее, чем здесь. Да и орбиты кораблей запутаны меньше, чем улицы, по которым Саундерс добирался до отеля. Все попытки спрямить улицы Лондона неизменно оканчивались крахом, и на последнюю сотню ярдов путешествия у него ушло пятнадцать минут.

Он стянул пиджак и благодарно растянулся на кровати. Его ждут три спокойных беззаботных дня. В такое с трудом верилось.

И не напрасно. Едва он облегченно выдохнул, зазвонил телефон:

— Капитан Саундерс? Я так рад, что мы вас отыскали. Я с Би-Би-Си. У нас есть программа «Гость города», и мы хотим вам предложить...

Стук захлопнувшегося люка показался Саундерсу приятнейшим за последние несколько дней звуком. Теперь он в безопасности: никто до него не доберется в этой бронированной крепости, которая вскоре окажется далеко в просторах космоса. Дело было вовсе не в том, что с ним скверно обращались: наоборот, с ним обращались слишком хорошо. Он четыре раза (или пять?) появлялся в различных телепрограммах, сбился со счета, попытавшись вспомнить, на скольких приемах побывал, приобрел несколько сотен новых друзей и (как подсказывала распухшая от впечатлений голова) позабыл всех старых.

— Кто пустил слух, — поинтересовался он у Митчелла, встретившись с ним в порту, — будто англичане замкнуты и холодны? Да помогут мне небеса, если я когда-либо повстречаю *экспансивного* англичанина.

— Насколько я понял, вы хорошо провели время.

— Спросите меня завтра. Возможно, к тому времени я успею восстановить душевное равновесие.

— Вчера вечером я вас видел по телевизору, — заметил Чамберс. — У вас был очень усталый вид.

— Спасибо: как раз подобного утешения мне сейчас и не хватало. Хотел бы я посмотреть, как вы отыскиваете синоним к слову «скучный», если накануне легли спать лишь в три часа ночи.

— Пресный, — тут же предложил Чамберс.

— Вялый, — не остался в долгу Митчелл.

— Вы выиграли. А теперь давайте проведем генеральную проверку и посмотрим, как справились с работой инженеры.

Усевшись перед панелью управления, Саундерс быстро превратился в квалифицированного специалиста. Он снова был дома, а на тренировках он время зря не тратил. Саундерс точно знал, что следует делать, и выполнял все с автоматической точностью. Сидящие по бокам от него Митчелл и Чамберс проверяли свои инструменты и переговаривались с диспетчерской.

На сложную предполетную проверку у них ушел почти час. Когда последняя страница инструкций украсилась последней подписью, а последняя красная лампочка на

контрольной панели сменилась зеленой, Саундерс устало откинулся на спинку кресла и закурил. До взлета осталось десять минут.

— Когда-нибудь, — сказал он, — я вернусь в Англию инкогнито и попробую узнать главный секрет англичан. Не понимаю, как вы ухитрились затолкать столько людей на маленький остров и не дали ему утонуть.

— Ха, — фыркнул Чамберс. — Видели бы вы Голландию. По сравнению с ней в Англии просторно как в Техасе.

— И еще этот ваш интерес к королевской семье. Знаете, где бы я ни был, меня обязательно спрашивали, как мне понравился принц Генри, о чем мы разговаривали, согласен ли я с тем, что он очень приятный парень, и так далее. Если честно, меня от этого уже тошнит. Не понимаю, как вы ухитряетесь выдерживать такое вот уже тысячу лет?

— Не думайте, будто королевская семья была настолько популярна всегда, — ответил Митчелл. — Помните, что стало с Чарльзом Первым? И кое-что из того, что мы говорили о ранних Георгах, звучит столь же грубо, как и то, что говорили позднее ваши соотечественники.

— Так уж вышло, что нам нравятся традиции, — добавил Чамберс. — Мы не боимся изменений, когда для них наступает время, но в том, что касается королевской семьи... что ж, это явление уникальное, и мы им весьма гордимся. Примерно так, как вы гордитесь статуей Свободы.

— Не очень удачный пример. Я не считаю правильным возносить людей на пьедестал и относиться к ним так, точно они... полубоги. Возьмите, к примеру, принца Генри. Как думаете, появится ли у него когда-нибудь шанс заниматься тем, чего ему действительно хочется? Когда я был в Лондоне, то трижды видел его по телевизору. Первый раз он открывал где-то новую школу, затем произносил речь перед Почтенным Обществом Рыботорговцев в Зале гильдии (клянусь, я ничего не сочиняю!), а потом принимал приветственный адрес от какого-то провинциального мэра. Да я лучше в тюрьму сяду, чем соглашусь на такую

жизнь. Ну почему вы не можете оставить бедного парня в покое?

Митчелл и Чамберс впервые не приняли вызов, сохранив несколько напряженное молчание. Поделом мне, решил Саундерс. Нечего было распускать язык; теперь я задел их чувства. Надо было вспомнить где-то прочитанный совет: «У британцев есть две религии — крикет и королевская семья. Никогда не пытайтесь критиковать любую из них».

Неловкое молчание прервал голос диспетчера космопорта:

— Башня — «Кентавру». Ваша взлетная трасса чиста. Взлет разрешается.

— Программа взлета запущена! — ответил Саундерс, щелкая главным переключателем. Затем он откинулся на спинку кресла, обозревая всю панель управления. Руки с пульта он убрал, но был готов к мгновенным действиям.

Он был напряжен, но полностью уверен в себе. Сейчас кораблем командовал мозг, возможности которого превосходили способности человеческого, — мозг из металла, кристаллов и мгновенных потоков электронов. При необходимости капитан мог взять управление на себя, но он и прежде никогда не поднимал корабль вручную и не ожидал, что ему когда-либо придется это делать. Если автоматика откажет, он отменит старт и подождет, пока техники ликвидируют неисправность.

Включился главный генератор поля, и «Кентавр» утратил вес. Корпус и каркас корабля протестующе застонали, когда их внутренние напряжения перераспределились. Изогнутые балки стартовой колыбели избавились от нагрузки; теперь малейший порыв ветра мог унести грузовой корабль в небо.

— Ваш вес равен нулю. Проверьте калибровку, — приказал диспетчер.

Саундерс взглянул на приборы. Направленная вверх тяга поля сейчас точно уравнивала вес корабля, и показания индикатора тяги должны совпасть с суммарной массой корабля и груза. По крайней мере однажды эта

проверка выявила наличие «зайца» на борту корабля — чувствительности приборов для этого хватало.

— Миллион пятьсот шестьдесят тысяч четыреста двадцать килограммов, — прочитал Саундерс показание индикатора тяги. — Очень неплохо, совпадает с расчетной с точностью плюс-минус пятнадцать килограммов. У меня впервые недогрузка. Мог бы прихватить побольше сладостей для своей пухленькой подружки в Порт-Лоуэлле, Митч.

Второй пилот кисло улыбнулся. У него до сих пор тянулся роман с девушкой на Марсе, с которой он познакомился заочно, после чего приобрел совершенно ненужную ему репутацию любителя изящных блондинок.

Никто не ощущал движения, но «Кентавр» теперь падал в летнее небо, потому что его вес был не просто нейтрализован, а обращен. Для наблюдателей внизу он превратился в быстро взлетающую звезду, в пронзающий облака серебристый шар. Синева атмосферы постепенно переходила в вечную черноту пространства. Подобно бусине, ползущей по невидимой нити, грузовоз двигался вдоль луча радиоволн, который проведет его от планеты к планете.

Это его двадцать шестой старт с Земли, подсчитал капитан. Но ощущение чуда никогда не умрет, как никогда не отвыкнет он от чувства силы, возникающего у него, когда он сидит за панелью управления, командуя мощью, о которой древние боги человечества могли лишь мечтать. Ни один из стартов не походил на другой: иногда они взлетали на рассвете, иногда навстречу закату, иногда в затянутое облаками небо, а иногда в искрящуюся ясную голубизну. Пространство неизменно, но на Земле никогда ничего не повторяется, поэтому никто еще не смотрел дважды на один и тот же ландшафт или на одно и то же небо. Внизу, где волны Атлантики вечно маршировали в сторону Европы, и высоко над ними — но далеко внизу под «Кентавром»! — тот же ветер, что гнал волны, подгонял и блистающие на солнце стайки облаков. Англия начала сливаться с континентом, а береговая линия Европы сократилась и окуталась дымкой, уползая за кривизну

планеты. На западе пятнышком на горизонте показался кончик Америки. Саундерс одним взглядом мог окинуть океанские лиги, которые Колумб преодолевал пятьсот лет назад.

С бесшумностью мощного зверя корабль стряхнул с себя последние оковы Земли. Для внешнего наблюдателя единственным признаком выделяемой кораблем энергии было тускло-красное свечение пластин радиаторов на экваторе грузовоза, через которые в пространство уходили тепловые потери конверторов массы.

«14:03:45, — аккуратно занес Саундерс в бортовой журнал. — Первая космическая скорость набрана. Отклонение от курса минимальное».

Делать эту запись особого смысла не было. Скромная скорость в двадцать пять тысяч миль в час, бывшая почти недостижимой целью для первых космонавтов, сейчас уже не имела практического значения, поскольку «Кентавр» продолжал разгоняться и еще несколько часов будет набирать скорость. Но этот рубеж имел четкое психологическое значение. До этого момента, если откажет генератор, они упали бы обратно на Землю. Но теперь ее притяжение уже не сможет до них дотянуться: они обрели свободу космоса и вправе сами выбирать, к какой планете направиться. На практике, само собой, Саундерсу придется очень несладко, если он не выберет Марс и не доставит туда груз по графику. Но, как и все космонавты, капитан Саундерс был в душе романтиком и даже в таком рутинном рейсе иногда мечтал о величественном окольцованном Сатурне или о темных пустынях Нептуна, освещенных пятнышком бесконечно далекого Солнца.

Через час после взлета, соблюдая установившийся ритуал, Саундерс предоставил курсовому компьютеру заниматься своим делом и достал три бокала, постоянно прописанные за столиком с картами. Произнося традиционный тост за Ньютона, Оберта и Эйнштейна, он задумался над происхождением этой небольшой церемонии. Экипажи космических кораблей повторяли ее вот уже минимум шестьдесят лет. Наверное, у истоков ее стоит тот самый легендарный инженер-ракетчик, который произнес: «Я за

шестьдесят секунд сжигаю больше алкоголя, чем вы продали за все время, пока работает ваш паршивый бар».

Через два часа они ввели в компьютер последние поправки, сообщенные станциями слежения на Земле. Отныне, пока Марс не превратится в планету прямо по курсу, экипаж был волен заниматься чем угодно. Мысль грустная и одновременно как-то странно бодрящая. Их на корабле всего трое — и никого больше на миллионы миль вокруг.

В тот момент взрыв атомной бомбы потряс бы капитана меньше, чем внезапно послышавшийся скромный стук в дверь кабины...

Никогда в жизни Саундерс не испытывал такого испуга. Испустив вопль, который вырвался у него быстрее, чем он успел его подавить, он вскочил из кресла и взмыл на целый ярд. Искусственная гравитация корабля опустила его на место. Чамберс и Митчелл, однако, проявили традиционную британскую флегматичность. Они лишь обернулись, посмотрели на дверь и стали ждать приказов капитана.

Саундерс пришел в себя лишь через несколько секунд. Окажись он в, так сказать, нормальной аварийной ситуации, он уже успел бы наполовину облачиться в скафандр. Но стук в дверь кабины, когда весь экипаж сидит рядом с ним, трудно назвать честным испытанием.

Безбилетнику на корабль обратиться попросту невозможно. Угроза эта с самого начала коммерческих полетов была настолько очевидной, что для ее предотвращения были разработаны строжайшие меры предосторожности. Саундерс знал, что один из его офицеров постоянно находился на борту во время погрузки и пробраться незамеченным мимо него не смог бы никто. После погрузки Митчелл и Чамберс выполняли еще и тщательнейшую предполетную проверку. И наконец, корабль взвешивался в момент старта; уж *это* давало окончательный ответ. Нет, безбилетник никак не мог...

Стук в дверь повторился. Капитан сжал кулаки и стиснул челюсти. Через минуту, решил он, этот романтический идиот очень и очень пожалеет о своем поступке.

— Откройте дверь, мистер Митчелл! — рывкнул Саундерс. Второй пилот плавно поднялся, пересек кабину и распахнул дверь.

Молчание, казалось, растянулось на столетие, затем безбилетник, слегка покачиваясь из-за низкой силы тяжести, вошел в кабину. Он сохранял полное самообладание и выглядел очень довольным собой.

— Добрый день, капитан Саундерс, — сказал он. — Прошу меня извинить за столь неожиданное вторжение.

Саундерс сглотнул. Затем, по мере того как кусочки головоломки начали занимать свои места, взглянул сперва на Митчелла, потом на Чамберса. Оба офицера, даже не моргнув, ответили ему взглядами, в которых читалась непробиваемая невинность.

— Так вот, значит, как, — горько пробормотал капитан. Объяснения не требовались: все было совершенно ясно. Он с легкостью представил сложные переговоры, встречи в полночь, фальсификацию записей и выгрузку второстепенных грузов, проведенные за его спиной проверенными и надежными коллегами. Он не сомневался, что их рассказ окажется чрезвычайно интересным, но в тот момент у него не имелось желания его выслушивать — он напряженно вспоминал, что сказано по поводу такой ситуации в «Справочнике по космическому праву». Впрочем, у него уже крепла мрачная уверенность, что справочник окажется для него совершенно бесполезным.

Поворачивать обратно было, разумеется, уже слишком поздно: заговорщики не допустили бы столь элементарного просчета. Ему оставалось только одно: как можно удачнее завершить этот самый сложный полет за всю его карьеру.

Саундерс все еще подбирал в уме подходящую к случаю фразу, когда на панели радио замигал индикатор «СРОЧНО». Принц взглянул на часы.

— Я этого ожидал, — спокойно произнес он. — Наверное, премьер-министр. Думаю, мне лучше самому поговорить с беднягой.

Саундерс тоже так подумал.

— Очень хорошо, ваше королевское высочество, — угрюмо согласился он с интонацией, превратившей титул почти в оскорбление, и, ощутив некоторое облегчение, уселся в углу кабины.

Их действительно вызывал премьер-министр, и, судя по голосу, весьма огорченный. Он несколько раз использовал фразу «ваш долг перед нацией», а когда заговорил о «преданности ваших подданных Короне», у него даже дрогнул голос. Саундерс с некоторым удивлением понял, что премьер-министр говорит искренне.

Пока собеседники эмоционально обменивались мнениями, Митчелл наклонился и шепнул Саундерсу на ухо:

— Старый хрыч сейчас в щекотливой ситуации и прекрасно это понимает. Когда люди узнают, что произошло, они поддержат принца. Все знают, что он уже несколько лет пытался слетать в космос.

— Жаль лишь, что он выбрал *мой* корабль, — заметил Саундерс. — И я не уверен, что его поступок нельзя приравнять к мятежу.

— Черта с два. Помяните мое слово — когда все кончится, вы станете единственным в Техасе кавалером ордена Подвязки. Разве вам это не понравится?

— Тише! — шикнул на них Чамберс. Принц все еще говорил, и его слова уносились через бездну, отделяющую его сейчас от острова, которым он когда-нибудь будет править.

— Я очень сожалею, господин премьер-министр, что заставил вас встревожиться. Я вернусь при первой же возможности. Во все времена кому-то приходилось совершать некий поступок в первый раз, и я решил, что настало время члену моей семьи покинуть Землю. Полет станет ценным вкладом в мое образование и поможет мне в будущем выполнять свой долг. До свидания.

Принц положил микрофон и подошел к окну — единственному на всем корабле окошку в космос. Саундерс наблюдал за ним — гордым и одиноким, но теперь уже удовлетворенным. И, увидев принца, не сводящего глаз со звезд, он ощутил, как его возмущение и раздражение постепенно испаряются.

Долгое время все молчали. Потом принц Генри отвел взгляд от блистающего великолепия за окном, взглянул на капитана Саундерса и улыбнулся.

— Где здесь камбуз, капитан? — спросил он. — Я уже давно не практиковался, но когда ходил в скаутские походы, то был лучшим поваром в своем патруле.

Саундерс медленно расслабился и улыбнулся в ответ. Напряженность в кабине постепенно рассеивалась. До Марса еще очень далеко, но теперь он знал, что его ждет не такой уж тяжелый полет...

ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА

Специальный груз

До сих пор помню, какое возбуждение царило в 1957 году, когда Советский Союз запустил первые искусственные спутники и сумел подвесить здесь, за пределами атмосферы, несколько фунтов приборов. Конечно, я тогда был мальчишкой, но как и все вечером спешил на улицу, старался высмотреть крохотные светила, которые сверкали в сумеречных небесах над моей головой на высоте сотен миль. Странно, как подумаешь, что некоторые из них летают до сих пор, но теперь они подо мною, и, чтобы увидеть их, надо смотреть вниз, на Землю...

Да, многое переменялось за последние сорок лет. Иногда я начинаю даже опасаться, что для вас там, на Земле, космические станции нечто само собой разумеющееся и вы забываете, сколько умения, знаний, отваги понадобилось, чтобы создать их. Часто ли вы задумываетесь над тем, что через спутники идут все ваши международные телефонные разговоры и большинство телевизионных программ? И часто ли вспоминаете добрым словом здешних синоптиков, благодаря которым прогнозы погоды перестали быть предметом острот (как было во времена наших дедов) и попадают в самую точку в девяноста девяти случаях из ста.

По ту сторону неба
© Л. Жданов, перевод, 1969

Да, несладко нам приходилось, когда я начинал работать на дальних станциях... Мы гнали, торопились закончить сборку и ввести в действие миллионы новых телевизионных и радиоканалов, которые должны были открыться, как только в космосе появится аппаратура, способная послать направленную передачу в любую точку земного шара.

Первые искусственные спутники летали сравнительно низко над Землей, тогда как три станции, образующие великий треугольник «Релейной Цепи», нужно было разместить на высоте двадцати двух тысяч миль, строго над экватором, на равном расстоянии друг от друга. На этой — и только на этой — высоте полный виток занимает ровно сутки, таким образом они всегда оставались бы над одной и той же точкой вращающегося земного шара.

Мне довелось поработать на всех трех станциях, но начинал я на Второй Релейной. Она расположена почти точно над Энтеббе в Уганде, обслуживает Европу, Африку и большую часть Азии. Ныне это — огромное сооружение, несколько сот ярдов в поперечнике, которое одновременно шлет на свое полушарие тысячи программ, обеспечивая полмира радиосвязью. Но когда я впервые увидел станцию из иллюминатора транспортной ракеты, которая доставила меня на орбиту, она больше всего напоминала плывущую в космосе гору металлического лома. Готовые части парили вперемешку, как попало, и казалось, из этого хаоса никогда не возникнет порядок.

Жилые помещения для технического персонала и монтажников были примитивны: несколько отслуживших срок транспортных ракет, с которых сняли все, кроме регенераторов воздуха. Мы их окрестили «скорлупами»; в каждом отсеке только-только помещался один человек и самое необходимое личное имущество. Забавно, не правда ли: живешь среди безграничного космоса, а тебе даже повернуться негде!

Понятно, мы пришли в восторг, услышав, что нам отпущены герметичные квартиры со всеми удобствами, в том числе душ с игольчатыми форсунками, которые работают даже там, где вода — как и все остальное — неведома. Если вы не жили сами на борту набитого битком

космического корабля, вам не понять, как это важно. Наконец-то мы выбросим губки для обтирания и вспомним, что такое настоящая чистота!

И ведь нам обещали не только душевую. К нам с Земли летела надувная комната отдыха, в которой свободно могли разместиться восемь человек, библиотека с микрофильмами, магнитный бильярдный стол, портативные шахматы и прочие новинки для истомившихся космонавтов. Когда мы думали обо всей этой роскоши, теснота в «скорлупах» казалась нам невыносимой, хотя каждый из нас получал тысячу долларов в неделю за то, что выносил ее.

Покинув Зону Второй Заправки, расположенную на высоте двух тысяч миль над Землей, долгожданная ракета с драгоценным грузом должна была за шесть часов прийти до нас. Я в это время был свободен от работы и прильнул к телескопу, у которого проводил большую часть своего скудного досуга. Мне никогда не надоедало рассматривать огромную планету, висевшую в пространстве рядом с нами; если настроить телескоп на максимальную мощность, казалось, что лишь несколько миль отделяет вас от Земли. При хорошей видимости, когда не было облаков, я легко различал предметы размером с маленький дом. Я не бывал в Африке, однако очень хорошо с ней познакомился в свободное время на Второй Релейной. Вы можете не поверить, но я часто видел в степи движущихся слонов, а огромные стада зебр или антилоп и подавно было просто отличить — они перемещались на широких просторах резерваций будто ожившие волны. Но больше всего я любил смотреть, как над горами в сердце континента занималась заря. Солнечный свет могучей полосой шел через Индийский океан, и новый день затмевал крохотные галактики городов, мерцающие во мраке подо мной. Задолго до того как лучи светила дотягивались до равнин Восточной Африки, вершины Килиманджаро и Маунт-Кения начинали сверкать, точно алмазные звезды в недрах ночи. Но солнце поднималось все выше, и день стремительно скатывался по склонам, наводняя светом долины. Я видел Землю в первой четверти, затем наступало «полноземие».

Двенадцать часов спустя можно было наблюдать все в обратном порядке, и те же вершины улавливали послед-

ний луч заходящего солнца. Некоторое время они еще сияли над узкой полосой сумерек, потом Земля, вращаясь, уходила во мрак, и над Африкой спускалась ночь...

Но сейчас меня занимала не красота земного шара. Я вообще не глядел на Землю, а только на бело-голубую звезду над западной каймой планетного диска. Грузовой корабль-автомат был в тени Земли, и я видел жаркое пламя его ракетных двигателей, которые несли корабль на высоту двадцати тысяч миль.

Мне так часто случалось следить за подходом ракет, что я знал наизусть все их маневры. И когда я заметил, что ракетные двигатели, вместо того чтобы потухнуть, продолжают ярко светиться, мне тотчас стало ясно: что-то не так. С чувством бессильной ярости и отчаяния наблюдал я, как долгожданная душевая — и, что хуже всего, наша почта! — набирая скорость, устремляются по непредусмотренной орбите. Автопилот отказал. Будь на борту человек, он взял бы на себя управление и выключил двигатели, теперь же все горючее, припасенное для возвращения, обратилось в непрерывный поток энергии.

К тому времени как баки опустели и далекая звезда, погаснув, пропала из поля зрения моего телескопа, следящие устройства уже подтвердили то, что я и без того знал. Грузовая ракета летела слишком быстро, чтобы земное тяготение могло удержать ее: она мчалась в космические дебри за Плутоном...

Мы надолго пали духом, а тут еще кому-то из вычислительного центра пришло в голову рассчитать, что будет дальше с заблудившимся транспортом. Ведь в космосе ничто не пропадает безвозвратно. Определите орбиту ракеты, и до скончания времен будет известно, где она находится в каждую секунду. И, глядя на то, как наша команда отдыха, наша библиотека, наши шахматы, наша почта удаляются к периферии Солнечной системы, мы знали, что в один прекрасный день все вернется, вернется в полной сохранности. Если у нас будет наготове корабль, ничего не стоит перехватить транспорт, когда он снова приблизится к Солнцу — ранней весной 15 862 года нашей эры.

Пернатый друг

Насколько мне известно, никто официально не запрещал держать на космических станциях комнатных животных. Просто никому не приходило в голову, что это необходимо; но если бы даже запрет существовал, я уверен, что Свен Ульсен все равно пренебрег бы им.

Вы, конечно, представляете себе Свена таким северным богатырем — рост шесть футов шесть дюймов, телосложение быка и соответствующий голосина. Будь это так, он вряд ли мог бы рассчитывать на работу в космосе; на деле Свен, подобно всем «космачам» той поры, был жилистый коротышка, и ему не стоило никакого труда держаться в пределах 150-фунтовой весовой нормы, которая многих из нас обрекала на голодную диету.

Свен был один из наших лучших монтажников, он отлично справлялся со своей работой, требующей искусных рук и особого навыка: ловить свободно парящие фермы того или иного комплекта, дирижировать своеобразным замедленным балетом в трех измерениях, так чтобы фермы занимали предназначенное им место, и сваривать узлы, когда все части подогнаны в точном соответствии с чертежами... Мне очень нравилось смотреть, как его бригада собирает космическую станцию, точно огромную мозаику. А работа была не только замысловатая, но и утомительная: космический скафандр — далеко не самая удобная спецодежда. Зато у людей Свена было большое преимущество перед высотниками, которые на Земле строят небоскребы. Они могли отойти назад и полюбоваться произведением своих рук, не опасаясь, что тяготение тотчас разлучит их с ним...

Не спрашивайте меня, почему Свен решил завести комнатное животное и чем объяснить его выбор. Я не психолог, но должен признать, что он выбрал очень разумно. Клерибел практически не занимала места, ее паек был бесконечно малой величиной, наконец, она — в отличие от большинства других животных, очутись они на ее месте, — нисколько не страдала от невесомости.

Впервые я обнаружил присутствие на борту Клерибел, когда, сидя в закутке, смея ради именуемом моей кон-

торой, проверял по спискам наличие в подведомственном мне техническом складе, чтобы знать, какие артикулы на исходе. Услышав над самым ухом мелодичный свист, я решил, что включилась внутренняя селекторная связь, и стал ждать объявления. Но объявления не последовало, зато прозвучала такая долгая и затейливая трель, что я вскинул голову, совсем забыв о металлическом кронштейне в стенке за своей спиной. И когда искры перестали сыпаться у меня из глаз, я увидел Клерибел.

Крохотная желтая канарейка неподвижно висела в воздухе — совсем как колибри, только ей это не стоило никаких усилий, прижатые к туловищу крылышки отдыхали. С минуту мы глядели друг на друга, затем, прежде чем я успел окончательно прийти в себя, она исполнила в воздухе этакое заднее сальто, которого ни одна земная канарейка не сумела бы повторить за ней, и исчезла, легонько взмахнув крыльями. Было очевидно, что она великолепно освоилась с невесомостью и не одобряет лишних усилий.

Свен долго не признавался, что он хозяин Клерибел, а потом это потеряло всякое значение, потому что она стала всеобщей любимицей. Он провез ее контрабандой с Земли на последней транспортной ракете, возвращаясь из отпуска, — отчасти, по его словам, из чисто научного интереса. Дескать, захотелось узнать, как поведет себя птица, утратив вес, но сохранив свои крылья.

Клерибел чувствовала себя отлично и поправлялась. В общем-то нам не стоило большого труда прятать недозволенную гостью, когда с Земли являлись Высокопоставленные Персоны. На космической станции несметное количество укромных уголков. Единственная трудность была связана с тем, что Клерибел в минуту волнения становилась довольно шумной особой, и нам не раз приходилось на ходу придумывать объяснения странному писку или свисту, который вырывался из вентиляционных шахт или складских чуланов. Порой все висело на волоске, но кому придет в голову искать на космической станции канарейку?!

У нас была установлена двенадцатичасовая вахта — не так страшно, как это может показаться, потому что в

космосе человек спит мало. Разумеется, когда постоянно купаешься в лучах солнца, «дня» и «ночи» нет, но все-таки мы соблюдали привычное деление суток. И уж во всяком случае, когда я проснулся в то «утро», самочувствие было в точности как в шесть утра на Земле: ноющая головная боль и смутные воспоминания о беспорядочных, путаных сновидениях. Я страшно долго возился с предохранительными ремнями и совершенно ошалелый пошел в столовую, где собралась дежурная смена. Завтрак проходил необычно тихо, одно место за столом пустовало.

— Где Свен? — спросил я довольно равнодушно.

— Ищет Клерибел, — ответил кто-то. — Говорит, куда-то запропастилась. Обычно она будит его по утрам.

Не успел я сказать, что она будит и меня тоже, как вошел Свен, и по его лицу сразу было видно, что случилась беда. Он осторожно разжал пальцы — на ладони лежал желтый комочек, печально торчали в воздухе две лапки с поджатыми когтями.

— Что с ней? — спросили мы.

Душераздирающее зрелище всех одинаково потрясло.

— Не знаю, — угрюмо ответил Свен. — Я ее такую нашел...

— Ну-ка, поглядим, — сказал Джок Дункан, наш повар-врач-диетолог.

Мы ждали, примолкнув, пока он, поднеся Клерибел к уху, пытался уловить биение сердца.

Джок покачал головой:

— Ничего не слышу. Но это еще не значит, что она мертва. Мне не приходилось прежде выслушивать канареек, — добавил он виновато.

— Дать ей глоток кислорода, — предложил кто-то, показывая на перепоясанный зеленой полоской аварийный баллон в нише возле двери.

Все согласились, что это отличная мысль, и Клерибел аккуратно накрыли маской, которая вполне могла заменить ей кислородную палатку.

И птаха тотчас ожила! Свен, широко улыбаясь, убрал маску, Клерибел вскочила ему на палец, издала свои обычные трели на мотив «В камбуз, ребята!» — и тут же опять упала лапками кверху.

— Ничего не понимаю, — пожаловался Свен. — Что с ней такое? Никогда она так себя не вела...

Уже несколько минут что-то тихонько копошилось в моей памяти. В то утро голова у меня работала скверно, я никак не мог совсем очнуться от сна. Не мешало бы и мне кислороду вдохнуть... Но прежде чем рука дотянулась до маски, меня осенило. Я резко повернулся к дежурному инженеру:

— Джим! Что-то не в порядке с воздухом! Вот почему Клерибел не выдерживает. Я вспомнил: когда-то шахтеры брали с собой канареек под землю, они предупреждали, если в шахте появлялся газ.

— Взор! — ответил Джим. — Приборы давно подняли бы тревогу. У нас параллельная сигнализация.

— Гм... Вторая система еще не включена, — напомнил ему помощник.

Джим переменялся в лице и молча исчез из столовой; мы стояли, толкуя о случившемся и передавая друг другу кислородный баллон наподобие трубки мира.

Джим вернулся через десять минут, и вид у него был слегка пришибленный. Случилось то, чего никто не мог предвидеть, несколько совпадений одновременно: ночью было солнечное затмение — мы попали в тень Земли, замерзла одна из секций регенератора воздуха и не работала единственная действующая сигнализация. Электронные и химические аппараты стоимостью в полмиллиона долларов подвели нас. Не будь Клерибел, мы очень скоро отправились бы к праотцам.

Так что, если вы попадете на космическую станцию, не удивляйтесь, неожиданно услышав птичьи трели. Никакого повода для беспокойства, напротив: это будет означать, что вы застрахованы вдвойне, притом практически без дополнительных расходов.

Сделайте глубокий вдох

Я уже давно заметил, что люди, которые никогда не покидали Землю, очень странно представляют себе условия в космосе. Так, всякий «знает», что человека, очутившегося без скафандра в безвоздушном пространстве за

пределами атмосферы, ожидает мгновенная страшная смерть. В популярной литературе вы найдете множество кровавых описаний, как взрываются космонавты, и я не буду портить вам аппетит пересказом. Кстати, в основе многие из этих рассказов справедливы. И мне самому приходилось в последнюю секунду вытаскивать из воздушного шлюза растяп, которые не заслуживали славного звания космонавтов.

Но ведь из всякого правила есть исключения, так и тут. Мне ли не знать — на себе испытал!

Мы заканчивали монтаж Второго Релейного Спутника; все главные узлы были собраны, жилые помещения герметизированы, и станции придали медленное вращение вокруг собственной оси, восстановив чувство тяжести, от которого мы успели отвыкнуть. Я сказал «медленное», однако обод нашего двухсотфутового колеса вращался со скоростью тридцати миль в час. Движения мы, понятно, не замечали, но центробежная сила, вызванная вращением, вернула нам около половины нашего земного веса. Этого оказалось достаточно, чтобы предметы перестали произвольно парить в пространстве и вместе с тем мы не чувствовали себя слишком уж неповоротливыми после многих недель полной невесомости.

В ту ночь когда это произошло, наша четверка спала в тесной цилиндрической кабине, известной под наименованием Шестого Кубрика. Она находилась на самом краю обода станции. Представьте себе велосипедное колесо, у которого шину заменяет гирлянда сосисок; ну так вот — Шестой Кубрик был одной из «сосисок», и мы мирно дремали внутри ее.

Разбудил меня внезапный толчок — не такой сильный, чтобы я встревожился, но, во всяком случае, я сел на койке, недоумевая, что случилось. На космической станции все необычное настораживает, и я нажал тумблер внутреннего селектора.

— Алло, Центральная, что случилось?

Никакого ответа, линия не работала.

Это уже серьезно; я соскочил с койки — и совсем опешил: *тяготение отсутствовало*. Я взлетел к потолку,

но успел схватиться за стойку и остановить полет, растянув руку.

Не может вся космическая станция вдруг перестать вращаться. Ответ мог быть лишь один... Выход из строя селектора и — как я тотчас обнаружил — осветительной сети открыл нам страшную истину: мы уже не часть станции, каким-то образом наша кабина оторвалась, и ее швырнуло в пространство. Так отлетает, упав на вращающийся маховик, дождевая капля.

Иллюминаторов не было, наружу не выглянешь, однако мы не сидели в крошечной тьме — включилось аварийное освещение, работающее от батарей. Клапаны воздушной магистрали автоматически замкнулись, едва стало падать давление, и мы могли бы некоторое время существовать в нашей маленькой атмосфере, хотя она и не обновлялась. Увы, непрекращающийся свист дал нам понять, что воздух уходит в какую-то пробоину.

Мы могли только гадать, какова судьба космической станции. Кто знает, может быть, все сооружение разбито вдребезги и наши товарищи либо погибли, либо, как и мы, летят через космос в дырявых банках с воздухом... Оставалось надеяться, что мы одни оказались жертвами крушения, что станция в общем цела и за нами послан спасательный отряд. Все-таки мы удалялись со скоростью не больше тридцати миль в час, и любой из реактивных скутеров мог за несколько минут догнать нас.

На самом деле им потребовалось около часа, хотя, если бы не мои часы, я никогда бы не поверил, что нас нашли так быстро. Мы уже начали задыхаться, всего лишь одно деление отделяло от нуля стрелку прибора на нашем единственном аварийном кислородном баллоне...

Стук в обшивку прозвучал для нас словно сигнал из другого мира. Мы отчаянно застучали в ответ, и сейчас же к нам донесся глухой голос. Кто-то снаружи прижался шлемом скафандра к металлу обшивки, и простейшая звукопроводимость позволяла нам слышать его. Не так отчетливо, как радио, разумеется, но понять можно.

Пока шел военный совет, стрелка манометра медленно сползла к нулю. Прежде чем нас отбуксируют к станции, мы будем мертвы... Но спасательный корабль рядом, в

нескольких футах от нас, его воздушный шлюз открыт. Вот только как пересечь эти несколько футов без скафандра!

Мы тщательно все продумали и взвесили, отлично понимая, что бисировать не придется. Напоследок сделали по последнему глубокому вдоху из кислородного прибора, очищая легкие. И когда все приготовились, я постучал в стенку, давая сигнал нашим друзьям.

Прерывистый стрекот... Это электрические инструменты принялись обрабатывать тонкую скорлупу кабины. Зная, что последует, мы изо всех сил ухватились за стойки, стараясь держаться подальше от будущего входа. Все произошло настолько быстро, что ум не поспевал за событиями. Кабина словно взорвалась, меня обдало могучим вихрем, остатки воздуха вырвались из легких через непроизвольно открывшийся рот. А затем — предельная тишина и алмазы звезд в зияющем отверстии, которое обозначало путь к жизни.

Уверяю вас, мне некогда было анализировать свои ощущения. Кажется (я вовсе не уверен, что все это не плод воображения), я ощутил резь в глазах, и словно иголки кололи все тело. И было очень холодно, возможно потому, что тотчас начала испаряться влага с поверхности тела.

Одно я помню точно — неприятную тишину. На космической станции не бывает полного безмолвия, всегда рокочут двигатели или шумят воздушные насосы. А тут — абсолютная тишина вакуума, пустоты, где нет ни одной частицы воздуха, которая могла бы переносить звук.

Мы почти одновременно бросились в брешь в корпусе, под лучи пылающего солнца. Меня ослепило, но это не играло роли, потому что спасатели в скафандрах сразу же подхватили нас и толкнули в переходную камеру. По мере того как в ней накапливался воздух, постепенно возродился звук, и мы вспомнили, что здесь можно дышать. Потом нам рассказали, что вся операция длилась двадцать секунд...

Итак, мы оказались членами-учредителями Клуба Глотателей Пустоты. С тех пор не менее десятка человек, попав в аварию, проделали то же самое. Рекорд пребыва-

ния в пустоте равен теперь двум минутам; затем кровь начинает пузыриться, так как закипает при температуре тела, и пузырьки быстро попадают в сердце.

И последствий не было, кроме одного. С четверть минуты пробыл я в лучах настоящего солнца, а не того хилого света, который просачивается сквозь земную атмосферу. Глоток космоса не принес мне ни малейшего вреда, но кожу я сжег, как никогда в жизни.

Космическая свобода

Наверное, мало кто из вас представляет себе, как жили люди, прежде чем релейные спутники дали нам действующую ныне систему всемирной связи. В моем детстве нельзя было передать телевизионные программы через океан, даже обеспечить надежную дальнюю радиосвязь, не подцепив по пути богатой коллекции шумов и разрядов. А теперь свободные от помех каналы для нас самое обычное дело, мы ничуть не удивляемся, когда видим друзей по ту сторону земного шара так же отчетливо, как если бы стояли лицом к лицу с ними. И ведь без релейных спутников рухнула бы вся система мировой индустрии и торговли. Какая из ведущих мировых экономических организаций смогла бы сопрягать разбросанные по всему миру центры «электронного мозга», если бы мы на космических станциях не передавали деловые послания вокруг шарика?

Но когда мы в конце семидесятых годов монтировали станции Релейной Цепи, все это было еще делом будущего. Я уже рассказал о некоторых наших трудностях и злоключениях; они были достаточно серьезны, однако мы все одолели. Три станции в космосе вокруг Земли перестали быть беспорядочным нагромождением ферм, воздушных баллонов и герметичных пластиковых кабин. Кончилась сборка, мы заняли свои отсеки и стали работать в человеческих условиях, не стесненные скафандрами. Станции медленно вращались, и к нам вернулось тяготение. Не настоящее земное тяготение, конечно, но центробежная сила создает и в космосе те же самые ощущения.

Приятно было налить бокал и сесть в кресло, не боясь, что тебя унесет ветерком.

Монтаж трех станций кончился, но еще не меньше года мы устанавливали радио- и телевизионную аппаратуру, которой предстояло взять на свои космические плечи бремя земных коммуникаций. Наконец мы пустили первый телевизионный канал между Англией и Австралией. Направленный сигнал поступил с Земли к нам на Вторую Релейную, расположенную над центром Африки, мы ретранслировали его на Третью Релейную, подвешенную над Новой Гвинеей, а оттуда он вернулся на Землю, чистенький как стеклышко, несмотря на путешествие в девяносто тысяч миль.

Впрочем, это была лишь проверка, инженеры испытывали аппаратуру. Официальное открытие линии должно было стать величайшим событием в истории мировых коммуникаций. Готовилась тщательно разработанная глобальная телепередача с участием всех стран; впервые телевизионным камерам предстояло за три часа обрыскать весь свет, возвещая человечеству, что рухнул последний барьер, воздвигнутый расстояниями.

Циники уверяли, что разработка этой программы потребовала не меньших усилий, чем само создание космических станций. Причем всего труднее было выбрать «церемониймейстера» — ведущего, которому предстояло объявлять номера небывалого глобального спектакля для половины человечества.

Одному Богу известно, что делалось за кулисами: сговор, шантаж, явное подсиживание... Так или иначе, за неделю до великого дня к нам прилетела внеочередная ракета с Грегори Уэнделлом на борту. Это было совсем неожиданно, ведь Грегори не пользовался среди телезрителей такой известностью, как, скажем, Джефферс Джексон в США или Винс Клиффорд в Англии. Видно, главные фавориты подсидели-таки друг друга и Грег получил заманчивое назначение благодаря одному из тех компромиссов, которые так хорошо известны политиканам.

Уэнделл начинал свою карьеру рядовым диктором одной из университетских радиостанций американского Среднего Запада, потом вел программы ночных клубов Голли-

вуда и Манхэттена, и наконец ему поручили ежедневную передачу во всеамериканском вещании. Не считая покровительственно-непринужденного тона, главным активом Грега был глубокий, бархатный голос — видимо, дар негритянских предков. Даже если вы вовсе не соглашались с тем, что он говорил, если он всю душу из вас выматывал своим интервью, все равно слушать его было одно удовольствие.

Мы показали Грегу всю космическую станцию, даже (вопреки правилам) вывели его через воздушный шлюз в космос, облачив в скафандр. Ему все пришлось по душе, но две вещи особенно понравились.

— Воздух у вас тут куда лучше той дряни, которой мы дышим в Нью-Йорке, — сказал он. — В первый раз с тех пор как я на телевидении, моя носоглотка в порядке.

И еще он одобрил меньшее тяготение: на ободке станции человек весил половину земного веса, а возле оси — вообще ничего.

Однако новизна окружения не отвлекла Грега от работы. Он по многу часов проводил в Центральной Аппаратной — размечал сценарий, отрабатывал свои реплики, изучал дюжины мониторов, которым предстояло быть его окнами в мир. Однажды я застал его, когда он репетировал представление королевы Елизаветы, которая должна была говорить из Бэкингемского дворца в самом конце программы. Он настолько увлекся, что даже не заметил меня, хотя я стоял рядом.

Да, эта телепередача вошла в историю. Впервые миллиард людей одновременно смотрел программу, которая создавала эффект присутствия в любом уголке Земли, зрители наблюдали переключку виднейших граждан мира. Сотни камер на земле, в небесах и на море пылливо всматривались во вращающийся земной шар; и в конце на экране появилась великолепная панорама Земли. Благодаря трансфокатору в камере, установленной на спутнике, наша планета как бы медленно удалялась, пока не затерялась среди звезд...

Конечно, не обошлось без накладок. Одна камера, установленная на дне Атлантического океана, не включилась своевременно, и пришлось зрителям дольше задуманного

любоваться Тадж-Махалом. Из-за неправильного соединения русские субтитры легли на картинку, идущую на Южную Америку; в это время половина Советского Союза пыталась читать по-испански. Но это мелочи перед тем, что могло случиться...

И все три часа, одинаково непринужденно представляя знаменитых людей и неизвестных, звучал красивый, но ничуть не манерный голос Грегга. Он превосходно выполнил свою задачу, и, как только передача кончилась, с Земли посыпались поздравления. Правда, ведущий их не слышал: после переговоров со своим агентом он лег спать.

На следующее утро его ждала идущая на Землю ракета, а на Земле — любая должность, какую он только пожелает. Но ракета ушла без Грегга Уэнделла, отныне младшего диктора Второй Релейной.

— Они решат, что я свихнулся, — сказал он, радостно улыбаясь. — Но на что мне сдалась вся их мышинная возня? Здесь я вижу всю Вселенную, воздух здесь чистый, никакого смога, тяготение такое, что я чувствую себя Геркулесом, и мои бывшие жены, эти три души, не смогут до меня добраться.

Грег послал уходящей ракете воздушный поцелуй.

— До свидания, Земля! — крикнул он. — Я вернусь, как только начну тосковать по заторам на Бродвее и мглистым рассветам. А одолеет ностальгия — достаточно нажать кнопку, и я увижу любой уголок планеты. Здесь я по-настоящему в гуще событий, не то что на Земле. А захочу — могу совсем отгородиться от человеческого рода.

Продолжая улыбаться, он смотрел, как ракета начинает свое долгое падение на Землю, где богатство и слава напрасно ждали его. Затем, весело насвистывая, восьмифутовыми шагами вышел из контрольного пункта: пора было читать прогноз погоды для Южной Патагонии.

Случайная встреча

Должен сразу же вас предупредить: у этой истории нет конца. Зато начало можно установить точно — я познакомился с Джулией, когда мы учились вместе в Астро-

техе. Я уже был в аспирантуре, она перешла на последний курс факультета физики Солнца, и весь последний год в институте мы встречались довольно часто. У меня до сих пор целая шерстяная шапочка, которую она связала мне, чтобы я не набил себе шишек гермошлемом. (Нет-нет, я никогда ее не надевал, это было бы кощунство!)

Увы, когда меня назначили на Второй Релейный, Джулия попала на Солнечную Обсерваторию — на таком же расстоянии от Земли, но в нескольких градусах восточнее по орбите. Вот так: оба на высоте двадцати двух тысяч миль над центром Африки, а между нами девятьсот миль пустынного, враждебного космоса.

Первое время мы были слишком заняты и не так сильно ощущали боль разлуки. Но когда прошла прелесть новизны и жизнь в космосе стала привычной, наши мысли полетели через разделяющую нас бездну. И не только мысли: я наладил дружбу со связистами, и нам с Джулией удавалось побеседовать, пользуясь межстанционным телеканалом. Правда, почему-то на душе только хуже, когда глядишь друг на друга и не знаешь, сколько еще людей видят вас в то же время. Космическая станция не создана для личной жизни...

Иногда я наводил один из наших телескопов на недосягаемую сверкающую звезду обсерватории. Кристальная чистота космоса допускает огромные увеличения, и я видел все подробности — солнечные телескопы, герметичные сферы, в которых жили сотрудники, карандашники транспортных ракет, прилетавших с Земли. Часто среди аппаратуры двигались фигурки в скафандрах, и я напрягал зрение, тщетно пытаясь их распознать. Даже с нескольких футов трудно узнать человека, облаченного в космический скафандр, и все-таки я не мог удержаться от попытки.

Мы уже покорились необходимости призвать все свое терпение и ждать, ждать полгода до отпуска, и вдруг нам повезло. Еще не прошло и половины нашего срока, когда начальник транспортной секции внезапно объявил, что отправляется с сачком ловить метеоры. Буйным он не стал, но все-таки пришлось вернуть его на Землю. А меня назначили врио; таким образом я, во всяком случае теоретически, стал вольным сыном эфира.

Я повелевал десятью маломощными реактивными скутерами, а также четырьмя ракетами покрупнее для переброски людей и грузов с орбиты на орбиту. О том, чтобы воспользоваться ракетой, нечего было и думать, однако несколько недель тщательной подготовки позволили мне осуществить план, который родился в моей голове через две микросекунды после того, как меня назначили на пост руководителя транспортом.

Не стану рассказывать, как я мудрил с расписанием, бортовыми журналами и горючим, как уговорил товарищей не выдавать меня. Важно то, что примерно раз в неделю я влезал в свой скафандр, пристегивался к каркасу скутера 13 и на малой скорости покидал станцию. Отойдя подальше, давал полный газ, и маленький реактивный мотор мчал меня через девятисотмильную пропасть к обсерватории. Весь путь отнимал минут тридцать, и управление было предельно простое. Я без приборов видел, куда и откуда лечу. И все-таки должен признать, что примерно на полпути я иногда чувствовал себя — как бы это сказать — несколько одиноким, что ли. На пятьсот миль вокруг — ничего плотного, вещественного, и Земля казалась невообразимо далекой. В такие минуты очень помогало настроить свой приемник на волну главной сети и послушать, как переругиваются корабли и станции.

На полпути я разворачивал скутер на сто восемьдесят градусов и начинал торможение. Десять минут спустя обсерватория приближалась настолько, что можно было невооруженным глазом различить детали ее конструкции. И вот уже я подплываю к герметичному пластиковому пузырю, в котором оборудовали спектроскопическую лабораторию. Теперь только воздушный шлюз отделяет меня от Джулии.

Не буду утверждать, что мы говорили только о последних достижениях астрофизики или о том, как выполняется график монтажа спутников. Мы меньше всего думали о таких вещах; и на обратном пути мне всегда казалось, что я лечу невероятно быстро.

Однажды, когда я возвращался домой, вспыхнул радарный сигнал на моей приборной доске. Какой-то крупный предмет стремительно приближался. Метеор, решил

я, может быть, даже небольшой астероид. Но при такой мощности сигналов я должен его видеть. Определив направление, я стал рассматривать созвездия. Мысль о столкновении мне даже в голову не приходила: космос столь невообразимо велик, что я чувствовал себя в сто раз надежнее, чем человек, переходящий улицу на Земле.

Вот она — яркая, заметно растущая звездочка в нижней части Ориона. Уже превосходит по яркости Ригель, а еще через несколько секунд я видел не точку, а диск. Он двигался так быстро, что я едва поспевал следить за ним. Промелькнула крохотная, неправильной формы луна. Замерцала и потухла, удаляясь в своем неотвратимом безмолвном движении.

Наверно, я всего полсекунды отчетливо видел этот... этот предмет, но эти полсекунды с тех пор всегда меня преследуют. Когда я вспомнил про радар, предмет исчез, и я не успел заметить, на какое расстояние он приближался, не успел и определить его истинных размеров. Он мог быть совсем небольшой — если прошел в ста футах от меня, или огромный — если пронесся в десяти милях. В космосе нет чувства перспективы, и если вы не знаете, что у вас перед глазами, вам не определить расстояния.

Конечно, это мог быть огромный метеор необычной формы; я не берусь поручиться, что не обманулся, пытаюсь получше разглядеть быстро движущийся объект. Возможно, я только вообразил, будто увидел смятый, искореженный нос и ряд темных иллюминаторов, напоминающих незрячие глазницы черепа. В одном я не сомневался, хотя видение было отрывочным и мимолетным. Если это был космический корабль, то не из наших. Он выглядел иначе и был очень старый.

Быть может, величайшее открытие всех времен ускользнуло из моих рук, пока я разбирался в своих смятенных мыслях на полпути между двумя станциями. Но я не знал ни скорости, ни направления промелькнувшего предмета, и он уже бесследно исчез в безднах Солнечной системы, унося с собой свою тайну.

Как я должен был поступить? Никто не поверил бы мне, ведь у меня не было никаких доказательств. И напиши я докладную, начались бы неприятности. Я стал бы

посмешищем всей Космической Службы, получил бы выговор за злоупотребление снаряжением — и, конечно же, не смог бы больше видаться с Джулией. А это для меня в том возрасте было важнее всего. Если вы любили, вы поймете меня, если нет — объяснять бесполезно.

Итак, я промолчал. Кто-то иной (сколько веков спустя?) пожнет славу, доказав, что мы не первенцы среди детей Солнца. Чем бы ни был этот предмет, кружащийся по своей вечной орбите, он может ждать, как ждет уже много столетий.

И все-таки я иногда спрашиваю себя: может быть, я все-таки написал бы докладную, если бы знал тогда, что Джулия выйдет замуж за другого?

Зов звезда

Внизу, на Земле, подходит к концу двадцатый век. На темном шаре, заслонившем звезды, я вижу огни сотен бессонных городов, и даже хочется влиться в возбужденные, поющие толпы на улицах Лондона, Кейптауна, Рима, Парижа, Берлина, Мадрида... Да-да, я все их могу охватить одним взглядом — они словно светлячки на фоне ночной планеты. Линия полуночи рассекает сейчас Европу. В восточной части Средиземного моря мерцает яркая звездочка: какой-нибудь ликующий увеселительный корабль расписывает небо лучами своих прожекторов. Не нам ли он шлет сигналы? Очень уж ярко и равномерно мигают сейчас прожекторы... Вызову узел связи, выясню, что за корабль, и пошлю радиопривет от нас.

Уходит в историю, навсегда исчезает в токе времени самое поразительное столетие, какое когда-либо знал мир. Открылось оно покорением воздуха, в середине века отомкнули атом, а конец столетия мы отмечаем переброской мостов в космосе.

(Последние пять минут я пытался понять, что происходит с Найроби, теперь сообразил: там устроили могучий фейерверк. У нас здесь ракеты с химическим горючим — анахронизм, на Земле они сегодня ночью горят повсюду.)

Конец века — и конец тысячелетия. Что принесут столетия, порядковый номер которых будет начинаться с двойки? Планеты, разумеется, в космосе, всего в миле от меня, сейчас парят корабли первой Марсианской экспедиции. Два года я наблюдал, как они постепенно возникают из множества разрозненных частей, подобно этой космической станции, созданной несколько десятилетий назад людьми, вместе с которыми я работал.

Десять космических кораблей готовы, экипажи на борту, ждут только последней проверки аппаратуры и стартового сигнала. Прежде чем настанет полдень первого дня нового века, они порвут пути Земли и улетят к неизведанному миру, который может стать вторым приютом человечества.

И, глядя теперь на небольшой отважный флот, готовый бросить вызов бесконечности, я вспоминаю события сорокалетней давности, дни, когда были запущены первые спутники и Луна еще казалась очень далекой. Вспоминаю также, — впрочем, я этого никогда не забывал, — как отец силился удержать меня на Земле.

Какое только оружие он не пускал в ход! Начал с насмешки.

— Конечно, они это сделают, — говорил он. — Но смысл какой? Кому это нужно — выходить в космос, когда еще столько несделанного на Земле? Во всей Солнечной системе нет больше ни одной планеты, на которой мог бы жить человек. Луна — куча перегоревшего шлака, остальные еще хуже. Мы созданы для жизни на Земле.

Уже тогда (мне было лет восемнадцать) я мог потягаться с ним в вопросах логики. Помню свой ответ:

— Откуда ты можешь знать, где нам назначено жить, папа? Ведь мы почти миллиард лет обитали в море, прежде чем вышли на сушу. Теперь делаем следующий огромный скачок. Я не знаю, куда он нас приведет, — не знала и первая рыба, выползая на берег и нюхая, чем пахнет воздух.

Он не смог меня переспорить и решил испытать приемы потоньше. Без конца рассказывал об опасностях космических путешествий, о том, что всякий, кто по недомыслию связывается с ракетами, сам сокращает себе жизнь.

Тогда человек еще побаивался метеоров и космического излучения, они играли роль мифических чудовищ на никем не заполненных небесных картах — так древние картографы писали: «Здесь еси драконы». Но меня они не пугали, скорее придавали острый привкус опасности моим мечтаниям.

Пока я учился в колледже, отец еще не так волновался. Учение только на пользу, какую бы профессию я потом ни избрал, и ему не на что было жаловаться. Правда, иногда он ворчал, видя, сколько денег я трачу на книги и журналы по астронавтике. Учился я хорошо, что, естественно, радовало отца; возможно, он не задумывался над тем, что успехи в учении помогут мне добиться своего.

Весь последний год учебы я избегал говорить о своих планах. Постарался даже внушить дома (теперь-то я жалею об этом), будто оставил мечты о космосе. Ничего не говоря отцу, я подал заявление в Астротех и был принят, как только закончил колледж.

Гром грянул, когда в нашем почтовом ящике очутился длинный голубой конверт со штампом «Институт технологии астронавтики». Отец обвинил меня в предательстве и неблагодарности; потом я никак не мог простить ему это, ведь он испортил мне радость от мысли, что меня приняли в самое изысканное и почетное учебное заведение, какое знал мир.

Каждые каникулы были испытанием. Если бы не мама, я, наверное, навещал бы домой не чаще одного раза в год. И всякий раз я старался как можно скорее уехать. Мечтал я: отец, смирившись с неизбежным, мало-помалу смягчится, — но этого не произошло.

И вот настала минута натянутого, ужасного прощания на космодроме. Дождь, падая со свинцового неба, барабанил по гладкой обшивке корабля, который словно рвался поскорее взлететь к немеркнущему солнечному свету, подальше от всех бурь. Я знаю, чего стоило отцу смотреть, как ненавистная машина поглотила его единственного сына; сегодня я понимаю многое, что было скрыто от меня тогда.

Когда мы прощались у корабля, он знал, что нам уже не свидеться. И, однако же, упрямая гордость не дала ему

произнести единственные слова, которые могли меня удержать. Мне было известно, что отец болен, но он никому не говорил, что болезнь серьезная. Это единственное оружие, которого он не пустил в ход против меня, и я уважаю его за это.

Остался бы я, если бы знал? Размышлять о необратимом прошлом еще никчемнее, чем гадать о непредвидимом будущем. Могу только сказать: я рад, что мне не пришлось выбирать. В конце концов, он отпустил меня, сдался в борьбе с моей мечтой, а немного позже — и в борьбе со смертью.

Итак, я сказал «до свидания» Земле и отцу, который любил меня, но не умел этого выразить. Он лежит там внизу, на планете, которую я могу заслонить ладонью. Странно подумать, что из множества миллиардов людей, чья кровь струится и в моих жилах, мне первому выпало оставить родной мир...

Новый день занимается над Азией, чуть заметная полоска огня обрамляет восточный край Земли. Скоро, как только Солнце вынырнет из Тихого океана, полоска обратится в пламенный полукруг, а между тем Европа еще готовится ко сну, не считая гуляк, которые встретят рассвет на ногах.

А вот — вон там, со стороны флагманского корабля, — и транспортная ракета идет за последними посетителями со станции. Вот и послание, которого я ждал:

КАПИТАН СТИВЕНС ПРИВЕТСТВУЕТ НАЧАЛЬНИКА КОСМИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ. СТАРТ ЧЕРЕЗ ДЕВЯНОСТО МИНУТ; ОН БЫЛ БЫ РАД ПРИНЯТЬ ВАС СЕЙЧАС НА БОРТУ.

Да, отец, теперь я знаю, что ты чувствовал, время завершило полный круг. Надеюсь, однако, что я извлек урок из ошибок, которые мы с тобой сделали тогда, много лет назад. Я буду помнить о тебе, прощаясь на флагманском корабле «Старфайр» с твоим внуком, которого ты не дождался.

СТЕНА МРАКА

Многочисленны и удивительны миры, плывущие подобно пузырькам пены по Реке Времени. Иные, их очень мало, движутся против или поперек течения; еще меньше таких, что находятся вне его пределов и не ведают ни будущего, ни прошлого. Маленькая вселенная Шервана в их число не входила, ее своеобразие было иного рода. Она насчитывала всего один мир — планету племени Шервана — и одну лишь звезду, великое солнце Трилорн, дающее планете свет и жизнь.

Шерван не знал, что такое ночь, ибо Трилорн всегда парил высоко над горизонтом, спускаясь к нему только в долгие зимние месяцы. Правда, в Стране Вечной Тени каждый год бывала пора, когда Трилорн исчезал за краем планеты и наступала тьма, в которой ничто не могло жить. Но и тогда мрак не был полным, хоть и не было звезд, чтобы его рассеять.

Один в своей маленькой вселенной, вечно обращенный одной и той же стороной к своему одинокому солнцу, мир Шервана был последней и наиболее странной причудой творца звезд.

И однако же мысли, которые наполняли голову Шервана, когда он глядел на земли своего отца, могли родиться в сознании любого из детей человеческого рода. Он ощущал благоговение и любопытство, и немного страха, но надо всем преобладало стремление изведать огромный мир,

---

Стена мрака

© Л. Жданов, перевод, 1966

окружающий его. Пока он был слишком юн для этого, но старинный дом стоял на самой высокой на много миль вокруг точке, и во все стороны открывался вид на край, которым ему владеть. Если повернуться лицом на север, к Трилорну, то вдаль можно было разглядеть длинную гряду гор, которые уходили вправо, становясь все выше и выше, пока не терялись в даях за его спиной — там, где начиналась Страна Вечной Тени. Когда-нибудь, став постарше, он пройдет через эти горы, через перевал, что ведет в обширные страны востока.

Слева — всего несколько миль — океан; иногда Шерван слышал даже рокот волн, катящихся на пологий песчаный берег. Никто не знал, как далеко протянулся океан. Корабли выходили в его просторы и плыли на север, но Трилори все выше поднимался на небе, все сильнее и сильнее становился жар его лучей. И задолго до того как могучее солнце достигало зенита, кораблям приходилось поворачивать вспять. Так что, если мифическая Огненная Страна и впрямь существует, никому не суждено достичь ее пылающих берегов. Правда, есть легенды, они говорят, будто некогда были быстроходные металлические суда, которые могли пересечь океан наперекор палящим лучам Трилорна и достигнуть земель на том краю света. Теперь туда можно попасть только после долгого путешествия по суше и по морю, а если пожелаешь хоть немного сократить путь, надо следовать севернее, насколько хватит отваги.

Все обитаемые земли мира Шервана лежали в узком поясе между палящим зноем и нестерпимым холодом. В каждой стране крайний север — это неприступная область, опаленная гневом Трилорна. А к югу от всех государств раскинулась огромная и мрачная Страна Вечной Тени, где Трилорн — всего лишь бледный диск над самым горизонтом, а то и вовсе нет его.

Все это Шерван узнал в годы своего детства, и в ту пору его не влекло за пределы обширной страны между горами и океаном. Издревле его предки и предшествовавшие им племена упорно трудились, стремясь сделать эти земли самыми прекрасными на свете, и они добились своего — или почти добились. Удивительные цветы украшали сады; лаская мшистые утесы, тихо журчали потоки,

которые вливались в прозрачное, не ведающее приливов море. Поля шелестели колосьями на ветру, словно поколения еще не родившихся семян перешептывались между собой. На просторных лугах и под сенью деревьев, мыча и блея, лениво бродили послушные стада. А еще был большой дом с огромными залами и бесконечными коридорами, который ребенку казался исполинским. Вот в каком мире рос Шерван, какой мир он знал и любил. И то, что находилось за родными рубежами, его пока не занимало.

Но мир Шервана был подвластен времени. Урожай созревал, и хлеб засыпали в амбары; Трилорн медленно плыл по своей короткой небесной дуге; сменялись времена года, крепили тело и дух Шервана. Теперь родной край уже не казался ему таким огромным, горы подступили ближе и до океана было рукой подать от большого дома. Он начал познавать мир, в котором жил, готовясь исполнить предназначенную ему роль в судьбах этого мира.

Кое-что ему поведал отец, Шервал, но главным наставником был Грейл, который пришел из-за гор в дни отца его отца и воспитал уже три поколения в их роду. Мальчик привязался к Грейлу (хоть было много такого, чему он учился без всякой охоты), и годы детства текли безмятежно. Но вот настала пора Шервану отправиться через горы в соседнюю землю. Много веков назад его род пришел из великих стран востока, и с тех пор в каждом поколении старший сын совершал туда паломничество, проводя год юности среди сородичей. Это был мудрый обычай, потому что в стране за горами еще сохранили память о знаниях, коими обладали древние; к тому же можно было встретить людей из других земель, изучить их обычаи.

Весной того года, когда пришел срок сыну отправляться в путь, Шервал призвал к себе трех слуг, взял несколько животных (назовем их для простоты лошадьми) и поехал вместе с Шерваном в те части родной страны, которых юноша еще не знал. Сперва они ехали на запад, потом, спустившись к морю, много дней следовали вдоль берега. Трилорн заметно приблизился к горизонту, но они продолжали путь на юг, и тени у их ног становились все

длиннее и длиннее. И только когда лучи солнца, казалось, вовсе утратили свою силу, путники повернули на восток. До Страны Вечной Тени оставалось совсем немного, и было бы неразумно ехать дальше на юг, пока не наступило лето.

Шерван ехал рядом с отцом, жадно рассматривая все новые ландшафты с любопытством мальчика, который впервые попал в незнакомую страну. Отец говорил ему о почве, о том, какие злаки можно здесь выращивать, а какие не приживутся. Но мысли Шервана были заняты другим — он смотрел туда, где начинались пустынные земли Страны Вечной Тени, пытаясь представить себе, далеко ли она простирается и какие тайны хранит.

— Отец, — заговорил он наконец, — если ехать на юг все прямо и прямо, через Страну Вечной Тени, попадешь на противоположную сторону мира?

Отец улыбнулся.

— Люди много веков задают себе этот вопрос, — сказал он. — Но есть две причины, из-за которых им никогда не узнать ответа.

— Какие причины?

— Во-первых, разумеется, мрак и холод. Даже здесь никто и ничто не может жить зимой. Но есть и более веская причина, хотя Грейл, насколько я понимаю, не говорил тебе о ней.

— Кажется, не говорил, во всяком случае я не припомню.

Шервал помолчал. Привстав в стременах, он обвел взглядом земли, простершиеся к югу.

— Когда-то я хорошо знал эти места, — сказал он наконец Шервану. — Поедем, я тебе кое-что покажу.

Они свернули с тропы и несколько часов ехали спиной к солнцу. Местность постепенно повышалась, и Шерван увидел, что они поднимаются вдоль гребня вершины, которая напоминала кинжал, нацеленный в самое сердце Страны Вечной Тени. Стало слишком круто для их коней, тогда они соскочили на землю и оставили животных на попечение слуг.

— Можно обойти кругом, — объяснил Шервал, — но лезть напрямик быстрее, чем вести коней в обход.

Вершина была хоть и крутая, но не очень высокая, и они за несколько минут поднялись на нее. Сперва Шерван не заметил ничего необычного: та же самая дикая пересеченная страна, только чем дальше от Трилорна, тем мрачнее и суровее.

Он в замешательстве повернулся к отцу, но Шервал поднял руку, указывая на юг, и пальцем отчеркнул линию горизонта.

— Это не сразу рассмотришь, — тихо произнес он. — Мой отец показал мне как раз отсюда, за много лет до того, как ты родился.

Напрягая зрение, Шерван всматривался в сумрак. Небо на юге было темное, почти черное там, где встречалось с краем земли. А впрочем, нет, не встречалось: вдоль горизонта, разделяя небо и землю, широкой дугой протянулась полоса еще более густого мрака, черная, как ночь, которой Шерван не знал.

Долго и пристально глядел он на эту полосу, и, видимо, в душу Шервана вкралось предчувствие, потому что угрюмый край вдруг словно ожил, маня его. И когда он наконец оторвал взгляд от черной полосы, то — хоть и был слишком юн, чтобы истолковать загадочный зов; — знал: отныне все будет представляться ему в ином свете.

Ранней весной он простился с родными и в сопровождении слуг направился через горы в великие страны восточного мира. Здесь Шерван встретил людей одной с ним крови, и здесь он изучил историю своего народа, узнал искусства и ремесла, уходящие корнями в древность, науки, направляющие жизнь людей. В местах учения он завязывал дружбу с юношами, что прибыли из стран, лежащих еще дальше на восток; дружба была короткой, но одному из этих молодых людей суждено было сыграть неожиданно большую роль в жизни Шервана.

Отец Брейлдона был прославленный зодчий, однако сын явно готовился превзойти его. Он путешествовал из страны в страну и неустанно учился, наблюдал, задавал вопросы. И хотя он был всего несколькими годами старше

Шервана, но бесконечно больше его знал о мире — во всяком случае, так казалось Шервану.

Беседуя, они весь мир разбирали на составные части и собирали вновь так, как хотелось им. Брейлдон мечтал о городах с широкими проспектами и величественными башнями, которые затмят все чудеса прошлого; Шервана занимала судьба людей, которым предстояло населять эти города, устройство их жизни.

Они часто говорили о Стене; Брейлдон знал о ней из преданий своего народа, но сам ее не видел. Далеко-далеко на юге, за всеми странами — как в этом убедился Шерван — тянется она подобно могучему барьеру, окаймляя Страну Вечной Тени. Летом можно ее достигнуть, хотя и с превеликим трудом, но проникнуть за Стену невозможно, и никому не ведомо, что лежит за ней. Сама будто целый мир, сплошная, без единого уступа, стократ выше человека, она пересекает неприветливое море, омывающее берега Страны Вечной Тени. Путники, едва согреваемые последними бледными лучами Трилорна, достигали этих пустынных берегов и видели, как Стена вздымается из воды, равнодушная к волнам, омывающим ее подножие. И на других далеких берегах другие путники видели, как она шагает через океан, смыкаясь в сплошное кольцо в своем кругосветном обхвате.

— Один из братьев моего отца, — рассказывал Брейлдон, — в молодости доходил до Стены. Он побился об заклад и десять дней ехал верхом, чтобы достичь ее. Огромная, холодная, она вызвала в нем страх. Он не мог сказать, из металла она или из камня, и, когда он кричал, эха не было, звук голоса затухал, словно Стена его поглощала. У нас есть поверье, что там край света и дальше ничего нет.

— Будь это так, — возразил Шерван очень рассудительно, — океан хлынул бы через край, прежде чем построили Стену.

— А если Стену воздвиг Кайрон, когда сотворил мир? Но Шерван стоял на своем:

— У нас верят, что Стена создана людьми, возможно мастерами времен Первой Династии, они ведь делали такие замечательные вещи. Если у них и вправду были

корабли, способные достигнуть Огненной Страны — даже летать! — они, наверное, обладали достаточной мудростью, чтобы построить Стену.

Брейлдон пожал плечами.

— Видимо, у них была на то причина, — сказал он. — Но мы все равно не узнаем ответа, так зачем ломать себе голову?

Шерван уже успел убедиться, что у обыкновенных людей он, кроме этого разумного практического совета, ничего не почерпнет; только мыслителей занимают вопросы, на которые нет ответа. Большинство людей совершенно безучастно относились к загадке Стены, как и к загадке жизни. А философы, коих он встречал, отвечали ему каждый по-своему.

Начать с Грейла, к которому он обратился, возвратившись из Страны Вечной Тени. Старик спокойно поглядел на Шервана и сказал:

— За Стеной, насколько мне известно, кроется только одно — безумие.

Был он и у Артекса, древнего старца, который едва расслышал взволнованный голос юноши. Старец долго смотрел на Шервана из-под опущенных век, чересчур утомленных, чтобы открываться полностью, наконец ответил:

— Кайрон воздвиг Стену на третий день сотворения мира. А что за ней, мы узнаем, когда умрем, ибо туда уходят души умерших.

Однако Ирген, живший в том же городе, сказал совсем иное:

— Только память может ответить на твой вопрос, сын мой. Ибо за Стеной находится страна, где мы обитали до нашего рождения.

Кому верить? Ясно: ответ не известен никому из них. Даже если его когда-то знали, это знание утрачено много веков назад.

Но хотя поиски Шервана были бесплодными, он приобрел немало знаний за год учения. И когда вновь наступила весна, он попрощался с Брейлдоном и другими друзьями, с которыми только-только успел сблизиться, и по древней дороге направился домой, на родину. Опять совершил он трудный переход через высокий перевал в го-

рах, где сверху угрожающе свисали глыбы льда. Дальше Шерван достиг того места, откуда извилистая дорога снова шла под уклон, спускаясь к людям. Здесь было тепло, струились шумные потоки и не перехватывало дыхание от морозного воздуха, и отсюда, с уступа, после которого дорога устремлялась вниз, в долину, открывался вид на предгорья и на равнину, вплоть до мерцающего вдали океана. И там, у края неба, взгляд Шервана различил во мраке смутную тень — его родину.

Он спускался по могучему каменному ребру, пока не достиг моста, перекинутого людьми через теснину еще в древности, когда землетрясение разрушило единственную в этих горах дорогу. Но мост исчез: весенние бури и лавины снесли одну из могучих опор, и чудесная металлическая радуга обратилась в груды лома, омываемую неистовым пенистым потоком на дне тысячефутовой пропасти. Только к концу лета путь будет открыт опять... Поворачивая обратно, опечаленный Шерван знал, что пройдет еще год, прежде чем он сможет увидеть родной дом.

Долго простоял он на верхнем изгибе дороги, глядя на недосягаемую страну, где находилось все, что дорого его сердцу. Но вот сгустившийся туман скрыл ее, и Шерван решительно двинулся к перевалу. Равнина исчезла из виду, снова его со всех сторон обступили горы.

Брейлдон был еще в городе, когда вернулся Шерван; он удивился и обрадовался, увидев друга. Вместе они обсудили, чем заполнить предстоящий год. Родичи Шервана успели привязаться к своему гостю и были только рады ему, однако он без воодушевления выслушал их совет еще год посвятить учению.

Замысел Шервана постепенно созревал вопреки всем препятствиям. Даже Брейлдон на первых порах колебался, и понадобились долгие уговоры, чтобы привлечь его на свою сторону. Зато после этого нетрудно было добиться согласия всех остальных, от кого зависел успех.

Близилось лето, когда двое юношей выехали в путь, направляясь в страну Брейлдона. Они торопили коней, потому что путь был долгий и его надо было завершить до того, как Трилорн начнет клониться к горизонту, возвещая

приход зимы. Достигнув мест, знакомых Брейлдону, они стали расспрашивать жителей, и те сперва только кивали, но в конце концов дали точные ответы, и вскоре друзья очутились в Стране Вечной Тени. А затем Шерван во второй раз в жизни увидел Стену.

Когда она предстала их глазам, высясь над пустынной, скудной равниной, то казалось — до нее не так уж далеко. Однако пришлось еще очень долго ехать по равнине, прежде чем Стена заметно приблизилась. Зато потом вдруг оказалось, что они почти у ее подножия; невозможно было определить расстояние, пока не подойдешь вплотную к Стене.

Глядя на черную поверхность, столь сильно занимавшую его мысли, Шерван чувствовал, что она словно нависает над ним, готовая упасть и сокрушить его своей тяжестью. Лишь с трудом оторвал он взгляд от гипнотического зрелища и подъехал еще ближе, чтобы понять, из чего сложена Стена.

Как и говорил ему Брейлдон, она была холодная на ощупь, холоднее, чем можно было ожидать. Не мягкая и не твердая; ее покров каким-то непонятным образом ускользал от осязания. У Шервана было такое чувство, будто что-то мешает ему по-настоящему дотронуться до поверхности: и однако же он не видел никакого просвета между Стеной и своими пальцами, когда прижимал их к ней. Всего удивительнее была жуткая тишина, о которой рассказывал дядя Брейлдона: каждое слово тонуло, всякий звук затухал с неестественной быстротой.

Брейлдон снял с вьючных коней привезенный инструмент и принялся исследовать поверхность Стены. Очень скоро он убедился, что ни сверло, ни долото не оставляют на ней никакого следа. И Брейлдон согласился с Шерваном: Стена не только несокрушима — она недосягаема.

С досадой взял он наконец совершенно прямую металлическую линейку и приложил ее ребром к Стене. Шерван зеркалом направил на черту соприкосновения отраженный свет тускнеющего Трилорна, а Брейлдон смотрел с другой стороны линейки. Так и есть: чрезвычайно тонкая

сплошная полоска света просачивалась между двумя поверхностями.

Брейлдон задумчиво взглянул на друга.

— Шерван, — сказал он, — мне сдается, Стена сделана из неизвестной материи.

— Тогда, быть может, правы легенды, говоря, что ее никто не воздвигал, что она сразу появилась в таком виде.

— Мне тоже так кажется, — ответил Брейлдон. — Мастера Первой Династии могли решать такие задачи. В моей стране есть очень древние здания, будто разом отлитые из вещества, на котором незаметно никаких следов износа. Будь они черные, а не цветные, я бы сказал, что тот материал очень похож на вещество Стены.

Он убрал бесполезный инструмент и стал устанавливать простой переносный теодолит.

— Если больше ничего не выходит, — сказал он, криво усмехаясь, — то хоть ее высоту определю!

Когда они, возвращаясь, в последний раз оглянулись на Стену, Шерван думал о том, что вряд ли увидит ее вновь. Больше ничего не выведешь, остается только забыть свою нелепую мечту когда-нибудь раскрыть ее секрет... А может быть, никакого секрета и нет, может быть, за Стеной снова тянется Страна Вечной Тени, огибая планету, пока с другой стороны опять не упрутся в Стену. Да, скорее всего так и есть. Но если это так, то зачем она сооружена и кем?

Усилием воли, чуть ли не сердясь, он отогнал прочь эти мысли и прищпорил коня навстречу Трилорну, размышляя о будущем, в котором Стене отводилось не больше места, чем в жизни любого человека.

Итак, два года минуло, прежде чем Шерван смог вернуться на родину. За два года, особенно когда вы молоды, многое забывается, тускнеют даже самые дорогие сердцу образы, и трудно представить их себе отчетливо. Когда Шерван, выехав из предгорий, вновь очутился в стране своего детства, радость смешивалась в его душе со странной

печалью. Забыто много такого, что некогда казалось ему навеки запечатленным в памяти...

Весть о возвращении Шервана опередила его, и вот уже он видит вдали скачущих навстречу коней. Он и сам поехал быстрее, надеясь, что это Шервал; оказалось, однако, что кавалькаду возглавляет Грейл.

Шерван остановил коня, как только старик поравнялся с ним. Грейл положил руку юноше на плечо, но отвернулся и заговорил не сразу.

Вот когда Шерван узнал, что прошлогодние бури разрушили не только мост: молния разбила вдребезги его отчий дом. Задолго до назначенного часа все земли, принадлежавшие Шервалу, перешли во владение сына. И не только они: ведь пламя пало на большой дом, когда в нем собрались на ежегодную встречу все члены семьи. Так в одно мгновение весь край от гор до океана стал собственностью Шервана. Он оказался самым богатым человеком на памяти людей — и все это богатство Шерван охотно отдал бы за то, чтобы еще раз взглянуть в спокойные серые глаза отца, которого ему не суждено было больше увидеть.

Трилорн уже много раз совершил свой годичный путь в небесах с тех пор, как Шерван на дороге у подножия гор расстался с детством. Все эти годы страна процветала; земли, что вдруг перешли к Шервану, постоянно росли в цене. Он рачительно управлял ими, и теперь у него снова появилось время мечтать. Больше того, он располагал средствами, чтобы осуществить свою мечту.

Из-за гор часто доходили вести о работах, которыми руководил Брейлдон в стране на востоке, и, хотя друзья юности не встречались, они постоянно обменивались посланиями. Брейлдон достиг заветных целей: не только начертил планы двух крупнейших зданий, воздвигнутых со времен древности, но задумал построить целый город — правда, он не рассчитывал, что это будет завершено при его жизни. Слыша все эти новости, Шерван вспоминал мечты своей юности, и мысли его вновь и вновь обращались к тому дню, когда друзья стояли вместе перед могучей

Стеной. Долго он боролся сам с собой, боясь понапрасну пробудить старые стремления. Но в конце концов решился и написал письмо Брейлдону, ибо что толку от могущества и богатства, если их не использовать для осуществления своей мечты?

И Шерван стал ожидать ответа, беспокоясь: уж не забыл ли Брейлдон за все эти годы, увенчавшие его славой, о былом. Ему не пришлось ждать долго. Брейлдон сообщил, что не может прибыть тотчас, нужно довести до конца большие работы, но, как только они будут завершены, он приедет. Шерван задал ему достойную задачу — ее выполнение сулило зодчему высшую радость, какую ему когда-либо довелось испытать.

Брейлдон прибыл в начале лета; Шерван встречал на дороге ниже моста. Они были юношами, когда расстались, теперь уже почти достигли средних лет, и все-таки, приветствуя друг друга, оба чувствовали себя так, словно и не было долгой разлуки, и каждый, глядя на друга, втайне радовался тому, сколь бережно Время коснулось знакомых черт.

Много дней они совещались, обсуждая составленный Брейлдоном план. Замысел был обширнейший, рассчитанный на много лет упорного труда, но вполне доступный для столь богатого человека, как Шерван. Прежде чем сказать последнее слово, он повел друга к Грейлу.

Старик уже несколько лет жил в маленьком доме, который построил для него Шерван. Он давно отдалился от высших кругов, однако всегда был готов помочь советом, и советы его оставались неизменно мудрыми.

Грейл знал, для чего приехал Брейлдон, и не удивился, когда архитектор развернул перед ним свои чертежи. На самом большом чертеже был намечен профиль Стены, а рядом с ней от подножия возвышалась огромная пологая лестница. В шести местах, разделенных совершенно равным расстоянием, наклонная плоскость переходила в просторные площадки; последняя из них немного не достигала верхней кромки Стены. По всей длине лестницы отходило десятка два аркбутанов, которые сперва показались Грейлу чересчур тонкими и хрупкими. Но затем он понял, что могучее сооружение будет главным образом опираться на

собственное основание, а с одной стороны сама Стена примет на себя боковой распор

Некоторое время он молча разглядывал чертеж, наконец негромко заметил:

— Ты всегда умел настоять на своем, Шерван. Я должен был предвидеть, что кончится этим...

— Значит, ты одобряешь наш замысел? — спросил Шерван.

Он никогда не шел наперекор советам мудрого старца, и на этот раз ему хотелось получить его одобрение. Как обычно, Грейл заговорил о главном:

— Сколько это будет стоить?

Брейлдон ответил, на мгновение воцарилась выразительная тишина.

— Сюда входит, — поспешно добавил архитектор, — стоимость хорошей дороги через Страну Вечной Тени и жилищ для работников. Лестница будет сложена примерно из миллиона больших одинаковых кирпичей. Если тщательно подогнать их, получится очень прочно. Я рассчитываю, что сырье для кирпичей мы найдем в Стране Вечной Тени. — Он тихо вздохнул. — Конечно, я предпочел бы лестницу из соединенных вместе железных брусьев, но это станет еще дороже, ведь придется все железо везти из-за гор.

Грейл изучил чертеж более тщательно.

— Почему вы останавливаетесь, не доходя кромки? — спросил он.

Брейлдон перевел взгляд на Шервана, который ответил с некоторым замешательством:

— Я хочу один подняться на Стену. Последний кусок преодолению на подъемнике, мы установим его на верхней площадке. Один потому, что дальше может оказаться опасно.

Это была не единственная причина, но достаточно веская. За Стеной, как однажды сказал Грейл, человека подстерегает безумие. Если это так, незачем еще кому-то подвергать себя опасности.

Снова заговорил Грейл спокойным, чуть ли не сонным голосом:

— В таком случае твой замысел не назовешь ни хорошим, ни дурным, ибо речь идет о тебе одном. Если Стену соорудили, чтобы от чего-то оградить наш мир, с той стороны все равно ничто не проникнет.

Брейлдон кивнул.

— Мы это предусмотрели, — произнес он не без гордости. — Если понадобится, лестницу можно мгновенно уничтожить: мы заложили в самых уязвимых местах взрывчатое вещество.

— Хорошо, — ответил старик. — Хотя я и не верю всем этим рассказам, лучше быть начеку. Надеюсь, я еще буду жив, когда вы закончите работу. А теперь попытаюсь вспомнить, что я слышал о Стене, когда был таким же молодым, каким был ты, Шерван, когда впервые спросил меня о ней.

Еще до начала зимы провели дорогу к Стене и начали строить жилища для работников. Большую часть того, в чем нуждался Брейлдон, было легко раздобыть: в Стране Вечной Тени было изобилие всякого камня. Он успел также обмерить Стену и выбрать место для лестницы. И к тому времени когда Трилорн стал спускаться к горизонту, Брейлдон с удовлетворением подвел итог сделанному.

К следующему лету были изготовлены, испытаны и одобрены Брейлдоном первые большие кирпичи; в том же году их сделали несколько тысяч и до зимы начали класть основание. Брейлдон оставил за себя надежного человека и возвратился на родину к прерванным там работам. Когда будет приготовлено вдоволь кирпичей, он приедет опять, а до тех пор в его надзоре нет нужды.

Шерван дважды или трижды в год отправлялся верхом к Стене, наблюдал, как вырастают пирамиды готовых кирпичей. А через четыре года вместе с ним туда снова приехал Брейлдон. Вдоль Стены поползли вверх ряды кладки, один за другим изогнулись в воздухе стройные аркбутаны. Поначалу лестница росла медленно, но чем уже она становилась, тем быстрее тянулась ввысь. Третью часть года длился вынужденный перерыв, и в

тревожные зимние месяцы Шерван не раз стоял возле рубежей Страны Вечной Тени, прислушиваясь к бешеному вою ветра в гулком мраке. Но Брейлдон строил надежно, и каждую весну оказывалось, что постройка стоит невредимая, точно она готовилась поспорить неизбежностью с самой Стеной.

Последние кирпичи легли на место через семь лет после начала работ. Стоя в миле от Стены, чтобы видеть постройку в целом, Шерван с удивлением думал о том, что все это вышло из нескольких чертежей, которые показывал ему Брейлдон. И он ощутил нечто вроде того, что испытывает художник, осуществив заветный замысел. А еще он вспомнил день, когда мальчиком, стоя рядом с отцом, впервые увидел Стену вдаль, на фоне сумеречного неба Страны Вечной Тени.

Верхняя площадка была огорожена, но Шерван не стал подходить к краю. Стараясь не думать о головокружительной высоте, он помог Брейлдону и работникам установить несложный подъемник, который должен был поднять его на остающиеся двадцать футов. И когда все было сделано, Шерван стал на платформу и, призвав на помощь все свое самообладание, повернулся к друзьям.

— Я всего на несколько минут, — сказал он с напускной небрежностью. — Что бы я ни нашел, вернусь немедленно.

Мог ли он знать, что у него просто не будет выбора.

Грейл к этому времени уже почти ослеп и не надеялся дожить до следующей весны. Но он узнал приближающиеся шаги и окликнул Брейлдона по имени прежде, чем тот успел заговорить.

— Я рад, что ты пришел, — сказал он. — Я размышлял обо всем, что вы мне говорили, и мне кажется, я теперь знаю истинный ответ. Возможно, и вы его уже угадали.

— Нет, — ответил Брейлдон. — Я боялся об этом думать.

Старик чуть улыбнулся:

— Зачем бояться чего-то лишь потому, что оно необычно? Стена замечательна, но в ней нет ничего страшного для того, кто готов бестрепетно бросить вызов ее тайне. Когда я был мальчиком, Брейлдон, мой старый учитель однажды сказал мне, что время не может уничтожить истину, может только скрыть ее под покровом легенд. Он был прав. Из всех мифов, повествующих о Стене, я извлек теперь зерна истины... Давным-давно, Брейлдон, в пору расцвета Первой Династии, Трилорн давал больше тепла, чем теперь, и Страна Вечной Тени была плодородна и обитаема — какой, возможно, станет Огненная Страна, когда Трилорн еще больше состарится и потускнеет. В то время никакая Стена не преграждала людям путь на юг. И многие, видимо, шли туда в поисках новых земель. А там с ними происходило то же, что с Шерваном, и у людей мутился рассудок. Число жертв было так велико, что ученые Первой Династии воздвигли Стену, чтобы обуздать безумие. Мне-то это кажется неправдоподобным, но легенды утверждают, будто Стена была создана в один день, без применения труда, из облака, которое опоясало весь мир...

Грейл впал в задумчивость, и Брейлдону не хотелось ему мешать. Мысленно он перенесся в далекое прошлое, и родная планета представилась ему в виде парящего в космосе шара, вдоль экватора которого сгушался созданный Древними обруч мрака. И хотя этот образ был неверен в самом главном, Брейлдон после так и не смог совершенно забыть его.

По мере того как уходили вниз последние футы Стены, Шервану пришлось собрать все свое мужество, чтобы не закричать: «Спускайте обратно!» Вспомнились страшные рассказы. Некогда он встречал их смехом, ибо в его роду не было суеверных, но вдруг они окажутся правдой, вдруг Стена и впрямь создана для того, чтобы скрыть от мира нечто ужасное?

Шерван попытался выбросить из головы подобные мысли — ему это удалось, когда он поднялся над верхней кромкой Стены. В первый миг Шерван никак не мог

осмыслить картину, представшую его глазам, затем он понял, что перед ним непрерывная черная поверхность, но протяженность ее определить невозможно.

Подъемник остановился; Шерван с восхищением отметил, сколь точны были расчеты Брейлдона. А затем, еще раз сказав напоследок что-то успокоительное ожидающим внизу, он ступил на Стену и решительно зашагал вперед.

На первый взгляд плоскость казалась бесконечной, он не мог даже различить, где она смыкается с небом. Однако Шерван продолжал упорно идти вперед, обратившись спиной к Трилорну. Жаль, что нельзя узнать направление по собственной тени: она терялась во мраке под ногами.

Что-то не так, отметил Шерван, с каждым шагом кругом все темней и темней... Встревоженный, он обернулся назад и увидел, что диск Трилорна стал бледным и мутным, точно он смотрел на него через закопченное стекло. Но это еще не все: с нарастающим чувством тревоги Шерван понял, что *Трилорн меньше того солнца, которое он знал всю жизнь.*

Он сердито, упрямо тряхнул головой. Вздор, игра воображения. Все это настолько не отвечало всему его жизненному опыту, что страх каким-то образом исчез, и Шерван, еще раз оглянувшись на солнце, решительно пошел дальше.

Но когда Трилорн обратился в точку и Шервана со всех сторон обступил густой мрак, пришла пора отбросить притворство. Более рассудительный человек тут бы и повернул обратно; Шерван, словно в кошмаре, увидел себя затерявшимся в вечном сумраке между землей и небом, бессильным одолеть обратный путь — путь к безопасности. Затем он вспомнил, что, куда хоть немного виден Трилорн, ему ничего не грозит.

Уже не так бодро Шерван продолжал путь, поминутно озираясь на едва приметный свет. Диск Трилорна скрылся, на его месте осталось лишь слабое зарево в небесах. И вдруг исчезла надобность в этом маяке: далеко впереди виднелся на небосводе другой свет.

Сперва Шерван уловил чуть заметное, неверное сияние, и, когда он удостоверился, что это не обман зрения, Трилорн окончательно погас. Но теперь он уже чувствовал себя увереннее. С каждым шагом свет становился ярче, и его страхи поумерились.

Когда он увидел, что идет навстречу другому солнцу, когда стало совершенно очевидно, что оно растет, как незадолго перед тем уменьшался Трилорн, Шерван заставил себя не удивляться. Сейчас — только наблюдать, запоминать. Осмысливать он будет потом. В конце концов, можно же представить себе, что в его мире два солнца, каждое из которых освещает свою сторону мира.

Наконец Шерван сквозь мрак различил черную линию, обозначающую край Стены. Скоро он будет первым за много тысяч лет, если не вообще первым человеком, который увидит страну, отделенную Стеной от его мира. Так ли она прекрасна, как его родина, есть ли там люди, встреча с которыми принесет ему радость?..

Мог ли он предвидеть — кто и как его будет ждать!

Грейл протянул руку к шкафу и нащупал рукой большой лист бумаги, лежащий сверху. Брейлдон молча ждал; старик снова заговорил:

— Как часто все мы слышим суждения о протяженности Вселенной, есть ли у нее границы! Космос представляется нам бесконечным, однако наша мысль восстает против представления о бесконечности. Некоторые философы предположили, что космос ограничен кривизной в некоем высшем измерении. Ты, конечно, слышал об этой догадке. Она верна, быть может, для других вселенных, если они существуют, для нас же ответ более прост. *Вдоль линии, обозначенной Стеной, Брейлдон, наш мир кончается — и не кончается.* Пока не воздвигли Стену, не было рубежа, не было ничего, что мешало бы идти вперед. Стена — барьер, созданный человеком и наделенный свойствами среды, в которой он расположен. Эти свойства всегда существовали, Стена не внесла ничего нового.

Он поднял лист бумаги вверх и медленно повернул его.

— Вот, — сказал он Брейлдону, — плоский лист. У него, разумеется, две стороны. *Можешь ты представить себе лист без двух сторон?*

Брейлдон удивленно воззрился на него:

— Это невозможно... смехотворно!

— Так ли? — мягко произнес Грейл.

Он еще раз протянул руку к шкафу, взял из ящика длинную полоску бумаги и обратил невидящий взгляд на молчаливо ожидающего Брейлдона:

— Мы не можем сравниться умом с людьми Первой Династии, но что они понимали прямо, мы можем постичь сопоставлением. Простой фокус, по видимости такой ненаучный, поможет тебе приблизиться к пониманию.

Он провел пальцами вдоль бумажной полоски, затем соединил ее концы так, что получилось замкнутое кольцо.

— Ты видишь нечто очень знакомое тебе — часть цилиндра. Я провожу пальцем с внутренней стороны... вот так. Теперь с наружной стороны. Две отдельные поверхности, перейти с одной стороны на другую можно только через толщину полоски. Согласен?

— Разумеется, — подтвердил Брейлдон, все еще озадаченный. — Но что это доказывает?

— Ничего, — ответил Грейл. — Однако смотри теперь...

Шерван сказал себе, что новое солнце — двойник Трилорна. Мрак совершенно рассеялся, и у него уже не было необъяснимого ощущения, будто он идет по бесконечной плоскости.

Шерван пошел медленнее, ему вовсе не хотелось вдруг очутиться на краю головокружительного обрыва. А затем на горизонте показались низкие холмы, такие же голые и бесплодные, как те, которые он оставил позади. Это его не обескуражило: ведь первое впечатление от собственной страны было бы не более отрадным.

И Шерван продолжал идти. Вдруг словно ледяная рука сжала его сердце, но он не остановился, как поступил бы

на его месте менее храбрый человек. Полный прежней решимости, смотрел он на потрясающе знакомый ландшафт впереди... Вот и равнина, откуда он начал свое восхождение, вот огромная лестница, и вот, наконец, озабоченное лицо ожидающего его Брейлдона.

Грейл снова соединил вместе концы бумажной полоски, но сперва один раз перекрутил ее.

— Проведи теперь пальцем, — тихо сказал Грейл.

Брейлдон не стал этого делать, он и без того понял, что подразумевает старый мудрец.

— Я понимаю, — произнес он. — Больше нет двух раздельных плоскостей. Теперь — одна сплошная поверхность, *односторонняя плоскость*, хотя на первый взгляд это кажется совершенно невозможным.

— Да, — мягко ответил Грейл. — Я так и думал, что ты поймешь. Односторонняя плоскость. Может быть, тебе теперь ясно, почему в древних религиях так распространен символ перекрученной петли, хотя смысл ее был совершенно утрачен. Разумеется, это всего-навсего грубая, упрощенная аналогия, пример в двух измерениях того, что на деле существует в трех. Но это наибольшее приближение к истине, на какое способен ваш разум.

Долго стояла задумчивая тишина. Грейл глубоко вздохнул и повернулся к Брейлдону, будто все еще мог видеть его лицо.

— Почему ты возвратился прежде Шервана? — спросил он, хотя отлично знал ответ.

— Мы вынуждены были сделать это, — печально произнес Брейлдон, — но я не мог смотреть, как разрушают мое творение...

Грейл сочувственно кивнул:

— Понимаю...

Шерван скользнул взглядом вверх вдоль длинной череды ступеней, по которым не суждено было больше ступать никому. Ему не в чем упрекнуть себя: он сделал все, никто на его месте не добился бы большего. Он

победил, насколько тут вообще можно говорить о победе.

Он медленно поднял руку, подавая знак. Стена поглотила взрыв, как поглощала все звуки, но Шерван на всю жизнь запомнил неспешную грацию, с какой длинные пролеты кладки надломились и рухнули вниз. На миг ему с мучительной отчетливостью представилось странное видение: другая лестница, на глазах у другого Шервана, распадается на такие же обломки по ту сторону Стены.

Но он сам понимал, сколь нелепа эта мысль: ибо кто лучше его мог знать, что у Стены нет другой стороны.

ИЗ КОНТРРАЗВЕДКИ

Часто можно услышать, будто бы в наш век поточных линий и массового производства полностью изжил себя кустарь-умелец, искусный мастер по дереву и металлу, чьими руками создано столько прекрасных творений прошлого. Утверждение скороспелое и неверное. Разумеется, теперь умельцев стало меньше, но они отнюдь не перевелись совсем. И как бы ни менялась профессия кустаря, сам он благополучно, хотя и скромно, здравствует. Его можно найти даже на острове Манхэттен, нужно только знать, где искать. В тех кварталах, где арендная плата мала, а противопожарные правила и вовсе отсутствуют, в подвале жилого дома или на чердаке заброшенного магазина приютилась его крохотная, загроможденная всяким хламом мастерская. Пусть он не делает скрипок, часов с кукушкой, музыкальных шкатулок — он такой же умелец, каким был всегда, и каждое изделие, выходящее из его рук, неповторимо. Он не враг механизации: под стружками на его верстаке вы обнаружите рабочий инструмент с электрическим приводом. Это вполне современный кустарь. И он всегда будет существовать, мастер на все руки, который, сам того не подозревая, творит подчас бессмертные произведения.

Мастерская Ганса Мюллера занимала просторное помещение в глубине бывшего пакгауза неподалеку от Куинсборо-Бридж. Окна и двери здания были заколочены,

---

Из контрразведки

© Л. Жданов, перевод, 1966

оно подлежало сносу, и Ганса вот-вот могли попросить. Единственный ход в мастерскую вел через запущенный двор, который днем служил автомобильной стоянкой, ночью — местом сборищ юных правонарушителей. Впрочем, они не причиняли мастеру никаких хлопот, так как он умел прикинуться несведущим, когда являлась полиция. В свою очередь, полицейские отлично понимали деликатность положения Ганса Мюллера и не слишком-то на него наседали; таким образом, у него со всеми были хорошие отношения. И это вполне устраивало сего миролюбивого гражданина.

Работа, которой теперь был занят Ганс, весьма озадачила бы его баварских предков. Десять лет назад он и сам был бы удивлен. А началось все с того, что один прогоревший клиент принес ему в уплату за выполненный заказ вместо денег телевизор...

Ганс без особой охоты принял это вознаграждение. И не потому, что причислял себя к людям старомодным, не приемлющим телевидения. Просто он не представлял себе, когда сможет выбрать время, чтобы смотреть в эту треклятую штуку. «Ладно, — решил Ганс, — в крайнем случае продам кому-нибудь, уж пятьдесят-то долларов всегда получу. Но сперва стоит все-таки взглянуть, что за программы они показывают...»

Он повернул ручку, на экране появились движущиеся картинки, и Ганс Мюллер, подобно миллионам до него, пропал. В паузах между рекламами ему открылся мир, о существовании которого он не подозревал, — мир сражающихся космических кораблей, экзотических планет и странных народов, мир капитана Зиппа, командира «Космического легиона». И лишь когда нудное описание достоинств чудо-каши «Кранч» сменилось почти столь же нудным поединком двух боксеров, которые явно заключили пакт о ненападении, он стряхнул с себя чары.

Ганс был простодушный человек. Он всегда любил сказки, а это были современные сказки, к тому же с чудесами, о которых братья Гримм не могли и мечтать. Так получилось, что Ганс Мюллер раздумал продавать телевизор.

Прошла не одна неделя, прежде чем поунялось его первоначальное наивное восхищение. Теперь Ганс уже

критическим взором смотрел на обстановку и меблировку телевизионного мира будущего. Он был в своей области художником и отказывался верить, что через сто лет вкусы деградируют до такой степени. Воображение заказчиков рекламной передачи удручало его.

Ганс был весьма невысокого мнения и об оружии, которым пользовались капитан Зипп и его враги. Нет, он не пытался понять принцип действия портативного дезинтегратора, его смущало только, почему этот дезинтегратор непременно должен быть таким громоздким. А одежда, а интерьеры космических кораблей? Они выглядят неправдоподобно! Откуда он мог это знать? Гансу всегда было присуще чувство целесообразности, оно тотчас заявило о себе и в этой новой для него области.

Мы уже сказали, что Ганс был простодушным человеком. Но простаком его нельзя было назвать. Прослышав, что на телевидении платят хорошие деньги, мастер сел за свой рабочий стол.

Даже в том случае, если бы автор декораций и костюмов к постановкам о капитане Зиппе не сидел уже в печенках у продюсера, идеи Ганса Мюллера произвели бы впечатление. Его эскизы отличались небывалой достоверностью и реализмом, в них не было ни грана той фальши, которая начала раздражать даже самых юных поклонников капитана Зиппа. Контракт был подписан незамедлительно.

Правда, Ганс предъявил свои условия. Он трудился из любви к искусству; обстоятельство, которого не могло поколебать даже то, что он при этом зарабатывал больше денег, чем когда-либо прежде за всю свою жизнь. И Ганс заявил, что, во-первых, ему не нужны никакие помощники, во-вторых, он будет работать в своей маленькой мастерской. Его дело поставлять эскизы и образцы. Массовое изготовление может происходить в другом месте; он кустарь.

Все шло как нельзя лучше. За шесть месяцев капитан Зипп совершенно преобразился и стал предметом зависти всех постановщиков «космических опер». В глазах зрителей это были уже не спектакли о будущем, а само будущее. Новый реквизит вдохновил даже актеров. После

спектаклей они часто вели себя как путешественники во времени, внезапно перенесенные в далекую старину и чувствующие страшную неловкость из-за отсутствия самых привычных предметов обихода.

Ганс об этом не знал. Он продолжал увлеченно работать, отказываясь встречаться с кем-либо, кроме продюсера, и решая все вопросы по телефону. Он по-прежнему смотрел телевизионные передачи, и это позволяло ему проверять, не искажают ли там его идеи. Единственным наглядным знаком связей Ганса Мюллера с отнюдь не фантастическим миром коммерческого телевидения был стоящий в углу мастерской ящик маисовых хлопьев «Крач», дар благодарного заказчика рекламы. Ганс честно проглотил одну ложку чудо-каши, после чего с облегчением вспомнил, что ему платят деньги не за то, чтобы он ел это варево...

В воскресенье поздно вечером Ганс Мюллер заканчивал образец нового гермошлема; вдруг он почувствовал, что в мастерской есть еще кто-то. Он медленно повернулся к двери. Она ведь была заперта, как они ухитрились открыть ее так бесшумно? Возле двери, глядя на него, неподвижно стояли двое. Ганс почувствовал, как сердце уходит в пятки, и поспешно мобилизовал все свое мужество. Хорошо еще, что здесь хранится только малая часть его денег. А может быть, это как раз плохо? Еще разъярятся...

— Кто вы? — спросил он. — Что вам здесь надо?

Один из вошедших направился к нему, второй остался стоять у двери, не сводя глаз с мастера. Оба были в новых пальто, низко надвинутые на лоб шляпы не позволяли разглядеть лиц. Слишком хорошо одеты, сказал себе Ганс, чтобы быть заурядными грабителями.

— Не волнуйтесь, мистер Мюллер, — ответил первый незнакомец, легко читая его мысли. — Мы не бандиты, мы представители власти. Из контрразведки.

— Не понимаю.

Незнакомец сунул руку в спрятанный под пальто портфель и извлек пачку фотографий. Порывшись среди них, он вынул одну.

— Вы причинили нам немало хлопот, мистер Мюллер. Две недели мы разыскивали вас, ваши работодатели никак

не хотели давать нам адрес. Прячут вас от конкурентов. Так или иначе, мы здесь и хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Я не шпион! — возмущенно ответил Ганс, смекнув, о чем идет речь. — У вас нет никакого права! Я лояльный американский гражданин!

Гость игнорировал эту вспышку. Он показал Гансу фотографию:

— Узнаете?

— Да. Это интерьер космического корабля капитана Зиппа.

— Он придуман вами?

— Да.

Еще одна фотография.

— А это?

— Это марсианский город Палдар, вид с воздуха.

— Ваша собственная выдумка?

— Разумеется! — Гнев заставил Ганса забыть об осторожности.

— А это?

— Это протонное ружье. Разве плохо?

— Скажите, мистер Мюллер, все это ваши собственные идеи?

— Да, я не краду у других.

Первый незнакомец подошел к своему товарищу. Несколько минут они переговаривались так тихо, что Ганс ничего не мог разобрать. Наконец они как будто пришли к соглашению. Совещание кончилось прежде, чем Ганс сообразил, что не худо бы прибегнуть к помощи телефона.

— Очень жаль, — обратился к нему незнакомец, — но, похоже, кто-то нарушил правила секретности. Возможно, это произошло чисто случайно, даже... э... неосознанно, но это не меняет дела. Мы обязаны провести дознание. Прошу следовать за нами.

Он сказал это так властно и строго, что Ганс покорно снял с вешалки пальто и стал одеваться. Полномочия гостя не вызывали у него никакого сомнения, он даже не попросил его предъявить документы.

Неприятно, конечно, но ему нечего бояться. Ганс вспомнил рассказ о писателе-фантасте, который еще в самом

начале войны с поразительной точностью описал атомную бомбу. Когда ведется столько исследований, подобные инциденты неизбежны. Интересно, какой секрет он разгласил, сам того не ведая?

Уже в дверях он оглянулся и окинул взглядом мастерскую и следующих за ним незнакомцев.

— Это нелепая ошибка, — сказал Ганс Мюллер. — Если я и показал в программе что-то секретное, то это чистое совпадение. Я никогда не делал ничего такого, что могло бы вызвать недовольство ФБР.

И тут впервые прозвучал голос второго незнакомца; он говорил на каком-то странном английском языке, с необычным акцентом.

— Что такое ФБР? — спросил он.

Ганс не слышал вопроса: он смотрел во все глаза на стоящий во дворе космический корабль.

ЗАВТРА НЕ НАСТУПИТ

— **Э**то ужасно! — воскликнул Верховный Ученый. — Но мы, конечно, можем *хоть что-то* сделать!

— Да, ваша ученость, но это будет чрезвычайно трудно. Наши планеты разделяет более пятисот световых лет, и контакт поддерживать очень тяжело. Однако мы полагаем, что сумеем создать канал связи. К сожалению, расстояние не единственная проблема. Мы до сих пор не можем общаться с этими существами. Их телепатические способности рудиментарны — не исключено, что они и вовсе отсутствуют. И если мы не сможем с ними поговорить, то не сможем и помочь.

Наступило долгое ментальное молчание, пока Верховный Ученый анализировал ситуацию. Как и всегда, он отыскал правильное решение:

— Любая разумная раса должна иметь хотя бы *несколько* индивидуумов с телепатическими способностями. Мы должны выслать сотни наблюдателей, настроенных на улавливание хотя бы намек на телепатическое общение. Когда найдете восприимчивый разум, сосредоточьте на нем все усилия. Мы *обязаны* передать им наше послание.

— Хорошо, ваша ученость. Будет сделано.

И через бездну, которую даже свет пересекал пятьсот лет, обитатели планеты Таар послали узкие мысленные

Завтра не наступит

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

лучи, отчаянно отыскивая хотя бы одно человеческое существо, способное ощутить их присутствие. И им повезло — они обнаружили Уильяма Кросса.

Вернее, они тогда решили, что им повезло, хотя позднее уже не были в этом столь уверены. В любом случае выбора у них не имелось. Комбинация обстоятельств, приоткрывшая для них разум Билла, сохранялась всего несколько секунд, и в обозримом будущем повториться ей было не суждено.

Чудо сложилось из трех составных частей, и трудно судить, была ли какая-нибудь из них важнее другой. Первая заключалась в уникальности позиции. Графин с водой, когда на него падает солнечный свет, превращается в некое подобие линзы и сводит лучи в небольшое пятно. А ядро Земли, в невообразимо большем масштабе, преломило исходящие от Таара лучи. Вообще-то мысленное излучение не задерживается материей — оно проходит сквозь нее столь же легко, как свет через стекло. Но планета — это очень много материи, и Земля сработала как гигантская линза. А Билл случайно оказался в ее фокусе, где слабые ментальные импульсы с Таара усилились в сотни раз.

Хотя в фокусе, кроме Билла, находились и миллионы других людей, они эти импульсы не уловили. Зато они не были инженерами-ракетчиками и не думали и не мечтали годами о космосе, пока он не стал частью их бытия.

И не были они, как Билл в тот момент, в стельку пьяны, и не балансировали на краю сознания, пытаясь сбежать из реальности в мир снов, где нет разочарований и неудач.

Разумеется, Билл мог понять точку зрения военных.

— Вам, доктор Кросс, — подчеркнул генерал Поттер, — платят за разработку боевых ракет, а не... космических кораблей. Чем вы занимаетесь в свободное время — это ваше дело, но я должен попросить вас не использовать аппаратуру нашего учреждения для хобби. Отныне все проходящие через компьютерный отдел проекты должны быть завизированы мной. Это все.

Уволить Билла, разумеется, не могли — он был слишком ценным специалистом. Но он сам не был уверен, что хочет остаться. Он вообще не был уверен ни в чем, кроме того, что работа ему обрыдла, а Бренда ушла от него к Джонни Гарднеру — если расположить события по степени важности.

Слегка покачиваясь, Билл подпер голову руками и уставился на побеленную кирпичную стену напротив стола. Когда-то он попытался ее украсить и повесил на нее календарь от «Локхид» и глянцевое фото шесть на восемь от «Аэроджет» с изображением реактивного истребителя, взмывающего в небо на ракетном форсаже. Билл тупо уставился на промежуток между картинками и освободил голову от мыслей. Барьеры рухнули...

В этот момент множество интеллектов на Тааре испустили торжествующий ментальный вскрик, и стена перед Биллом медленно растворилась, превратившись в клубящийся туман. Ему показалось, будто он смотрит в бесконечный туннель. Так оно, по сути, и было.

Билл обследовал феномен с вялым интересом. В нем имелась определенная новизна, но предыдущим его галлюцинациям он и в подметки не годился. А когда в его голове раздался чей-то голос, он позволил ему некоторое время побормотать, а уже потом обратил на него внимание. Даже будучи пьяным, Билл придерживался старомодного правила — не разговаривать с самим собой.

— Билл, — начал голос, — слушай внимательно. Нам с большим трудом удалось с тобой связаться, и это очень важно.

Билл усомнился в этом по умолчанию. *Ничто* уже не было для него важным.

— Мы говорим с тобой с очень далекой планеты, — продолжил голос дружелюбно, но встревоженно. — Ты единственный человек, с кем мы смогли установить контакт, поэтому ты обязан понять то, что мы тебе скажем.

Билл ощутил легкую тревогу, хотя и несколько абстрактную, поскольку сейчас ему было довольно трудно

сосредоточиться даже на собственных проблемах. Интересно, насколько далеко зашло дело, когда начинаешь слышать голоса? Ладно, в такой ситуации лучше не возбуждаться. Можете слушать, а можете и нет, доктор Кросс, сказал он себе. Пока голос не стал раздражать, можно и послушать.

— Ладно, — равнодушно пробормотал он. — Валяйте, говорите. Послушаю, коли будет интересно.

После краткой паузы голос послышался вновь, но еще более встревоженный:

— Вы не совсем поняли. Наше сообщение не просто *интересно*. Оно жизненно важно для всей вашей расы, и вы должны немедленно уведомить о нем ваше правительство.

— Я жду. Это поможет мне убить время.

В пятистах световых годах от него таарнцы торопливо посовещались. Что-то явно было не так, но что именно, они догадаться не смогли. Контакт они установили, тут сомнений нет, но реакцию ожидали встретить совсем иную. Что ж, остается лишь действовать дальше и надеяться на лучшее.

— Слушай, Билл. Наши ученые только что обнаружили, что ваше солнце скоро взорвется. Это случится через три дня. Если точнее, через семьдесят четыре часа. Предотвратить это невозможно. Но не бойтесь — мы можем вас спасти, если вы все сделаете так, как мы скажем.

— Продолжайте, — буркнул Билл. Изобретательная галлюцинация, ничего не скажешь.

— Мы можем создать то, что называем мостом — нечто вроде туннеля через пространство, вроде того, который ты сейчас видишь. Теория таких туннелей слишком сложна для объяснения даже для ваших математиков.

— Минуточку! — возразил Билл. — Я и есть математик, и чертовски хороший, даже когда трезв. И я читал о таких фокусах в журналах фантастики. Полагаю, вы говорите о каком-то проколе пространства в его

более высоком измерении. Это уже старо... доэйнштейновщина.

В разум Билла четко просочилось изумление.

— Мы и понятия не имели, что ваша наука столь развита. Но у нас нет времени обсуждать теории. Главное в другом: если ты сейчас шагнешь в отверстие перед собой, то мгновенно окажешься на другой планете. Это действительно прокол, как ты и сказал — через тридцать седьмое измерение.

— И он ведет в ваш мир?

— О нет, там люди жить не смогут. Но во Вселенной множество планет земного типа, и мы нашли для вас подходящую. Мы создадим такие мостики по всей Земле, и вам останется лишь шагнуть на них и обрести спасение. Разумеется, людям придется заново начать строительство цивилизации на новой планете, но это их единственная надежда. Ты должен передать им это послание и объяснить, что надо делать.

— Так и вижу, как они меня слушают, — отозвался Билл. — А почему бы вам не потолковать сразу с президентом?

— Потому что твой разум единственный, с которым мы сумели установить контакт. Остальные, похоже, закрыты для нас. Почему, мы не понимаем.

— А я вам скажу почему, — заявил Билл, уставившись на почти пустую бутылку перед собой. Она явно стоила потраченных на нее денег. Какая замечательная штука — человеческий разум! Конечно, в этом мысленном диалоге нет ничего оригинального: Билл легко вспомнил, где хватался этих идей. Всего неделю назад он прочитал рассказ о конце света, а размышлизмы о мостиках и пространственных туннелях — очевидная компенсация для человека, потратившего пять лет на борьбу с упрямыми ракетами.

— Если Солнце взорвется, — неожиданно спросил Билл, пытаясь застать галлюцинацию врасплох, — то что станет с нами?

— Ваша планета мгновенно расплавится. И остальные планеты до самого Юпитера тоже.

Билл был вынужден признать грандиозность подобной концепции. Он мысленно рассмотрел ее со всех сторон, и чем дальше, тем больше она ему нравилась.

— Моя дорогая галлюцинация, — жалостливо заметил он, — знаешь, что я тебе скажу, если поверю?

— Но ты *должен* нам поверить! — донесся до него через световые годы отчаянный крик. Билл не обратил на него внимания, потому что его захватила собственная тема.

— Вот что я тебе скажу. *Это лучшее, что только может случиться.* Да, это избавит мир от многих несчастий. Никому не придется тревожиться из-за русских, атомной бомбы и высокой стоимости жизни. О, это будет замечательно! Это как раз то, чего все по-настоящему желают. Спасибо вам, конечно, что пришли и рассказали, но шли бы вы лучше обратно и мостик с собой привадили.

На Тааре началась суматоха. Мозг Верховного Ученого, плавающий, подобно разросшемуся кораллу, в баке с питательным раствором, слегка пожелтел — а ведь такого не случалось со времен вторжения ксантилов, произошедшего пять тысяч лет назад. Не менее пятнадцати психологов испытали нервный срыв, от которого так и не смогли окончательно оправиться. Главный компьютер в Институте космофизики принялся делить каждое число в своей памяти на ноль, после чего у него сгорели предохранители.

А на Земле Билл Кросс разошелся не на шутку.

— Посмотрите на *меня*, — заявил он, тыча себя в грудь трясущимся пальцем. — Я годы угробил, пытаюсь научить ракеты делать нечто полезное, а мне говорят, что мне дозволяется разрабатывать только боевые управляемые ракеты, чтобы мы смогли взорвать друг друга. Солнце сделает такую работу чище, а если вы предоставите нам шанс начать все сначала на другой планете, это повторится и там.

Он печально смолк, перебирая горестные мысли.

— А теперь и Бренда уехала из города, не оставив даже записки. Поэтому извините, но ваш бойскаутский поступок у меня энтузиазма не вызывает.

Билл внезапно понял, что не смог бы произнести слово «энтузиазм» вслух, но запросто произнес его мысленно, а это уже интересное научное открытие. И если он будет пьянеть дальше, то не сократится ли его речь до односложных слов?

Сделав последнее отчаянное усилие, таарнцы вновь послали мысли по межзвездному каналу:

— Билл, неужели ты правда так думаешь? Неужели *люди* такие же, как ты?

Какой интересный философский вопрос! Билл осторожно над ним задумался — настолько осторожно, насколько позволял постепенно окутывающий его теплый розовый туман. В конце концов, все могло быть и хуже. А он сможет уйти на другую работу — хотя бы ради удовольствия сказать генералу Поттеру, что он может сделать со своими тремя звездочками на погонах. А Бренда... что ж, женщины как такси, и каждую минуту можно пересесть в другое.

А самое приятное, что в шкафу с совершенно секретными документами у него заначена вторая бутылка виски. О, великолепный сегодня денек! Он неуверенно поднялся и, пошатываясь, двинулся через комнату.

И Таар в последний раз отчаянно заговорил с Землей:

— Билл! Ведь не могут же все люди быть такими, как ты!

Билл обернулся и заглянул в клубящийся туннель. Странно — а ведь его вроде бы и в самом деле подсвечивают изнутри искорки звезд, и смотрится это очень красиво. Билл ощутил гордость: не всякий способен вообразить *такое*.

— Как я? — переспросил он. — Нет, они не такие, как я. — Он самодовольно улыбнулся, когда нарастающая волна эйфории подняла его из глубин уныния. — Если подумать, то очень многим живется гораздо хуже меня. Да, я, наверное, один из тех, кому повезло.

Билл удивленно моргнул, потому что туннель внезапно свернулся и на его месте он снова увидел белую стену. Таарнцы признали поражение.

«Этой галлюцинации с меня достаточно, — решил Билл. — Во всяком случае, она мне надоела. Посмотрим, какой окажется следующая».

Как выяснилось, следующей он не дождался, потому что через пять секунд отключился — в тот самый момент, когда набирал шифр на кодовом замке шкафа с секретными документами.

Следующие два дня слились в нечто мутное и непонятное, и он совсем позабыл о разговоре.

На третий день в дальних закоулках его сознания что-то зашевелилось, и он наверняка бы все вспомнил, но тут к нему вернулась Бренда, и он был слишком занят, заслуживая ее прощение.

А четвертый день, разумеется, не наступил.

БРОСОК НА ЛУНУ

На старт

Столько написано о первой экспедиции на Луну, поневоле спросишь себя: можно ли рассказать о ней что-нибудь новое? И все-таки мне кажется, что официальные доклады и отчеты очевидцев, радиорепортажи и магнитозаписи не воссоздают всей картины. Много говорится об открытиях — и очень мало о людях, которые их сделали.

Как командир «Индевера» и начальник британского отряда, я наблюдал немало такого, чего вы не найдете в книгах, и кое-что — не все — теперь можно рассказать. Надеюсь, когда-нибудь своими впечатлениями поделятся мои коллеги, командиры «Годдарда» и «Циолковского». Но капитан Ванденберг все еще на Марсе, а Краснин где-то между Венерой и Солнцем, так что пройдет не один год, прежде чем мы прочтем их воспоминания.

Чистосердечное признание, говорят, облегчает душу. Что ж, мне и впрямь будет легче, когда я расскажу правду о графике Первой лунной экспедиции, который всегда был окутан покровом тайны.

Общеизвестно, что все три корабля — американский, советский и британский — были собраны на орбите Третьей космической станции, на высоте пятисот миль над Землей, из частей, которые забросили транспортными ракетами.

Хотя детали изготовили заранее, на сборку и испытание ушло больше двух лет; к концу этого срока многие, кто не понимал, как сложна задача, стали терять терпение. Люди видели десятки фотографий, даже телепередачи: три корабля в космосе рядом с Третьей станцией, как будто полностью смонтированные и готовые сию минуту уйти в полет. Но эти кадры не показывали, что идет еще тонкая кропотливая работа, установка и всесторонняя проверка тысяч труб, электропроводов, моторов и приборов.

Дата старта не была точно определена. Луна всегда находится примерно на одинаковом расстоянии от Земли, и можно стартовать чуть ли не в любое время — был бы корабль готов. Если говорить о расходе горючего, практически нет никакой разницы, вылетите ли вы в полнолуние, или новолуние, или какой-либо промежуточный день. Мы не хотели гадать, когда полетим, как ни добились от нас определенного ответа. В космическом корабле столько узлов и деталей, которые могут вдруг выйти из строя; мы не собирались уходить от Земли, пока не выверим все до последнего винтика.

Никогда не забуду последнего совещания командиров, когда все собрались на космической станции, чтобы доложить о готовности. Каждый отряд выполнял свое задание, но экспедиция была совместной, поэтому договорились, что три корабля сядут на Луне в пределах двадцати четырех часов в заранее условленном районе Моря Жажды. Что же касалось подробностей, то тут командиры решали сами. Смысл этого? Ну хотя бы тот, что один не повторит ошибок другого.

— Я буду готов к первой репетиции старта завтра утром в девять ноль-ноль, — сообщил командор Ванденберг. — Как вы, джентльмены? Попросим командный пункт Земли проследить за всеми тремя?

— Что ж, о'кей, — сказал Краснин; его никак нельзя было убедить, что американцы уже двадцать лет не говорят «о'кей».

Я молча кивнул. Правда, у меня шалила одна группа контрольных приборов, но это большой роли не играло: к тому времени когда баки заправят горючим, приборы будут налажены.

Репетиция охватывала всю программу старта; каждый участник должен был выполнить то, что предстояло ему в полете. Конечно, мы тренировались еще на Земле, на макетах, но лишь здесь можно было устроить всестороннюю проверку. Только не взрвут моторы, а так все будет как при настоящем старте.

Мы провели шесть репетиций, разобрали корабли, чтобы устранить неполадки, затем провели еще шесть репетиций. «Индевер», «Годдард» и «Циолковский» были в полной готовности. Теперь только заправиться, и можно трогать...

Не хочу даже вспоминать последние напряженные часы перед вылетом. Глаза всего мира обращены к нам... Время старта назначено с точностью до нескольких часов, испытания завершены, все, что зависело от нас, сделано.

И вот тут-то очень высокое начальство вызвало меня к радиоаппарату для совершенно секретного разговора. Мне сделали предложение, которое — учитывая, от кого оно исходило, — было равносильно приказу. Конечно, сказали мне, первая экспедиция — совместное предприятие, но нельзя забывать, сколь важно для нашего престижа опередить остальных. Хотя бы на час-другой...

Я был потрясен таким предложением и не стал этого скрывать. Работая плечом к плечу с Ванденбергом и Красиным, я успел по-настоящему подружиться с ними. И я прибег ко всяческим отговоркам, мол, орбиты уже рассчитаны, теперь ничего не сделаешь. Каждый корабль пойдет наиболее экономным маршрутом, сберегая горючее. Стартовав одновременно, мы и прилунимся в одно время, разница не превысит нескольких секунд.

К сожалению, кто-то предусмотрел и это. После заправки наши корабли в готовности номер один должны были сделать еще несколько оборотов вокруг Земли, прежде чем покинуть орбиту спутника и идти на Луну. На высоте пятисот миль мы делали полный оборот за девяносто пять минут, и на каждом круге лишь одна точка годилась для старта. Если мы стартуем за один оборот до срока, остальным придется ждать девяносто пять минут,

чтобы идти за нами. И прилунятся они на девяносто пять минут позже...

Не буду излагать всех доводов, мне до сих пор стыдно, что я уступил, согласился предать товарищей. Тщательно высчитанная секунда настала, когда мы были в тени Земли и на миг для нас наступило затмение Солнца. Ванденберг и Краснин, честные ребята, думали, что я вместе с ними пройду еще один круг, а потом мы все вместе тронемся в путь. В жизни не чувствовал себя таким подлецом, как в ту секунду, когда я повернул пусковой ключ и ощутил рывок моторов, уносящих меня прочь от матери-Земли.

Следующие десять минут мы были заняты только нашими приборами, проверяли, как «Индевер» выдерживает расчетную орбиту. Наконец вырвались из объятий Земли, выключили моторы, и почти тут же ночная тень сменилась слепящим солнечным светом. Теперь до самой Луны — пять суток беззвучного полета по инерции — не будет ночи.

Уже тысяча миль отделяет нас от Третьей космической и наших товарищей. Через восемьдесят пять минут, в назначенный срок, Ванденберг и Краснин выйдут на старт и ринутся следом за мной. Но догнать меня невозможно. Хоть бы не очень сердились, когда встретимся на Луне...

Включив кормовую телекамеру, я увидел далекое светящееся пятнышко. Третья космическая только что вышла из земной тени. Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что «Годдард» и «Циолковский» не прячут там, где я их покинул...

Оба корабля шли в полумиле от меня, не отставая ни на шаг. Мгновение я глядел на них, не веря собственным глазам, и вдруг понял: не только англичанам пришла в голову блестящая идея... «Ах, черти, обманщики!» — подумал я. И рассмеялся. Только через несколько минут я вспомнил о Командном пункте и успокоил озадаченных наблюдателей. Все идет по плану — правда, не по тому плану, который объявлен первоначально...

Потом в эфире зазвучали смущенные голоса: мы поздравляли друг друга с успешным стартом. А вообще-то, мне кажется, в душе каждый из нас был рад такому обороту дела. Остальную часть пути нас разделяло самое

большее несколько миль, а садились мы так согласованно, что тормозные ракеты трех кораблей одновременно обожгли своим дыханием поверхность Луны.

Ну хорошо, не совсем одновременно. Я мог бы, конечно, с гордостью сослаться на показания приборов, подтверждающих, что «Индевер» опередил Ванденберга на две пятых секунды. Но ведь ровно на столько же Краснин опередил меня.

Учитывая дистанцию — двести пятьдесят тысяч миль, — думаю, что вы поместили бы всех троих на верхнюю ступеньку пьедестала почета...

Робин Гуд, член Королевского общества

Мы прилунились на рассвете долгого лунного дня. Равнину исчертили длинные — на мили — косые тени. Чем выше солнце, тем они будут короче, а в полдень почти исчезнут. Но до полудня пять земных суток, до ночи — еще семь. Впереди почти две недели дневного света, потом солнце зайдет, и царицей неба станет голубая Земля.

В первые дни было столько хлопот, что почти не оставалось времени для исследований. Надо было разгрузить корабли, освоиться с необычной обстановкой, как следует овладеть большими и малыми электровездеходами, расставить герметичные купола, в которых нам жить и работать, пока не придет пора возвращаться. На худой конец можно оставаться в кораблях, но там и тесно, и неудобно. Конечно, в куполах тоже не слишком просторно, но после пяти дней в космосе они показались нам роскошными апартаментами; длинные трубы, соединенные с воздухоочистителями на кораблях, позволяли дышать вполне сносным воздухом. Естественно, американцы соорудили себе самый вместительный купол, со всевозможными приспособлениями, включая горячую мойку для посуды. Не говоря уже о стиральной машине, которую они охотно одалживали нам и русским.

Десять дней спустя, уже «под вечер», мы наконец-то завершили организационный период и могли подумать о серьезных научных исследованиях. Состоялись первые

несмелые вылазки в неизведанные просторы вокруг базы. Конечно, у нас были подробнейшие карты и фотоснимки района, в котором мы прилунились, но они подчас оказывались удивительно обманчивыми. На карте — маленький бугорок, а для человека в скафандре — целая гора; гладкие равнины местами покрывала глубокая, по колено, пыль, которая чрезвычайно затрудняла ходьбу. Но все это, разумеется, пустяки, и слабое тяготение возмещало многие неудобства.

По мере того как у ученых копились наблюдения и образцы, росла нагрузка на радио- и телевизионные каналы с Землей, и наконец узлы связи перешли на непрерывную работу. Мы дорожили каждой минутой: даже если нам самим не суждено вернуться на Землю, туда попадут собранные нами знания.

Первая автоматическая грузовая ракета прилунилась за два дня до заката, точно по расписанию. Мы заметили на фоне звезд пламя тормозных двигателей, потом оно вспыхнуло снова, уже перед самой посадкой. Собственно посадку мы не могли видеть с базы, для безопасности ракета садилась в трех милях от нее. А на Луне три мили — это за горизонтом.

Когда мы подошли к ракете-автомату, она уже стояла на амортизирующей треноге, чуть накренившись, но целехонькая. И груз был в полной сохранности, от приборов до продовольствия. Ликуя, мы отвезли все на базу и, с некоторым опозданием, отпраздновали покорение Луны. Люди потрудились основательно, не грех было и отдохнуть.

Славно повеселились, ничего не скажешь. Гвоздем программы был казачий танец в исполнении облаченного в скафандр Краснина. Потом нам пришлось в голову устроить состязания, однако мы быстро убедились, что выбор видов спорта сильно ограничен. Нужно ли объяснять почему? Крокет и кегли подошли бы, да нечем играть, а вот футбол, скажем, или крикет начисто отпадали. При таком тяготении футбольный мяч от сильного удара улетел бы за полмили, крикетный и вовсе исчез бы бесследно.

Первым придумал подходящий для Луны вид спорта профессор Тревор Уильямс, наш астроном. Кстати, он был

одним из самых молодых членов Королевского астрономического общества: Уильямсу исполнилось всего тридцать лет, когда он получил это почетное звание. Труды по межпланетной навигации принесли Тревору Уильямсу мировую славу; менее известны были успехи профессора в стрельбе из лука. Два года подряд он выигрывал первенство Уэльса. И я нисколько не удивился, застав его за стрельбой по мишени, водруженной на груде лунного шлака.

Лук был довольно своеобразный: древко склеено из пластмассы, тетива сделана из стальной мерной проволоки. Откуда только он все это раздобыл? Но тут я вспомнил, что транспортную ракету безжалостно разорили, теперь куски ее можно было встретить в самых неожиданных местах. Однако всего замечательней, пожалуй, были стрелы. Чтобы придать им устойчивость в безвоздушной среде, перья, разумеется, не годились. Тревор сделал стрелы нарезными, а древко снабдил маленьким приспособлением, которое заставляло их вращаться наподобие пули, и они летели прямо.

Даже из такой самоделки можно было, при желании, пустить стрелу на целую милю. Но Тревор не собирался растрачивать драгоценные стрелы, он предпочитал упражняться в меткости. Странно было видеть, как стрелы летели почти параллельно поверхности Луны. Кто-то посоветовал Тревору быть поосторожнее — не то его стрелы превратятся в этикие лунные спутники и, завершив оборот, его же поразят в спину...

Вторая грузовая ракета пришла на следующий день после первой, однако на этот раз случилась промашка. Посадка-то была безупречной, но, к сожалению, автопилот, нащупывая радаром площадку, допустил одну из тех ошибок, от которых эти простодушные механизмы невозможно отучить. Он выбрал единственную во всем районе совершенно неприступную горку, захватил лучом ее вершину, и ракета опустилась на нее, точно орел на скалу.

До зарезу нужное снаряжение — на высоте пятисот футов, а через несколько часов наступит ночь. Как быть?

Человек пятнадцать одновременно предложили решение. Пять минут на базе царила суматоха: мы собирали

весь наличный запас нейлонового шнура. И вот уже подле ног Тренора, аккуратно свернутый, лежит шнур длиной больше тысячи ярдов, и мы нетерпеливо ждем. Он привязал конец шнура к стреле, натянул тетиву и для пробы выстрелил в небо. Стрела взлетела на половину высоты горки, затем вес шнура заставил ее вернуться.

— Жаль, — сказал Тревор. — Сильнее не могу. И ведь еще надо приладить какой-то крюк, чтобы шнур зацепился.

Мы уныло смотрели, как сверху медленно падают кольца нейлона. Что и говорить, положение дурацкое. В наших кораблях достаточный запас энергии, чтобы перебросить нас за четверть миллиона миль, а какая-то горка нам не под силу! Будь у нас время в запасе, можно бы поискать пути на противоположном склоне, но ведь для этого нужно пройти не одну милю. Да и то подъем мог оказаться опасным, если не вовсе невозможным, ведь до темноты осталось лишь несколько часов.

Но не в обычае ученых долго пасовать, и слишком много собралось тут острых (порой даже чересчур острых) умов, чтобы преграда могла устоять против них. Правда, эта новая задачка оказалась помудреннее, и лишь трое одновременно нашли ответ. Тревор подумал, потом уклончиво ответил:

— Что ж, можно попробовать.

Подготовка требовала времени, и мы озабоченно смотрели, как тень все выше и выше ползет вверх по нависшей над нами скале. «Допустим, — говорил я себе, — Тревору даже удастся забросить на вершину крюк со шнуром — не так-то просто вскарабкаться туда в громоздком скафандре». Меня никогда не манили высоты, и я был только рад, что нашлось столько охотников совершить восхождение.

Но вот все готово. Шнур сматывали так, чтобы он легко разматывался. В нескольких футах ниже стрелы к нему приладили легкий крюк. Хоть бы зацепился на горе — и не подвел нас в решающий миг!

На этот раз Тревор должен был послать не одну стрелу, а четыре; они были прикреплены к шнуру через двести ярдов. Никогда не забуду это нелепое зрелище: в закатных лучах человек в скафандре нацеливает лук в небо...

Вот метнулась к звездам стрела. Она не прошла и пятидесяти футов, как Тревор положил на тетиву самодельного лука вторую, и та понесла вверх конец повисшей в космосе длинной петли. Третья стрела ринулась следом, и наконец четвертая — могу в этом поклясться — сорвалась с тетивы прежде, чем первая заметно замедлила полет.

Теперь, когда уже не одна стрела поднимала шнур, было не так трудно достичь нужной высоты. Дважды крюк падал обратно, на третий раз он за что-то прочно зацепился, и первый доброволец стал карабкаться вверх. Конечно, здесь он весил всего около тридцати фунтов, но все-таки далеко падать...

Он не упал. Не прошло и часу, как начался спуск снаряжения, доставленного грузовой ракетой. Еще до темноты мы сняли с горы все самое главное. Увы, моя радость заметно померкла, когда один из инженеров гордо показал мне присланную по его заказу с Земли губную гармонику. Что-то говорило мне: этот инструмент успеет нам всем осточертеть задолго до конца долгой лунной ночи...

Разумеется, было бы смешно винить в этом Тревора. А когда все вместе, пересекая затопившие равнину черные тени, возвращались к кораблю, мы услышали от астронома предложение, которое, не сомневаюсь, немало озадачило тех, кто знакомился с подробными картами в отчете Первой лунной экспедиции.

В самом деле, немудрено и удивиться: с какой стати плоская безжизненная равнина с одной-единственной невысокой горкой теперь на всех лунных картах называется Шервудским Лесом!

Зеленые пальцы

Я очень жалею, что мне не пришлось самому познакомиться с Владимиром Суровым; теперь-то поздно. Небольшого роста молчаливый человек, который хорошо понимал, но недостаточно свободно говорил по-английски — вот каким он мне запомнился. Впрочем, мне кажется, он был отчасти загадкой и для своих же товарищей. Когда

бы я ни приходил на «Циолковский», он постоянно сидел где-нибудь в уголке, делая записи или прильнув к микроскопу. Словом, человек умел уединяться даже в маленьком тесном мире космического корабля. Остальных членов экипажа его замкнутость как будто не отталкивала, напротив, они всегда обращались к нему с любовью и уважением. Ничего удивительного: труды Сурова по выведению растений, способных жить за Полярным кругом, сделали его самым известным ботаником в Советском Союзе.

То обстоятельство, что русские взяли с собой на Луну ботаника, вызвало немало улыбок. А между тем что тут странного, ведь были же и в британском, и в американском отрядах биологи! Еще до Первой лунной экспедиции ученые собрали достаточно данных, чтобы заключить, что, хотя на Луне нет ни воздуха, ни воды, там может быть растительность. Одним из самых видных сторонников этой теории был президент Академии наук СССР. Из-за возраста он не мог сам участвовать в экспедиции, и президент принял самое разумное решение: послал Владимира Сурова.

Первым серьезным разочарованием, которое поднесла нам Луна, оказалось полное отсутствие растительности, будь то живой или ископаемой, на площади в тысячу квадратных миль, исследованной нашими отрядами. Даже самые отъявленные скептики, решительно утверждавшие, что на Луне не может быть никакой жизни, несомненно, были бы рады убедиться в своей неправоте. И убедились — пять лет спустя, когда Ричардс и Шэннон сделали свое поразительное открытие на огромной, окаймленной валом равнине Эратосфена. Но это было уже потом, а тогда казалось, что Суров прилетел напрасно.

Однако он не пал духом, трудился так же прилежно, как и все остальные: изучал образцы почв и присматривал за небольшим гидропонным огородом — блестящей паутиной прозрачных труб, которые окружили «Циолковский». Ни мы, ни американцы не стали затевать ничего подобного. Рассчитали, что лучше доставлять продовольствие с Земли, чем выращивать его на месте; во всяком случае, пока не создана постоянная база. Мы были правы с эко-

номической точки зрения, но о настроении не подумали. Маленькие герметические парники, где Суров выращивал свои овощи и карликовые плодовые деревья, стали оазисом, который неудержимо притягивал к себе наши взгляды, едва нам надоела окружающая нас огромная пустыня.

В положении начальника много отрицательных сторон, так, мне очень редко удавалось по-настоящему заниматься исследованием. Подолгу приходилось готовить доклады для Земли, проверять запасы, составлять программы и расписания, совещаться с моими американскими и русскими коллегами; да еще нужно было — это далеко не всегда удавалось — пытаться предугадать очередной затор. В итоге я по два-три дня не покидал базы; товарищи острили, что в моем скафандре уже мошь завелась.

Возможно, я именно поэтому так живо помню каждую свою вылазку, помню и единственную встречу с Суровым. Это было около полудня. Солнце висело высоко в небе над южными хребтами; в нескольких градусах от него можно было различить серебристую ниточку Земли. Наш геофизик Гендерсон собрался замерить магнитное поле в заранее намеченных точках, примерно в двух милях восточнее базы. Все были заняты, а у меня как раз выдалась передышка, и я пошел вместе с ним.

Путь был не очень далекий, скутер брать незачем, тем более что аккумуляторы уже основательно разрядились. И вообще я любил просто пройтись. Не из-за пейзажей — даже к самым великолепным картинам природы в конце концов привыкаешь. Меня неизменно привлекало другое — легкость и плавность, с какой двигаешься на Луне. Я перемещался огромными шагами, упиваясь чудесным ощущением, которое до космических полетов было знакомо человеку только в снах.

Мы сделали замеры и были на полпути домой, когда я в миле от нас, в районе советской базы, заметил на равнине движущуюся фигуру. Приладив бинокль внутри гермошлема, я пригляделся внимательнее. Конечно, человека в скафандре даже вблизи не узнаешь, но по номеру и раскраске можно было всегда определить, с кем вы встретились.

— Кто это? — спросил Гендерсон; мы общались с ним по радиотелефону.

— Голубой скафандр, номер 3... Очевидно, Суров. Но тут что-то непонятное: он один.

В лунных изысканиях чуть ли не первое правило гласит: нельзя никуда уходить одному. Всякое может случиться... И то, что двоим не страшно, может оказаться губительным для одного. Допустим, появилась крохотная дырочка на поясице вашего скафандра — как вы ее залатаете? Смешно? А ведь такие вещи происходили.

— Может быть, с его напарником случилась беда, и Суров пошел за помощью, — предположил Гендерсон. — Вызвать его?

Я покачал головой. Суров явно не торопился. Он ходил куда-то один и теперь не спеша возвращался на «Циолковский». Пусть даже Краснин не прав, выпуская людей поодиночке, все-таки неловко вмешиваться в его дела. Ну а если Суров просто нарушил правила — опять-таки не мне доносить об этом.

В последующие два месяца мои люди часто видели вдаль от базы одинокую фигуру Сурова, но он всегда сворачивал в сторону, если кто-нибудь из них подходил. Осторожные расспросы помогли мне выяснить, что нехватка людей принудила командира Краснина пойти на некоторые послабления. Но чем занимался Суров, я не узнал; мог ли я подозревать, что его начальник тоже в неведении!

Когда я услышал в наушниках сигнал тревоги, переданный русскими, моей первой мыслью было: «Я так и знал». Каждой из трех экспедиций уже не раз приходилось посылать на выручку своим людям спасательные отряды, но впервые затерявшийся человек не ответил на вызов корабля. После краткого радиосоветования во все стороны от баз поспешно разошлись спасатели.

Я опять шел с Гендерсоном; естественно, мы направились в ту сторону, где уже видели однажды Сурова. Туда простиралась «наша», так сказать, территория, это было сравнительно далеко от суровского корабля. И, карабкаясь по пригоркам, я впервые подумал, что русский ученый,

возможно, занимался там опытами, которые хранил в тайне даже от своих товарищей. Что бы это могло быть?

Гендерсон первым нашел его и тотчас вызвал помощь. Увы, было слишком поздно: Суров лежал ничком в опавшем, сморщенном скафандре. Очевидно, он стоял на коленях, когда что-то пробило пластиковый гермошлем. Следы показывали, что ученый упал замертво.

Когда подоспел командир Краснин, мы все еще разглядывали поразительный предмет, который в предсмертную минуту изучал Суров. Из камня, укоренившись в нем множеством тонких щупалец, торчал покрытый зеленоватой кожицей овал трехфутовой высоты. Да-да, укоренившись: это было растение. Чуть подальше стояли еще два, поменьше, видимо, погибшие — они потемнели и высохли.

«Выходит, — сказал я себе, — на Луне все-таки есть жизни!» Но тут заговорил Краснин, и я понял, что истина куда удивительнее.

— Бедняга Владимир! — произнес он. — Мы знали, что он гений, и все же посмеялись, когда он рассказал нам о своей мечте. Вот и решил втайне завершить свой величайший труд... Он победил своей гибридной пшеницей Арктику, но то было только начало: он принес жизнь на Луну. И смерть тоже...

Я был поражен, это казалось чудом. Теперь-то весь мир знает историю «Суровского кактуса» (название столь же закономерное, сколь неточное), и он уже никому не кажется чудесным. Записи ученого все рассказали, в них описаны многолетние опыты, как он вывел растение с плотной кожистой оболочкой, которой не страшен вакуум. Длинные корни, выделяющие кислоты, позволили растению приживаться на таких скалах, где даже лишайник не нашел бы себе пищи. А потом уже мы увидели, как осуществилась вторая ступень мечты Сурова: «кактус» его имени преобразил огромные площади каменных пустынь Луны и проложил путь для других растений, которые теперь кормят всех жителей лунных баз.

...Краснин нагнулся над телом товарища и легко его поднял. Ощупал разбитый гермошлем и озадаченно покачал головой.

— Что же произошло? — спросил он. — Можно подумать, виновато растение, но ведь это нелепо.

Зеленая загадка стояла среди ожившей равнины, дразня нас своей тайной и нераскрытыми еще возможностями. И тут медленно, точно размышляя вслух, заговорил Гендерсон:

— Мне кажется, я знаю ответ. Вспомните, что нам рассказывали в школе, на уроках ботаники... Ведь Суров выводил растение для лунных условий, значит, должен был подумать, как оно будет размножаться. Нужно, чтобы семена разбросало очень далеко во все стороны, так больше надежды, что они попадут на подходящий участок и прорастут. На Земле семена разносят птицы, насекомые, животные, тут ничего такого нет. Я могу представить себе только один способ; кстати, некоторые земные растения уже располагают таким механизмом.

Его перебил мой вопль. Что-то с силой, звонко ударило в металлический пояс моего скафандра. Удар не причинил мне никакого вреда, только напугал.

А подле моих ног лежало семя, размерами и видом напоминающее сливовую косточку. В нескольких ярдах от него мы нашли второе, то самое, которое разбило гермошлем Сурова, когда ученый нагнулся. Он знал, конечно, что семена созрели, но второпях забыл, чем это грозит. Вспомните про слабую гравитацию на Луне; я сам видел, как «кактус» метал свои семена на четверть мили. Творение Сурова его же и «застрелило» в упор.

Не все, что блестит

Командор Ванденберг рассказал бы эту историю лучше меня, но он далеко, за много миллионов миль. А речь пойдет о его геофизике, докторе Пейнтере, который (во всяком случае, так все считали) сбежал на Луну от жены.

Правда, то же говорили и о многих других (особенно сами жены), но на сей раз это была не шутка. И не так чтобы он не любил жену, скорее напротив: Пейнтер готов был сделать для нее все. На беду, ее желания всякий раз обходились ему слишком дорого. Его супруга была жен-

щиной с экстравагантными вкусами, а таким женщинам лучше не выходить замуж за ученых, даже таких, которые улетают на Луну.

Главной слабостью миссис Пейнтер были драгоценные камни, особенно брильянты. Нетрудно понять, что эта слабость доставляла немало беспокойства доктору Пейнтеру. Как заботливый и нежный супруг, он не только беспокоился, но и принимал меры. И Пейнтер стал одним из ведущих мировых специалистов по алмазам; уточню: как ученый, не как коммерсант. О происхождении, составе и свойстве алмазов он знал, наверное, больше, чем кто-либо иной. К сожалению, можно очень много знать об алмазах и не иметь ни одного. А какая радость миссис Пейнтер от эрудиции мужа — ее не повесишь себе на шею, отправляясь на прием...

Я уже говорил, что геофизика была основной специальностью доктора Пейнтера; алмазы представляли собой, так сказать, побочное увлечение. Он создал много замечательных приборов, позволяющих с помощью электронных импульсов и магнитных волн проникнуть в недра Земли, получить своего рода рентгеновский снимок ее скрытой от глаз толщи. Не удивительно, что его включили в число тех, кто должен был попытаться разведать таинственные недра Луны.

Пейнтер охотно согласился участвовать в экспедиции, но командору Ванденбергу показалось почему-то, что геофизик предпочел бы задержаться на Земле. Кстати, не он один. Иные просто боялись, и ничего нельзя было сделать; из-за этого пришлось забраковать многих отличных людей. Однако на этот раз дело было не в личных переживаниях. Пейнтер только что начал очень важный опыт, речь шла о задаче, которой он посвятил много лет, и ему не хотелось покидать Землю, не дождавшись ответа. Но Первая экспедиция не могла ждать его, и пришлось доктору положиться на своих ассистентов. Правда, он непрерывно обменивался с ними зашифрованными радиограммами, к превеликому неудовольствию узла связи Третьей космической станции.

Столкнувшись с чудесами нового мира, Пейнтер скоро забыл свои прежние заботы. Он без конца колесил по

поверхности Луны на одном из маленьких удобных электроскутеров, которые захватили с собой американцы, вооруженный сейсмографами, магнитометрами и прочими хитроумными орудиями геофизика. Доктор Пейнтер хотел за несколько недель узнать о Луне столько же, сколько человек узнал о Земле за сотни лет. Конечно, в его распоряжении была только малая часть из четырнадцати миллионов квадратных миль лунной поверхности, но уж работать — так работать основательно!

Он по-прежнему получал телеграммы от своих сотрудников на Земле, а также короткие, но исполненные горячих чувств весточки от супруги. Но ни то ни другое его как будто не волновало. Даже если вы не заняты настолько, что некогда глаз сомкнуть, четверть миллиона миль помогают вам как-то по-новому взглянуть на свои личные дела. Мне кажется, на Луне доктор Пейнтер впервые за всю свою жизнь был по-настоящему счастлив (кстати, не только он).

Неподалеку от нашей базы находился великолепный кратер, этакое исполинское дыхало диаметром около двух миль. Но на первых порах наши совместные работы сосредоточились в другом районе, и прошло полтора месяца, прежде чем Пейнтер смог получить маленький вездеход и вместе с еще тремя исследователями отправиться на разведку к кратеру. Уйдя за горизонт, они вышли также из зоны радиосвязи, однако это нас не тревожило: если что-нибудь случится, они всегда могут связаться с Землей, а оттуда уже передадут радиogramму нам.

Отряд Пейнтера отсутствовал сорок восемь часов, а это предельный срок непрерывной работы на Луне, даже если вы применяете стимулирующие средства. Поначалу все шло гладко, а потому и не особенно интересно; они добросовестно выполняли программу исследований. Достигли кратера, поставили герметичный купол, разложили снаряжение, произвели все замеры, затем установили маленький буровой станок, чтобы взять образцы пород. И вот тут-то, ожидая, когда бурильный снаряд извлечет из лунных недр аккуратный столбик, Пейнтер сделал свое второе великое открытие. Первое было им сделано десятью часами раньше, хотя он тогда об этом не знал.

Вдоль кромки кратера, выброшенные с глубины нескольких миль могучими взрывами, которые изуродовали лунный лик триста миллионов лет назад, громоздились гигантские обломки коренных пород. Да, буровым станком так недра не развори́тишь... Жаль только, что эти исполинские образцы были разбросаны на огромной площади в полном беспорядке; необузданные силы, извергшие их на поверхность, нарушили всякую последовательность пластов.

Карабкаясь по горам этого необычного шлака, Пейнтер тут и там отбивал геологическим молотком посильные ему образцы. Вдруг товарищи услышали громкий крик, и доктор наук подбежал к ним, держа в руках осколки довольно скверного стекла. Прошло несколько минут, прежде чем он успокоился настолько, что смог объяснить, из-за чего поднял такой шум. И понадобилось еще некоторое время, пока отряд вспомнил о своей задаче и продолжил работу по программе.

Ванденберг издали приметил четверку, когда она возвращалась к кораблю. Не похоже, чтобы они особенно устали, а ведь двое суток на ногах... Больше того, даже скафандры не могли скрыть не совсем понятную живость их движений. Сразу видно, что экспедиция прошла успешно. Что же, есть двойное основание поздравить доктора Пейнтера. Как ни туманна полученная с Земли срочная радиограмма, ясно, что опыт Пейнтера закончился полным триумфом.

Но при виде того, что держал в руке геофизик, командор Ванденберг забыл о радиограмме. Он знал, как выглядит неограненный алмаз. Только знаменитый «Каллинен» весом 3026 карат превосходил размерами *эту*.

— Ничего удивительного, — услышал командир захлебывающийся радостью голос Пейнтера. — Алмазы всегда находят там, где есть вулканические трубки. Но почему-то мне не приходило в голову, что эта закономерность распространяется на Луну.

Тут Ванденберг вдруг вспомнил про радиограмму и отдал ее геофизику. Ученый быстро пробежал текст глазами и разинул рот. После Ванденберг говорил мне, что никогда

не видел, чтобы человек был так убит поздравительной телеграммой... Вот она:

ЗАДАЧА ВЫПОЛНЕНА. ОПЫТ 541 ПРИМЕНЕНИЕМ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОГО ТИГЛЯ УВЕНЧАЛСЯ УСПЕХОМ. РАЗМЕРЫ ПРАКТИЧЕСКИ НЕОГРАНИЧЕННЫЕ, СЕБЕСТОИМОСТЬ НИЧТОЖНАЯ.

— В чем дело? — спросил Ванденберг, глядя на потрясенное лицо геофизика. — Новость-то вроде хорошая!

Пейнтер глотнул раз-другой, словно рыба на берегу, и растерянно уставился на большой — чуть ли не во всю ладонь — кристалл. Затем подбросил его в воздух; кристалл медленно опустился обратно.

Наконец геофизик обрел дар речи.

— Моя лаборатория, — заговорил он, — уже много лет пыталась синтезировать алмазы. Вчера вот эта штука стоила миллион долларов. Сегодня — сотни две, не больше. Я даже не уверен, захочу ли тащить его с собой на Землю...

Конечно, он увез кристалл, у кого хватило бы духу выбросить такого красавца. Около трех месяцев миссис Пейнтер носила лучшее в мире бриллиантовое ожерелье, которое вполне стоило тысячи долларов (стоимость граниения и полировки). Потом процесс Пейнтера был освоен промышленностью, а месяцем позже она получила развод. Основание? Крайне жестокое обращение со стороны мужа. Вы, конечно, скажете — поделом...

Феерическое зрелище

Я немало удивился, прочтя в справочниках, что один из самых шумевших опытов, проведенных нами на Луне, фактически был подготовлен еще в 1955 году, неполных десять лет после того, как вообще стали применять ракеты для исследования высших слоев атмосферы. Ну вот, в 1955 году состоялся эксперимент, в ходе которого на огромной высоте выпустили натриевое облако.

Посмотрите с Земли на небо: даже в самую ясную ночь пространство между звездами не кажется совсем черным.

Глаз улавливает очень слабое свечение, которое отчасти вызвано атомами натрия в атмосфере, на высоте примерно ста миль. Чтобы набрать спичечную коробку натрия, пришлось бы «просеять» не одну кубическую милю ионосферы, вот исследователи и решили, что получится великолепный фейерверк, если забросить на ракете в ионосферу сразу несколько фунтов.

Они не ошиблись. Натрий, выброшенный ракетой в небесах над Уайт-Сендом, образовал большое желтое облако, и целый час, пока не рассеялись атомы, точно сиял искусственный лунный свет. Забавный опыт, однако его провели не ради забавы, он преследовал серьезные научные цели. Приборы, улавливавшие свечение, позволили получить новые данные о верхних слоях атмосферы; эти данные легли в копилку сведений, без которых никогда не удалось бы начать космические полеты.

Прилетев на Луну, американцы решили, что не худо бы повторить опыт, разумеется, в гораздо больших масштабах. Несколько сот килограммов натрия прочертят в лунной атмосфере светящийся след, который легко будет увидеть с Земли в обычный бинокль!

(Кстати, есть люди, которым до сих пор невдомек, что у Луны *есть* атмосфера. Конечно, слишком разреженная, чтобы можно было дышать, но приборы ее обнаруживают. А роль противометеоритного щита она выполняет превосходно: как-никак, ее толщина достигает сотен миль.)

Предстоящий запуск был у всех на устах. Очередная грузовая ракета доставила с Земли натриевую «бомбу». Действие — очень простое: от запала вспыхивал зажигательный заряд, натрий начинал испаряться, и под давлением паров лопалась перегородка, которая через сопло особой формы выпускала натриевое облако в небеса. Запуск должен был состояться вскоре после наступления ночи. Вырвавшись из лунной тени под солнечные лучи, облако засияет ослепительным светом.

Наступление ночи на Луне — одно из самых потрясающих зрелищ в природе. Особенно когда глядишь на медленно исчезающий за горами пламенный диск Солнца и думаешь о том, что пройдет четырнадцать земных суток, прежде чем оно покажется вновь... Но закат не сменяется

полным мраком, во всяком случае на этой стороне Луны. Остается недвижно висящая в небе Земля, единственное небесное тело, которое не восходит и не заходит. Отражаемый ее облаками и океанами свет озаряет лунный ландшафт мягким голубовато-зеленым сиянием; и подчас ночью легче ориентироваться, чем днем, когда слепит глаза Солнце.

Даже те, кто был свободен от дежурства, вышли посмотреть. Натриевую «бомбу» поместили в центре большого треугольника, образуемого тремя кораблями; она стояла вертикально, нацеленная на звезды. Доктор Андерсен, астроном американского отряда, проверил запальный механизм; остальные держались поодаль на почтительном расстоянии. «Бомба» выглядела очень грозно, хотя представляла собой не большую опасность, чем сифон для газированной воды.

Были собраны все оптические приборы трех экспедиций. Телескопы, спектроскопы, кинокамеры стояли наготове в ряд. Но это было ничто по сравнению с батареями приборов, которые в этот миг смотрели на нас с Земли. Сегодня ночью все астрономы-любители будут дежурить у себя в саду, слушая радиорепортаж с Луны. Я взглянул на огромную лучезарную планету — похоже, над материками почти нет облаков, видимость на Земле будет хорошая. Что ж, это только справедливо: как-никак, их труд лежит в основе всего, что происходит здесь.

До запуска оставалось пятнадцать минут. В который раз я пожалел, что нельзя выкурить сигарету в скафандре без ущерба для видимости. Столько гораздо более сложных задач решено нашими учеными, а вот такой пустяк — до сих пор проблема!

Чтобы убить время (наш отряд не участвовал в пуске бомбы), я включил радио и стал слушать Дейва Болтона. Он неплохо вел репортаж. Блестящий математик, Дейв был у нас Главным навигатором. Кроме того, он был боек на язык и любил цветистые обороты; иногда Би-Би-Си приходилось редактировать его репортажи. На этот раз редакторы ничего не могли сделать — через ретрансляционные станции передача шла прямо в эфир.

Дейв кратко и вполне вразумительно объяснил смысл нашего опыта, рассказал, как светящееся натриевое облако, поднимаясь со скоростью около тысячи миль в час, поможет нам судить о лунной атмосфере.

— Однако, — продолжал он, обращаясь к нетерпеливо ожидающим миллионам на Земле, — важно уяснить себе следующее. После запуска «бомбы» первые десять минут вы ничегошеньки не заметите, да и мы тоже. В лунной тени натриевое облако будет совершенно невидимо. И вдруг вспыхнет ярким светом от солнечных лучей, которые сейчас пронизывают космос высоко над нами. Трудно заранее определить силу света, но вы, наверное, увидите его в двухдюймовый телескоп. Пожалуй, даже в сильный бинокль.

В этом духе ему надо было развлекать слушателей еще десять минут; как это удавалось Дейву — выше моего разума. Но вот наступила великая минута: Андерсон нажал стартовую кнопку. «Бомба» закипела, натрий испарялся, и давление внутри ее росло. Тридцать секунд спустя из длинного узкого сопла, направленного в небо, вдруг вырвался словно клуб дыма. Теперь — ждать еще десять минут, пока незримое облако мчится к звездам. «После такой шумихи, — сказал я себе, — нам просто нельзя сесть в лужу».

Проходили секунды, минуты... Внезапно в небе загорелся желтоватый свет! Ярче, ярче, казалось, некий художник кладет широкой кистью мазки пламени среди звезд. Я пожирал глазами эту необычайную зарю... И вдруг понял, что какой-то мудрец ухитрился побить все рекорды в области рекламы! Мазки складывались в буквы, а буквы образовали два слова — название безалкогольного напитка, достаточно известного, чтобы мне нужно было его расписывать.

Как это сделали? Ответ напрашивался сам. Кто-то поместил в сопло натриевой «бомбы» специальный трафарет, так что струи вырвавшегося пара приняли нужные очертания. Помех никаких, и буквы благополучно проделали свое незримое восхождение к звездам. Мне доводилось видеть на Земле воздушную рекламу, но масштабы не шли ни в какое сравнение. Что бы я ни думал в глубине

души об этих ловкачах, нельзя было не восхищаться их изобретательностью. «К» и «А» не совсем удались, зато «О» было гораздо лучше, а «Л» просто безупречно.

Сперва, конечно, все растерялись; к счастью, это длилось недолго, и научная программа была выполнена целиком. Жаль, не помню, как вышел из положения Дейв Болтон; орешек был крепкий даже для его зубов. Правда, половина Земли своими глазами видела то, что он описывал. А на следующее утро все газеты поместили знаменитый снимок лунного серпа с яркими буквами над затемненным сектором.

Больше часа буквы плыли в космосе. Под конец слова растянулись на тысячу миль, и контуры стали совсем расплывчатыми. Потом буквы растаяли в межзвездном вакууме.

А затем начался главный фейерверк... Разъяренный капитан Ванденберг устроил своим людям допрос с пристрастием. Выяснилось, что диверсант — если его можно так назвать — находится на Земле. «Бомбу» готовили там и доставили на Луну в готовом к запуску виде. Немного времени понадобилось, чтобы найти и уволить инженера, который поместил в сопло трафарет. Кажется, он отнесся к этому совершенно спокойно: его материальное благополучие было обеспечено на много лет вперед.

Что же до эксперимента, то с научной точки зрения он принес полный успех. Все приборы действовали безукоризненно, анализируя свечение необычного облака. Ну и подразнили же мы американцев! Боюсь, хуже всего досталось бедняге Ванденбергу. До вылета на Луну он был убежденным трезвенником и пил преимущественно влагу, разлитую в бутылки с осиной талией. Теперь Ванденберг из принципа пьет только пиво, а ведь он его терпеть не может.

Коварный параграф

Я уже рассказал, с какими, км, маневрами был связан старт первой экспедиции на Луну. А получилось все равно так, что американский, советский и британский корабли

прилунились почти одновременно. Однако до сих пор еще никто не объяснил читателям, почему британский корабль вернулся на Землю двумя неделями позже остальных.

Нет, я, конечно, знаю официальную версию, сам помогал ее сочинять... Она верна до какой-то степени, но не больше.

Наша совместная экспедиция была успешной во всех отношениях. Только один несчастный случай — да и то смерть Владимира Сурова обессмертила его имя. Наши наблюдения обеспечили ученых работой на десятки лет и сулили полный переворот в представлениях об окружающей нас Вселенной. Ничего не скажешь, мы хорошо потрудились пять месяцев на Луне, можно было со спокойной душой возвращаться на Землю, где нам готовили встречу, какой мало кто удостоивался до нас.

Но сперва надо было, так сказать, прибрать за собой. Помещенные в разных точках приборы продолжали собирать информацию, которую далеко не всегда можно было передать по радио на Землю. Оставлять на Луне всех людей до последней минуты — тоже ни к чему; один экипаж вполне мог справиться. Но кто вызовется быть «дежурным», предоставив остальным пожинать всю славу? Задача нелегкая, а решить ее требовалось быстро.

Снабжение нас не заботило. Автоматические грузовые ракеты могли обеспечить экипаж воздухом, продовольствием и водой на любой срок. На здоровье никто не жаловался, только на усталость. Врачи опасались психических срывов — и этого не было; видимо, каждый был слишком поглощен увлекательной работой, чтобы сходить с ума. Но всем, конечно, не терпелось вернуться на Землю, увидеть родных и близких.

Наши планы начали ломаться, когда «Циолковский» вышел из строя. Внезапно подался грунт под одной из опор корабля. Он не упал, но корпус покривился, и в герметической кабине появилось множество трещин. Можно было попытаться отремонтировать на месте, и мы долго обсуждали это, но лететь на таком корабле было бы слишком опасно. Русским оставалось только «голосовать», чтобы их подвезли «Годдард» и «Индевер». Горючее с «Циолковского» позволило нам взять дополнительный груз.

Конечно, будет тесновато, спать и есть придется по-сменно...

В общем, первым на Землю должен был вернуться либо американский, либо британский корабль. И в последние недели мы с командором Ванденбергом стали косо смотреть друг на друга. Я уже подумывал, не решить ли вопрос жребием?..

И еще одно меня заботило: дисциплина подчиненных. Пожалуй, я выразился слишком сильно — не подумайте, что назревал бунт, просто на всех моих людей напала странная рассеянность, а в свободное время они лихорадочно что-то писали, забившись в разные уголки. Я отлично знал, в чем дело, болезнь и меня не миновала. В нашем экипаже (не только в нашем) не было человека, который не предоставил бы заранее исключительное право на публикацию своих статей тому или иному журналу или газете, и вот теперь истекали последние сроки. Радиотелетайп работал с неослабной нагрузкой, передавая на Землю десятки тысяч слов в день. Еще более пространственные отрывки бессмертной прозы диктовались по фоноканалам.

Решить главную задачу помог мне все тот же профессор Уильямс, наш весьма практичный астроном.

— Капитан, — заговорил он, небрежно садясь на шаткий столик, который заменял мне конторку, — насколько я понимаю, нет никаких технических причин, которые принуждали бы нас первыми возвращаться на Землю?

— Никаких, — ответил я. — Речь идет лишь о славе, богатстве и желании поскорее увидеть родных. Техническими эти причины не назовешь. Мы можем остаться здесь еще на год, только бы Земля нас снабжала. Но учтите: если вы это предложите, я охотно задушу вас.

— Зачем же на год! Те, кто останется, последуют за первым отрядом самое позднее через две-три недели. И все будут превозносить их самоотверженность, скромность и прочие качества этого рода.

— Плохое утешение тому, кто вернется вторым.

— Верно. Требуется еще что-то, чтобы оправдать такую жертву. Нечто более осязаемое.

— Согласен. Что вы предлагаете?

На переборке передо мной, между двумя красотками, которых мы стащили на «Годдарде», висел календарь. Красные крестики отмечали, сколько дней мы уже провели на Луне, большой вопросительный знак украшал число вылета первого корабля на Землю.

— Вот ответ. — Уильямс указал на календарь. — Понимаете, что будет, если мы поспешим вернуться? Хорошо, я объясню.

Он объяснил, и я готов был дать себе пинка за то, что не подумал об этом раньше.

На следующий день я сообщил о своем решении Ванденбергу и Краснину.

— Мы останемся и наведем чистоту, — сказал я. — Этого требует здравый смысл. «Годдард» намного вместительнее нашего корабля, он может взять лишних четыре человека, а мы только двоих, да и то будет тесновато. Летите первыми, Ван, избавим несколько человек от ожидания, зачем им без нужды изводиться.

— Это очень благородно с вашей стороны, — ответил Ванденберг. — Конечно, нам хочется вернуться поскорей. И я согласен, ваше решение самое логичное, раз уж «Циолковский» вышел из строя. Но все-таки вы приносите немалую жертву, мне неловко ее принимать.

Я сделал небрежный жест рукой:

— Об этом не думайте. Лишь бы вы не присвоили себе всю славу, мы можем и подождать немного. И ведь мы останемся тут единоличными хозяевами, когда вы улетите на Землю.

Краснин смотрел на меня так внимательно, что я едва не отвел глаза.

— Я не хочу показаться циничным, — сказал он, — но жизнь научила меня быть начеку, когда люди без веских оснований вдруг становятся непомерно щедрыми. Честно говоря, я не считаю ваши основания достаточно вескими. Признайтесь, вы что-то скрываете от нас?

— Ну хорошо, — вздохнул я. — Я-то надеялся, что нас хоть немного похвалят, но вас, видно, не убедишь, что у меня самые чистые побуждения. Основание есть, сейчас вы о нем услышите. Только прошу вас: пусть это будет между нами, к чему разочаровывать тех, кто ждет на

Земле. Нас считают благородными героями, отважными искателями знаний — пусть так и будет, это для всех же лучше.

Затем я достал свой календарь и объяснил Краснину и Ванденбергу то, что узнал от Уильямса. Они слушали сперва недоверчиво, потом сочувственно.

— Я и не подозревал, что дело обстоит так скверно, — сказал наконец Ванденберг.

— Американцы этого не знают, — печально ответил я. — Так или иначе, вот уже полвека у нас такой порядок, и не видно, чтобы лучше стало. Ну, мое предложение принято?

— Конечно. Нас это вполне устраивает. До следующей экспедиции Луна ваша.

Я вспомнил эти слова две недели спустя, глядя, как «Годдард» умчался к манящему диску Земли. Проводив всех американцев и — кроме двоих — всех русских, мы почувствовали себя довольно одиноко. Завидовали приему, который оказали нашим товарищам, ревниво смотрели по телевидению триумфальные шествия в Москве и Нью-Йорке... А затем вернулись к работе, выжидая своего срока. Когда становилось очень уж тяжело, делали на клочках бумаги кое-какие расчеты, и тотчас к нам возвращалось хорошее настроение.

Красные крестики шагали по календарю, отмечая короткие земные дни, которые только подчеркивали длительность лунных суток. Но вот все готово: сняты показания приборов, тщательно уложены все образцы и экспонаты. Ожили ревущие моторы, и на секунду мы ощутили тяжесть, которую мы вновь обретаем на Земле. Быстро уходили вниз ставшие уже привычными суровые лунные ландшафты; еще несколько секунд, и не различить всех тех сооружений и приборов, которые мы так старательно устанавливали и которые когда-нибудь пригодятся новым исследователям.

Мы летели домой. Летели в тесноте, но без приключений. Возле Третьей космической застали наполовину разобранный «Годдард»; оттуда нас быстро переправили в мир, который мы покинули семь месяцев назад.

Семь месяцев — решающая цифра, как справедливо подметил Уильямс. Мы провели на Луне больше половины финансового года; этот год для всех нас оказался самым прибыльным в жизни.

Конечно, рано или поздно эту космическую лазейку законопатят. Налоговое управление все еще доблестно сражается, но мы надежно защищены пунктом 57 параграфа 8 «Закона об основных доходах» от 1972 года. Наши книги и статьи написаны на Луне, и, пока там не создали правительства, которое взыскало бы с нас подоходный налог, весь гонорар до последнего пенни — наш.

Если же окончательное решение будет не в нашу пользу... Что ж, остается еще Марс.

РЕКЛАМНАЯ КАМПАНИЯ

Когда вспыхнул свет, в зале, казалось, еще громы-хали раскаты взрыва последней атомной бомбы. Долгое время никто не шевелился, потом помощник продюсера невинно поинтересовался:

— Ну, Р. Б., что вы об этом думаете?

Пока Р. Б. извлекал свою тушу из кресла, его помощники напряженно выжидали, в какую сторону подует ветер. Все заметили, что сигара босса погасла. А ведь такого не произошло даже на предварительном просмотре «Унесенных ветром»!

— Мальчики, — восторженно произнес босс, — это полный отпад! Во сколько, говоришь, обошелся нам фильм, Майк?

— В шесть с половиной миллионов, Р. Б.

— Почти задаром. Вот что я вам скажу: я съем всю пленку до последнего фута, если сборы с него не переплунут «Quo Vadis». — Он повернулся со всей возможной для такого толстяка скоростью к человечку, все еще сидящему в заднем ряду кинозала: — Вылезай, Джо! Земля спасена! Ты видел все космические фильмы. Как наш посмотрится по сравнению с ними?

Джо с откровенным нежеланием поднялся.

— Тут и сравнивать нечего, — сказал он. — Он держит в напряжении не хуже «Твари», зато не имеет того дурацкого прокола, когда зритель в конце узнает, что монстр

Рекламная кампания

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

был человеком. Единственный фильм, который хоть немного приближается к нашему по уровню, — это «Война миров». Некоторые из эффектов в нем почти столь же хороши, но у Джорджа Пэла, разумеется, не было объемного изображения. А это решающее различие! Когда рухнул мост через Золотые Ворота, мне показалось, что опора сейчас свалится на меня!

— А мне больше всего понравился тот момент, — вставил Тони Ауэрбах из отдела рекламы, — когда «Эмпайр стэйт билдинг» раскололся пополам. Как думаете, его владельцы не предъявят нам иск?

— Конечно, нет. Никому и в голову не придет, что какое-то здание устоит перед — как там они назывались в сценарии? — городоломом. И, в конце концов, мы ведь стерли в порошок весь Нью-Йорк. Ух... помните ту сцену, когда в Голландском туннеле обвалился потолок! В следующий раз поеду на пароме.

— Да, это получилось очень хорошо — почти *слишком* хорошо. Анимация превосходная. Как ты это сделал, Майк?

— Профессиональный секрет, — ответил гордый продюсер. — Но приоткрою вам кусочек тайны. Очень многие кадры — настоящие.

— Что?

— О, поймите меня правильно! Это не значит, что мы снимали натуру на Сириусе-Б. Но в Калифорнийском технологическом для нас изготовили микрокамеру, и мы ею снимали пауков. Лучшие кадры пошли в монтаж, и теперь вы не сразу отличите, где кончается микросъемка и начинаются полномасштабные павильонные кадры. Поняли теперь, почему я настоял на том, чтобы инопланетяне были пауками, а не осьминогами, как сперва было в сценарии?

— Для рекламы это очень удачно, — сказал Тони. — Но одно обстоятельство меня, однако, тревожит. Так, сцена, где монстры похищают Глорию... не кажется ли вам, что цензоры?... Ведь мы сняли все так, что создается впечатление...

— Не волнуйся! Именно *это* зрители и должны подумать. А уже в следующем эпизоде им становится ясно, что на самом деле они ее похитили для вскрытия, так что все в порядке.

— Это будет фурор! — прорычал Р. Б., и глаза его заблестели, точно он уже видел льющуюся в сейф лавину долларов. — Слушайте, мы вложим еще миллион в рекламу! Я уже вижу плакаты — а ты записывай, Тони, записывай. **«ВЗГЛЯНИТЕ НА НЕБО! СИРИАНЦЫ ЛЕТЯТ!»** И еще мы сделаем тысячи заводных моделей — представляете, как они будут бегать по улицам на волосатых ногах! Люди любят, когда их пугают, и мы их напугаем. Когда мы закончим рекламную кампанию, никто не сможет смотреть на небо без содрогания! Я на вас полагаюсь, мальчики, — эта картина должна войти в *историю*!

Он оказался прав. Два месяца спустя «Космические монстры» впервые потрясли публику. Через неделю после одновременной премьеры в Лондоне и Нью-Йорке в Западном полушарии не осталось ни единого человека, хотя бы раз не натывавшегося на плакат, вопящий: **«БЕРЕГИСЬ, ЗЕМЛЯ!»**, или не рассматривавшего с содроганием фотографии волосатых чудищ, бродящих на тонких многосуставчатых ногах по безлюдной Пятой авеню. В небесах над всеми странами летали, смущая пилотов, замаскированные под космические корабли воздушные шары, а по улицам, сводя с ума старушек, носились механические модели инопланетных захватчиков.

Рекламная кампания прошла блестяще, и фильм, несомненно, еще несколько месяцев не сходил бы с экранов, если бы не произошло совпадение столь же катастрофическое, сколь и непредсказуемое. Когда количество зрителей, падающих в обморок на каждом сеансе, еще оставалось темой для новостей, небеса над Землей внезапно заполнили длинные и тонкие тени, стремительно пронзающие облака...

Принц Зервашни был добродушен, но склонен к вспыльчивости — хорошо известному недостатку его расы. Не было никаких причин полагать, что его нынешняя миссия, то есть установление мирного контакта с планетой Земля, превратится в какую-либо проблему. Правильная тактика сближения была тщательно отработана за те многие тысячелетия, что Третья галактическая империя медленно

расширяла свои границы, поглощая звезду за звездой и планету за планетой. Проблемы возникали редко: действительно разумные расы всегда могут договориться о сотрудничестве, когда у новичков проходит первоначальный шок и они осознают, что не одиноки во Вселенной.

Действительно, человечество всего два-три поколения как вышло из примитивной и воинственной стадии развития, однако это не тревожило главного советника принца, профессора астрополитики Сигиснина II.

— Это типичнейшая культура класса E, — сказал профессор. — Технически развитая, но морально отсталая. Тем не менее они уже осознали концепцию космических перелетов и вскоре перестанут воспринимать наше появление как событие чрезвычайное. Пока мы не завоем их доверие, будет достаточно стандартных мер предосторожности.

— Очень хорошо. Передайте посланникам, пусть отправляются немедленно.

К сожалению, «стандартные меры предосторожности» не предусматривали развернутую Тони Ауэрбахом рекламную кампанию, которая как раз подняла инопланетную ксенофобию на неслыханную высоту. Послы приземлились в Централ-парке Нью-Йорка в тот самый день, когда выдающийся астроном — необыкновенно упрямый и потому не поддающийся внешнему влиянию — заявил в широко распространенном интервью, что любые пришельцы из космоса наверняка будут враждебны.

Несчастные послы, направлявшиеся к зданию ООН, добрались лишь до 60-й улицы и наткнулись на толпу. Физический контакт оказался весьма односторонним, и ученые из Музея естественной истории были очень огорчены, когда им почти ничего не осталось для изучения.

Принц Зервашни попытался еще раз, уже в другом полушарии планеты, но новости опередили его послов. На этот раз они были вооружены и достойно постояли за себя, пока их просто-напросто не растоптали, одолев количеством. Но и после этого принц воздерживался от возмездия, и, лишь когда корабли его флота попытались уничтожить ракетами с атомными боеголовками, он отдал приказ предпринять ответные и жесткие действия.

Все завершилось через двадцать минут — гуманно и безболезненно. Затем принц повернулся к советнику и многозначительно произнес:

— Вот и все. А теперь... можете ли вы сказать, в чем заключалась наша ошибка?

Охваченный отчаянием, Сигиснин переплел десятки своих гибких пальцев. Его заставило страдать не только зрелище свежестерилизованной Земли, хотя для ученого уничтожение такого великолепного образца всегда является трагедией. Не менее трагичным стал и крах его научных теорий, а вместе с ними — и его репутации.

— Я не в силах это понять! — пожаловался он. — Разумеется, расы с таким уровнем культуры зачастую подозрительны и нервно реагируют при первом контакте. Но ведь к ним никогда прежде не прилетали существа из космоса, поэтому у них не было повода для враждебности.

— Враждебности?! Да они демоны! Думаю, все они были безумны. — Принц повернулся к капитану, трехногому существу, весьма напоминающему клубок шерсти, балансирующий на трех вязальных спицах. — Корабли флота собраны?

— Да, сир.

— Тогда возвращаемся к Базе на оптимальной скорости. Вид этой планеты меня угнетает.

А на мертвой и безмолвной Земле с тысяч рекламных щитов все еще вопили свои предупреждения плакаты. Изображенные на них злобные инсектоиды не имели никакого сходства с принцем Зерваши, которого, если не считать четырех глаз, можно было легко принять за панду с пурпурным мехом — и который, более того, прилетел с Ригеля, а не с Сириуса.

Но теперь, разумеется, указывать на эти различия было слишком поздно.

ВСЕ ВРЕМЯ МИРА

Когда в дверь негромко постучали, Роберт Эштон быстрым автоматическим движением обвел взглядом комнату. Ее скучноватая респектабельность удовлетворяла его самого и должна была успокоить любого посетителя. У него не было причин ждать визита полиции, но и рисковать тоже не стоило.

— Войдите, — отозвался он, сделав лишь краткую паузу, чтобы схватить с полки «Диалоги» Платона. Возможно, жест этот и выглядел несколько показным, но клиентов всегда впечатлял.

Дверь медленно открылась. Эштон сосредоточенно читал, не потрудившись взглянуть на гостя. Сердце его забилось чуть чаще, а грудь слегка стеснило от возбуждения. Разумеется, это не детектив из полиции — Эштона успели бы предупредить. Но все же явившийся без приглашения гость был для него явлением неожиданным и потому потенциально опасным.

Эштон отложил книгу, взглянул в сторону двери и равнодушно бросил:

— Чем могу быть полезен?

Вставать он не стал; подобная вежливость осталась в прошлом, которое он похоронил. Кроме того, у двери стояла женщина, а в кругах, где он ныне вращался, женщинам полагалось дарить драгоценности, наряды и деньги — но не уважение.

Все время мира

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

Но все же в гостье оказалось нечто такое, что заставило его медленно подняться. Дело было не только в ее красоте, но и исходящей от нее спокойной и небрежной властности, отличающей ее от привычных ему расфуфыренных потаскушек. Невозмутимый и оценивающий взгляд говорил об уме, который, как предположил Эштон, не уступал его собственному.

Он даже не догадывался, насколько недооценивал ее.

— Мистер Эштон, — начала посетительница, — давайте не терять время зря. Я знаю, кто вы такой, и у меня есть для вас работа. А вот мои рекомендации.

Она открыла большую модную сумочку и извлекла толстую пачку банкнот.

— Можете считать это образцом, — сказала она.

Эштон поймал небрежно брошенную пачку. Такой крупной суммы он никогда в жизни не держал в руках — не меньше сотни пятерок, все новенькие и с последовательными серийными номерами. Он ощупал бумагу кончиками пальцев. Если они и фальшивые, то сделаны настолько качественно, что разница не имеет практического значения.

Он провел большим пальцем по обрезу пачки, словно нащупывая крапленую карту в колоде, и задумчиво проговорил:

— Мне хотелось бы знать, откуда они у вас. Если деньги не фальшивые, то они могут оказаться «горячими», и мне будет трудно их сбыть.

— Деньги настоящие. Совсем недавно они находились в Британском банке. Но если они вам не нужны, бросьте их в огонь. Я дала вам их просто в доказательство серьезности моих намерений.

— Продолжайте. — Он указал на единственный стул и уселся на край стола.

— Я готова заплатить вам любую сумму, если вы раздобудете эти предметы и доставите их в оговоренное место и время. Более того, я гарантирую, что, совершая кражу, вы не будете подвергаться опасности.

Эштон просмотрел список и вздохнул. Женщина явно сумасшедшая. Жаль, если это окажется просто шуткой. Денег у нее явно куры не клюют.

— Я заметил, — мягко произнес он, — что все эти экспонаты находятся в Британском музее и что большая их часть буквально бесценна. Под этим я подразумеваю, что их нельзя ни купить, ни продать.

— Я не собираюсь их продавать. Я коллекционер.

— Похоже на то. И сколько вы готовы заплатить за все?

— Назовите сумму сами.

Наступило недолгое молчание. Эштон оценивал свои возможности. Он гордился своей работой как профессионал, но есть некоторые пределы, переступить которые не помогут никакие деньги. Но все же интересно проверить, какую сумму она согласится выложить. Эштон снова взглянул на список.

— Полагаю, миллион станет вполне разумной ценой за подобную услугу, — иронично предположил он.

— Кажется, вы не принимаете меня всерьез. С вашими связями вы сможете сбыть и такое.

Что-то, сверкнув, мелькнуло в воздухе. Эштон поймал ожерелье на лету и не смог подавить вздох изумления. Между его пальцами переливалось целое состояние. Бриллиант в центре ожерелья был огромен — наверное, он держал сейчас одну из всемирно известных драгоценностей.

Гостья проявила полное безразличие, когда ожерелье скользнуло в его карман. Эштон был потрясен; теперь он знал, что она не играет. Для нее эта сказочная драгоценность стоила не больше куска сахара. То было безумие в невообразимой степени.

— Допустим, деньги у вас есть, — сказал Эштон. — Но как по-вашему, возможно ли физически сделать то, что вы просите? Можно украсть один предмет из списка, но через пару часов в музее будет не протолкаться из-за полиции.

Имея в кармане состояние, он мог позволить себе откровенность. К тому же ему хотелось узнать больше о своей фантастической гостье.

Она улыбнулась — грустно, как умственно отсталому ребенку.

— А если я покажу, как это сделать, — негромко сказала она, — вы согласитесь?

— Да... за миллион.

— Вы не заметили ничего странного с тех пор, как я вошла? Стало очень тихо, правда?

Эштон прислушался. Господи, а ведь она права! В этой комнате никогда не было совершенно тихо, даже ночью. Над крышами гудел ветер; куда же он теперь пропал? Далекий уличный шум прекратился, а еще пять минут назад Эштон проклинал шум локомотивов на сортировочной площадке в конце улицы. С ними-то что случилось?

— Подойдите к окну.

Он подчинился и слегка дрожащими, несмотря на все попытки сохранить самообладание, пальцами отвел в сторону грязноватую кружевную занавеску. И расслабился. Улицы была совершенно пуста, как нередко случалось в это время, до полудня. Машины не ездили, отсюда и тишина. Но тут его взгляд скользнул вдоль ряда домов к сортировочной площадке.

Когда Эштон потрясенно застыл, его гостья рассмеялась:

— Расскажите, что вы видите, мистер Эштон.

Он медленно повернулся, успев за несколько секунд побледнеть, и сглотнул.

— Кто вы? — выдохнул он. — Колдунья?

— Не болтайте глупости. Есть гораздо более простое объяснение. Изменился не мир — а вы.

Эштон снова уставился на далекий локомотив, из трубы которого торчал застывший и словно ватный столб пара. Теперь до него дошло, что и облака в небе тоже замерли. Все вокруг приобрело противоестественную неподвижность моментальной фотографии или отчетливую нереальность сцены, высвеченной вспышкой молнии.

— Вы достаточно умны и способны понять, что происходит, даже если не сможете осознать, как это сделано. Шкала времени сейчас изменена: минута внешнего времени растянута до года в этой комнате.

Она снова открыла сумочку и достала предмет, похожий на браслет из какого-то серебристого металла с вмонтированными в него переключателями и колесиками настройки.

— Можете называть это личным генератором, — пояснила она. — Надев его на руку, вы станете неуязвимы. И сможете без помех войти в любое помещение и выйти из него — а также украсть все перечисленное в списке и принести мне вещи быстрее, чем охранники в музее успеют моргнуть. А завершив работу, сможете удалиться на несколько миль и уже потом выключить поле и шагнуть обратно в нормальный мир.

А теперь слушайте внимательно и делайте в точности так, как я скажу. Радиус поля около семи футов, поэтому держитесь как минимум на таком расстоянии от любого человека. Во-вторых, вы не должны выключать поле, пока не справитесь с заданием и не получите от меня деньги. *Это самое важное. Я разработала такой план...*

Ни один преступник за всю историю не обладал такой властью. Она пьянила — и все же Эштон гадал, сможет ли привыкнуть к ней. Он решил не терзаться поисками объяснений... по крайней мере до момента, когда дело будет сделано и он получит вознаграждение. А потом, может быть, он уедет из Англии и насладится честно заслуженным отдыхом.

Заказчица ушла за несколько минут до него, но когда он вышел на улицу, окружающее ничуть не изменилось. Впечатление оказалось нервирующим, хоть он был к нему подготовлен. Эштону охватило желание действовать быстрее, точно он подсознательно не верил, что такое продлится долго, и стремился завершить работу раньше, чем у надетой на руку штуковины кончится питание. Но такое, как его заверили, было невозможно.

На Хай-стрит он замедлил шаги, чтобы получше рассмотреть застывшие машины и парализованных пешеходов. Он был осторожен и, помня предупреждение, не приближался ни к кому настолько, чтобы человек оказался внутри поля генератора. Как смешно выглядят люди, когда их видишь лишенными грации движений и с полуоткрытыми в дурацкой гримасе ртами!

Работать с чьей-то помощью было против его правил, но некоторые части задания он просто не смог бы сделать

самостоятельно. Кроме того, он сможет щедро расплатиться с помощником и даже не заметить потраченной суммы. Главной трудностью, как понял Эштон, будет найти подручного достаточно умного, чтобы тот не испугался — или настолько тупого, чтобы воспринимал все как должное. Эштон решил испробовать первый вариант.

Тони Марчетти жил неподалеку и так близко к полицейскому участку, что Эштон всегда считал: он перебарщивает с камуфляжем. Проходя мимо участка, Эштон заметил внутри дежурного сержанта и с трудом поборол искушение зайти и совместить дело с удовольствием. Но это можно отложить и на потом.

Когда он подошел к двери Тони, она открылась. Это было настолько нормальным явлением в мире, где ничто уже не было нормальным, что до Эштона не сразу дошла его значимость. Неужели генератор отказал? Он бросил быстрый взгляд на улицу и успокоился, увидев ставшую привычной картину.

— О, да это же Боб Эштон! — послышался знакомый голос. — Странно видеть тебя не дома в такую рань. И браслетик у тебя любопытный. Я думал, такой есть только у меня.

— Привет, Арам, — отозвался Эштон. — Похоже, происходит немало такого, о чем мы и не догадываемся. Ты уже завербовал Тони, или он еще свободен?

— Извини. Нам подвернулась одна работенка, и он некоторое время будет занят.

— Погоди, сам угадаю. Или Национальная галерея, или Тэйт.

Арам Албенкиан потерял аккуратную бородку:

— Кто тебе сказал?

— Никто. Но ведь ты, в конце концов, самый жуликоватый дилер произведений искусства среди нашей братии, и я начинаю догадываться, что происходит. Кто дал тебе браслет и список товара, уж не высокая ли и весьма симпатичная брюнетка?

— Не знаю, почему я тебе это говорю, но ответ отрицательный. Это был мужчина.

Эштон на секунду удивился, потом пожал плечами:

— Сам мог бы догадаться, что она действует не в одиночку. Хотел бы я знать, кто за ней стоит.

— У тебя есть предположения? — настороженно поинтересовался Арам.

Эштон решил, что стоит рискнуть и выдать кое-какую информацию, чтобы проверить реакцию собеседника:

— Очевидно, что деньги их не интересуют, — этого добра у них предостаточно, а с такой штучкой они всегда при нужде раздобудут еще. Приходившая ко мне женщина сказала, что она коллекционер. Я принял это за шутку, но теперь вижу, что она говорила серьезно.

— Но почему на сцене появляемся мы? Что им мешает проделать эту работу самим?

— Может, они побаиваются. Или, возможно, им нужны наши... э-э... особые знания. Некоторые из пунктов моего списка очень хорошо защищены от кражи. Словом, по моей теории они агенты свихнувшегося миллионера.

Теория эта не стоила и гроша, и Эштон это знал. Но ему хотелось проверить, какие прорехи в ней Албенкиан попытается залатать.

— Мой дорогой Эштон, — нетерпеливо выпалил вор-искусствовед, поднимая руку и демонстрируя запястье. — А как ты объяснишь эту штучку? Я ничего не смыслю в науке, но даже я могу сказать, что она превосходит самые смелые мечты современных технарей. Отсюда можно вывести только одно заключение.

— Продолжай.

— Эти люди... откуда-то. А наш мир целеустремленно избавляют от сокровищ. Читал о ракетах и космических кораблях? Что ж, кто-то нас опередил.

Эштон не рассмеялся. Теория была не более фантастична, чем факты.

— Кто бы они ни были, — сказал он, — похоже, дело свое они знают очень хорошо. Я вот думаю, сколько команд они уже наняли? Возможно, в эту самую минуту кто-то чистит Лувр или Прадо. И еще до вечера мир ждет настоящее потрясение.

Они разошлись вполне дружески, так и не поделившись действительно важными подробностями своих заданий. У Эштона ненадолго появилось искушение перекупить

Тони, но настраивать Арама против себя не было смысла. Стив Реган тоже подойдет. Правда, это означает, что придется прогуляться около мили, поскольку воспользоваться любым транспортом, разумеется, невозможно. Он умрет от старости, пока автобус доползет до следующей остановки. Эштон не имел представления, что случится, если он рискнет прокатиться на машине при включенном генераторе, но его предупредили, чтобы он не занимался подобными экспериментами.

Эштона изумило, что даже идиот со справкой, каким он считал Стива, настолько спокойно воспринял акселератор; выходит, стоит замолвить доброе словечко и в пользу комиксов, которые, наверное, были для Стива единственным чтивом. Услышав краткое и предельно упрощенное объяснение, Стив нацепил второй браслет, который, к удивлению Эштона, заказчица выдала ему без возражений. Затем они отправились на долгую прогулку к музею.

Эштон, или его клиент, подумал обо всем. По дороге вору отдохнули на скамейке в парке и подкрепились сандвичами, так что, добравшись наконец до музея, никто из них не стал жаловаться, что непривычные физические усилия его утомили.

Они вошли через ворота музея — разговаривая, вопреки логике, шепотом — и поднялись по широким каменным ступеням в зал возле входа. Эштон превосходно знал дорогу. Проходя мимо застывших статуями контролеров, он насмешливо предъявил им с почтительного расстояния билет в читальный зал. Ему даже пришло в голову, что сидящие в огромном зале читатели по большей части выглядят совершенно нормально даже без эффекта акселератора.

Поиск перечисленных в списке книг оказался работой несложной, но скучноватой. Книги, как ему показалось, отбирались как по принципу чисто художественной ценности, так и по их литературному содержанию. Подбор явно делал специалист. Интересно, *они* сделали его сами или наняли экспертов, как наняли его самого? И вообще,

сможет ли он охватить умом всю масштабность их операции?

По ходу дела пришлось ломать немало шкафов, но Эштон делал это осторожно, чтобы не повредить любые книги, даже те, что были ему не нужны. Когда у него набиралась достаточно весомая стопка, Стив выносил книги во двор и укладывал на каменные плитки, где постепенно вырастала небольшая пирамида.

Не имело значения, что они на короткое время оказывались за пределами поля акселератора. В нормальном мире никто и не заметит, как они мгновенно возникнут и тут же исчезнут.

В библиотеке они провели два часа собственного времени и перед следующей частью работы снова сделали перерыв, чтобы перекусить. По дороге Эштон ненадолго отвлекся, не удержавшись от соблазна. Звякнуло стекло небольшой витрины, и рукопись «Алисы» перекочевала в его карман.

Оказавшись среди древностей, он почувствовал себя уже не столь уверенно. Из каждой галереи ему предстояло отобрать по два-три предмета, и иногда было трудно понять, по какому принципу делался выбор. Создавалось впечатление — и он вновь вспомнил слова Албенкиана, — будто эти произведения искусства кто-то отбирал по совершенно чуждым стандартам. На сей раз, за немногими исключениями, *они* явно не прибегали к помощи экспертов.

Во второй раз за всю историю витрина с Портлендской вазой вновь оказалась разбита. Через пять секунд, подумалось Эштону, по всему музею взревет сирены и начнется переполох. И через пять секунд он будет уже в нескольких милях отсюда. Эта мысль кружила ему голову, и он, проворно работая и стремясь быстрее выполнить контракт, начал сожалеть, что запросил так мало. Но даже сейчас это было еще не поздно исправить.

Он испытал спокойное удовлетворение от добросовестно сделанной работы, когда Стив вынес во двор большой серебряный поднос из Милденхоллскогоклада и положил его рядом с теперь уже внушительной кучей.

— Дело сделано, — сообщил Эштон. — Рассчитаемся вечером у меня. А теперь пошли снимать с тебя эту штуковину.

Они вышли на Хай Холборн и выбрали уединенную улочку, где почти не было пешеходов. Эштон расстегнул хитроумную защелку браслета и отступил на несколько шагов. Его сообщник застыл. Стив теперь снова был уязвим, двигаясь вместе с остальными людьми в потоке времени. Но когда прозвучит сирена тревоги, он уже затеряется в лондонской толпе.

Вернувшись во двор музея, Эштон увидел, что куча сокровищ уже исчезла. На ее месте стояла его утренняя гостя — все еще величественная и грациозная, но, как ему показалось, несколько усталая. Эштон приблизился, их поля слились, и теперь их не разделяла непреодолимая пропасть тишины.

— Надеюсь, вы удовлетворены? — спросил он. — Как вам удалось так быстро переместить всю огромную кучу?

Она коснулась своего браслета и устало улыбнулась:

— Мы обладаем многими возможностями и кроме этой.

— Тогда зачем вам потребовалась моя помощь?

— По техническим причинам. Было необходимо отделить нужные нам предметы от прочего материала. И в таком варианте мы смогли собрать только нужное и не перегружать наши ограниченные — как бы их назвать? — транспортные устройства. А теперь верните, пожалуйста, браслет.

Эштон медленно протянул ей браслет Стива, но даже не подумал снимать свой. Возможно, такой поступок таил в себе опасность, но он был готов пойти на попятный при первых же ее признаках.

— Я готов уменьшить сумму моего вознаграждения, — заявил он. — Фактически, я от него отказываюсь — в обмен на это. — Он коснулся запястья, где поблескивала металлическая полоска.

Выражение ее лица стало непостижимым, как улыбка Джоконды. (Может, и она, подумал Эштон, присоединилась к собранным им сокровищам? Много ли они взяли из Лувра?)

— Я не назвала бы это отказом от вознаграждения. Такой браслет нельзя купить за все деньги мира.

— Равно как и то, что я передал вам.

— А вы жадны, мистер Эштон. И знаете, что с акселератором весь мир станет вашим.

— Ну и что с того? Разве вас будет интересовать наша планета теперь, когда вы забрали все, что хотели?

После короткой паузы она неожиданно улыбнулась:

— Значит, вы предположили, что я не из вашего мира?

— Да. Я знаю, что кроме меня у вас есть и другие агенты. Вы с Марса? Или все равно мне не скажете?

— Я охотно вам все расскажу. Но если я это сделаю, вы меня не поблагодарите.

Эштон бросил на нее настороженный взгляд. Что она хотела этим сказать? Он неосознанным движением отвел руку за спину, защищая браслет.

— Нет, я не с Марса или любой известной вам планеты. Вы все равно не поймете, *что* я такое. И все же я скажу. Я из будущего.

— Из будущего? Да это смешно!

— В самом деле? Интересно, почему же?

— Если бы такое было возможно, в нашей прошлой истории было бы полным-полно путешественников во времени. Кроме того, это включает *reductio ad absurdum*. Путешествие в прошлое может изменить настоящее и создать всевозможные парадоксы.

— Неплохие доводы, хотя и не столь оригинальные, как вы полагаете. Но они лишь отвергают возможность путешествий во времени в целом, а не особые случаи, как сейчас.

— А что сейчас такого особенного?

— В очень редких случаях и путем затраты огромного количества энергии возможно создать... *сингулярность* во времени. За ту долю секунды, пока эта сингулярность существует, прошлое становится доступным для будущего, хотя и ограниченно. Мы можем послать в прошлое свой разум, но не тела.

— Так вы хотите сказать, что тело, которое я вижу, *одолжено*?

— О, я за него заплатила, как сейчас плачу вам. Владелец согласилась на мои условия. В таких вопросах мы очень щепетильны.

Эштон быстро размышлял. Если ее слова — правда, то это дает ему определенное преимущество.

— Тогда получается, — продолжил он, — что у вас нет прямого контроля над материей и вы вынуждены действовать через агентов-людей?

— Да. Даже эти браслеты были сделаны здесь, под нашим ментальным руководством.

Она объясняла слишком многое и слишком охотно, обнажая всю свою слабость. В сознании Эштона вспыхнул тревожный огонек, но он зашел слишком далеко. Отступать теперь поздно.

— В таком случае, как мне кажется, — медленно говорил он, — вы не можете заставить меня вернуть браслет.

— Совершенно верно.

— Это все, что я хотел узнать.

Теперь она улыбалась, и было в ее улыбке нечто такое, от чего Эштон похолодел.

— Мы не мстительны и не злы, мистер Эштон, — негромко сказала она. — И то, что я хочу сейчас сделать, вызывает к моему чувству справедливости. Вы попросили браслет — можете оставить его себе. А теперь я расскажу, насколько он вам окажется полезен.

На секунду Эштона охватило безумное желание вернуть акселератор. Вероятно, она угадала его мысли.

— Нет. Уже слишком поздно. Я настаиваю на том, чтобы браслет остался у вас. В одном я могу вас заверить. Он не испортится. И прослужит вам, — снова загадочная улыбка, — всю оставшуюся жизнь.

Не возражаете, если мы пройдемся, мистер Эштон? Я завершила свою работу здесь и хочу бросить прощальный взгляд на ваш мир, прежде чем покинуть его навсегда.

Не дожидаясь его ответа, она направилась к железным воротам. Снедаемый любопытством, Эштон последовал за ней.

Они шагали молча, пока не остановились среди замерших на Тоттенхем Корт-руд машин. Она немного остано-

яла, разглядывая деловую, но неподвижную толпу, и вздохнула:

— Мне жаль их всех, и вас тоже. Мне очень хочется знать, чего вы смогли бы добиться.

— И как понимать ваши слова?

— Совсем недавно, мистер Эштон, вы сказали, что будущее не может влиять на прошлое, потому что это может изменить историю. Проницательное замечание, но, боюсь, неуместное. Видите ли, у *вашего* мира уже нет истории, которую можно изменить.

Она указала куда-то в сторону, и Эштон быстро обернулся. На противоположной стороне улицы возле стопки газет сидел мальчишка-газетчик. Ветер, дующий в неподвижном мире, изогнул первую страницу одной из них под невероятным углом, и Эштон с трудом прочитал:

СЕГОДНЯ ИСПЫТАНИЕ СУПЕРБОМБЫ

Голос женщины прозвучал словно из непостижимой дали:

— Я вам уже говорила, что путешествие во времени даже в столь ограниченной форме требует высвобождения огромного количества энергии — гораздо большего, чем выделяется при взрыве одной бомбы, мистер Эштон. Но эта бомба стала лишь начальным импульсом...

Она указала на землю под их ногами:

— Знаете ли вы что-нибудь о своей планете? Вероятно, нет; ваша раса узнала так мало. Но даже ваши ученые установили, что на глубине двух тысяч миль у Земли имеется плотное жидкое ядро. Оно состоит из сжатого вещества и может существовать в одном из двух стабильных состояний. Получив определенный импульс, ядро может перейти из одного состояния в другое — так карточный домик рушится от прикосновения. Этот переход, мистер Эштон, высвобождает столько же энергии, сколько все землетрясения за всю историю планеты. Океаны и континенты взлетят в космос, и у Солнца появится второй пояс астероидов.

Эхо этого катаклизма разнесется на века и на долю секунды приоткроет нам щелочку в ваше время. За эту

секунду мы попытаемся спасти все, что сможем, из сокровищ вашего мира. Это все, что в наших силах, и даже если ваши мотивы были чисто эгоистичными и нечестными, вы оказали своей расе услугу, о которой и не подозревали.

А теперь я должна вернуться на наш корабль, который ждет меня почти через сто тысяч лет над останками Земли. Браслет можете оставить себе.

Перемещение оказалось мгновенным. Женщина внезапно застыла и превратилась в одну из статуй на безмолвной улице. Эштон остался один.

Один! Он поднес к глазам поблескивающий браслет, загипнотизированный изяществом его работы и скрытой в нем мощью. Он заключил сделку и должен выполнять ее условия. Он может прожить до конца отмеренную ему при рождении жизнь — ценой изоляции, какой не знал ни один человек. Но если он выключит браслет, последние секунды истории неумолимо просочатся у него между пальцами.

Секунды? У него нет даже секунд — Эштон знал, что бомба, наверное, уже взорвалась.

Он уселся на край тротуара и задумался. Торопиться некуда; надо обдумать все спокойно и без истерии. В конце концов, времени у него предостаточно.

Все время мира.

КОСМИЧЕСКИЙ КАЗАНОВА

На сей раз симптомы стали заметными через пять недель после отлета с Базы. В прошлый раз для этого потребовался всего месяц; не знаю, чему обязан такой разнице — то ли возраст берет свое, то ли диетологи что-то добавили в мои пищевые капсулы. А может, причина еще проще — я был слишком занят. Та ветвь Галактики, которую я разведывал в этом полете, была плотно, через каждые два-три световых года, нашпигована звездами, и на мысли о девушках у меня попросту не оставалось времени. Как только я классифицировал очередную звезду, а автоматический поиск планет завершался, наступало время отправляться к следующей. А когда, как это случилось примерно в одном случае из десяти, обнаруживались еще и планеты, я бывал просто отчаянно занят несколько дней подряд, а Макс, мой корабельный компьютер, заполнял свою память обильной информацией.

Но теперь плотно набитая звездами область пространства осталась позади, и иногда у меня уходило целых три дня на перелет от звезды до звезды. Такого промежутка вполне хватало, чтобы по кораблю на цыпочках начинал бродить Секс, а воспоминания о последнем отпуске делали предстоящие несколько месяцев полета бесконечно долгими.

Возможно, я перестарался тогда на Диадне-5, когда мой корабль готовили к следующему полету, а мне полагалось отдыхать. Но космический разведчик восемьдесят

процентов своего времени проводит в одиночестве, а человеческая природа такова, что потом ему хочется наверстать упущенное. А я не просто его наверстал, а обеспечил и солидный задел на будущее — однако, как оказалось, на весь новый полет мне его не хватило.

Сперва, как я с тоской вспомнил, у меня была Хелен — ласковая и уступчивая блондинка. Правда, ей немного не хватало воображения. Мы отлично проводили время, пока ее муж не вернулся из *своего* полета; он повел себя поразительно порядочно, но вполне логично заметил, что у Хелен теперь останется очень мало времени на общение с другими мужчинами. К счастью, я уже успел познакомиться с Айрис, так что вакансия долго не пустовала.

Айрис оказалась еще та штучка — вспоминая ее, я даже сейчас вздрагиваю. Когда наши отношения прервались — по той простой причине, что мужчине надо иногда хоть немного поспать, — я целую неделю не приближался к женщинам. А потом мне попалось на глаза трогательное стихотворение поэта с древней Земли по имени Джон Донн — его книги стоит поискать, если вы умеете читать на примитивном английском, — которое напомнило мне, что утерянное время уже никогда не возместить.

Как это верно, подумал я и, облачившись в униформу космонавта, отправился на пляж единственного на Диадне моря. Не пройдя и пары сотен метров, я уже наметил десяток кандидатов, отделался от нескольких дамочек-добровольцев и положил глаз на Натали.

Сперва у нас все шло прекрасно, но потом Натали стала возражать против моих свиданий с Руфью (или то была Кэти?). Я терпеть не могу девушек, полагающих, будто мужчина — их собственность, поэтому после довольно тяжелой сцены, включающей битье дорогой посуды, я дал себе приказ «полный вперед». Несколько следующих дней я провел в одиночестве, потом меня спасла Синтия, и... но теперь вы уже поняли главное, поэтому не стану утомлять вас подробностями.

Так вот, это и были те нежные воспоминания, которые я мысленно перебирал, пока одна звезда тускнела за кормой, а другая разгоралась прямо по курсу. Я специально

не взял в этот полет свои рисунки, решив, что они лишь усугубят мою тоску. Это оказалось ошибкой; будучи очень неплохим художником в весьма специализированной области, я рисовал на память своих подружек и вскоре стал обладателем коллекции, которой на любой respectable планете было бы трудно подыскать достойный аналог.

Только не подумайте, что все эти мысли влияли на эффективность моей работы как специалиста галактической разведки. Гормоны напоминали о себе лишь во время долгих и скучных межзвездных перелетов, когда мне, если не считать компьютера, не с кем было перекинуться словечком. При обычных обстоятельствах мой электронный коллега Макс был неплохим собеседником, но есть некоторые темы, где от машины трудно ждать понимания и сочувствия. Я нередко задевал его чувства, когда меня одолевало раздражение и я без видимой причины выходил из себя.

— Что с тобой, Джо? — недоумевал Макс. — Ты ведь не сердись на меня за то, что я снова обыграл тебя в шахматы? Вспомни, я же предупреждал, что ты проиграешь.

— Да пошел ты к дьяволу! — огрызнулся я в ответ, а потом тревожные пять минут выяснял отношения с навигационным роботом, воспринимающим все сказанное буквально.

Но через два месяца после отлета с Базы, когда я зарегистрировал тридцать звезд и четыре планетные системы, произошло событие, заставившее меня позабыть обо всех личных проблемах. Пискнул монитор дальнего поиска — он уловил далекий сигнал, исходящий из области пространства где-то впереди. Я взял как можно более точный пеленг; передача оказалась немодулированной и в очень узком диапазоне — наверняка какой-то маяк. Однако, насколько я знал, наши корабли никогда не посещали этот дальний уголок Вселенной; мне полагалось разведывать совершенно неисследованные территории.

Значит, решил я, это ОН — мой великий момент, компенсация за все проведенные в космосе одинокие годы. Где-то впереди меня ждет другая цивилизация — достаточно развитая, чтобы изобрести гиперрадио.

Я точно знал, как мне следует поступить. Едва Макс подтвердил мои наблюдения и завершил свой анализ, я запустил в сторону Базы курьерскую капсулу. Теперь, если со мной что-либо случится, там будут знать, где это произошло, и догадаются о причине. А меня утешала мысль, что, если я не вернусь на Базу в срок, друзья явятся за моими останками.

Вскоре уже не осталось сомнений в том, откуда исходит сигнал, и я слегка изменил курс, направившись к маленькой желтой звезде, возле которой работал маяк. Такой мощный сигнал, говорил я себе, означает развитую технику космических полетов, и я, вполне возможно, наткнулся на культуру, развитую не меньше нашей — со всеми вытекающими последствиями.

Еще находясь очень далеко, я, не очень-то надеясь на успех, стал вызывать их со своего передатчика. К моему удивлению, на вызов быстро ответили. Непрерывная волна превратилась в цепочку повторяющихся импульсов. Даже Макс не смог расшифровать это послание. Вероятно, оно означало нечто вроде: «А кто ты такой, черт возьми?» — а это слишком короткий образец текста, и освоить по нему чужой язык не по зубам даже самой мощной машине-переводчику.

С каждым часом сигнал становился все сильнее, и я, желая показать, что принимаю его четко и ясно, периодически посылал такое же сообщение в направлении источника. А потом мне преподнесли второй сюрприз.

Я ожидал, что они — кем бы они ни были — переключатся на голосовое общение, едва я окажусь в зоне уверенного приема. Именно так они и поступили; но я никак не ожидал, что голоса их окажутся человеческими, а язык — несомненной разновидностью английского, хотя совершенно для меня непонятной. Я распознавал лишь одно слово из десяти, остальные звучали или совершенно непонятно, или неразборчиво из-за помех.

Когда из динамика послышались первые слова, я обо всем догадался. Я обнаружил не инопланетную расу негуманоидов, а нечто почти столь же потрясающее, но намного более безопасное для одинокого разведчика. Я установил контакт с одной из утерянных колоний Первой им-

перии — с пионерами, покинувшими Землю в самом начале межзвездной экспансии пять тысяч лет назад. Когда империя рухнула, очень многие из этих изолированных групп или погибли, или скатились к варварству. А здесь, похоже, отыскалась уцелевшая колония.

Я заговорил с ними очень медленно, подбирая простейшие английские слова, но пять тысяч лет — очень долгий срок в жизни любого языка, и реальный разговор оказался невозможен. Контакт, несомненно, стал для них величайшим событием — и приятным, насколько я мог судить. Это не всегда так; в некоторых изолированных культурах, оставшихся после Первой империи, развилась активная ксенофобия, и, когда колонисты заново узнают, что не одиноки во Вселенной, у них едва не начинается истерика.

Мы безуспешно пытались общаться, и тут возник новый фактор — резко изменивший мое отношение. Из динамика послышался женский голос.

Я никогда не слышал столь замечательного голоса, и, думаю, даже не будь у меня за спиной одиноких космических недель, я все равно мгновенно бы в него влюбился. Очень низкий, но несомненно женский, он звучал столь тепло и ласкающе, что все мои чувства мгновенно заиграли. Я был настолько ошеломлен, что лишь через несколько минут осознал — я понимаю слова невидимой обольстительницы. Она говорила на версии английского, где каждое второе слово было мне понятно.

Короче говоря, очень скоро я узнал, что ее зовут Лайала и что она единственный на планете филолог, специализирующийся по примитивному английскому. Ее вызвали в качестве переводчика, едва был установлен контакт с моим кораблем. Похоже, везение мое продолжалось, ведь переводчик запросто мог оказаться неким древним и седобородым ископаемым.

Шли часы, ее солнце становилось все крупнее, а мы с Лайалой — все более тесными друзьями. Время поджимало, и мне пришлось действовать быстрее обычного. Тот факт, что никто иной не мог понимать наши разговоры, позволял нам беседовать практически с глазу на глаз. И в самом деле, Лайала недостаточно хорошо знала английский, и это позволяло мне выходить сухим из воды после

какой-нибудь двусмысленной фразы; я мог не опасаться, что зайду слишком далеко с девушкой, которая все сомнения решает в мою пользу, считая, что не поняла сказанное...

Нужно ли говорить, что я был очень и очень счастлив? Получалось, что мои личные и официальные интересы идеально совпадают, и лишь одна проблема меня слегка тревожила. Я еще не видел Лайалу. А что, если она окажется абсолютной уродиной?

Первую возможность решить эту важную проблему я получил за шесть часов до посадки. Я настолько приблизился к планете, что уже мог принимать телепередачи, и Максу потребовалось всего несколько секунд, чтобы проанализировать передаваемый сигнал и настроить приемник на корабле. Наконец-то я увидел первые изображения с поверхности планеты — и Лайалу.

Она оказалась столь же прекрасна, как и ее голос. Долгие секунды я просидел, уставясь на экран и не в силах вымолвить и слова. Наконец Лайала спросила:

— Что с вами? Неужели вы никогда не видели девушку?

Я был вынужден признаться, что видел, и не одну, но такую, как она, — никогда. Я с великим облегчением обнаружил, что она отреагировала на мои слова весьма благосклонно, и, похоже, ничто не преграждало нам дорогу к будущему счастью — если мы сумеем избежать армии ученых и политиков, которые окружают меня сразу после посадки. Наши надежды на уединение были весьма шаткими, причем настолько, что у меня даже появилось искушение нарушить одно из своих самых незыблемых правил — я задумался о *женитьбе* на Лайале, если это окажется единственным для нас выходом. (Да, два месяца в космосе действительно повлияли на мою психику...)

Пять тысяч лет истории — десять тысяч, если приплюсовать еще и мои пять — трудно сжать в несколько часов рассказа. Но, имея такого восхитительного наставника, я быстро впитывал знания, а все, что упускал я, Макс сохранял в своей бездонной памяти.

Аркадия, как очаровательно называлась их планета, располагалась на самой границе освоенного в ходе колонизации пространства; когда прилив имперской экспансии

схлынул, о ней попросту забыли. Борясь за выживание, аркадцы утратили большую часть научных знаний, включая секрет межзвездных перелетов. Они не могли покинуть пределы своей солнечной системы, но у них такого желания и не возникало. Это оказалась плодородная планета с низкой гравитацией — всего четверть земной, — что придало колонистам физическую силу, потребовавшуюся для строительства жизни, достойной названия планеты. Даже допуская, что Лайала несколько приукрасила рассказ о своей родине, она показалась мне весьма привлекательным местечком.

Желтое солнце Аркадии уже превратилось в диск, когда меня осенила замечательная идея. Меня очень тревожила мысль о комитете по встрече, и я внезапно понял, как смогу от него избавиться. План требовал содействия Лайалы, но в ней я к тому времени уже был уверен. Если вы не сочтете мои слова нескромностью, то могу сказать, что всегда умел обращаться с женщинами, а заочно ухаживать мне не впервой.

И вот за два часа до посадки аркадцы узнали, что дальние разведчики — существа очень робкие и подозрительные. Сославшись на предыдущий печальный опыт общения с враждебными культурами, я вежливо отказался войти, подобно мухе, в их паутину. Поскольку я прилетел один, то готов встретиться лишь с одним из них в некоем изолированном месте, которое еще предстоит выбрать. Если эта встреча пройдет нормально, то я соглашусь полететь в их столицу, а если нет — вернусь, откуда прибыл. Надеюсь, они не сочтут такое поведение невежливостью, но я лишь одинокий путник вдали от дома и уверен, что они, как люди здравомыслящие, меня поймут...

Меня поняли. Выбор посланника был очевиден, и Лайала, отважно вызвавшись встретиться с монстром из дальнего космоса, в один миг стала всепланетной героиней. Своим встревоженным друзьям она пообещала, что свяжется с ними через час после того, как войдет в мой корабль. Я попытался уговорить ее на два часа, но она ответила, что это станет слишком подозрительно и даст завистникам повод распускать про нее сплетни.

Корабль уже пронзал атмосферу Аркадии, когда я неожиданно вспомнил про нарисованные уже в этом полете компрометирующие рисунки, и мне пришлось устроить торопливую приборку. (И все равно один довольно откровенный шедевр завалился за ящик с картами, и, когда несколько месяцев спустя его обнаружила команда обслуживания, я был готов провалиться сквозь палубу от смущения.) Когда я вернулся в рубку управления, экраны уже показывали пустую равнину, посреди которой меня ждала Лайала. Через две минуты я смог обнять ее, вдохнуть аромат ее волос, ощутить ее податливое тело...

Я не стал утруждать себя наблюдением за посадкой, потому что мог положиться на Макса — он, как всегда, проделает свою работу безупречно. Я торопливо спустился к шлюзу и, собрав все остатки терпения, принялся ждать, когда распахнется отделяющий меня от Лайалы люк.

Мне показалось, что прошла целая вечность, пока Макс не завершил рутинную проверку атмосферы и не выдал сигнал: «Открывается наружный люк». Металлический диск еще двигался, когда я прыгнул в отверстие люка и коснулся наконец плодородной земли Аркадии.

Я помнил, что вешу здесь всего сорок фунтов, поэтому, несмотря на нетерпение, двигался осторожно. И все же я позабыл, погрузившись в розовые мечты, что пониженная гравитация может сделать с человеческим телом за две сотни поколений. А на маленькой планете эволюция за пять тысяч лет способна потрудиться на славу.

Лайала ждала меня — столь же прекрасная, как и на экране. Но изображение отличала от оригинала одна мелочь, которую я на экране заметить никак не мог.

Я никогда не любил высоких девушек, а теперь люблю их еще меньше. Пожалуй, если бы мне этого до сих пор хотелось, я смог бы обнять Лайалу. Но я выглядел бы полным идиотом, стоя на цыпочках и обнимая ее вокруг коленей.

ЗВЕЗДА

До Ватикана три тысячи световых лет. Некогда я полагал, что космос над верой не властен; точно так же я полагал, что небеса олицетворяют великолепие творений Господних. Теперь я ближе познакомился с этим олицетворением, и моя вера, увы, поколебалась. Смотрю на распятие, висящее на переборке над ЭСМ-VI, и впервые в жизни спрашиваю себя: уж не пустой ли это символ?

Пока что я никому не говорил, но истины скрывать нельзя. Факты налицо, запечатлены на несчетных милях магнитоленты и тысячах фотографий, которые мы доставим на Землю. Другие ученые не хуже меня сумеют их прочесть, и я не такой человек, чтобы пойти на подделки вроде тех, которые снискали дурную славу моему ордену еще в древности.

Настроение экипажа и без того подавленное; как-то мои спутники воспримут этот заключительный иронический аккорд?.. Среди них мало верующих, и все-таки они не ухватятся с радостью за это новое оружие в войне против меня, скрытой, добродушной, но достаточно серьезной войне, которая продолжалась на всем нашем пути от Земли. Их потешало, что Главный астрофизик — иезуит, а доктор Чендлер вообще никак не мог свыкнуться с этой мыслью (почему врачи такие отъявленные безбожники?). Нередко он приходил ко мне в обсервационный отсек, где свет всегда приглушен и звезды сияют в полную

Звезда

© Л. Жданов, перевод, 1969

силу. Стоя в полумраке, Чендлер устремлял взгляд в большой овальный иллюминатор, за которым медленно кружилось небо, — нам не удалось устранить остаточного вращения, и мы давно махнули на это рукой.

— Что ж, патер, — начинал он, — вот она, Вселенная, нет ей ни конца, ни края, и, возможно, что-то ее сотворило. Но как вы можете верить, будто этому чему-то есть дело до нас и до нашего маленького мирка, — вот тут я вас не понимаю.

И разгорался спор, а вокруг нас, за идеально прозрачным пластиком иллюминатора, беззвучно описывали нескончаемые дуги туманности и звезды...

Должно быть, больше всего экипаж забавляла кажущаяся противоречивость моего положения. Тщетно я ссылался на свои статьи — три в «Астрофизическом журнале», пять в «Ежемесячных записках Королевского астрономического общества». Я напоминал, что мой орден давно прославился своими научными изысканиями и, пусть нас осталось немного, наш вклад в астрономию и геофизику, начиная с восемнадцатого века, достаточно велик.

Так неужели мое сообщение о туманности Феникс положит конец нашей тысячелетней истории? Боюсь, не только ей...

Не знаю, кто дал туманности такое имя; мне оно кажется совсем неудачным. Если в нем заложено пророчество — это пророчество может сбыться лишь через много миллиардов лет. Да и само слово «туманность» неточно: ведь речь идет о несравненно меньшем объекте, чем громадные облака материи неродившихся звезд, разбросанные вдоль Млечного Пути. Скажу больше, в масштабах космоса туманность Феникс — малютка, тонкая газовая оболочка вокруг одинокой звезды. А вернее — того, что осталось от звезды...

Портрет Лойолы (гравюра Рубенса), висящий над графиками данных спектрофотометра, точно смеется надо мной. А как бы ты, святой отец, распорядился знанием, обретенным мной здесь, вдали от маленького мира, который был всей известной тебе Вселенной? Смогла бы твоя вера, в отличие от моей, устоять против такого удара?

Ты смотришь вдаль, святой отец, но я покрыл расстояния, каких ты не мог себе представить, когда тысячу лет назад учредил наш орден. Впервые разведочный корабль ушел так далеко от Земли к рубежам изведанной Вселенной. Целью нашей экспедиции была туманность Феникс. Мы достигли ее и теперь возвращаемся домой с грузом знаний. Как снять этот груз со своих плеч? Но я тщетно взываю к тебе через века и световые годы, разделяющие нас.

На книге, которую ты держишь, четко выделяются слова: АД МАЙОРЕМ ДЕИ ГЛОРИАМ. К вящей славе Божией... Нет, я больше не могу верить этому девизу. Верил бы ты, если бы видел то, что нашли мы?

Разумеется, мы знали, что представляет собой туманность Феникс. Только в нашей Галактике ежегодно взрывается больше ста звезд. Несколько часов или дней они сияют тысячекратно усиленным блеском, затем меркнут, погибая. Обычные новые звезды, заурядная космическая катастрофа. С начала моей работы в Лунной обсерватории я собрал спектрограммы и кривые свечения десятков таких звезд.

Но трижды или четырежды в тысячелетие происходит нечто такое, перед чем новая бледнеет, кажется пустячком.

Когда звезда превращается в *сверхновую*, она какое-то время превосходит яркостью все солнца Галактики, вместе взятые. Китайские астрономы наблюдали это явление в 1054 году, не зная, что наблюдают. Пятью веками позже, в 1572 году, в созвездии Кассиопеи вспыхнула столь яркая сверхновая, что ее было видно с Земли днем. За протекшую с тех пор тысячу лет замечено еще три сверхновых.

Нам поручили побывать там, где произошла такая катастрофа, определить предшествовавшие ей явления и, если можно, выяснить их причину. Корабль медленно пронизывал концентрические оболочки газа, который был выброшен шесть тысяч лет назад и все еще продолжал расширяться. Огромные температуры, яркое фиолетовое свечение отличали эти оболочки, но газ был слишком разрежен, чтобы причинить нам какой-либо вред. Когда взорвалась звезда, поверхностные слои отбросило с такой скоростью, что они улетели за пределы ее гравитационного

поля. Теперь они образовали «скорлупу», в которой уместилась бы тысяча наших солнечных систем, а в центре пылало крохотное паразитическое образование — белый карлик — размерами меньше Земли, но весящий в миллион раз больше ее.

Светящийся газ окружал нас со всех сторон, потеснив густой мрак межзвездного пространства. Мы очутились в сердце космической бомбы, которая взорвалась тысячи лет назад и раскаленные осколки которой все еще неслись во все стороны. Огромный размах взрыва, а также то обстоятельство, что осколки заполнили сферу поперечником в миллиарды миль, не позволяли простым глазом уловить движение. Понадобились бы десятилетия, чтобы без приборов заметить, как движутся клубы и вихри взбаламученного газа, но мы хорошо представляли себе этот яростный поток.

Выверив, уточнив свой курс, мы вот уже несколько часов размеренно скользили по направлению к маленькой лютой звезде. Когда-то она была солнцем вроде нашего, но затем в какие-то часы расточила энергию, которой хватило бы на миллионы лет свечения. И вот стала сморщенным скрягой, который промотал богатство в юности, а теперь трясется над крохами, пытаясь хоть что-то сберечь.

Никто из нас не рассчитывал всерьез, что мы найдем планеты. Если они и существовали до взрыва, катаклизм должен был обратить их в облака пара, затерявшиеся в исполинской массе светила. Тем не менее мы провели обязательную при подходе к любому неизвестному солнцу разведку и неожиданно обнаружили вращающийся на огромном расстоянии вокруг звезды маленький мир. Так сказать, Плутон этой погибшей солнечной системы, бегущий вдоль границ ночи. Планета была слишком удалена от своего солнца, чтобы на ней когда-либо могла развиваться жизнь, но эта удаленность спасла ее от страшной участи, постигшей собратьев.

Неистовое пламя запекло скалы окалиной и выжгло сгусток замерзших газов, который покрывал планету до бедствия. Мы сели, и мы нашли Склеп.

Его создатели позаботились о том, чтобы его непременно нашли. От монолита, отмечавшего вход, остался только оплавленный пень, но уже первые телефотоснимки сказали нам, что это след деятельности разума. Чуть погодя мы отметили обширное поле радиоактивности, источник которой был скрыт в скале. Даже если бы пилон над Склепом был начисто срезан, все равно сохранился бы вызывающий к звездам неколебимый, вечный маяк. Наш корабль устремился к огромному «яблочку», словно стрела к мишени.

Когда воздвигали пилон, он, наверное, был около мили высотой; теперь он напоминал оплывшую свечу. У нас не было подходящих орудий, и мы неделю пробивались сквозь переплавленный камень. Мы астрономы, а не археологи, но умеем импровизировать. Забыта была начальная цель экспедиции; одинокий памятник, ценой такого труда воздвигнутый на предельном расстоянии от обреченного солнца, мог означать лишь одно. Цивилизация, которая знала, что гибель ее близка, сделала последнюю заявку на бессмертие.

Понадобятся десятилетия, чтобы изучить все сокровища, найденные нами в Склепе. Очевидно, солнце послало первые предупреждения за много лет до конечного взрыва, и все, что они пожелали сохранить, все плоды своего гения они заранее доставили на эту отдаленную планету, надеясь, что другое племя найдет хранилище и они не канут бесследно в Лету. Поступили бы мы так же на их месте — или были бы слишком поглощены своей бедой, чтобы думать о будущем, которого уже не увидеть и не разделить?

Если бы у них в запасе оказалось еще время! Они свободно общались с планетами своей системы, но не научились пересекать межзвездные пучины, а до ближайшей солнечной системы было сто световых лет. Впрочем, овладей они высшими скоростями, все равно лишь несколько миллионов могли рассчитывать на спасение. Быть может, лучше, что вышло именно так.

Даже если бы не это поразительное сходство с человеком, о чем говорят их скульптуры, нельзя не восхищаться ими и не сокрушаться, что их постигла такая участь. Они оставили тысячи видеозаписей и аппараты для просмотра, а также подробные разъяснения в картинках,

позволяющие без труда освоить их письменность. Мы изучили многие записи, и впервые за шесть тысяч лет ожили картины чудесной, богатейшей цивилизации, которая во многом явно превосходила нашу. Быть может, они показали нам только самое лучшее — и кто же их упрекнет. Так или иначе, мир их был прекрасен, города великолепнее любого из наших. Мы видели их за работой и игрой, через столетия слышали певучую речь. Одна картина до сих пор стоит у меня перед глазами: на берегу, на странном голубом песке играют, плещутся в волнах дети — как играют дети у нас на Земле. Причудливые деревья, крона — веером, окаймляют берег, и на мелководе, никого не беспокоя, бродят очень крупные животные.

А на горизонте погружается в море солнце, еще теплое, ласковое, животворное, солнце, которое вскоре вероломно испепелит безмятежное счастье.

Не будь мы столь далеко от дома и столь чувствительны к одиночеству, мы, возможно, не были бы так сильно потрясены. Многие из нас видели в других мирах развалины иных цивилизаций, но никогда это зрелище не волновало до такой степени. Эта трагедия была особенной. Одно дело, когда род склоняется к закату и гибнет, как это бывало с народами и культурами на Земле. Но подвергаться полному уничтожению в пору великолепного расцвета, исчезнуть вовсе — где же тут Божья милость?

Мои коллеги задавали мне этот вопрос, я пытался ответить, как мог. Быть может, отец Лойола, вы преуспели бы лучше меня, но в «Экзерсиция Спиритуалиа» я не нашел ничего, что могло бы мне помочь. Это не был греховный народ. Не знаю, каким богам они поклонялись, признавали ли вообще богов, но я смотрел на них через ушедшие столетия, и в лучах их сжавшегося солнца перед моим взглядом вновь оживало то прекрасное, на сохранение чего были обращены их последние силы. Они многому могли бы научить нас — зачем же было их уничтожать?

Я знаю, что ответят мои коллеги на Земле. Вселенная — скажут они — не подчинена разумной цели и порядку, каждый год в нашей Галактике взрываются сотни солнц,

и где-то в пучинах космоса в этот самый миг гибнет чья-то цивилизация. Творил ли род добро или зло за время своего существования, это не повлияет на его судьбу: божественного правосудия нет, потому что нет Бога.

А между тем ничто из виденного нами не доказывает этого. Говорящий так руководствуется чувствами, не раскуском. Бог не обязан оправдывать перед человеком свои деяния. Он создал Вселенную и может по своему усмотрению ее уничтожить. Было бы дерзостью, даже богохульством с нашей стороны говорить, как он должен и как не должен поступать.

Тяжко видеть, как целые миры и народы гибнут в пещи огненной, но я и это мог бы понять. Однако есть предел, за которым начинает колебаться даже самая глубокая вера, и, глядя на лежащие передо мной расчеты, я чувствую, что достиг этого предела.

Пока мы не исследовали туманность на месте, нельзя было сказать, когда произошел взрыв. Теперь, обработав астрономические данные и сведения, извлеченные из скал уцелевшей планеты, я могу с большой точностью датировать катастрофу. Я знаю, в каком году свет исполинского аутодафе достиг нашей Земли. Знаю, сколь ярко эта сверхновая, что мерцает за кормой набирающего скорость корабля, некогда пылала на земном небе. Знаю, что на расвете она ярким маяком сияла над восточным горизонтом.

Не может быть никакого сомнения: древняя загадка наконец решена. И все же, о Всевышний, в твоём распоряжении было столько звезд! Так нужно ли было именно этот народ предавать огню лишь затем, чтобы символ его бренности сиял над Вифлеемом?

ИЗ СОЛНЕЧНОГО ЧРЕВА

Если вы жили только на Земле, вы не видели Солнца. Конечно, мы смотрели на него не прямо, а через мощные фильтры, которые умеряли его яркость, делая ее терпимой для глаз. Солнце неизменно висело над низкими зазубренными утесами к западу от обсерватории, не восходя и не заходя, лишь описывая небольшой круг на небе за год, который в нашем маленьком мире длился восемьдесят восемь земных дней. Не совсем верно говорить о Меркурии, что он всегда обращен к Солнцу одной стороной: планета чуть покачивается на своей оси, поэтому есть узкий сумеречный пояс, где применимы такие обычные земные понятия, как утренняя и вечерняя зоря.

Мы находились на краю сумеречной области; можно было воспользоваться прохладными тенями и вместе с тем постоянно наблюдать Солнце, парящее над утесами. Круглосуточная работа для пяти десятков астрономов и иных научных сотрудников; лет через сто мы, возможно, будем кое-что знать о небольшой звезде, давшей Земле жизнь.

Не было той области солнечного излучения, исследованию которой не посвятил бы свою жизнь кто-нибудь из сотрудников обсерватории; и уж следили мы, как коршуны. От рентгеновских лучей до самых длинных радиоволн —

на всех частотах мы расставили свои ловушки и капканы; стоило Солнцу придумать что-нибудь новое — мы уж тут как тут. Так мы полагали...

Пылающее сердце Солнца пульсирует в медленном, одиннадцатилетнем ритме, и как раз приближалась вершина цикла. Два пятна, чуть ли не самые крупные, какие когда-либо наблюдались (одно из них — достаточно большое, чтобы поглотить сто земных шаров), проплыли вдоль солнечного диска, словно исполинские черные воронки, уходящие далеко в глубь беспокойных верхних слоев звезды. Разумеется, черными они казались только рядом с окружающим их ослепительным сиянием; даже их темные, прохладные ядра жарче и ярче вольтовой дуги. Мы как раз проследили, как второе пятно исчезло за краем диска (интересно, уцелеет ли оно, появится ли вновь через две недели), и вдруг на экваторе выросла шапка взрыва!

Сперва зрелище было не особенно эффектное, потому что выброс произошел как раз в середине солнечного диска. Случись он возле края, с проекцией на космос, картина, наверно, была бы потрясающая.

Представьте себе одновременный взрыв миллиона водородных бомб. Не можете? Никто не может. И однако же нечто в этом роде видели мы. Прямо к нам из вращающегося солнечного экватора со скоростью сотен миль в секунду мчалось выброшенное взрывом вещество. Сперва — узкой струей, однако края струи быстро превратились в бахрому под действием противоборствующих ей магнитных и гравитационных сил. Но ядро летело дальше, и вскоре стало очевидно, что оно совсем оторвалось от Солнца и устремилось в космос, причем мы — его ближайшая мишень.

Хотя такое случалось уже не раз, мы всегда одинаково волновались. Ведь можно будет поймать толику солнечного вещества, летящего в гигантском облаке ионизированного газа. Опасности никакой: пока вещество достигнет нас, оно окажется слишком разреженным, вреда не причинит. Больше того, нужны очень чувствительные приборы, чтобы вообще его обнаружить.

Одним из таких приборов был радар обсерватории; он постоянно нащупывал невидимые ионизированные слои, на миллионы миль опоясавшие Солнце. Это была моя работа. И как только появилась надежда выделить на фоне Солнца надвигающееся облако, я направил на него свое гигантское «радиозеркало».

Вот он, отчетливо виден на «дальнобойном» экране — огромный лучезарный остров, удаляющийся от Солнца со скоростью сотен миль в секунду. Пока не видно никаких подробностей, он слишком далеко, волны радара не одну минуту тратили на то, чтобы проделать путь в оба конца и доставить информацию на мой экран. Несмотря на скорость — около миллиона миль в час, — вырвавшийся протуберанец лишь через двое суток достигнет орбиты Меркурия и умчится дальше, к другим планетам. Но ни Венера, ни Земля не отметят его прохождения, так как он пролетит в стороне от них.

Шли часы. Солнце утихомирилось после непостижимой конвульсии, которая безвозвратно извергла столько миллионов тонн материи в межпланетное пространство. А вскоре медленно извивающееся и вращающееся облако размером в сто раз больше Земли окажется достаточно близко, чтобы радар показал нам его строение.

Сколько лет я здесь работаю, а до сих пор не могу без волнения видеть, как светящийся след, сопряженный с пучком радиоволн передатчика, рисует изображение на экране. Я иногда кажусь себе слепцом, который прощупывает окружающее его пространство палкой длиной в сто миллионов миль. Ведь человек и впрямь слеп, если говорить о предметах, которые я изучаю. Исполинские облака ионизированного газа, улетающие далеко прочь от Солнца, вовсе невидимы глазу, их не заметит даже самая чувствительная фотографическая пластинка. Они — призраки, всего лишь несколько часов витающие в Солнечной системе. Если бы они не отражали волн, излученных нашими радарам, и не влияли на наши магнитометры, мы бы о них и не знали.

Изображение на экране напоминало фотоснимок спиральной туманности: медленно вращаясь, облако на де-

сятки тысяч миль вокруг разбросало лохматые щупальца газа. А можно сравнить его с наблюдаемым сверху циклоном в атмосфере Земли. Внутреннее строение облака было чрезвычайно сложно, и оно ежеминутно менялось под воздействием сил, далеко не изученных нами. Реки огня скользили в причудливых руслах, которые могли быть созданы только электрическими полями. Но почему они возникали из ничего и вновь исчезали, точно происходило сотворение и уничтожение материи? И что это за мерцающие гранулы, каждая размером больше Луны, подобные валунам в бурном потоке?

Уже меньше миллиона миль отделяло облако от нас; еще какой-нибудь час, и оно будет здесь. Автоматические съемочные камеры фиксировали каждый кадр на экране радара, накапливая свидетельства, которых нам хватило на много лет спора. Магнитное возмущение, опережающее облако, уже достигло нас; кажется, во всей обсерватории не было прибора, который так или иначе не отзывался бы на стремительное приближение призрака.

Я изменил настройку радара; сразу изображение выросло настолько, что на экране умещалась только его центральная часть.

Одновременно я стал менять частоту импульсов, стараясь различить слои. Чем короче волна, тем глубже можно проникнуть в толщу ионизированного газа. Таким способом я надеялся получить своего рода рентгеновский снимок внутренности облака.

Казалось, оно меняется у меня на глазах по мере того, как я проникал сквозь разреженную оболочку с ее щупальцами и приближался к более плотному ядру. Слово «плотный» применимо здесь, конечно, лишь относительно; по нашим земным меркам даже самые компактные участки облака были вакуумом. Я почти достиг предела моей шкалы частот и уже не мог получать более коротких волн, когда заметил почти посередине экрана необычный по виду, яркий след отраженного сигнала.

Он был овальный, с четко очерченными краями, гораздо более ясный, чем «гранулы» газа, которые мы видели

в струях пламенного потока. С первого взгляда я понял — это что-то странное, необычное, такого еще никто не наблюдал. Электронный луч нарисовал еще дюжину кадров, наконец я подозвал своего ассистента, который стоял у радиоспектрографа, определяя скорости летящих к нам газовых вихрей.

— Глянь-ка, Дон, — сказал я ему. — Видел ты когда-нибудь что-либо подобное?

— Нет, — ответил он, приглядевшись. — Какие силы его образуют? Вот уже две минуты очертания не меняются.

— Это-то меня и озадачивает. Что бы это ни было, ему давно пора распадаться, такая свистопляска вокруг! А оно все остается неизменным.

— А размеры его, по-твоему?

Я включил шкалу и быстро снял показания:

— Длина около пятисот миль, ширина вдвое меньше.

— А покрупнее сделать нельзя?

— Боюсь, что нет. Придется подождать — подойдет ближе, тогда и разглядим, откуда такая плотность.

Дон нервно усмехнулся.

— Нелепо, конечно, — сказал он, — но знаешь, что оно мне напоминает? Точно я разглядываю в микроскоп амёбу.

Я не ответил: та же мысль, будто откуда-то извне, пронизала мое сознание.

Мы даже позабыли об остальной части облака, но, к счастью, автоматические камеры продолжали свою работу и ничего не упустили. А мы не сводили глаз с ясно очерченной газовой чечевицы, которая, поминутно увеличиваясь на экране, мчалась к нам. И когда до облака оставалось не больше, чем от Земли до Луны, стали выделяться первые подробности внутреннего строения. Это было какое-то странное крапчатое образование, и каждый последующий кадр развертки давал иную, новую картину.

Уже половина сотрудников обсерватории столпилась в радарной, но царила тишина: все смотрели, как на экране стремительно растет загадка. Она летела прямо на нас;

еще несколько минут — и «амеба» столкнется с Меркурием где-то в его дневной части. Столкнется и погибнет... От первого детального изображения и до той секунды, когда экран снова опустел, прошло не больше пяти минут. Эти пять минут на всю жизнь запомнились каждому из нас.

Мы видели некий прозрачный овал, внутренность которого была пронизана сетью едва видимых линий. В местах пересечения линий словно пульсировали крохотные узелки света. А может быть, это нам только почудилось? Ведь радар тратил почти минуту на то, чтобы дать на экране полное изображение, а объект успевал за это время переместиться на несколько тысяч миль. Но сетка существовала, в этом никто не сомневался, и камеры ясно ее запечатлели.

Иллюзия, будто мы смотрим на нечто плотное, была настолько сильна, что я на секунду оторвался от экрана радара и поспешно навел резкость направленного в небо оптического телескопа. Конечно, я ничего не увидел, даже намек на какой-нибудь силуэт на фоне помеченного оспинами солнечного диска. Это был один из тех случаев, когда глаз оказывается бессильным и только электрические органы чувств радара могут что-то уловить. Летящий к нам из солнечного чрева предмет был прозрачным, как воздух, и куда более разреженным.

Истекали последние секунды; и мы все — я уверен — уже пришли к одному и тому же выводу, ждали только, кто первый его выскажет. Да, это невозможно — и все-таки доказательство у нас перед глазами... Мы видели жизнь там, где жизнь существовать не может!

Извержение вырвало это создание из его обычной среды в недрах пылающей атмосферы Солнца. Оно чудом пережило долгое путешествие в космосе, но теперь, видимо, умирало, по мере того как силы, управляющие исполинским невидимым телом, теряли власть над ионизированным газом, его единственной субстанцией.

Теперь, когда я сотни раз просмотрел заснятые пленки, мысль эта уже не кажется мне столь необычной. Ведь что

такое жизнь, как не организованная энергия? Что за энергия, не так уж важно — химическая, известная нам по Земле, или чисто электрическая, как это, видимо, было тут... Не род субстанции главное, а ее организация. Но тогда я не думал об этом. Потрясенный сознанием великого чуда, я смотрел, как доживает последние секунды это детище Солнца.

Было ли оно разумным? Понимало ли, какой необычный рок его постиг? Можно задать тысячу подобных вопросов, и никогда не получишь на них ответа. Трудно допустить, чтобы создание, родившееся в горниле самого Солнца, могло что-либо знать о внешней Вселенной или хотя бы вообразить нечто столь невыразимо холодное, как жесткая негазообразная материя. Падающий на нас из космоса живой остров не мог, будь он трижды разумен, представить себе мир, к которому так стремительно приближался.

Уже он заполнил наше небо и, быть может, в эти последние секунды понял, что впереди появилось что-то необычное. То ли воспринял обширное магнитное поле Меркурия, то ли ощутил рывок гравитационных сил нашего маленького мира. Во всяком случае, он стал меняться: светящиеся волокна (хочется сравнить их с нервной системой) стягивались вместе, образуя новые узоры, смысл которых я бы не прочь разгадать. Быть может, я заглянул в мозг не наделенного разумом чудовища, охваченного страхом, или небожителя, который прощался со Вселенной...

И вот экран радара пуст, светящийся след все с него стер в своем беге. Создание упало за пределами нашего горизонта, скрытое кривизной планеты. Где-то на жаркой дневной стороне Меркурия, в аду, куда сумело проникнуть всего человек десять — и еще меньше вернулось живыми, — оно незримо и беззвучно разбилось о моря расплавленного металла, о горы медленно ползущей лавы. Сам по себе удар для такого существа не играл никакой роли, но встреча с непостижимым холодом плотной материи оказалась роковой.

Да-да, холодом. Оно упало в самом жарком месте Солнечной системы, температура здесь никогда не опускается ниже семисот градусов по Фаренгейту, а порой достигает и тысячи. Но для него это было несравненно холоднее, чем для обнаженного человека самая суровая арктическая зима.

Мы не видели его смерти в ледящем пламени. Существо очутилось за пределами досягаемости наших приборов, ни один из них не зарегистрировал кончины. И все-таки каждый из нас знал, когда наступила та секунда, вот почему мы безучастно слушаем тех, кто смотрел только фильмы, но уверяют нас, будто мы наблюдали обыкновенное природное явление.

Как описать, что мы ощущали в тот последний миг, когда половина нашего маленького мира была опутана распадающимися щупальцами исполинского, хотя и бестелесного мозга? Могу только сказать, что это было вроде беззвучного крика, исполненного предельной тоски, выражение смертной муки, которое проникло в наше сознание, минуя ворота чувств. Ни тогда, ни после никто из нас не сомневался, что был свидетелем гибели гиганта.

Быть может, мы первые и последние люди, кому довелось наблюдать столь величественную кончину. Кем бы *они* ни были, эти обитатели невообразимого мира в солнечных недрах, возможно, что наши пути уже никогда более не скрестятся. Трудно представить себе, чтобы мы могли вступить в контакт с ними, даже если их разум превосходит наш.

И так ли это? Может быть, нам же лучше не знать ответа... Возможно, они живут внутри Солнца со времени зарождения Вселенной и достигли таких вершин мудрости, на какие нам никогда не подняться. Быть может, будущее принадлежит им, а не нам: быть может, они уже переговариваются через тысячи световых лет со своими собратьями внутри других звезд.

Настанет, возможно, день, когда они посредством того или иного присущего им особенного чувства обнаружат нас, вращающихся вокруг их могучей древней

родины, нас, гордых своими знаниями, почитающих себя властелинами мироздания. И, возможно, открытие их не обрадует, ведь для них мы будем всего лишь червяками, точащими кору планет, которые чересчур холодны, чтобы своими силами очиститься от заразы органической жизни.

И тогда, если это в их силах, они сделают то, что сочтут нужным. Солнце покажет свою мощь и оближет лица своих детей, и планеты продолжат путь такими, какими были изначально: чистыми, гладкими... и стерильными.

МИМОЛЕТНОСТЬ

Лес, подступавший почти к самому пляжу, взбирался в отдалении на склоны низких, окутанных туманом холмов. Пляж покрывал грубый и крупный песок, смешанный с мириадами сломанных ракушек. Здесь и там отлив разбросал по нему длинные полосы водорослей. Редко прекращавшийся дождь переместился от берега в сторону материка, но даже теперь крупные и сердитые капли выбивали в песке крошечные кратеры.

Было жарко и душно, потому что война между солнцем и дождем не прекращалась никогда. Иногда туманная дымка поднималась и холмы отчетливо показывались над землей, которую охраняли. Холмы эти охватывали залив полукольцом, повторяя очертания пляжа, а за ними — очень далеко — иногда можно было разглядеть стену высоких гор, накрытых вечными облаками. Повсюду росли деревья, сглаживая контуры земли, и холмы плавно перетекали один в другой. Лишь в одном месте виднелись голые скалы — там, где некий процесс подточил основания холмов и теперь четко и ясно виднелась примерно миля горизонता.

Двигаясь с чуткой настороженностью дикого животного, сквозь низкорослые деревья на опушке леса пробирался мальчик. Постоял секунду, потом, не заметив опасности, медленно вышел на пляж.

Мимолетность

© Издательство «Полярис», перевод, 1998

Он был обнажен, приземист и широкоплеч. Пряди нечесанных черных волос падали на плечи. Грубоватое лицо вполне могло бы сойти за человеческое, но его выдавали глаза. Они не были глазами животного, потому что в глубине их таилось нечто, чего никогда не знал ни один зверь — но это нечто было лишь обещанием, потому что для этого ребенка, как и для всей его расы, свет разума едва-едва забрезжил. Лишь тончайшее, с волосок, расстояние отделяло его от животных, среди которых он жил.

Племя пришло на эту землю недавно, и он стал первым, кто ступил на этот пустынный пляж. Что заставило мальчика покинуть полный знакомых опасностей лес и сменить его на незнакомые, и потому еще более страшные опасности новой местности, он не смог бы сказать, даже если бы обладал даром речи. Мальчик медленно подошел к кромке воды, часто оглядываясь на лес за спиной, и песок впервые в истории планеты ненадолго сохранил отпечатки, которые вскоре станут ему очень хорошо знакомы.

Мальчик и прежде видел воду, но она всегда была ограничена со всех сторон землей. Теперь она простиралась перед ним бесконечно, а в ушах его столь же бесконечно повторялся шум трудолюбивого прибора.

С беспредельным терпением дикаря он стоял на влажном, только что обнажившемся после отлива песке, а когда кромка воды отодвигалась от берега, медленными шажками следовал за ней. Если шальная волна подкрадывалась к его ногам, он слегка отступал. Но что-то удерживало его у самой воды, хотя тень его на песке удлинялась, а холодный вечерний ветер становился все сильнее.

Возможно, в его сознание проникло изумление перед морем, намек на то, чем оно когда-нибудь станет для человека. Хотя первым богам его народа предстояло родиться еще очень нескоро, мальчик ощутил, как в нем забрезжило преклонение. Он понял, что стоит перед чем-то несравненно более великим, чем все до сих пор встреченные им силы и стихии.

Отлив сменился приливом. Где-то далеко в лесу завыл волк и неожиданно смолк. Звуки ночи за спиной становились все громче. Настало время уходить.

Низкая луна осветила две отпечатавшиеся на песке цепочки следов. Их быстро сглаживал прилив. Но за грядущие столетия они еще много раз возникнут снова, тысячами и миллионами.

Играющий на берегу ребенок ничего не знал о лесе, царившем некогда на окружающих землях. Эфемерный, как часто сползающие по склонам холмов туманы, он, тоже когда-то покрывавший холмы, исчез. На его месте раскинулись шахматные квадратики полей — наследие тысячи лет терпеливого труда. Так сохранялась иллюзия постоянства, хотя вокруг изменилось все — кроме контуров холмов на фоне неба. Песок на пляже стал мельче, а уровень берега поднялся, и древняя кромка прилива была уже недостижимой для череды неутомимых волн.

За приморской стеной и бульваром золотым солнечным днем дремал городок. Там и тут на пляже лежали люди, разморенные жарой и убаюканные бормотанием волн.

У противоположного берега залива, бело-золотой на голубом фоне воды, в море медленно выходил корабль. Мальчик слышал приглушенный расстоянием гул его винтов и видел на палубах крошечные фигурки людей. Для ребенка — и не только для него — корабль был прекрасным чудом. Он знал его название, и название земли, куда тот плыл, но не знал, что этот великолепный корабль был последним и величайшим из себе подобных. И он едва замечал в небе почти неразличимые из-за солнечного блеска тонкие белые линии реактивных выхлопов, провозглашающие обреченность гордого и изящного гиганта.

Вскоре огромный лайнер стал лишь смазанным пятнышком на горизонте, а мальчик вернулся к прерванной игре и упорному строительству песчаных замков. Солнце перевалило зенит, понемногу клонясь к закату, но до вечера было еще далеко.

Все же он наступил, когда вернулся прилив. Услышав слова матери, ребенок собрал игрушки и, устало-удовлетворенный, пошел за родителями по пляжу. Он лишь единственный раз обернулся посмотреть на песочные замки, которые строил с таким усердием, но никогда больше не

увидит. Мальчик без сожаления отдал их наступающим волнам, потому что завтра он вернется, а будущее тянулось перед ним бесконечно.

Он был еще слишком мал и не знал, что завтра может и не наступить — как для него самого, так и для всего мира.

Теперь изменились даже холмы, придавленные тяжестью прошедших лет. И не все изменения были работой природы, потому что как-то ночью в давно позабытом прошлом нечто метнулось вниз со звезд, и городок испарился, взлетев к небу в столбе клубящегося пламени. Но это случилось настолько давно, что уже не стоило жалости или сожаления. Подобно падению легендарной Трои или гибели Помпеи, это событие стало древней историей и теперь не трогало душу.

Над ломаной линией холмов торчало длинное металлическое сооружение, поддерживающее лабиринт вращающихся и сверкающих на солнце зеркал. Никто из живших прежде не смог был угадать их предназначение. Для них оно выглядело бы столь же бессмысленно, как обсерватория или радиостанция для древних людей. Но сооружение не было ни тем, ни другим.

Вскоре после полудня Бран пришел поиграть среди оставшихся после отлива мелких луж. На берегу он был совсем один, но его охраняла непрестанно наблюдающая за ним машина. Всего несколько дней назад рядом с Браном возле голубых вод прекрасного залива играли и другие дети. Время от времени Бран задумывался над тем, куда они подевались, но он был склонен к одиночеству, и ответ его не особенно волновал. Погруженный в свои мечты, он был вполне доволен тем, что остался один.

За несколько часов он соединил лужицы сложным переплетением каналов. Мысли Брана были очень далеки от Земли, как в пространстве, так и во времени. Вокруг него сейчас простирались унылые красные пески другого мира, а себя он воображал Гарденисом, принцем инженеров, спасающим свой народ от всепоглощающей пустыни. Брану мнилось, будто он на Марсе; он знал историю его

долгой трагедии и помощи, которая пришла с Земли слишком поздно.

Пустынное море простиралось до самого горизонта; уже столетия его не бороздили корабли. Когда-то, почти в начале времен, человек вел недолгую войну с океанами мира. Теперь же казалось, что лишь мгновение миновало от появления первых каноэ до прощального рейса последнего огромного мегатерия морей.

Когда по пляжу скользнула гигантская тень, Бран даже не поднял голову. В последние дни эти серебристые великаны взмывали из-за холмов непрерывным потоком, и теперь он почти не обращал на них внимания. Всю свою жизнь он видел величественные корабли, вспахивающие небеса Земли на пути к далеким мирам. Нередко он видел, как они возвращаются из этих долгих путешествий, пронзая облака и привозя полные трюмы удивительнейших грузов.

Иногда мальчик задумывался, почему больше не прилетают эти возвращающиеся путники. Все корабли теперь только улетали; ни один уже не спускался с небес в космопорт за холмами. Никто не объяснил ему, почему все изменилось, и он сам догадался, что не надо сейчас об этом спрашивать, потому что видел печаль, которую вызывают такие вопросы.

— Бран, — услышал он негромкий голос робота, имитирующий голос матери. — Бран... пора идти.

Ребенок поднял голову, на лице его читался возмущенный отказ. Он не мог в такое поверить. Солнце было еще высоко, а вода после отлива далеко. И все же отец с матерью уже шли по берегу, направляясь к нему.

Они шли быстро, точно куда-то торопились. Время от времени отец быстро поднимал голову к небу и тут же опускал взгляд, словно прекрасно знал, что нечего и надеяться что-либо там увидеть. Но через несколько секунд все повторялось.

Упрямый и сердитый, Бран стоял среди своих озер и каналов. Мать хранила странное молчание, и через некоторое время отец взял его за руку и тихо произнес:

— Ты должен пойти с нами, Бран. Нам пора уходить. Мальчик угрюмо показал на песок:

— Но еще слишком рано. Я не закончил.

В ответе отца не ощущалось и следов гнева, а лишь великая печаль:

— Есть множество дел, Бран, которые теперь останутся незавершенными.

Все еще не понимая, мальчик повернулся к матери:

— Но я смогу вернуться завтра?

Бран изумленно увидел, как глаза матери неожиданно наполнились слезами. И он наконец понял, что никогда больше не играть ему в песке возле лазурных вод, никогда не ощущать ласку шаловливых волн. Он слишком поздно подружился с морем, а теперь должен расстаться с ним навсегда. А из будущего, леденя душу, пришло первое осознание ждущих впереди долгих веков изгнания.

Он не оглянулся, когда они втроем зашагали прочь по вязкому песку. Это мгновение останется с ним на всю жизнь, но мальчик был слишком ошеломлен и мог лишь слепо направляться в будущее, которое был не в состоянии понять.

Три фигуры становились все меньше и наконец пропали. Долгое время спустя над холмами словно поднялось серебряное облако и медленно поплыло к морю. По низкой дуге, точно не желая покидать родной мир, последний из огромных кораблей поднялся над горизонтом и растаял в пустоте над краем Земли.

В сумерках умирающего дня вернулся прилив. Низкое металлическое здание на холмах вспыхнуло ослепительным светом, словно его создатели все еще находились за его стенами. Неподалеку от зенита одна из звезд не стала дожидаться, пока сядет солнце, и загорелась яростным белым светом на темнеющем небе. Вскоре ее компаньоны, куда более многочисленные, чем те несколько тысяч, что были знакомы людям, начали заполнять небеса. Теперь Земля оказалась вблизи центра Вселенной, и небосвод накрыло сплошное полотно света.

Но, поднимаясь над морем двумя длинными изогнутыми руками, нечто черное и чудовищное уже заслоняло звезды и словно отбрасывало тень на весь мир. Щупальца Темной Туманности нашаривали границы Солнечной системы...

На востоке из волн всплывала крупная желтая луна. Люди сровняли ее горы и подарили ей воздух и воду, но лик ее остался тем же, что глядел на Землю с начала истории, и она по-прежнему властвовала над приливами. Линия пены медленно наползала на песок, море переполняло игрушечные каналы и смывало отпечатки детских ног.

Огни в странном металлическом сооружении внезапно погасли, а вращающиеся зеркала остановились. Где-то в глубине материка ослепительно сверкнул мощный взрыв, потом второй и, еще дальше, третий.

Вскоре слегка дрогнула земля, но ни единый звук не нарушил уединение опустевшего берега.

Под ровным светом восходящей луны, с которым соперничали мириады звезд, пляж терпеливо дожидался конца. Сейчас он стал одинок — как и тогда, в самом начале. Лишь волны, да и те недолго, будут касаться его золотистого песка.

Потому что человек пришел и ушел.

ПЕСНИ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ

Лора стояла в тени пальм и смотрела на море. Она уже различала лодку Клайда — точку у самого горизонта. Только это и нарушало безмятежное единство моря и неба. С каждой минутой точка увеличивалась, пока наконец не отделилась совершенно от края голубого купола, покрывающего весь этот мир. Теперь Лора уже видела Клайда на носу лодки, неподвижного, словно статуя. Одной рукой он держался за снасти. Лицо повернуто к берегу — верно, он пытался разглядеть ее среди густых теней.

— Где ты, Лора? — жалобно прозвучал его голос из радиобраслета, который он подарил ей в день помолвки. — Иди сюда! Помоги мне перетащить домой рыбу. Улов богатый.

«Ах вот как! — подумала Лора. — Вот зачем я должна была спешить на берег».

Чтобы проучить Клайда и заставить его как следует поволноваться, она не откликнулась, пока он не повторил свой зов по крайней мере полдюжины раз. Но и тогда она не стала нажимать великолепную золотистую жемчужину, служившую кнопкой передач, а неторопливо вышла из тени больших деревьев и начала спускаться к морю.

Клайд смотрел на нее с укоризной. Но, спрыгнув на песок и привязав лодку, он поцеловал ее именно так, как ей хотелось. Потом они дружно принялись выгружать улов:

катамаран был набит рыбой, крупной и мелкой. Лора морщила носик, но трудилась добросовестно, пока жертвы хитрости и умения Клайда не заполнили доверху санки-вездеходы, стоявшие на песке.

Добыча и впрямь оказалась богатой. Лора с гордостью сказала себе: что-то, а голодать, когда она выйдет замуж за Клайда, ей не придется. Неуклюжие, покрытые панцирями обитатели морей на этой молодой планете, в сущности, не были настоящими рыбами. До того как они избретут чешую, пройдет еще миллионов сто лет. Тем не менее существа эти были достаточно вкусными, а первые колонисты дали им названия, которые вместе со множеством других традиций привезли с незабытой Земли.

— Вот и все! — пробурчал Клайд, бросив в блестящую кучу довольно удачную имитацию лосося. — Пошли!

Не без труда найдя точку опоры, Лора прыгнула на вездеход сзади. Гибкие ролики завертелись на песке, потом обрели сцепление. Клайд, Лора и сто фунтов отсортированной ими рыбы двинулись вверх по причесанному волнами берегу. Они одолели уже половину пути к дому, как вдруг в их простой, свободный от тревог мир ворвалось нечто, положившее конец привычному течению жизни.

Знамение этого конца было начертано на небе — казалось, гигантская рука провела меловую линию на голубом своде. Когда Клайд и Лора увидели этот сверкающий след, эту полосу пара, она уже кудрявилась по краям, превращаясь в клочья тумана.

Теперь до их слуха уже доносился с высоты во много километров звук, которого на их планете не слышали на протяжении нескольких поколений. Бессознательно схватившись за руки, они глядели на белоснежную борозду, прочеркнувшую небо, и прислушивались к резкому свисту с границ космоса. Опускавшийся корабль уже исчез за горизонтом, прежде чем они повернулись друг к другу и с трепетом прошептали волшебное слово: «Земля!».

После трехсотлетнего молчания Мать снова протянула руку и коснулась Талассы.

— Почему? — спрашивала себя Лора, когда миновал наконец затянувшийся миг озарения и затих крик разрываемого воздуха. — Что произошло? Почему спустя столько

лет корабль с могущественной Земли вдруг вторгся в этот тихий и безмятежный мир? На единственном острове в океане, покрывавшем всю планету, не было места для новых колонистов, и Земля знала об этом достаточно хорошо. Ее автоматические суда-разведчики обследовали Талассу из космоса и нанесли ее на карту пятьсот лет назад, когда изучение звездных миров только начиналось. Задолго до того как сам человек отважился проникнуть в межзвездное пространство, его электронные слуги облетели планеты, вращающиеся вокруг иных солнц, и повернули домой, обремененные запасами знаний, подобно пчелам, спешащим в родной улей.

Один из таких разведчиков и открыл Талассу — маленький мирок с единственным большим островом, затерянным в безбрежном море. Когда-нибудь и здесь родятся материки, но Таласса была молодой планетой, и историю ее еще никто не написал.

На возвращение домой роботу понадобилось сто лет, и еще столько же лет дремали собранные им сведения в электронной памяти гигантских запоминающих устройств, хранящих всю мудрость Земли. Первые волны колонизации не коснулись Талассы. Сначала осваивались планеты более удобные, не покрытые водой на девять десятых. Но пришло время — пионеры явились и сюда. В какой-нибудь дюжине миль от места, где сейчас находилась Лора, ее предки впервые высадились на планете и сделали ее собственностью человека.

Они срыли холмы, распахали и засеяли почву, повернули реки, воздвигли города и заводы, жили и множились, пока позволяли естественные пределы острова. Таласса с ее плодородной почвой, морем, кишашим живыми существами, мягким климатом, с погодой, которую так легко предсказать, не слишком многого требовала от своих приемных детей. Наступательного духа хватило лишь поколени на два. А потом колонисты работали ровно столько, сколько оказывалось необходимым, не больше того, тоскливо мечтали о Земле, но, удовлетворяясь своей участью, мало задумывались о будущем.

Когда Клайд с Лорой добрались до поселка, там только и было разговоров, что о корабле. С северной оконечности

острова сообщали, что звездолет уменьшил свою гигантскую скорость и на малой высоте движется в обратном направлении — по-видимому, команда выбирает место для посадки.

— У них, верно, старые карты, — сказал кто-то. — Ставлю десять против одного, что они сядут на холмах — там же, где и первая экспедиция.

Предположение выглядело правдоподобным, и через несколько минут весь имевшийся в селении транспорт ринулся на запад — по дороге, которой редко кто пользовался. Отец Лоры, как и подобало мэру такого важного культурного центра, каким был Палм-Бэй (население: 572 чел., занятия: рыболовство, гидропоника; промышленность: отсутствует), ехал впереди на казенной машине. К сожалению, срок ежегодной покраски ее только еще приближался. Одна надежда, что гости не обратят внимания на то, что краска во многих местах отвалилась, обнажив металл. В сущности, автомобиль почти новый: Лора еще хорошо помнила оживление, вызванное его появлением лет тринадцать назад.

Маленький караван из легковых машин, грузовиков и пары едва поспевавших за ними саней-вездеходов для передвижения по песку перевалил через гребень холма и остановился подле плиты с полустертой от времени надписью — простой, но запоминающейся:

МЕСТО ПОСАДКИ ПЕРВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ТАЛАССУ

1 ЯНВАРЯ НУЛЕВОГО ГОДА

(28 МАЯ 2626 г. Н. Э.)

— Первая экспедиция, — повторила про себя Лора. — Второй не было, но вот и она.

Корабль опускался так тихо, что люди не заметили, как он повис почти над их головами. Не было слышно рева двигателей — только шумели на деревьях листья, волнуемые потоком воздуха. Потом утихла и листва. Лоре подумалось, что блестящий предмет, опустившийся на траву, удивительно похож на большое серебристое яйцо,

ждушее наследку, чтобы из него вывелось то новое, необычное, что нарушит мир Талассы.

— Такой маленький, — прошептал кто-то рядом с ней. — Не могли же они прилететь с Земли в этой штуке!

— Конечно, нет, — тотчас же отозвался один из тех, кто в подобных случаях сам себя назначает экспертом. — Это только шлюпка, а корабль там, в космосе. Разве не помните — первая экспедиция...

— Ш-ш-ш, — прервал его третий голос. — Они выходят.

Протекло не больше времени, чем нужно, чтобы сердце ударило дважды. Корпус, лишенный швов, был гладким и ровным, и взгляд напрасно искал бы в нем хоть признаков отверстия. И вдруг возник овальный люк с коротким трапом, откинутым на землю. Казалось, ничто не шелохнулось, но вдруг стало сущим. Как именно — Лора понятия не имела, она приняла свершившееся без всякого удивления. Именно такого и следовало ждать от корабля, прибывшего с Земли.

В темном отверстии показались люди. Толпа не издала ни звука, когда пришельцы медленно вышли из корабля и остановились, хмуясь от ярких лучей незнакомого им солнца. Их было семеро — одни мужчины, и они совсем не выглядели сверхлюдьми, какими в воображении Лоры рисовались жители Земли. Правда, они были высокими, но лица с четкими чертами поражали худобой и такой бледностью, что кожа казалась прозрачно-белой. Вид у них был встревоженный, слегка растерянный, и это очень озадачило Лору. У нее мелькнула догадка, что посадка на Талассу могла быть непредвиденной и что, оказавшись на этой планете, гости удивлены не меньше, чем колонисты, собравшиеся приветствовать их.

Мэр Палм-Бэя, чувствуя, что наступил наивысший взлет его карьеры, вышел вперед, чтобы произнести речь, которую лихорадочно готовил с того момента, как выехал на автомобиле из селения. Но только он собрался открыть рот, сомнение, словно влажная губка, прошло по его памяти, как по школьной доске, и стерло все заготовленные слова. Островитяне приняли как само собой разумеющееся то, что корабль прибыл с Земли. Но ведь это

только предположение. Корабль вполне мог прилететь с какой-нибудь другой освоенной планеты — по меньшей мере дюжина таких колоний располагалась ближе к матери-Земле, чем Таласса. Смятение перед этими дипломатическими вопросами охватило отца Лоры, он только и смог вымолвить:

— Добро пожаловать на Талассу. Полагаю, вы с Земли?

Это «полагаю» принесло мэру Фордайсу бессмертие. Прошло целое столетие, прежде чем кто-то докопался, что мэр был не совсем оригинален, употребив это выражение*.

Во всей толпе встречающих, пожалуй, лишь одна Лора не расслышала утвердительного ответа. Это была английская речь, только за века, отделявшие Талассу от Земли, ставшая, видимо, более быстрой, чем раньше. Лора не расслышала, потому что в этот момент она впервые увидела Леона.

Он лишь сейчас вышел из корабля и, стараясь быть незаметным, присоединился к своим товарищам, стоявшим у трапа. Почему он задержался? Регулировал ли что-то в системе управления или же — это более вероятно — докладывал о ходе высадки командиру корабля-базы, который оставался в космосе, далеко за пределами атмосферы? Впрочем, Лора об этом не раздумывала, просто она не видела никого, кроме Леона.

Даже в это первое мгновение она уже знала, что жизнь ее никогда больше не будет прежней. Что-то новое и совершенно неведомое наполнило ее удивлением и страхом. Она испугалась за свою любовь к Клайду. Удивилась тому незнакомому, что ворвалось в ее жизнь.

Леон был ростом поменьше своих товарищей, но крепче их, он выглядел сильным, владеющим какими-то особыми знаниями. Его глубоко сидевшие темные и очень живые глаза выделялись на резко очерченном лице, которое никто не назвал бы красивым, хотя Лоре оно показалось неотразимо привлекательным. Перед ней стоял мужчина, видевший такое, чего она и представить себе не

---

* Этот оборот имеется у Шекспира, правда, в несколько ином значении. (Примеч. пер.)

могла, побывавший, быть может, в сказочных городах Земли, ходивший по их улицам. Что ему делать здесь, на затерянной в космосе Талассе? Почему у его пытливых глаз залегли морщинки тревоги и беспокойства?

Один раз он даже посмотрел в ее сторону, но взгляд этот не остановился на ней. Теперь взгляд его вернулся, словно подстегнутый памятью, и он впервые ощутил присутствие Лоры, которая не отрывала от него взора. Их глаза встретились, перекинув мост через бездны времени, пространства и опыта. Со лба Леона сбежали морщины тревоги, напряженное выражение лица смягчилось — он улыбнулся.

Речи, банкеты, приемы и интервью затянулись до сумерек. Леон очень устал, но мысли его были слишком возбуждены, чтобы он мог уснуть. После напряжения последних недель — с того момента как его разбудил колокол громкого боя и он ринулся вместе со своими товарищами на борьбу за спасение раненого корабля, — было непросто осознать, что опасности больше нет. Им здорово повезло, что так близко оказалась обитаемая планета! Если даже не удастся починить корабль и закончить полет, до завершения которого оставалось еще двести лет, они, во всяком случае, будут находиться среди друзей. Ни один потерпевший кораблекрушение, будь то в море или в космосе, не мог рассчитывать на большее.

Ночь стояла прохладная, тихая, на небе сверкали непривычные звезды. Но были там и старые друзья, хотя знакомые очертания созвездий изменились. Вот могучий Ригель, он нисколько не потускнел из-за того, что лучу его приходится преодолеть много добавочных световых лет, прежде чем он достигнет глаз Леона. А это вот, должно быть, гигантский Канопус, который располагается почти на одной линии с той звездной системой, куда они держали путь; на одной линии, но так далеко, что, даже когда они достигнут своей новой родины, он будет светить им не ярче, чем с земного неба.

Леон тряхнул головой, словно хотел освободиться от парализующего и завораживающего видения бесконечности. «Забудь о звездах, — сказал он себе. — Скоро ты снова встретишься лицом к лицу с ними. Держись за этот

маленький мирок, пока ты находишься в нем, даже если он окажется только пылинкой на пути между Землей, которую ты никогда больше не увидишь, и целью путешествия, которой ты достигнешь через двести лет».

Друзья его уже спали, усталые и довольные, — они имели на то право. Он тоже отдохнет, как только его смятенный дух позволит уснуть. Но сначала ему нужно взглянуть на мирок, куда закинула его судьба, на этот населенный родичами оазис в пустыне космоса.

Он вышел из длинного одноэтажного дома, наспех подготовленного к приему неожиданных гостей, и оказался на единственной улице Палм-Бэя. Улица была пуста, хотя в домах еще слышалась убаюкивающая музыка. Жители селения, видимо, привыкли рано укладываться спать, а может быть, их утомили волнения и хлопоты, связанные с ролью гостеприимных хозяев. Впрочем, Леон был этому рад, ему хотелось побыть одному, пока бег его мыслей наконец не замедлится.

Рокот моря в ночной тишине увлек его в сторону от пустынной улицы. Вскоре огни селения исчезли. Под пальмами было темно, но меньшая из двух лун Талассы высоко стояла над горизонтом в южной части небосклона, и ее странный желтый свет служил ему отличным проводником. Миновав узкий пояс деревьев, он увидел за круто спускавшимся пляжем океан, покрывавший почти всю эту планету.

У кромки воды виднелся ряд рыбацких лодок, и Леон медленно направился к ним; его интересовало, как таласские мастера решали одну из древнейших задач, постоянно встававших перед человечеством. Он придирчиво осмотрел изящные корпуса из пластика, узкие балансиры, механические ворота для вытаскивания сетей, компактные маленькие моторы, радио с пеленгаторами. Простота этой техники, доходящая почти до примитивности, но прекрасно приспособленная к местным условиям, глубоко тронула его. Трудно было представить более разительный контраст со сложными лабиринтами могучего корабля, повисшего у него над головой. Леон усмехнулся, мелькнула забавная мысль: а ведь здорово было бы швырнуть за борт годы, потраченные на учебу и тренировку, и

сменить жизнь специалиста по двигателям звездолета на нетребовательное существование мирного рыбака. Нужен ведь им кто-то, способный держать суда в порядке, а он еще, может быть, придумает кое-какие усовершенствования.

Леон тут же отбросил розовую мечту, не тратя времени на обсуждение ее очевидной нелепости, и пошел вдоль полосы пены, отмечавшей место, где волны, набегавшие на берег, лишались последних сил. Под ногами хрустели остатки живых существ, рожденных этим молодым океаном, — раковины и щитки, какими, возможно, были усеяны миллиард лет назад берега земных морей. Вот эту, например, туго закрученную известковую спираль он почти наверняка видел в каком-то музее. А почему бы и нет: природа бесконечно повторяла в одном мире за другим любую конструкцию, если она соответствовала своему назначению.

По восточной части небосклона быстро распространялось желтоватое сияние. На глазах у Леона ближайшая к планете луна — Селена — поднялась над горизонтом. Приближалось полнолуние. С удивительной быстротой диск Селены выкарабкался из моря, внезапно залив светом весь берег.

И в этот сияющий миг Леон увидел, что он не один.

Метрах в пятидесяти дальше по берегу в лодке сидела девушка. Спинай к нему, лицом к морю, видимо, не замечая Леона. Он заколебался: не хотелось нарушать ее уединения, к тому же он совсем не знал местных нравов. В такое время, в таком месте... вероятно, она ждет кого-нибудь. Пожалуй, самое правильное и тактичное — потихоньку вернуться в селение.

Однако было уже поздно. Словно разбуженная новым светом, разлившимся по берегу, девушка подняла голову и увидела его. С неторопливой грацией она встала в лодке, не выказывая никаких признаков тревоги или досады. Если бы в свете луны Леон смог разглядеть ее лицо, он с изумлением заметил бы, что оно озарилось спокойствием осуществившегося желания.

А ведь всего двадцать часов назад Лора возмутилась бы, если бы ей сказали, что она станет искать встречи с

совершенно незнакомым мужчиной здесь, на пустынном берегу, да еще в такое время, когда все ее близкие спят. Даже и сейчас она, верно, попыталась бы дать своим поступкам разумное объяснение, стала бы уверять, что не могла уснуть и решила прогуляться. Но в тайниках души она знала, что это неправда. Весь день ее преследовал образ молодого инженера. Его должность и имя она выведала у друзей, не возбудив, как ей казалось, чрезмерного любопытства.

Она увидела, как он выходил из дома для гостей, вовсе не по счастливой случайности — весь вечер она следила за ним с крыльца резиденции своего отца на другой стороне улицы. И, конечно же, не везение, а сознательный и тщательный расчет привел ее сюда, к этому месту, как только она поняла, куда направляется Леон.

Он остановился метрах в трех-четырех. Узнал ли он ее? Догадался ли, что встреча не случайна? На мгновение смелость покинула Лору, но отступить было некуда. А он улыбнулся странной, чуть асимметричной улыбкой, сразу осветившей лицо и сделавшей его еще моложе, чем он был на самом деле.

— Хэлло, — сказал он. — Не думал, что встречу кого-нибудь так поздно. Надеюсь, я не помешал вам.

— Конечно, нет, — ответила Лора, следя, чтобы голос не дрогнул и не выдал ее.

— Я с корабля. Захотелось взглянуть на Талассу, пока я здесь.

Лицо Лоры омрачилось. Ее внезапная печаль поразила Леона — ведь никакой причины для этого не было. Но тут память услужливо подсказала ему, что он уже видел эту девушку. Он догадался, почему она здесь. Это ведь та самая девушка, которая улыбнулась ему, когда он ступил на почву Талассы; впрочем, нет, это он улыбнулся ей...

Говорить, казалось, было не о чем. Они смотрели друг на друга через лежащую между ними полоску песка и удивлялись чуду, которое свело их в бесконечности времени и пространства. Потом, словно сговорясь, оба очутились на планшире рыболовного судна, все еще не произнеся ни слова.

«Безумие, — сказал себе Леон. — Что я тут делаю? Какое право имею я, странник, прохожий в этом мире, врываться в жизнь его людей? Я должен попросить прощения и уйти, оставить эту девушку берегу и морю. Все здесь по праву рождения принадлежит ей, а не мне».

Но он не ушел. Яркий диск Селены поднялся над морем на целую ладонь, когда он спросил наконец, как ее имя.

— Я — Лора, — ответила она мягким говорком островитян, который было приятно слушать, но не всегда легко понять.

— А я — Леон Карелл, помощник корабельного инженера звездолета «Магеллан».

При этих словах на лице ее мелькнула улыбка, и Леон проникся уверенностью, что она уже знает его имя. То, что затем пришло ему в голову, конечно же, не имело отношения к происходившему с ним сейчас: всего несколько минут назад он чувствовал себя смертельно усталым и собирался вернуться, чтобы наконец уснуть. Теперь ему совсем не хотелось спать, он был полон бодрости и как бы стоял на пороге неведомых приключений, исход которых не мог предугадать.

Однако предугадать следующий вопрос Лоры было нетрудно: «Как вам понравилась Таласса?»

— Дайте мне время осмотреться, — ответил Леон. — Я видел только Палм-Бэй, да и то далеко не весь.

— Вы останетесь здесь... надолго?

Пауза была едва заметной, но ухо Леона уловило ее. Значит, этот вопрос важен для нее.

— Толком не знаю, — сказал он честно. — Зависит от того, сколько продлится ремонт.

— А что испортилось?

— О, мы налетели на какую-то штуку, которая оказалась чересчур велика для нашего защитного экрана, принимающего удары метеоритов. Бум! — и конец нашему экрану. Так что придется изготовить новый.

— Думаете, что это можно сделать здесь?

— Надеемся. Главная трудность — это поднять около миллиона тонн воды к «Магеллану». Хорошо, что Таласса свободно может пожертвовать этим миллионом тонн.

— Воды? Непонятно.

— Вы, конечно, знаете, что звездолет несется со скоростью, близкой к световой. И все-таки нужны годы и годы, чтобы попасть куда-нибудь, так что приходится прибегать к гифернции, предоставляя управление кораблем автопилотам.

Лора кивнула головой — разумеется, именно таким образом и добирались сюда ее предки.

— Скорость не проблема, если б космос был действительно пуст, но это не так. Каждую секунду полета корабль сталкивается с тысячами атомов водорода, частицами пыли, а иногда и крупными обломками. При субсветовой скорости весь этот космический лом бьет по звездолету с огромной энергией и может попросту сжечь его. Поэтому примерно в одной миле впереди нас движется щит, он-то постепенно и сгорает вместо корабля. Существуют в вашем мире зонтики?

— Ну да, — протянула Лора, озадаченная этим непоследовательным вопросом.

— Тогда звездолет можно сравнить с человеком, который шагает под ливнем, опустив голову и прикрывшись зонтиком. Дождь — это космическая пыль в межзвездных пространствах: нашему кораблю не повезло, и он потерял зонтик.

— И вы можете сделать новый из воды?

— Да, это самый дешевый строительный материал во Вселенной. Мы замораживаем ее, превращаем в айсберг и посылаем его впереди корабля. Что может быть проще?

Лора не ответила. Мысли ее пошли, видимо, по новому пути. Потом она сказала так тихо и невнятно, что Леону пришлось наклониться, чтобы расслышать ее слова, заглушаемые шумом прибоя.

— И вы покинули Землю сто лет назад?

— Сто четыре. Разумеется, нам кажется, что это было всего несколько недель тому назад, потому что все мы были погружены в глубокий сон, пока автопилот не разбудил нас. Все колонисты находятся еще в состоянии гифернции. Они не знают, что случилось с кораблем.

— И вы скоро присоединитесь к ним, заснете и будете спать всю дорогу к звездам?

Леон кивнул головой, стараясь не смотреть ей в глаза.

— Да, это так. Высадка на планету задержится на несколько месяцев, но какое это имеет значение для путешествия, длящегося триста лет?

Лора повела рукой, показывая на остров, расстилавшийся за ними, потом на безбрежное море, у которого они стояли.

— Так странно, что ваши спящие друзья там, наверху, ничего этого не увидят. Мне жаль их.

— Да, только мы, пятьдесят инженеров, сможем вспомнить Талассу. Все остальные, там, в звездолете, узнают о нашей остановке только из записи в судовом журнале, притом вековой давности.

Он взглянул на Лору и увидел, что лицо ее стало печальным.

— Почему это вас огорчает?

Она покачала головой, не в состоянии ответить. Как выразить чувство одиночества, разбуженное в ней словами Леона? Жизнь людей, их надежды, их страхи значат так мало по сравнению с невообразимыми пространствами, которые они осмеливаются преодолевать. Ее ужасала мысль об этом трехсотлетнем путешествии, не завершеном еще и наполовину. А ведь в ее жилах текла кровь пионеров, тех, кто достиг Талассы таким же путем несколько веков назад.

Ночь перестала быть другом. Лоре вдруг захотелось домой, в тепло семьи, в маленькую комнатку. Все, что там находится, принадлежит Лоре, это и есть тот знакомый мирок, который ей нужен. Холод космоса замораживал ее сердце. Теперь она уже жалела о своем безумном поступке. Пора, давно пора уходить.

Они поднялись, и Лора с изумлением заметила, что лодка, на которой они сидели, была лодкой Клайда. Лоре подумалось: странно, что она невольно пришла именно к этому суденышку, хотя вдоль берега вытянулся такой ряд лодок, что из них составила бы целая флотилия. При мысли о Клайде ее охватило чувство неуверенности, даже какой-то вины. Ни разу в жизни она не думала ни об одном мужчине, кроме него, разве что случайно, на мгновение. Теперь она не могла притворяться перед собой.

— Что с вами? — спросил Леон. — Вам холодно? — Он протянул ей руку. Лора бессознательно повторила его жест, и пальцы их впервые встретились. Она рванулась в сторону, как испуганное животное.

— Нет, все о'кей, — ответила она почти сердито. — Просто поздно, мне пора домой. До свидания!

Ее порывистость, внезапно холодный тон поразили Лео-на. Неужели он сказал ей что-нибудь обидное?

— Я еще увижу вас? — спросил он вдогонку быстро удалявшейся девушке.

Если она и ответила, то шум прибоя заглушил слова. Он смотрел ей вслед. Удивленный, слегка обиженный, он раздумывал, и не впервые в жизни, над тем, как трудно понять женщину.

Хотел было догнать ее и повторить вопрос, но что-то подсказывало ему, что в этом нет надобности. Они встретятся вновь — это так же верно, как то, что завтра взойдет солнце.

Над жизнью острова царил теперь раненый гигант, повисший в космосе на высоте в полторы тысячи километров.

После заката и перед рассветом, когда мир погружался во мрак, которого не могли преодолеть лучи солнца, «Магеллан» сверкал на небе, подобно яркой звезде — самой яркой из всех светил, если не считать, разумеется, двух лун. Но и тогда, когда он становился невидимым в свете дня или когда на него напозала тень Талассы, звездолет стоял перед глазами жителей.

Было трудно поверить, что только пятьдесят человек, разбуженных из всего состава команды (к тому же не более половины их находилось на Талассе одновременно), могли до такой степени оказываться повсюду. Космонавты вечно куда-то бежали группами по два-три человека, а если не бежали, то летели на маленьких антигравитационных скутерах, проносились так бесшумно и так низко над землей, что жить в селении стало просто опасно. Несмотря на самые настойчивые приглашения, гости не принимали пока никакого участия в культурной и общественной жизни острова. Они вежливо, но твердо объяснили, что, пока не обеспечат безопасность дальнейшего

пути корабля, у них ни на что не будет времени. Потом — разумеется, но не сейчас...

И вот Талассе пришлось набраться терпения и ждать, пока земляне устанавливали свои приборы, производили съемки, глубоко бурили горные породы и ставили десятки опытов, не имевших, казалось, никакого отношения к их задаче. Иногда они проводили краткие совещания с учеными самой Талассы, но обычно держались в своем кругу. Не то чтобы они проявляли недружелюбие или чуждались островитян. Просто земляне трудились с таким яростным и целеустремленным напряжением, что никого и ничего вокруг не замечали.

Прошло два дня с первой встречи, прежде чем Лора снова заговорила с Леоном. Иногда она видела его быстро шагающим по селению, в руках он тащил туго набитый портфель. Лицо было озабоченным. При встрече они обменивались только мимолетными улыбками. Но и этого было достаточно, чтобы привести ее в смятение, лишить равновесия, отравить отношения с Клайдом.

С тех пор как она себя помнила, Клайд был частью ее жизни: бывало, что они ссорились, иногда спорили, но никогда никто не посягал на то место, которое он занимал в ее сердце. Она собиралась через несколько месяцев выйти за него замуж, но теперь отнюдь не была уверена даже и в этом, да и вообще ни в чем не была уверена.

«Потеряла голову» — недобрые слова, которые ей до сих пор доводилось относить только к другим. Но как еще назвать это стремление быть с человеком, который ворвался в ее жизнь внезапно, ниоткуда и оставит ее через несколько дней или недель? Конечно, ее влечение к нему можно отнести на счет его романтического происхождения, но это мало что объясняет. Среди землян были люди и красивее Леона, но она видела лишь его и жизнь могла иметь смысл только подле него.

К концу первого дня о чувствах Лоры догадались только в ее семье, к исходу второго каждый встречный понимаяще улыбался ей. В такой тесной, жадной до новостей общине, как Палм-Бэй, невозможно было хранить что-либо в секрете. Лора понимала, что и пытаться не стоит.

Вторая ее встреча с Леоном была случайной — в той мере, в какой такие вещи вообще могут быть случайными. Она помогала отцу отвечать на письма и запросы, потоком хлынувшие в Палм-Бэй после прибытия землян, и как раз разбиралась в своих записях, когда дверь кабинета открылась. За последние дни она отворялась так часто, что Лора уже перестала оглядываться; приемом посетителей ведала младшая сестра, она и встречала их. И вдруг Лора услышала голос Леона. Строчки заплескали перед глазами, она перестала понимать, что читает, казалось, все это написано на чужом языке.

— Могу я видеть мэра?

— Разумеется, мистер?..

— Помощник корабельного инженера Карелл.

— Я позову его. Садитесь, пожалуйста.

Леон устало опустил в старинное кресло — лучшее из того, что могла предложить нечастым посетителям приемная мэра, и только тогда заметил, что Лора молча смотрит на него с другого конца комнаты. Усталость слетела с него, он вскочил с кресла:

— Хэлло, я не знал, что вы работаете здесь.

— Я живу здесь. Мэр — мой отец.

Это важное сообщение, видимо, не произвело особого впечатления на Леона. Он подошел к письменному столу и взял в руки толстенную книгу, которую Лора читала, урывая время от своих секретарских обязанностей.

— «Краткая история Земли, — прочел он. — От зарождения цивилизации до начала эпохи межзвездных полетов». И все это на какой-то тысяче страниц! Жаль, что она заканчивается за три сотни лет до наших дней.

— Надеемся, что вы скоро дополните ее. С тех пор как книга написана, произошло много событий?

— Достаточно, чтобы заполнить примерно пятьдесят библиотек. Прежде чем покинуть Талассу, мы оставим вам копии всех наших летописей, так что ваши учебники истории будут отставать от жизни всего лишь на сто лет.

Они словно ходили вокруг да около единственной важной для них темы: когда мы увидимся снова? Мысли Лоры метались, молотком стучали в виски и не могли

превратиться в слова. Что это? Нравлюсь я ему? Или это любезный разговор воспитанного человека?

Отворилась внутренняя дверь, и из своего кабинета в приемную вышел мэр.

— Сожалею, что заставил вас ждать, мистер Карелл, — извинился он, — но на проводе был президент — он придет сегодня после полудня. Чем могу быть полезен?

Лора изо всех сил делала вид, что работает, но, пока Леон излагал послание капитана «Магеллана», напечатала восемь раз одну и ту же фразу. Впрочем, когда он умолк, она знала немногим больше, чем до того, как он начал говорить. Кажется, речь шла о том, что инженеры со звездолета хотели построить какую-то установку на мысе примерно в полутора километрах от селения. Им нужно было лишь получить согласие мэра.

— О конечно, — с чувством ответил мэр Фордайс, всем своим видом давая понять, что для гостей он готов на все. — Действуйте, этот участок никому не принадлежит, там никто не живет. А что именно собираетесь вы там сделать?

— Мы сооружаем антигравитационное устройство, и генератор необходимо закрепить в скале. Возможно, что, когда он начнет действовать, на первых порах будет немного шумно, но я не думаю, чтоб этот шум очень мешал жителям селения. Разумеется, как только все будет кончено, мы демонтируем установку.

Лора невольно восхитилась выдержкой отца. Она прекрасно знала: отец мало что понял в просьбе Леона, так же как она сама, но, глядя на него, никто не догадался бы об этом.

— Что ж, чудесно — рады помочь, чем можем. Не будете ли вы добры сообщить капитану Голду, что президент прибывает сегодня в пять часов пополудни? Я пошлю за ним свою машину. Прием состоится в пять тридцать в зале собраний Палм-Бэя.

Когда Леон, поблагодарив мэра, вышел, Фордайс пошел к дочери и взял в руки тоненькую пачку писем, которые она перепечатала, возможно, не слишком точно.

— Он кажется приятным, этот молодой человек, — сказал мэр, — но благоразумно ли слишком увлекаться им?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду.

— Что ты, Лора! Я ведь все-таки твой отец и не совсем лишен наблюдательности.

— Он, — тут Лора заносчиво фыркнула, — ни чуточки не интересуется мной.

— А ты? Интересуешься им?

— Сама не знаю. О, папочка, я так несчастна!

Мэр Фордайс не был храбрецом. Он сделал все, что мог — пожертвовал своим носовым платком и укрылся в кабинете.

Перед Клайдом впервые в жизни встала проблема, к решению которой он не знал как и подступиться, к тому же тут не могли помочь никакие прецеденты — их попросту не было. Всем известно, что Лора — его девушка. Если бы его соперником оказался кто-нибудь из парней селения или любой другой местности Талассы, Клайд не сомневался бы, как ему надлежит действовать. Но закон гостеприимства и прежде всего тот восхищенный трепет, который, естественно, внушало все связанное с Землей, мешали ему вежливо попросить Леона обратить свои взоры в другую сторону. Ему это было бы не впервой, и до сих пор подобные объяснения проходили без всяких затруднений. Возможно, потому, что рост Клайда превышал сто восемьдесят сантиметров, ширина плеч соответствовала росту и при весе в сто килограммов во всем его теле не было и грамма лишнего жира.

За долгие часы, которые он проводил теперь в море, не столько занимаясь рыбной ловлей, сколько предаваясь грустным размышлениям, Клайд тешил себя мечтами о короткой, решительной схватке с Леоном. Она отняла бы немного времени, потому что Леон хоть и не выглядел таким тощим, как все эти земляне, но был тоже бледный и утомленный, как и они. Куда ему тягаться с Клайдом, человеком, привыкшим к физической нагрузке. Но тут-то и беда: такую схватку нельзя назвать честной игрой. Клайд прекрасно понимал, что в случае драки с Леоном общественное мнение Талассы окажется не на его стороне, как бы прав он ни был.

А прав ли он действительно? Этот мучительный вопрос тревожил Клайда, как тревожил бесчисленное множество

мужчин до него. Леон стал в доме мэра совсем своим; всякий раз как Клайд заходил к Фордайсам, он заставлял там землянина, явившегося под каким-нибудь предлогом. Клайд никогда прежде не страдал от ревности, и симптомы ее отнюдь не доставили ему удовольствия.

Но воспоминание о бале все еще бесило его. Бал этот был самым крупным событием в светской жизни селения за много лет. Едва ли в истории Палм-Бэя повторится что-либо подобное. Чтобы в селении одновременно оказались президент Талассы, половина совета и пятьдесят гостей с Земли — такое вряд ли случится еще раз по сторону вечности.

Несмотря на свой рост и мощь тяжеловеса, Клайд был хорошим танцором — особенно в паре с Лорой. Но в тот вечер у него почти не было шансов доказать это: Леон слишком усердно показывал ей фигуры новых танцев Земли (новых, если не принимать во внимание, что на Земле увлекались ими сто лет назад, хотя, впрочем, мода на них могла возродиться, и тогда эти танцы и впрямь последняя новинка сезона). По мнению Клайда, техника Леона никуда не годилась, танцы были уродливы, а интерес, который проявляла к ним Лора, просто смехотворен.

У него не хватило ума промолчать, и он, как только представилась возможность, тут же выложил все Лоре. И это был последний танец, который он танцевал с ней в тот вечер. С этого момента Лора попросту не замечала его, как будто он совсем не приходил на бал. Он терпел этот бойкот, сколько хватило сил, а затем отправился в бар с совершенно определенной целью. Цели он достиг довольно быстро и только на следующее утро, проспавшись, узнал, как много потерял.

Танцы закончились рано. Потом президент произнес короткую речь — третью за вечер. Он представил собравшимся командира звездолета и обещал им небольшой сюрприз. Капитан Голд оказался столь же лаконичен: сразу было видно, что это человек, привыкший командовать, а не ораторствовать.

— Друзья, — начал он, — вы знаете, почему мы здесь, и мне незачем говорить вам, как высоко ценим мы ваше гостеприимство и любезность. Мы вас никогда не забудем

и жалею лишь о том, что у нас не хватило времени для более тесного знакомства с вашим чудесным островом и его жителями. Я надеюсь, вы простите нам многое, что могло показаться невниманием или невежливостью с нашей стороны. Мы были слишком заняты, все наше время было отдано ремонту корабля, а помыслы — безопасности наших спутников.

В конечном счете несчастный случай, приведший нас сюда, может оказаться счастливым для обеих сторон. Эта встреча укрепила наш дух, мы увезем с собой наилучшие воспоминания. То, что мы видели здесь, послужит нам примером. Да станет тот мир, который ждет нас в конце путешествия, такой же прекрасной родиной человека, в какую вы превратили Талассу.

Прежде чем вновь отправиться в путь, мы сочтем приятным долгом передать вам все материалы, которые помогут заполнить пробел в ваших знаниях из-за длительного отсутствия контакта с Землей. Мы приглашаем историков и других ученых Талассы посетить завтра наш корабль, мы предоставим им возможность скопировать любые из лент, содержащих информацию. Надеемся, что оставленное нами наследство обогатит многие поколения жителей вашего мира. Это максимум того, что мы можем сделать.

Но сегодня вечером история и иные науки пусть подождут. У нас есть и другие сокровища. За века, протекшие с тех пор как ваши предки покинули планету-мать, жители Земли создали много прекрасного. И эти творения мы оставим Талассе, прежде чем отправимся в путь. Внемлите же теперь!

Огни померкли, заиграла музыка. И все, кто был в зале, понимали, что никогда не забудут этого мгновения. Оцепенев, слушала Лора созвучия, рожденные людьми за века разлуки. Время было побеждено, его не существовало. Она даже не замечала, что Леон, стоявший рядом, взял ее за руку, — поток музыки нес их обоих.

Она никогда не слыхала ничего подобного — это принадлежало всей Земле и ей одной. Гул колоколов медленно поднимался над шпилями старинных соборов и медленно таял в вышине; пели терпеливые лодочники, гребя домой

наперекор волнам при последних лучах заходящего солнца — пели на тысяче языков, теперь забытых навсегда; гремели марши армий, идущих сражаться, но их ярость и боль уже умиротворило время; звучали приглушенные голоса десятиллионных городов, просыпающихся на рассвете; вставала неподвижная, холодная пляска северного сияния над бесконечными пустынями льда; ревели могучие двигатели, вздымая огромные корабли к звездам. Все это слышала Лора в музыке и песнях, принесенных из ночи, — песнях далекой Земли, дошедших до нее через световые годы...

Чистое сопрано, то парящее высоко-высоко, как птица, на пределе слышимости, то устремляющееся вниз, к земле, вело жалобу без слов, раздирая сердца слушателей. Это была погребальная песня любви, утраченной людьми в пустыне космоса, отпевание друзей и родного дома, воспоминание о которых в конце концов должно изгладиться из памяти, потому что космонавты никогда больше не увидят их. Это была песня, обращенная ко всем покинувшим Землю, одинаково внятная и тем, кого отделяли от родной планеты двенадцать колен, и тем скитальцам, которым казалось, что они покинули ее города и поля всего несколько недель назад.

Музыка утонула во мраке. С незрячими от слез глазами жители Талассы начали молча расходиться. Но Лора не пошла домой. Для нее существовала одна-единственная защита от пронзительного одиночества. И она обрела эту защиту в теплом мраке леса, в кольце рук Леона. Подобно путникам, затерянным во враждебных дебрях, они искали тепла и утешения у костра любви. Пока он пылал, были нестрашны ночные тени. Вселенная, со всеми звездами и планетами, стала безобидной игрушкой в их ладонях.

Леон никак не мог осознать до конца, что все происходящее реально. Несмотря на опасность, занесшую его сюда и потребовавшую такого напряжения всех сил, ему то и дело казалось, что в конце путешествия Таласса станет лишь сном, приснившимся в долгую ночь. И ему никогда не удастся проверить, было ли все так или не было. А эта страстная и обреченная любовь — он не просил о ней, она сама пришла к нему. Но у кого, говорил

он себе, достало бы сил отказаться от нее на этой мирной приветливой планете после тревог, не отпускаящих ни на минуту столько недель.

Когда ему удавалось оторваться от дел, он подолгу гулял с Лорой в полях, вдали от селения — там редко появлялись люди и тишину нарушали лишь роботы, обрабатывавшие пашни. Часами Лора расспрашивала его о Земле — и никогда о планете, к которой направлялся «Магеллан». Леон понимал, почему это так, и не уставал рассказывать ей о мире, который называли «родным домом» не только жители Земли, но и множество людей, никогда его не видевших.

Лора была жестоко разочарована, узнав, что эпохе городов давно пришел конец. Напрасно рассказывал ей Леон о децентрализованной цивилизации, которая распространилась теперь на всю планету — от полюса до полюса. Думая о Земле, Лора по-прежнему представляла себе только города-гиганты, такие, как Чандригар, Лондон, Астроград, Нью-Йорк. И ей никак не верилось, что они исчезли навсегда вместе с образом жизни, символом которого служили.

— Когда мы покидали Землю, — объяснял Леон, — самыми крупными населенными пунктами были университетские города вроде Оксфорда, Анн-Арбора или Канберры. Некоторые из них насчитывают по пятьдесят тысяч студентов и профессоров. На Земле не осталось других городов, имеющих хотя бы половину их населения.

— Но что произошло с ними?

— О, тут действовала не одна причина. Началось с развития средств связи. Как только каждый житель Земли получил возможность слышать и видеть любого с помощью простого нажатия кнопки, надобность в городах в основном исчезла. А с изобретением антигравитации оказалось совсем нетрудным передвигать по небу товары или дома, не беспокоясь о географии. Это завершило покорение пространства, начатое самолетом несколькими веками ранее. Люди стали жить, где кому нравится, и города ушли в прошлое.

Лора не сразу заговорила. Она лежала на дерновой скамье, следя за пчелой, предки которой, так же как и ее

собственные, были уроженцами Земли. Пчела безуспешно пыталась извлечь нектар из цветка, принадлежавшего к растительному миру самой Талассы. На этой планете еще не появлялись собственные насекомые, и немногочисленные разновидности местных цветов пока не изобрели приманок для воздушных гостей.

Неудачница-пчела отказалась от безнадежных попыток и улетела, сердито жужжа. Лора надеялась, что у нее хватит здравого смысла повернуть к фруктовым садам, где она найдет более отзывчивые цветы. Когда наконец девушка заговорила, она высказала мечту, которая прельщала человечество целое тысячелетие.

— Как ты думаешь, — задумчиво спросила она, — удастся ли нам когда-нибудь пробиться сквозь световой барьер?

Леон улыбнулся, понимая, куда ведут ее мечты. Летать быстрее света означало возможность посещать Землю, а затем возвращаться в тот мир, где ты родился, и находить друзей еще живыми — об этом хоть когда-нибудь да грезил каждый колонист. Во всей истории человечества не было проблемы, на решение которой потрачено столько усилий — увы! — совершенно безрезультатно.

— Не думаю, — сказал он. — Если б была хоть малейшая возможность, кто-нибудь додумался бы, как надо поступить. Нет, приходится идти длинным путем, потому что короткого нет. Так построена Вселенная, и с этим уже ничего не поделать.

— Но можно ведь по крайней мере поддерживать связь? Леон кивнул.

— Это верно, — сказал он, — мы стараемся. Не знаю, что стряслось, — вы давно уже должны были получить вести с Земли. Мы отправляем во все наши колонии роботов с подробной историей всего происшедшего на Земле до момента их отлета и с просьбой прислать тем же путем отчет о событиях на той планете. Когда информация прибывает на Землю, ее размножают и отсылают со следующим автокурьером. Так мы наладили нечто вроде межзвездной службы информации с центром на Земле. Конечно, она работает медленно, но иных возможностей нет. Если последний автокурьер, посланный на Талассу, про-

пал, то вслед за ним лет через двадцать—тридцать должны были послать следующего.

Лора попыталась представить себе обширную информационную сеть, охватывающую звездные системы, автокурьеров, снующих между Землей и ее рассеянными по Вселенной детьми, и удивилась, как это позабыли о Талассе. Но сейчас, когда рядом с ней был Леон, все казалось неважным. Он здесь, а Земля и звезды далеко. Далеко было и до завтра, какие бы беды оно ни сулило...

К концу недели на вдававшемся в море скалистом мысе пришельцы построили приземистую, прочно укрепленную пирамиду из металлических ферм. Внутри помещался какой-то таинственный механизм. Лора и остальные 571 житель Палм-Бэя, да еще несколько тысяч приезжих талассцев наблюдали за первым испытанием. Впрочем, ближе чем на 400 метров подходить к сооружению запрещалось — предосторожность, вызвавшая немалую тревогу среди тех островитян, которые обладали не слишком крепкими нервами. Хорошо ли знают земляне, что делают? Неровен час, что-нибудь случится... Да и что именно они там задумали?

Леон вместе со своими друзьями что-то делал внутри металлической пирамиды. Шли последние приготовления. «Приближенное фокусирование», — как объяснил он Лоре, кратко, но невразумительно. Лора, как и все другие островитяне, охваченная тревогой непонимания, следила издали за землянами. Вот они покинули свое сооружение, направились к краю скалы, на которой оно было воздвигнуто, и остановились, глядя вдаль. Силуэты маленькой группы людей четко вырисовывались на фоне океана.

В миле от берега с водой творилось нечто странное. Казалось, что там начинается шторм, однако на совсем небольшом участке, радиусом всего лишь в несколько сот метров. Там рождались высокие, как горы, волны, сшибались и уничтожали друг друга. Скоро зыбь достигла берега, но центр замкнутого шторма оставался все там же. Лоре представилось: какой-то огромный невидимый палец невидимой руки опустил с неба и помещивает море.

И вдруг что-то изменилось. Теперь волны больше не сталкивались, они шагали в ногу, двигаясь по кругу все быстрее и быстрее. Из моря родился водяной конус. С каждой секундой он становился все выше и тоньше. Вот он вырос уже метров на тридцать и все тянется вверх. Сердитый рев этого новорожденного младенца сотрясал воздух, вселяя ужас в сердца всех, кто его слышал. Всех, кроме маленькой группы людей, вызвавших к жизни это чудовище из глубин и теперь глядевших на него со спокойной уверенностью. Огромные волны разбивались уже почти у их ног, но они не обращали на них внимания.

А крутящийся водяной столб между тем пробил тучи, как стрела, направленная в космос. Его покрытая пеной вершина исчезла, и с неба обрушились потоки дождя. Капли были крупные, как перед грозой. Верно, не вся вода, устремившаяся вверх, достигала цели, часть ее, избежав действия силы, управлявшей смерчем, низвергалась с границы космоса.

Толпа зрителей стала медленно расходиться. Удивление и испуг улеглись, талассцы просто приняли к сведению случившееся. Люди научились управлять силой тяжести полтысячи лет назад, и этот фокус — как бы эффектен он ни был — не шел ни в какое сравнение с таким чудом, как полет огромного звездолета от солнца к солнцу с субсветовой скоростью.

Земляне уже возвращались к своему сооружению, явно довольные тем, что сделали. Даже на таком расстоянии можно было прочесть удовлетворение и спокойствие на их лицах — быть может, впервые с тех пор, как они высадились на Талассе. Вода для нового щита «Магеллана» была на пути в космос, а там иные силы, покорные слуги этих людей, превратят ее в лед, придав нужную форму. Через несколько дней они полностью подготовятся к дальнейшему полету, а их огромный межзвездный ковчег будет как новенький.

До сих пор Лора тайне надеялась, что землян постигнет неудача. Но сейчас, когда искусственный смерч поднялся из моря на ее глазах, от надежды не осталось и следа. Она не отводила глаз от водяного столба — он слег-

ка покачивался, основание его перемещалось то вперед, то назад, словно подчиняясь действию невидимых могущественных сил. Но силы эти управлялись людьми, которые непременно выполняют то, что задумали. Для Лоры это значило только одно: скоро она скажет Леону «прощай».

Она медленно направилась к группе землян, пытаясь привести в порядок свои мысли и овладеть чувствами. Увидев Лору, Леон отделился от друзей и пошел навстречу девушке. У него было лицо человека, испытывающего радость и облегчение, но радость быстро померкла, когда он разглядел лицо Лоры.

— Итак, — сказал он виновато, как уличенный в озорстве школьник, — мы это сделали.

— И теперь скоро... Сколько еще вы здесь пробудете?

Он нервно водил носком ботинка по песку, боясь встретиться с ней взглядом.

— Дня три, может быть, четыре.

Лора старалась спокойно принять его слова. Ведь она ждала этого — ничего нового она не услышала. Но не смогла, хорошо еще, что рядом с ними никого не было.

— Ты не должен улетать! — закричала она в отчаянии. — Останься здесь, на Талассе!

Леон нежно взял ее руки в свои и тихо заговорил:

— Нет, Лора, это не мой мир. Я никогда не сживусь с ним. Половина моей жизни ушла на подготовку к тому, что я сейчас делаю. Здесь, где нет больше неосвоенных просторов, я никогда не смогу быть счастливым. Через месяц умру со скуки.

— Тогда возьми меня с собой!

— Неужели ты говоришь это серьезно?

— Да, серьезно.

— Тебе только так кажется. В моем мире ты будешь чувствовать себя еще более чуждой, чем я в твоём.

— Я научусь, я смогу многое сделать. Только бы быть вместе с тобой.

Он положил ей руки на плечи и, глядя в ее глаза, читал в них искреннюю скорбь. «Да, она верит в то, что говорит», — сказал себе Леон. Он не думал или не хотел

думать, как много значит для женщины чувство, гораздо больше, чем для мужчины.

Он совсем не хотел обидеть Лору. Он очень привязался к ней и был уверен, что будет всю жизнь вспоминать девушку с нежностью. Но теперь ему довелось узнать, как и многим мужчинам до него, что иногда не так-то легко сказать «прощай».

Оставалось только одно — лучше мгновенная боль, чем долгое страдание.

— Идем со мной, Лора, — сказал он. — Ты все увидишь сама.

Они молча направились к расчищенному участку леса, который служил землянам посадочной площадкой. Повсюду были разбросаны части и детали какого-то непонятного оборудования. Земляне упаковывали некоторые из них, другие откладывали, чтобы оставить талассцам. В тени пальм виднелось несколько антигравитационных скутеров. Они и в бездействии не соприкасались с почвой и висели в воздухе в нескольких сантиметрах над травой.

Леон прошел мимо скутеров и решительно зашагал к светящемуся мягким овалом летательному аппарату, возвышающемуся над участком. Он что-то сказал инженеру, стоявшему подле аппарата. Тот, по-видимому, возразил, но после короткого спора капитулировал.

— Он еще не полностью загружен, — объяснил Леон, помогая Лоре подняться по трапу. — Но мы все-таки полетим. Ведь через полчаса вернется второй подкидыш.

Лора очутилась в неведомом ей мире — в мире техники, которая поставила бы в тупик самых талантливых инженеров и ученых Талассы. На острове имелись все машины, необходимые для жизни в довольстве. Но то, что окружало ее сейчас, было за пределами постижимого для жителей Талассы. Лора видела однажды большую кибернетическую машину, которой фактически было вверено управление делами планеты. Предложенные ею решения приходилось отвергать, пожалуй, не чаще, чем один раз за жизнь целого поколения. Гигантский мозг был огромен и сложен, а машина землян отличалась устрашающей простотой, которая поразила даже далекий от тех-

ники ум Лоры. Леон сел перед смехотворно маленькой приборной панелью. Казалось, что руки молодого инженера лишь праздно касаются этой панели, он ничего как будто не сделал.

Но стены стали вдруг прозрачными, и Лора увидела под собой Талассу, которая становилась все меньше и меньше. Лора не чувствовала движения, не слышала никаких звуков, даже шороха, но остров таял у нее на глазах. Туманный горизонт — большой изгиб, отделявший голубизну моря от бархатистой черноты неба, — становился круче с каждой секундой.

— Посмотри, — сказал Леон, указывая на звезды.

Уже можно было разглядеть корабль, и Лора почувствовала разочарование от того, что он совсем невелик. Иллюминаторы сгруппировались лишь в центральной части, весь же остальной приземистый и угловатый корпус корабля казался сплошным.

Иллюзия длилась не более секунды. Затем на нее налетел вихрь новых ощущений и оглушил ее. Ей пришлось удостовериться, что собственные глаза обманули ее. То, что она видела, были не иллюминаторы — ведь до корабля оставалось еще много километров, а люки шлюзовых камер для приема подкидышей, поддерживавших сообщение между звездолетом и Талассой.

В космосе человека покидает чувство перспективы, на любом расстоянии все предметы имеют ясные и четкие очертания.

Даже когда они приблизились к корпусу корабля — изогнутой бесконечной стене из металла, заслонившей своей громадой звезды, — Лора ничего бы не могла сказать об истинных размерах звездолета. Ей показалось, что стена тянется километра на полтора.

Подкидыш пришвартовался к кораблю без всякого видимого участия Леона. Лора вышла за ним через маленькую рубку, где помещался пост управления. Тотчас же открылся воздушный шлюз, и она с удивлением обнаружила, что они движутся уже по проходу в корпусе самого звездолета.

Это был длинный коридор круглого сечения, простиравшийся в обе стороны, насколько хватал глаз. Пол

двигался под ее ногами быстро и бесшумно; удивительно, что она не заметила, как ступила на эту бесконечную ленту транспортера, несшую ее теперь по кораблю, — ведь не было даже толчка. Эту загадку она не могла себе объяснить; впрочем, за время осмотра «Магеллана» Лора повидала еще немало чудес.

Прошло не меньше часа, прежде чем им попался на встречу кто-то из команды. За их спиной уже лежало много километров странствий по кораблю. Их то несли движущиеся коридоры, то поднимали вверх длинные трубы, в которых отсутствовала сила тяжести. Лора понимала, чего хочет Леон: он решил показать ей, как велик и сложен искусственный мир, созданный для того, чтобы нести к звездам зерна новой цивилизации.

Одно лишь машинное отделение с его спящими в своих кожных чудовищами из металла и хрусталя простиралось более чем на пятьсот метров. Когда они стояли на балконе, высоко над этой ареной дремлющей сейчас мощи, Леон гордо, хоть может и не совсем точно, сказал: «Это мои». Лора смотрела вниз на гигантские, непонятные ей конструкции, пронесшие Леона через световые годы, и не знала, благословлять ли ей их за то, чем они ее одарили, или, наоборот, проклинать за то, что вскоре отнимут.

Они быстро миновали большие, похожие на пещеры трюмы, заполненные машинами, аппаратами и припасами — все это понадобится потом, при освоении девственной планеты, чтобы сделать ее достойным пристанищем человека. На целые километры тянулись стеллажи с сокровищами земной культуры, они хранились запечатленными в магнитофонных записях и микрофильмах или в ином, еще более компактном виде. В хранилище Лора и Леон встретили группу экспертов с Талассы; они пребывали в некоторой растерянности, потому что никак не могли решить, что же именно из этих сокровищ им разграбить теперь, когда до отлета корабля осталось всего несколько часов.

Лора думала, были ли ее предки так же хорошо оснащены, когда совершали свое путешествие через космос. Вряд ли. Их корабль был куда меньше, да к тому же со

времени освоения Талассы земляне должны были приобрести большой опыт колонизации звездных миров. Когда спящие пассажиры «Магеллана» достигнут своей новой родины, они, конечно, добьются успеха, разумеется, если их дух и воля находятся на столь же высоком уровне, что и материальное оснащение корабля.

Вот они приблизились к большой белой двери, и она бесшумно растворилась перед ними. За дверью оказалось помещение, которое никак не вязалось с представлениями Лоры о космическом корабле. Это была гардеробная с вешалками, где висели одежды из густого меха. Леон помог Лоре облачиться в одно из этих одеяний, потом оделся и сам. Ничего не понимая, она последовала за ним к вделанному в пол кругу из матового стекла. Леон повернулся к ней и сказал:

— Там, куда мы сейчас попадем, нет силы тяжести. Держись ближе ко мне и в точности делай все, что я скажу.

Хрустальная крышка люка приподнялась, как стекло на циферблате часов, и из глубины потянуло таким холодом, какого Лора даже представить себе не могла и, разумеется, никогда не испытывала. В ледяном воздухе вокруг них, клубясь, как призраки, затанцевали облачка пара. Она взглянула на Леона, словно спрашивая: «Неужели ты хочешь, чтобы я пошла туда?»

Он успокаивающе взял Лору за руку и сказал:

— Не тревожься, через несколько минут ты привыкнешь к холоду. Я спущусь первым.

Трап поглотил его. Чуть поколебавшись, Лора спустилась вслед за ним. Спустилась? Нет, сказать так было бы неправильно; понятия «вверх» и «вниз» здесь не существовали. Здесь царила невесомость, и Лора свободно парила в этом холодном белоснежном мире. Куда ни глянь, блестели стеклянные соты — тысячи и десятки тысяч шестиугольных ячеек, оплетенных трубками и проводами. Каждая ячейка могла вместить человеческое тело.

И так оно и было. Вокруг спали тысячи колонистов, для которых Земля все еще оставалась воспоминанием о

вчера. О чем грезили они, отмерив менее половины своего трехсотлетнего сна? Да и могли ли грезить в этой туманной ничьей стране, между жизнью и смертью?

Вдоль рядов сот тянулись узкие бесконечные ленты с прикрепленными примерно через каждый метр скобами. Леон ухватился за одну из них и быстро поплыл вместе с Лорой мимо огромной мозаики из шестиугольников. Дважды они меняли ленты, а с ними и направление, пока не оказались метрах в пятистах от точки, с которой начали осмотр.

Леон отпустил поручень, и они повисли в воздухе рядом с ячейкой, ничем не отличавшейся от множества других. Но, увидев лицо Леона, Лора поняла, зачем он привел ее сюда, и почувствовала, что проиграла сражение.

Черты женщины, парившей в хрустальном гробу, не были прекрасными, но отражали решительность и ум. Вековой сон не стер с этого лица выражения энергии и находчивости. Это было лицо первооткрывателя, подруги, способной стать рядом с мужем и вместе с ним сражаться тем сказочным оружием, которое наука вложила в руки, за создание новой Земли среди звезд.

Не замечая холода, Лора долго вглядывалась в спящую соперницу, которая никогда не узнает о ее существовании. Неужто за всю историю мира когда-нибудь еще существовала любовь, — закончившаяся в столь странном месте, думала она.

Наконец Лора заговорила вполголоса, словно боясь потревожить спящих:

— Твоя жена?

Леон кивнул:

— Мне очень жаль, Лора. Я не хотел причинить тебе боль.

— Теперь это уже неважно. Я сама виновата.

Она помолчала и, всмотревшись еще пристальнее в спящую, спросила:

— Ты будешь отцом?

— Да, он родится через три месяца после посадки.

Как трудно представить себе беременность, которая продлится девять месяцев и триста лет! Что ж, в том мире,

где, как теперь поняла Лора, для нее не оставалось места, все возможно.

Эти терпеливые сонмы спящих будут сниться ей всю жизнь. Когда люк наконец закрылся за Лорой и тепло вернулось в тело, она от всей души пожелала, чтобы холод, сковавший сердце, отпустил его так же быстро. Быть может, со временем так и будет. Но до этого пройдет много дней и одиноких ночей.

Она не запомнила обратный путь через лабиринт коридоров и гулких помещений и удивилась, очутившись снова в каюте маленького подкидыша, который доставил их с Талассы. Леон подошел к приборной панели, что-то подрегулировал, но садиться не стал.

— Прощай, Лора, — сказал он. — Моя работа на Талассе закончена. Будет лучше, если я останусь здесь.

Он взял ее руки в свои. В эти последние минуты, когда они еще были вместе, она ничего не могла сказать и даже не видела его лица — слезы застилали ей глаза.

Он сжал ее руки и отпустил. Потом она услышала сдавленное рыдание. А когда наконец смогла видеть что-нибудь, какота была уже пуста.

Через какое-то время бесстрастный механический голос сказал ей с приборной панели:

— Посадка произведена. Выходить через передний воздушный шлюз.

Открывающиеся двери указывали ей путь, и вскоре она очутилась на том самом расчищенном участке леса, откуда стартовал подкидыш. Ей показалось, что с тех пор она прожила целую жизнь.

Несколько человек глядели на космический паром с таким напряженным интересом, будто он не садился здесь уже сотни раз до этого. Лора сперва не понимала, что это значит. Но тут прогремел голос Клайда:

— Где же он? С меня хватит!

В два прыжка он поднялся по трапу и грубо схватил ее за руку:

— Скажи ему: если он мужчина, пусть выйдет!

Лора печально покачала головой.

— Его здесь нет, — ответила она. — Я с ним попросилась. И больше никогда не увижу.

Клайд недоверчиво уставился на нее, но потом понял — она говорит правду. И тут же Лора приникла к нему, рыдая так, словно у нее разрывалось сердце. Гнев его мгновенно утих, и все слова, которые он хотел сказать ей, куда-то исчезли. Она снова принадлежала ему. Все остальное не имело теперь никакого значения.

Целых пятьдесят часов с ревом бил в небо гейзер из океана, покрывавшего Талассу, пока не закончил свою работу. Весь остров следил у экранов телевизоров, как формировался айсберг, который полетит к звездам впереди «Магеллана». Пусть новый щит послужит вам лучше, чем тот, который сопровождал звездолет с Земли, — единодушно желали космонавтам зрители. На те несколько часов, которые звездолет проведет вблизи жаркого солнца Талассы, огромный ледяной конус еще прикрыли экраном из тонкого, как бумага, полированного металла. Этот зонтик от солнца выбросят, как только начнется путешествие: в межзвездных пустынях он не понадобится.

Последний день пришел и ушел. Когда солнце зашло, земляне стали прощаться с миром Талассы. Они никогда его не забудут, хотя их спящие друзья никогда о нем не вспомнят. Лора была не единственной, кого охватила скорбь. В том же быстротечном молчании, в каком появился впервые, блестящий овал поднялся вверх, на мгновение снизился над селением в знак приветия и снова взмыл ввысь, в свою стихию. А Таласса ждала.

Беззвучный световой взрыв пропорол ночную тьму. Пульсирующее сияние светящейся точки, казавшейся не больше звезды, прогнало все воинство небесное, заставило померкнуть бледный диск Селены и отбросило на землю резко очерченные тени. Жители Талассы увидели, что они движутся. Там, на границе космоса, горели огни, зажженные той же силой, которая заставляет сверкать солнца. Они готовились унести звездолет в безмерное пространство, где пролегал последний участок его прерванного пути.

Лора с сухими глазами следила за этим молчаливым триумфом человека, унесшим к звездам половину ее сердца. Она ничего больше не ощущала. Если у нее еще остались слезы, она заплачет потом.

Заснул ли уже Леон или смотрит на Талассу и думает о том, что могло быть? Спит или бодрствует — какое это имеет теперь значение?..

Она почувствовала, как смыкаются вокруг нее руки Клайда, и была рада этой защите от пустоты космоса. Она принадлежит своему миру и больше не изменит ему.

Прощай, Леон. Будь счастлив в том мире, который ты и твои дети завоюют для человечества. Но думай иногда обо мне, оставшейся в двухстах годах от тебя на пути к Земле.

Она отвернулась от ярко освещенного неба и уткнулась лицом в обнимавшие ее руки Клайда. Он гладил ее волосы с неуклюжей нежностью, искал слова утешения и в то же время понимал, что лучше всего молчать. Он не испытывал чувства победителя. Лора снова принадлежала ему, но их прежняя невинная дружба навсегда ушла в прошлое. Клайд знал, что всю его жизнь между ним и Лорой будет стоять призрак Леона — призрак человека, который не состарится ни на один день к тому времени, когда оба они будут лежать в могиле.

Свет на небе стал меркнуть — ярость двигателей звездолета слабела по мере того, как они уносили его все дальше по пустынному пути, с которого не было возврата. Лора только один раз отвернулась от Клайда, чтобы взглянуть на удаляющийся корабль. Путешествие его еще только начиналось, но он уже несся по небу быстрее любого метеора. Пройдет еще несколько мгновений, и он окажется за горизонтом, потом выйдет за пределы орбиты Талассы, минует пустынные внешние планеты и ринется в бездну.

Она отчаянно вцепилась в сильные руки, обнимавшие ее, и почувствовала щекой, как бьется сердце Клайда — сердце, снова принадлежащее ей. Никогда больше она не отвернется от него. Молчание ночи вдруг нарушил глубокий вздох, вырвавшийся из груди тысяч зрителей, и она поняла, что «Магеллан» исчез из виду, оказавшись за краем света. Все кончено.

Она взглянула на опустевшее небо, где вновь сияли звезды. Никогда больше она не сможет смотреть на них, без того чтобы не вспомнить о Леоне. Но он был прав:

этот путь не для нее. Теперь она поняла с мудростью, несвойственной ее возрасту, что корабль «Магеллан» устремился в историю, а Таласса уже сыграла в ней свою роль. История ее мира началась и кончилась с пионерами, прибывшими сюда триста лет назад, колонисты же «Магеллана» пойдут к новым победам и достижениям, не уступающим самым великим из тех, что записаны в летописях человечества, Леон и его товарищи станут перемещать моря, срывать горы и побеждать неведомые опасности в то время, когда ее потомки в восьмом колене все еще будут грезить под напоенными солнцем пальмами.

А кто скажет, что лучше?

Содержание

От издательства	5
Сказки «Белого оленя», рассказы	
Предисловие	9
Тише, пожалуйста, <i>перевод А. Новикова</i>	12
Охота на крупную дичь, <i>перевод В. Голанта</i>	26
Патентная заявка, <i>перевод А. Новикова</i>	34
Гонка вооружений, <i>перевод А. Новикова</i>	47
Критическая масса, <i>перевод А. Новикова</i>	56
Абсолютная мелодия, <i>перевод В. Голанта</i>	64
Пацифист, <i>перевод А. Новикова</i>	73
Соседи, <i>перевод А. Новикова</i>	85
Движущая сила, <i>перевод В. Голанта</i>	96
Человек, который вспахал море, <i>перевод А. Новикова</i>	112
Строптивая орхидея, <i>перевод А. Новикова</i>	132
Холодная война, <i>перевод А. Новикова</i>	143
Что взлетает вверх..., <i>перевод А. Новикова</i>	152
Спящий красавец, <i>перевод А. Новикова</i>	165
Да будет свет! <i>перевод А. Новикова</i>	177
Дефенестрация Эрминтруды Инч, <i>перевод А. Новикова</i>	180

По ту сторону неба, рассказы	
Девять миллиардов имен Бога, <i>перевод Л. Жданова</i>	189
Беглец, <i>перевод А. Новикова</i>	197
По ту сторону неба, <i>перевод Л. Жданова</i>	212
Специальный груз	
Пернатый друг	
Сделайте глубокий вдох	
Космическая свобода	
Случайная встреча	
Зов звезд	
Стена мрака, <i>перевод Л. Жданова</i>	234
Из контрразведки, <i>перевод Л. Жданова</i>	255
Завтра не наступит, <i>перевод А. Новикова</i>	261
Бросок на Луну, <i>перевод Л. Жданова</i>	269
На старт	
Робин Гуд, член Королевского общества	
Зеленые пальцы	
Не все, что блестит	
Феерическое зрелище	
Коварный параграф	
Рекламная кампания, <i>перевод А. Новикова</i>	296
Все время мира, <i>перевод А. Новикова</i>	301
Космический Казанова, <i>перевод А. Новикова</i>	315
Звезда, <i>перевод Л. Жданова</i>	323
Из солнечного чрева, <i>перевод Л. Жданова</i>	330
Мимолетность, <i>перевод А. Новикова</i>	339
Песни далекой Земли, <i>перевод В. Голанта</i>	346

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА
Собрание фантастических произведений

ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА

Составитель *Д. Смушкович*
Редакторы *А. Александрова, Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

ЛР № 065224 от 17.06.97.

Подписано в печать 28.05.98. Формат 84×108¹/₃₂.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 20,16. Тираж 7000 экз. Заказ № 2789.

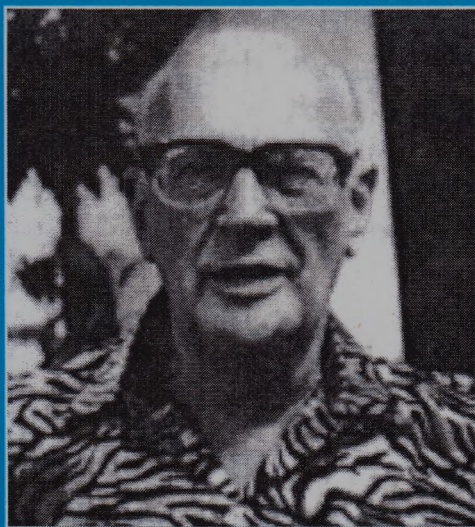
ООО издательство «Полярис»

101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

СКАЗКИ «БЕЛОГО ОЛЕНЯ»

В обычном английском пабе, примечательном разве что расположением близ нескольких лондонских колледжей, собираются каждый вечер ученые и писатели-фантасты, а вместе с ними — еще много всяческой публики. И порой в стенах «Белого оленя» звучат поразительные, до жути правдоподобные истории Гарри Парвиса...

ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА

Лучшие рассказы последнего из живущих членов «большой тройки» фантастов сошлись в этом авторском сборнике. Рабочие орбитальных станций и ученые, пилоты звездолетов и обычные жулики находят место на страницах этой книги, по ту сторону привычного нам неба.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1998

МИРЫ АРТУРА КЛАРКА

ПО ТУ СТОРОНУ НЕБА